



ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Как бы пафосно это ни звучало, но без этой книги просто невозможно представить себе отечественную историографию. Времена меняются, появляются новые факты, проводятся исследования, историки обнаруживают в архивах ранее неизвестные документы. Но «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева была, есть и останется в числе главных книг, раскрывающих перед читателем события, происходившие в стране с V в. до н. э. и до середины XVIII в. Ни до, ни после Соловьева ни один историк не охватывал такого огромного временного промежутка.

Мысль написать «Историю России» возникла у Сергея Михайловича во второй половине 1840-х годов, еще до того как он начал преподавать в Московском университете; эта мысль укрепилась после того, как Соловьев был назначен профессором университета. Сам историк вспоминал, что ставил перед собой чисто практические задачи: «Выучиться самому, чтобы быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университетский курс русской истории и дать средство другим основательно знать свою историю».

Со временем идея трансформировалась в желание создать многотомный обобщающий труд, который охватывал бы историю русского народа в течение многих столетий. Идея, конечно, была хороша, но наверняка многие не верили, что ее удастся довести до логического завершения; можно с большой долей уверенности утверждать, что сомнения посещали и самого Сергея Михайловича.

Строго говоря, С. М. Соловьеву не удалось завершить свой труд. Первый том «Истории России с древнейших времен» увидел свет в 1851 году. Последний, ставший по счету 29-м и охватывавший события 1774 года, — в 1879-м, уже после смерти Сергея Михайловича (нужно отметить, что мы публикуем в нашем издании сокращенный вариант труда С. М. Соловьева).

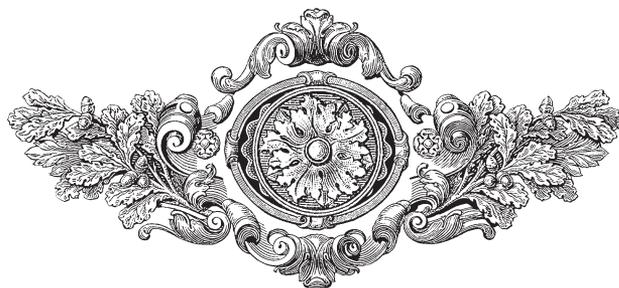
«История России с древнейших времен» задумывалась автором и как университетский курс, и как замена «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Несмотря на то, что карамзинская «История» фактически получила статус официальной, к середине XIX столетия она уже устарела. В своей работе Соловьев использовал кардинально отличающийся подход, чем его предшественник. «История государства Российского» — это долгое время бывшее классическим построение исторического повествование в зависимости от смены правителей и делавшихся ими завоеваний. Но карамзинская эпоха закончилась, и русская историография требовала нового подхода, общество и наука не имели труда, отвечавшего требованиям времени. Взвалить на себя общественный долг по созданию такого труда и решил Сергей Соловьев.

Важность государственного начала подчеркивалась и С. М. Соловьевым, однако он прежде всего обращал внимание на взаимосвязь преемственности правительственных форм и общества, народа в целом, его быта и духовных исканий. История, по Соловьеву, это не скачки от одного правителя к другому, а плавный переход от племен к княжествам, а от княжеской формы правления — к единому государству, управляемому из одного центра. Именно поэтому Сергей Михайлович ставил во главу угла органичность развития исторических процессов: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, перио-

ды, — писал он в предисловии к первому тому, — но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда».

Человеку непосвященному, незнакомому глубоко с работой историка, трудно себе представить, какой гигантский объем архивных документов необходимо обработать, чтобы написать хотя бы один том исторического труда, не говоря уже о 29. Фундамент источников «Истории России с древнейших времен» — громаден. Соловьев не просто изучал уже хорошо известные источники, он исследовал и вводил в исторический оборот новые документы. В определенной степени помогло Сергею Михайловичу специальное разрешение Александра II, который позволил ему разрабатывать архивные материалы, ранее считавшиеся секретными. Впрочем, несмотря на внимание императора к работе Соловьева, такого статуса, как в свое время был у Карамзина, он не получил.

Критиковали ли Соловьева и его труд? Конечно, и это абсолютно нормально. «История России с древнейших времен» это не икона, не высеченные в камне десять заповедей российской историографии. Но критиковать-то критиковали, а вот превзойти или хотя бы повторить его титаническую работу так, пожалуй, и не смогли. Почему? Наверное, ответ можно дать словами коллеги Сергея Михайловича, историка, академика Владимира Ивановича Герье: «История» Соловьева есть национальная история: впервые исторический материал, необходимый для такого труда, был собран и исследован с надлежащей полнотой, с соблюдением строго научных приемов, применительно к требованиям современного исторического знания: источник всегда на первом плане, трезвая правда и объективная истина одни руководят пером автора. Монументальный труд Соловьева впервые схватил существенные черты и форму исторического развития нации. В натуре Соловьева глубоко коренились три великих инстинкта русского народа, без которых этот народ не имел бы истории, — его политический, религиозный и культурный инстинкты, выразившиеся в преданности государству, в привязанности к церкви и в потребности просвещения».





СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ. ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Биографический очерк П. В. Безобразова

ГЛАВА I

Детство. — Учение. — Студенческие годы.

5 мая 1820 года, в 11 часов вечера, накануне Вознесения, в тесной, плохо меблированной квартире священника Московского коммерческого училища Михаила Васильевича Соловьева родился сын Сергей, недоношенный, а потому слабый, хворый, целую неделю не открывавший глаз и не кричавший.

Из первых лет жизни Сергей Михайлович впоследствии с особенной любовью вспоминал о своей няньке Марье и даже приписывал ей большое влияние на образование своего характера. Это была невысокая худощавая старушка с очень приятным выразительным лицом, с добродушно-насмешливой улыбкой, очень набожная и притом всегда веселая, несмотря на множество злоключений, постигших ее в жизни.

Рассказы старушки, умевшей и в далеко не забавных приключениях находить забавную сторону, всегда отличались добродушным юмором и смешили ребенка. Занимали его сообщения о дальних странах, о Волге, рыбной ловле, больших фруктовых садах, о калмыках и киргизах, о похищении последними русских людей, об их страданиях в неволе и бегстве.

Своей няне Соловьев приписывал и религиозно-нравственное влияние. Начнет она рассказывать о каком-нибудь страшном приключении, о буре на море, о встрече с подозрительными людьми, мальчик в сильном волнении спрашивает ее: «И ты не испугалась, Марьюшка?» Ответ был всегда один: «А Бог-то, батюшка?» Впоследствии в трудных обстоятельствах жизни Сергей Михайлович нередко вспоминал слова няни: «А Бог-то?»

Сестер Сергея Михайловича, которые были значительно старше его по возрасту, отдали в пансион, и мальчик рос один. Одиночество способствовало, конечно, раннему развитию и любви к чтению. Научившись грамоте, он с жадностью набросился на книги и в них находил единственное развлечение. Читал он все без разбору и прежде всего романы, попадавшиеся ему под руку.

Однако его склонность к истории сказала уже в раннем детстве. Среди отцовских книг попала ему «Всеобщая история» Басалаева и увлекла его; он перечитывал ее много раз и особенно прельщался римской историей, с которой ему вскоре после этого удалось познакомиться подробнее в сочинении аббата Милота. В то же время Сережа увлекся Карамзиным и до 13 лет перечел его не меньше 12 раз. Не меньше исторических книг маленький мечтатель увлекался путешествиями, читая «Историю о странствиях» и «Всемирного путешественника».

По обычаю духовенства, Михаил Васильевич Соловьев записал своего восьмилетнего сына Сергея в духовное училище, с правом учиться дома и являться только на экзамены. Он сам учил мальчика Закону Божию и древним языкам, а для обучения другим предметам посылал его в коммерческое училище, где в те времена преподавание не отличалось большим блеском. Отец не имел времени аккуратно заниматься с сыном, а потому по большей части ограничивался тем, что приказывал выучить наизусть такие-то склонения и спряжения из латинской грамматики, и только раз или два в несколько недель успевал проверить познания своего сына.

Понятно, что мальчику, обладавшему пылкой фантазией, было очень тяжело механически, почти без всякого руководства заучивать латинские вокабулы, в то время как он постоянно жил в области мечты, вместе с Муцием Сцеволой клал руки на уголья или с Колумбом открывал Америку. Мальчик каждый день держал перед собой латинскую грамматику по несколько часов, но обыкновенно вкладывал в нее другую книгу, какой-нибудь роман, и результатом было то, что когда отец начинал спрашивать

Павел Владимирович Безобразов (1859—1918) — историк, специалист по изучению Византии, публицист, прозаик, переводчик; был женат на дочери С. М. Соловьева Марии Сергеевне. Здесь и далее, если не указано иначе, примечания редактора.

его, он отвечал плохо и совершенно неудовлетворительно сдавал экзамены в духовном училище.

Поездки в Петровский монастырь, где помещалось духовное училище, Сергей Михайлович причислял к самым бедственным событиям в своей отроческой жизни: неопрятный вид учеников, грязные и грубые до зверства учителя возбуждали сильное отвращение в мальчишке, привыкшем к домашней жизни. Один из учеников сделал однажды какую-то довольно невинную шалость, к нему подскочил преподаватель, вырвал у него целый клочок волос и торжественно положил их на стол. Такие сцены, естественно, вселяли в мальчика страх к духовному образованию, потому что он был немало наслышан о грубости семинарских нравов и вообще не чувствовал ни малейшей склонности к духовному званию. Под влиянием матери, принадлежавшей к светскому сословию, а также из-за неудовлетворительно сданных экзаменов М. В. Соловьев после некоторого колебания решил выписать сына из духовного звания.

В 13 лет Сергей поступил в третий класс Первой московской гимназии. Директором был Окулов, добрый и милый человек, очень любезный, славившийся в обществе своим искусством рассказывать анекдоты, и в то же время известный своим мотовством; он держал много пансионеров и не занимался делами, предоставляя их инспектору Белякову. Это был человек неглупый, распорядительный, но желчный и грубый, часто кричавший на учеников и бранившийся.

Порядок в младших классах, где было до ста учеников, оставлял желать много лучшего: на передней лавке ученики еще кое-что слушали, на средних разговаривали, на задних спали или играли в карты. Дисциплина установилась только с назначением попечителем Московского округа графа Строганова вместо князя Голицына, когда инспектором стал вместо Белякова учитель математики Погорельский — человек ловкий, деятельный, самолюбивый, желавший угодить попечителю и потому следивший за порядком. Он сменил учителей, не хотевших ничего знать, кроме учебника, или просто «без царя в голове».

Соловьев учился хорошо по всем предметам, кроме математики, к которой чувствовал природную антипатию, усилившуюся еще оттого, что в третьем классе был учителем некто Волков, большой педант и человек довольно грубый.

Однако летом Соловьев навестал упущенное, отец взял ему учителя и осенью он блистательно выдержал экзамен, так что перешел в четвертый класс первым учеником по всем предметам. Первым, кто подметил выдающиеся способности Соловьева, был Попов, преподававший русский язык и словесность, начиная с четвертого класса. Он умел возбудить в учениках охоту к занятиям, прекрасно разбирая классические произведения литературы и ученические сочинения и на этих разборах не только выучивал правильно писать, но и выявлял таланты, у кого они были.

На уроках логики и риторики Соловьев, заинтересованный предметом, не мог удержаться, чтобы не высказывать вслух своих мыслей. Попов не сердился на такое «неприличное» поведение, и беседа выходила очень живой и поучительной. Сочинения Соловьева своими достоинствами выделялись среди прочих ученических работ, хотя он часто уклонялся в сторону, не исполняя заданной темы — вместо описания памятника Минину и Пожарскому предавался историческим воспоминаниям и пренебрегал риторическими формами, считавшимися тогда обязательными. Попов журил ученика за отступления от риторики, но тем не менее

во время одной товарищеской беседы с учителем Красильниковым увлекся до того, что сказал ему: «Ведь Соловьев просто гений!» Красильников возразил на это: «Полно, полно, Павел Михайлович! Как это может быть; положим, что Соловьев — мальчик умный, с большими способностями, но может ли это быть, чтобы у нас в гимназии завелся гений?»

Хотя не все относились к Соловьеву с таким восторгом, как Попов, но все учителя признавали в нем большие способности и любили его за отличное учение и примерное поведение. Сергей Михайлович всегда с удовольствием вспоминал о времени, проведенном в гимназии; легко, весело ему было с узлом книг отправляться в школу, зная, что там встретит его ласковый прием; приятно было ему чувствовать, что он значит что-то; приятно было, войдя в класс, направлять шаги к первому месту, оставшемуся всегда за ним.

В 1838 году, восемнадцати лет, Соловьев был выпущен из гимназии первым учеником с обязанностью написать для акта рассуждение на тему «О необходимости изучения древних языков для успешного изучения языка отечественного», за которое получил серебряную медаль.

На лето Соловьев поселился в качестве учителя в деревне князя Михаила Николаевича Голицына, сына разорившегося аристократа, малообразованного и развратного помещика. Воспитанием детей занималась княгиня, отличавшаяся нетерпимым характером, — женщина ограниченная, капризная, сварливая. Молодому Соловьеву поручили обучение четырех детей и между прочими Дмитрия, мальчика до безобразия толстого, вялого физически и умственно, в 13 лет с трудом читавшего по-русски. В доме Голицыных не говорили иначе как по-французски, с презрением относились ко всему русскому, Соловьева называли *Mr. le Russe*, и юноша вынужден был доказывать, что он гордится этим прозвищем, что имя русского драгоценно для него, что ему лестно быть единственным русским в целом доме. Аристократическая семья произвела тяжкое впечатление на юношу, воспитанного в совсем другой среде, и осенью он отказался жить в доме Голицыных; но это лето оставило некоторый след в его жизни, — одна крайность вызывает другую, и Соловьев на время ударился в славянофильство или, лучше сказать, русофильство.

Осенью Соловьев поступил в университет на первое отделение философского факультета (теперешний историко-филологический). Ректором был в то время М. Т. Каченовский, известный историк-скептик, человек очень честный и всеми уважаемый. Читал он уже не русскую историю, как прежде, а славянские наречия, и на этом поприще как по старости лет (ему было 64 года), так и по недостаточному знакомству с предметом не мог оказать большой пользы студентам. Деканом факультета состоял И. И. Давыдов, ученый карьерист, смотревший на науку как на средство выслужиться, получать чины и ордена. Получив Станислава 1-й степени, он откровенно объявил, что высшие ордена производят удивительное впечатление: он чувствует себя нравственно лучше, выше с тех пор, как награжден звездой.

Давыдов читал студентам историю русской словесности, но не сообщал им ничего нового; курс его был хорошо известен из напечатанных им «Чтений о словесности». Но так как ему не хотелось повторять самого себя, то он читал вместо двух часов всего час и целый год, что называется, переливал из пустого в порожнее, поэтому студенты называли его курс «Нечто о ничем, или Теория красноречия».

Другим профессором русской словесности был Шевырев, пользовавшийся известностью в свое время, но также не понравившийся Соловьеву, потому что он на своих лекциях увлекался фразерством и риторикой. Шевырев при каждом удобном и неудобном случае говорил в самых напыщенных выражениях о гниении Запада, о превосходстве Востока, русского православного мира и прославлял Россию до такой степени, что лекции его среди студентов были прозваны «казенными».

Древним языкам обучали: Оболенский — человек знающий, но бездарный и полусумасшедший, над странными речами которого студенты постоянно смеялись; еще более бездарный Меншиков и немец Гофман, ведший обучение совершенно по-гимназически, занимавшийся исключительно грамматикой, при чтении авторов обращавший внимание не на содержание, а на форму.

В сороковых годах на философском факультете не преподавалась философия, и потому студенты ожидали общих идей и их развития преимущественно от профессоров словесности и истории. Но литература была плохо представлена, и больше всего извлек Соловьев из исторических лекций.

На первом курсе читал древнюю историю профессор Крюков, хотя и не самостоятельный, но даровитый ученый, хорошо знавший западную литературу и увлекавшийся Гегелем. Его блестящее и вместе с тем серьезное изложение увлекало слушателей, давало им не только много новых сведений, но и множество новых идей.

Среднюю и новую историю читал Грановский, тогда только что начинавший приобретать известность. Лекции его производили на Соловьева такое же обаятельное действие, как и вообще на всех студентов, хотя чисто внешне Грановский читал нехорошо, говорил тихо, требовал напряженного внимания, заикался, глотал слова. Но внешние недостатки исчезали перед внутренними достоинствами речи, перед внутренней теплотой и силой, дававшей жизнь историческим лицам и событиям. Соловьев сравнивал изложение Грановского с изящной картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры как живые действуют перед вами.

Благотворное влияние Грановского, заставившего Соловьева заняться всеобщей историей и полюбить ее, сказалось впоследствии в главном труде последнего — «История России с древнейших времен». Казалось бы, что Соловьев, избравший своей специальностью русскую историю, должен был больше всего научиться у того профессора, который посвятил себя той же специальности. На самом деле это было не так. На последних курсах русскую историю читал Погодин¹, приобретший уже тогда громкую известность и занимавший кафедру 15 лет. Он изучал почти исключительно древнейший период русской истории, главные его работы посвящены «варяжскому вопросу»; тем же самым он занимался в университете, и курс его был мало поучителен и еще меньше занимателен. Месяца два посвящал он славянским древностям, которые читал буквально по Шафарику²; затем переходил к подробному рассмотрению вопросов о достоверности русских летописей и о происхождении варяг-русичей, то есть сообщал то, что было им изложено в двух его диссертациях.

¹ Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — историк, коллекционер, журналист, публицист и писатель-беллетрист, издатель.

² Павел Йозеф Шафарик (1795—1861) — словацкий и чешский историк и славист, поэт, деятель национального возрождения.



Михаил Трофимович Каченовский.

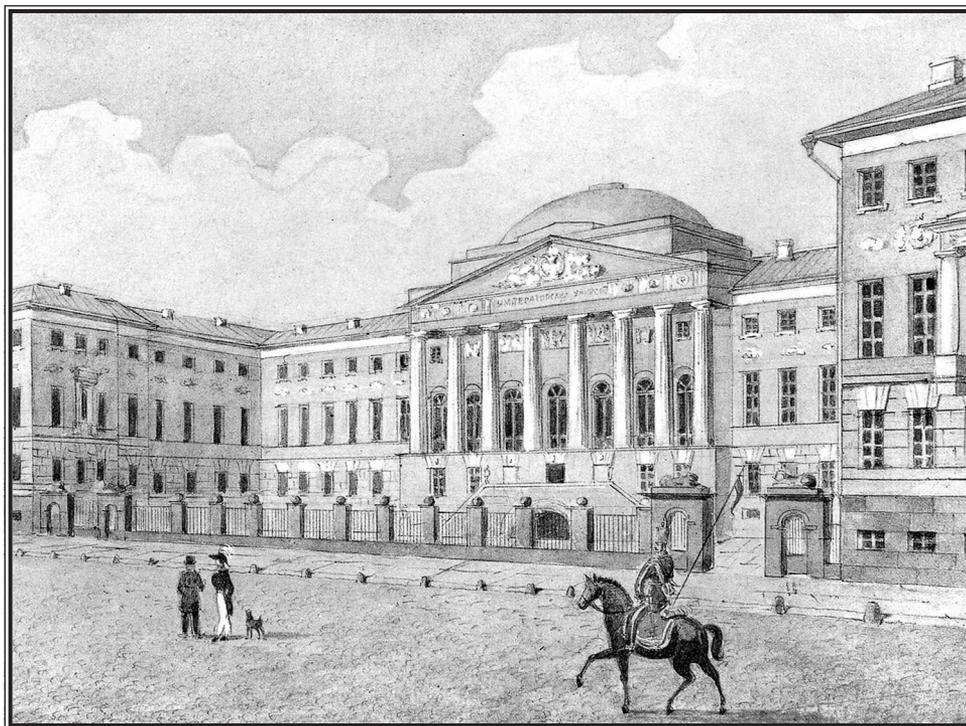
Гравюра из исторического журнала
«Русская старина». 1889 г.

В этом заключалась главная часть его курса, остальное время Погодин посвящал чтению Карамзина, безо всяких исторических пояснений, потому что не следил за наукой и не мог делать нужных дополнений по новым источникам. Он приносил с собой Карамзина и превращал лекцию истории в лекцию риторики, выбирая преимущественно красивые места. Погодин читал с восторгом описание Тамерлановых подвигов и требовал от слушателей, чтобы они также восторгались этим описанием, затем обращал внимание студентов на необыкновенное искусство, с которым Карамзин переходит от рассказа об одном событии к рассказу о другом. Главная его цель была при этом убедить слушателей, что русская история интересна, что она не хуже какой-нибудь другой, французской или английской.

Погодин останавливался там же, где остановился Карамзин, то есть на 1612 году. Таким образом, из его лекций слушатели могли основательно познакомиться только с «варяжским вопросом» да с некоторыми местами из «Истории государства Российского», которые легко было прочесть и без профессора; по книгам в то время нельзя было изучить русскую историю после Смутного времени, и этот существенный пробел не восполнялся курсом Погодина.

Значительная часть лекций посвящалась разговорам со студентами, и такие беседы могли бы быть очень полезны, если бы имели другой характер. Но Погодин ограничивался указаниями на то, чем следует заниматься, мог изложить историю сословий, историю отдельных княжеств и т. п., но самого главного, что требуется от профессора, он не говорил — как заниматься, как работать над источниками.

Он жаловался, что молодые люди самолюбивы, не хотят бескорыстно трудиться на стариков. «Ведь вот никто из них не пойдет к старому ученому дрова пилить», — выражался Погодин со свойственной ему откровенностью, разумея под этим, что никто не соглашается подыскивать ему нужные места в источниках, вообще заниматься подготовительной работой, которой он, Погодин, мог бы воспользоваться, сберегая таким образом свои силы и время.



Московский университет.

Литография. Первая половина XIX в.

Подобные беседы только смешили студентов и возбуждали антипатию к профессору. Университетская молодежь и так не питала к Погодину никакого уважения, он пользовался репутацией грубого до цинизма, самолюбивого и корыстолюбивого человека, — таким он и был на самом деле — умный и плутоватый мужик, по выражению академика Никитенко¹.

Понятно, что при таком составе профессоров наиболее плодотворным для Соловьева было занятие всеобщей историей. В то время в ней господствовало философское направление, и увлечение Гегелем было так сильно, что студенты постоянно выражались гегелевскими терминами. Это направление было полезно в том отношении, что заставляло студентов думать, не ограничиваться фактами, но делать широкие обобщения. Философия истории Гегеля произвела такое сильное впечатление на Соловьева, что он, правда на короткое время, увлекся протестантским учением и собирался сделаться философом и разрабатывать религиозные вопросы. Но скоро любовь к истории взяла верх, и Соловьев погрузился в чтение исторических книг, преимущественно европейских ученых — Гиббона, Вико, Сисмонди. На последнем курсе он больше всего занимался русской историей, самостоятельно работал с источниками, так как наша литература того времени отличалась бедностью. Кроме Карамзина, читать было почти нечего; Карамзина он изучил

еще в гимназии, да притом этот историк не удовлетворял даже студентов. Из сочинений по русской истории самое большее впечатление произвело на Соловьева «Древнейшее право руссов» Эверса², где он нашел указание на родовой быт у славян, чем впоследствии воспользовался в создании своей теории.

Погодин обратил внимание на Соловьева, когда тот подал ему сочинение о первых веках русской истории, в котором опроверг несколько положений профессора. Однажды с кафедры он обратился с таким воззванием: «Господин Соловьев, зайдите как-нибудь ко мне!» Студент, конечно, отозвался на такое любезное приглашение наставника и стал ходить к нему в гости, но не часто, потому что приглашение получил уже во втором полугодии, перед окончанием курса. Погодин любезно принимал Соловьева, предоставил ему возможность пользоваться своим знаменитым древлехранилищем, богатым рукописями, которое, кстати сказать, он впоследствии продал публичной библиотеке за 150 тысяч рублей. Но работы своего слушателя Погодин так и не разобрал и ограничился замечанием: «Я хотел было с вами потолковать о вашем сочинении, но куда-то его запрятал, так что отыскать не могу».

В то же время Соловьев подал Крюкову сочинение по египетской истории, и работа эта так понравилась профессору, что он однажды громко объявил в присутствии других студентов: «Господин Соловьев, я ношу ваше сочи-

¹ Александр Васильевич Никитенко (1805—1877) — историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета, действительный член Академии наук; автор мемуаров, которые являются важным источником о литературной и общественной жизни середины XIX в.

² Иоганн Филипп Густав фон Эверс (1781—1830) — немецкий и российский историк и юрист, ректор Императорского Дерптского университета, почетный член Петербургской академии наук.

нение в кармане, не могу с ним расстаться!» На этом основании Крюков довольно настойчиво предлагал Соловьеву заняться древностями, но последний отказался, так как не чувствовал влечения к латинской грамматике и вообще филологии, изучение которой сопряжено было с изучением древней истории. Соловьев окончательно решил посвятить себя русской истории.

Выпускные экзамены Соловьев сдал, как всегда, блистательно и получил одобрение даже Погодина. Обращаясь к начальству, присутствовавшему на экзамене, профессор сказал: «Рекомендую господина Соловьева — это лучший студент курса по русской истории, один из лучших во все продолжение моей профессорской службы; не скажу — лучший из всех: были прежде и другие такие же».

ГЛАВА II

*Заграничное путешествие. — Магистерский экзамен. —
Диссертации на степень магистра и доктора истории. —
Профессорская деятельность.*

В то время, когда Соловьев находился в старших классах гимназии и потом в университете, попечителем Московского учебного округа был граф Сергей Григорьевич Строганов. Он уважал науку, любил литературу и выше всего ставил в человеке талант, трудолюбие, честность, прямоту, благородство и строгое исполнение своих обязанностей. Он не любил давать места по протекции, и притом к Строганову с рекомендательным письмом от знатной дамы или знатного господина значило навсегда погубить себя в его мнении и никогда не получить места. Он доверял людям хотя и незнатным, но знающим и понимающим.

«После двухлетнего гнета под ферулой Д. П. Голохвастова (помощника попечителя), — рассказывает Буслаев¹ в своих воспоминаниях, — мы, студенты 1834 года, могли вполне оценить и радостно почувствовать на себе самих благотворную силу обновления во всем строе университетской жизни. Предшественник графа Строганова, князь Сергей Михайлович Голицын, знаменитый первый вельможа в Москве, был человек решительно добрый и благотворительный, но — странное дело — ровно ничего для университета не делал, а вполне предоставлял Голохвастову делать все что угодно. Он даже вовсе и не любил университета и при нас в течение двух лет ни разу не был в аудиториях на лекции; только однажды посетил он нашу казенную столовую во время обеда, прошелся взад и вперед между столами и закинув голову смотрел по верхам в потолок, на студентов же вовсе ни на кого и не взглянул.

Граф же Строганов чуть не каждый день посещал лекции профессоров и внимательно слушал каждую с начала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременным выходом из аудитории, а во время переходных и выпускных экзаменов любил знакомиться с успехами и способностями экзаменуемых студентов и с особенным вниманием и участием следил за теми из них, которые были уже у него на примете по дарованиям и прилежанию».

Строганов застал в университете множество профессоров бездарных, отсталых, с нелепыми выходками и привычками, подвергавшихся вследствие этого насмешкам студентов. Молодых людей, в которых попечитель усматривал особенное дарование и трудолюбие, он отправлял учиться за границу и таким образом обновил Московский университет. К этим молодым ученым принадлежали наиболее

видные представители сороковых годов: Грановский, Крюков, Кавелин, Буслаев. Погодина же, Шевырева и Давыдова Строганов не любил за их нравственную неопрятность, но терпел в университете, потому что заменить их было нечем: для изучения русской истории и словесности молодежь не посылали за границу. Пользуясь враждой между попечителем и министром народного просвещения Уваровым, Погодин, Шевырев и компания старались заручиться покровительством министра, и старания их увенчались успехом.

Соловьева Строганов заметил еще в гимназии и в университете начал покровительствовать ему, предугадав, что этим талантливым юношей в будущем можно будет заместить неприятного ему Погодина.

Отвергнув предложение Крюкова и занявшись преимущественно русской историей, Соловьев не имел никакой надежды быть посланным за границу за казенный счет. Между тем он считал для себя очень важным поучиться у европейских профессоров, но не мог сделать это на свои средства. Поэтому он очень обрадовался, когда по рекомендации попечителя получил предложение занять место домашнего учителя в доме его брата, графа Александра Григорьевича Строганова, проживавшего тогда за границей.

Летом 1842 года Соловьев отправился в Теплиц, где находились Строгановы, но по дороге остановился на короткое время в Берлине и прослушал здесь несколько лекций знаменитых ученых: философа Шеллинга, великолепного старца с орлиным взглядом, производившего большое впечатление торжественностью своей речи; церковного историка Неандера, пользовавшегося громкой известностью; патриарха новой истории Ранке, а также Раумера, географа Риттера. Соловьеву необходимо было спешить в Теплиц, и несколько берлинских лекций не могли принести ему большой пользы: он прослушал их из любопытства, желая посмотреть на знаменитых людей.

В Теплице Соловьев познакомился с семейством Строгановых, в котором ему пришлось прожить больше года и которое ему не понравилось. По рождению, воспитанию и образованию у него не было ничего общего с графом Александром Григорьевичем, опальным министром внутренних дел, и легкомысленной графиней, увлекавшейся католицизмом и иезуитами. Но хотя Соловьев и не мог сдружиться со Строгановыми, жизнью своей он был вполне доволен, потому что пользовался большой свободой.

Из Теплица Строгановы после приезда нового учителя переехали в Париж, и здесь Соловьеву приходилось только учить двенадцатилетнего графа Виктора Александровича,

¹ Федор Иванович Буслаев (1818—1897) — лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, родоначальник изучения русской народной словесности; действительный член Петербургской Академии наук.



Константин Дмитриевич Кавелин.
Гравюра из альбома «*Портретная галерея русских деятелей*». 1864–1869 гг.

при котором состоял француз-губернер. Занятия проходили по утрам, не более трех часов в день, и затем Соловьев мог делать все что ему было угодно. Позавтракав, он отправлялся в Королевскую библиотеку, работал там до трех часов, потом возвращался домой, писал до обеда, то есть до шести часов, а вечером читал новые книги и журналы.

Не имея возможности работать над русской историей по недостатку книг, он занимался всеобщей историей, преимущественно славянской. Уже тогда в голове Соловьева зарождались общие исторические теории, касавшиеся жизни всех народов; он задумывал сочинение, в котором хотел объяснить главнейшие явления в истории человечества отношением дружины к родовой общине, антагонизмом между замкнутым родом и выделившейся из него группой людей. С этой целью он изучал историю древних и новых народов, семитические племена и славяне являлись, казалось ему, представителями родового начала, а греки — представителями дружинного; в борьбе патрицев и плебеев он видел борьбу родового и дружинного начал.

По воскресеньям Соловьев отдыхал, всегда ходил в русскую церковь, после обедни отправлялся вместе с Сажиным, губернатором князя Гагарина, осматривать Париж, обедал в ресторане, вечером посещал театры, смотрел знаменитую Рашель, предпочитая, впрочем, комическую оперу и водевиль, где можно было посмеяться.

Соловьев не ограничивался занятиями в библиотеке, но посещал также университетские курсы в Сорбонне и Коллеж де Франс, на которые по французскому обычаю допускалась любознательная публика. Французское преподавание и парижские профессора не понравились Соловьеву.

Как в публичном преподавании Соловьев не хотел видеть хорошей стороны, так и к французским профессорам он относился отрицательно, отчасти потому, что в то время увлекался ложным патриотизмом и заразился несколько славянофильским духом. Из известных в то время историков

Соловьев слушал Мишле и Ленормана, но обоими остался неудовлетворен.

Гораздо снисходительнее Соловьев относился к филологам и профессорам литературы. Сен-Марка Жирардена он слушал с наслаждением и вполне оценил его глубокий критический ум.

Лето 1843 года Строгановы собирались провести на богемских водах, а так как для Соловьева не хватило места в их карете, он отправился туда один и, воспользовавшись случаем, осмотрел по дороге Страсбург, Штутгарт, Мюнхен и Регенсбург. Приехав в Карлсбад, он узнал, что Строгановы будут еще не скоро, и поехал в Прагу, где познакомился с известными славянскими учеными Ганкой, Палацким и Шафариком, а также с кружком властителей (патриотов), мечтавших об освобождении Чехии из-под власти Австрии.

Этот кружок молодых людей, добродушных и нравственно чистых, служивших идее и живших исключительно мечтой, хотя они и отличались наивностью, произвел очень приятное впечатление на Соловьева. Так, например, один властитель-гравер показывал с восторгом свою только что оконченную работу: здесь был изображен орел, которого ухватил за шею лев. Лев — это символ Чехии, которого властители противопоставляли орлу, изображенному на австрийском гербе.

Зиму 1843/44 года Соловьев вновь прожил в Париже у Строгановых, часть следующего лета провел в Гейдельберге, где слушал лекции историков Рау и Шлоссера; а конец лета — опять у Строгановых на богемских водах; осенью 1844 года он возвратился в Москву, где надеялся получить кафедру.

Во все время своего заграничного путешествия Соловьев не прекращал переписки со своим учителем Погодиным. Веря в расположение московского профессора, он сообщал ему о ходе своих занятий и даже обращался к нему за советом. Весной 1844 года Строгановы уговаривали Соловьева остаться у них еще на год, но он находил это для себя бесполезным, потому что за границей невозможно было заниматься русской историей, а ему хотелось поскорее выдержать экзамен на магистра и получить кафедру. Поэтому он написал Погодину с просьбой сообщить, что происходит в Московском университете и на что он может рассчитывать.

Ответ не заставил себя ждать, но отличался двусмысленностью. Погодин горячо благодарил Соловьева за оказанное ему доверие, к чему он очевидно не привык, сообщал, что он оставил кафедру, думает ехать в Швецию заниматься «варяжским» периодом, в Южную Сибирь — для занятия «монгольским» периодом; что, с одной стороны, Соловьеву нужно было бы возвратиться в Россию для занятия русской историей, но, с другой стороны, пожить подольше за границей было бы ему также очень полезно, что во всяком случае он может рассчитывать на место адъюнкта при университете. Письмо это удивило Соловьева своей странностью, потому что он в то время еще не понял характера Погодина и не знал, что делалось в Москве.

Авторитет Погодина сильно пошатнулся в сороковых годах, попечитель не благоволил к нему, и, следуя своему грубому и неуживчивому характеру, он находился во вражде с молодыми профессорами, так называемыми западниками. Погодин был столько же публицистом, сколько ученым: он издавал журнал «Москвитянин», орган православно-русского направления, по выражению его биографа г-на Барсукова.

Понятно, что такое направление пришлось не по сердцу молодым профессорам, гордившимся своим европейским образованием, не нравились им и грубые манеры Погодина. Последний не стеснялся, называл молодых профессоров «немцами», громогласно говорил, что онемеченный русский гораздо хуже, вреднее для России, чем немец, что от посылки русских ученых за границу происходит страшное зло для университетов. Погодин доходил до того, что западников, и среди них людей весьма почтенных, называл подлецами и негодяями. Вражда разгорелась особенно сильно в конце 1843 года, когда глава западников Грановский открыл в университете публичный курс по истории Средних веков и его талантливые лекции снискали большой успех у публики.

Хотя «Москвитянин» старался уничтожить Грановского и западников, они все-таки были в большинстве, пользовались покровительством попечителя и симпатиями студенчества. Поэтому Погодин подал в феврале 1844 года прошение об отставке из-за расстроенного здоровья, но при этом заявил Строганову, что если здоровье его в продолжение одного или двух лет восстановится, то он почитет священной своей обязанностью поступить вновь в преподаватели университета, если это угодно будет начальству.

Погодин надеялся, что министр попросит его отдохнуть и не оставлять университет, но, вопреки его надеждам, отставка была принята и профессор негодовал на самого себя за такой неосмотрительный шаг.

В преемники по кафедре Погодин наметил себе молодых ученых менее талантливых, чем Соловьев, и притом таких, которые не намеревались посвятить себя исключительно русской истории. Одним из этих кандидатов был Григорьев, занимавший кафедру восточных языков в Ришельевском лицее в Одессе. В то время когда Соловьев проводил вторую зиму в Париже и рассчитывал на благорасположение своего профессора, Погодин убеждал Григорьева сделаться его преемником. Григорьев вполне сознавал, что он не подготовлен для этой кафедры и решительно отказывался; Погодин долго убеждал его. «Приготовляйтесь к лекциям со дня на день», — писал Погодин Григорьеву. — Попечитель остановился теперь на Соловьеве, кандидате, который должен воротиться из путешествия; малый он хороший, с душой, но, кажется, слишком молод.

В ответе на это письмо читаем следующие удивительные строки: «Если в Соловьеве один недостаток — молодость, так беда невелика; по-моему: молод да умен — два угодья в нем. Беда не в молодости его, а, как я слышал, в том, что рано он хитрить начал и не годится для кафедры русской истории не по уму и не по сведениям, а по недостатку нравственного достоинства, но этого Строганов не понимает». Все знавшие Соловьева единогласно подтверждают, что скорее у него можно было отнять ум и талант, чем нравственное достоинство. От кого Григорьев слышал подобную клевету? Он не знал Соловьева лично, потому что с 1838 года находился в Одессе. Не шла ли эта клевета из Москвы?

По возвращении из-за границы Соловьев очутился в довольно неловком положении. Статья его о Парижском университете пришлась по вкусу Погодину и была напечатана им в «Москвитянине», но именно по этой причине не могла понравиться западникам. Неприятно действовало отрицательное отношение к Парижскому университету, а так как Соловьев ничего другого не печатал о своем заграничном путешествии, можно было думать, что он вообще относится

пренебрежительно к европейской науке, чего на самом деле не было.

Соловьев увлекался русофильством главным образом потому, что в высших сферах, с которыми пришлось ему столкнуться в ту пору, когда он далеко еще не созрел, господствовала галломания и слишком большое презрение ко всему русскому. Профессора-западники косо смотрели на него, потому что считали его славянофилом, последователем Погодина, и, отделившись от последнего, не желали вступления в университет подобного же профессора.

О Соловьеве они судили по его статье, не зная, что он вовсе не такой славянофил, как они думали, потому что он ни к кому из них не ходил, ни перед кем не заискивал. Он сидел у себя дома, стараясь как можно лучше подготовиться к магистерскому экзамену и написать поскорее диссертацию. Кроме истории всеобщей и русской, географии древней и новой, приходилось экзаменоваться в политической экономии и статистике. Поэтому Соловьев зашел к профессору Чивилеву, читавшему политическую экономию, желая сообщить ему, что главная его цель — показать свою способность занять кафедру русской истории, для чего будет служить диссертация, а чтобы написать хорошую диссертацию, надо употребить на нее все время, а не тратить его на предметы второстепенные.

Соловьев желал, как это обыкновенно делалось и делается до сих пор, чтобы профессор указал ему те вопросы, на которые ему придется отвечать. Но Чивилев, принадлежавший к партии западников, принял его очень сухо и, когда он спросил, что ему нужно приготовить к экзамену, отвечал, что, если он прочтет все книги по политической экономии и статистике, рекомендованные им на лекциях, этого будет достаточно. Само собой разумеется, что такая задача была непосильна для историка и подобное требование уместно было бы предъявлять только специалисту, посвятившему себя экономическим наукам.

Западники были настроены против Соловьева, но в то же время славянофилы не поддерживали его и он не искал их покровительства. К тому же в университете был в то время один только славянофил — Шевырев, не пользовавшийся уважением товарищей. Шевырев вместе с Погодиным интриговал, чтобы последнего упростили вновь занять только что оставленную кафедру. Соловьев зашел как-то к декану Давыдову, чтобы поговорить с ним о предстоящем экзамене. Давыдов с нахмуренным лицом вдруг спросил его:

— Что же это значит? Михаил Петрович Погодин хочет опять войти в университет, ведь мы имели вас в виду.

Давыдов не любил Погодина как своего соперника, так как они оба обхаживали министра Уварова и выпрашивали у него всякие милости. Вопрос декана очень озадачил Соловьева, и он ответил, что ничего не знает, что это дело университета. Давыдов заподозрил его в неискренности, и таким образом в университетских кружках зародилось ни на чем не основанное подозрение, будто Соловьев находится в сговоре с Погодиным, и последний намерен вернуться на кафедру вместе со своим учеником.

Между тем отношения между Погодиным и Соловьевым совсем не были настолько близки и едва ли их можно было назвать дружественными. Погодин не скрывал, что сожалел о своей отставке. «Вот и Шафарик пишет, — говорил он, — зачем я так рано оставил университет», но о своих планах он ничего не сообщал. Одна выходка даже сразу отшатнула ученика от учителя, в расположение которого ему еще хотелось верить.

— Что же вы пишете диссертацию,— обратился Погодин к Соловьеву,— а со мной никогда о ней не поговорите, не посоветуетесь?

— Я не нахожу приличным советоваться,— ответил Соловьев,— потому что, хорошо ли, дурно ли напишу я диссертацию, она будет моя, а стану советоваться с вами и следовать вашим советам, то она не будет вполне моя.

— Что же за беда,— возразил Погодин,— мы так и скажем, что диссертация написана под моим руководством.

Следствием всех этих обстоятельств, борьбы западников со славянофилами, подозрения, что Соловьев принадлежит к партии Погодина, недоброжелательства самого Погодина, было то, что Соловьев выдержал экзамен гораздо хуже, чем этого можно было ожидать, судя по его способностям и громадному трудолюбию.

Экзамены начались со всеобщей истории в январе 1845 года. Грановский задал Соловьеву три вопроса: один — по истории Франции о первых Капетингах; другой — по истории Испании; третий — о сравнении русской летописи с западной. Нелегко было ответить на все эти вопросы без приготовления, не зная, что они будут заданы, но Соловьеву помогли его заграничные занятия, его обширное знакомство со всеобщей историей. Грановский написал на экзаменационном листе, что Соловьев обнаружил большую начитанность, но что он затрудняется в изложении,— это был намек на то, что он неспособен занимать кафедру.

Второй экзамен по русской истории был менее удачен. За неимением специалиста в университете, пригласили Погодина. Он задал экзаменуемому удивительный вопрос: изложить историю отношений России с Польшей с древнейших до последних времен. На такой вопрос ни сам Погодин, ни кто другой не мог бы ответить удовлетворительно по той простой причине, что в то время как история Польши, так и новая русская история после вступления на престол Михаила Федоровича оставались совершенно неразработанными. Чтобы выдержать подобный экзамен, нужно было много лет просидеть в архивах и изучить нигде не напечатанные документы, что впоследствии и сделал Соловьев, но в 1845 году не было книг, по которым можно было бы уяснить себе отношения России с Польшей за целых 900 лет.

Соловьев старался уклониться в сторону, показать свое знание собственно русской истории; Погодин останавливал его, требуя, чтобы он говорил только об отношениях с Польшей. Понятно, что присутствовавшие профессора остались недовольны и заявили, что ответ — гимназический, а не такой, как требуется от магистра, и что из такого ответа не видно, может ли экзаменуемый занять профессорскую кафедру.

Еще неудачнее прошел экзамен по политической экономии вследствие того, что Соловьев не успел подробно заняться этой наукой, а также вследствие недоброжелательства профессора Чивилева.

Единственный человек, который продолжал хорошо относиться к Соловьеву, был попечитель, граф Строганов. К нему-то и отправился Соловьев и, сообщив про неудачный экзамен, прямо объяснил ему, что он считал нелепым заниматься подробным изучением статистики и политической экономии вместо того, чтобы писать диссертацию, которая должна показать его права на кафедру; что же касается странного вопроса по русской истории, он в этом не виноват. Строганов понял, в чем дело, и, убедившись, что во всем

виновата погодинская интрига, к которой Соловьев непричастен, ободрил молодого человека и дал ему понять, что участь его будет зависеть от диссертации, а не от экзамена.

Первоначально Соловьев собирался написать книгу об Иоанне III, но, занявшись Новгородом, он заметил, что для уяснения решающих судеб этого города и уничтожения его вольности необходимо проследить отношения Новгорода с великими князьями, и поэтому он написал диссертацию «Об отношениях Новгорода к великим князьям».

В начале Великого поста Соловьев подал диссертацию декану, а тот препроводил ее Погодину, который должен был дать о ней отзыв, так как на факультете не было компетентного лица.

Прошло около двух месяцев, Соловьев ничего не знал об участи, ожидающей его работу; жизнь он вел одинокую и чуждался профессорских кружков, где о нем имели не слишком лестное мнение. В четверг на Страстной, гуляя по Арбату, он встретился с Грановским и Кавелиным. Грановский с насмешливой улыбкой спросил Соловьева:

— Что же ваша диссертация?

Соловьев удивился такому вопросу, потому что Грановский был секретарем факультета.

— Давно подана,— ответил он.

— Как подана? — возразил Грановский все с той же насмешливой улыбкой.— Никто на факультете не знает об этом.

Соловьев объяснил, что его работа препровождена к Погодину, и после Пасхи зашел к нему с просьбой вернуть наконец диссертацию на факультет со своим о ней мнением, чтобы решился вопрос, считают ли ее достойной ученой степени или нет. На эту просьбу Погодин отвечал следующее:

— Я долго думал, как объявить вам мое мнение о вашей диссертации, ибо я чувствую, как тяжело должно быть для вас на первый раз, при первом опыте, выслушать отзыв нелицезный: диссертация ваша как магистерская диссертация очень хороша, но как профессорская — вполне неудовлетворительна; приступ блестящий, правда, есть кое-что новое, чем я и сам воспользуюсь, но в изложении нет перспективы; повторяю, труд прекрасный как магистерская диссертация, но как профессорская не годится.

Соловьев возразил совершенно основательно, что ни о какой профессорской диссертации не должно быть речи; он жаждет получить ученую степень, и если Погодин находит его работу удовлетворительной, пусть он сделает соответствующую надпись и факультет больше не будет беспокоить его. Тогда Погодин стал отнекиваться, говорить, что напишет на диссертации только «читал». Но Соловьев настаивал:

— Если вы говорите прямо, что диссертация удовлетворительна, почему вы не хотите этого написать?

Погодин вынужден был уступить и написал на диссертации: «Читал и одобряю».

Погодин проговорился: он ничего не имел против Соловьева, если бы тот согласился стать его прислужником, но признать его способным к профессорскому званию он не хотел: ему желательно было, чтобы кафедра русской истории пустовала и чтобы его упростили вновь занять ее.

— Вот если бы я был опять профессором,— говорил он однажды Соловьеву,— а вы у меня адъюнктом, то мы бы устроили так: когда бы мне нездоровилось или так почему-нибудь я не был бы расположен читать, то я давал бы вам знать, о чем следует читать, и вы эту лекцию читали бы за меня.

Понятно, что Соловьев не соглашался на такую унизительную роль, и Погодину оставалось одно — не пускать его по возможности в университет.

Старания его, однако, не увенчались успехом. Как только диссертация попала вновь в руки Соловьева, она была передана Грановскому, а тот, не считая себя достаточно сведущим в русской истории, отдал ее на рассмотрение Кавелину¹, тогда только что начинавшему свою ученую деятельность на юридическом факультете истории русского законодательства. Кавелин пришел в восторг от работы: в ней не было славянофильской направленности, чего он опасался, но было критическое отношение к источникам и широта взгляда. Диссертация Соловьева представляла действительно замечательное явление, в ней была изложена новая теория о старых и новых городах. Восторг свой Кавелин высказал на страницах «Отечественных записок».

Прежде чем напечатать свой отзыв, Кавелин говорил то же самое в университетских кружках, и отношение профессоров к Соловьеву совершенно изменилось: западники приняли его с распростертыми объятиями. Когда Соловьев приехал к Грановскому, он встретил его комплиментами, сознавая, что суждение свое основывает на словах Кавелина.

— А что Погодин говорит о вашей диссертации? — спросил Грановский.

Соловьев передал знаменательные слова Погодина об отношении диссертации к магистерству и докторству. Грановский не удержался.

— Подлец! — сказал он.

Строганов очень обрадовался такому ходу дела, он с восторгом слушал похвалы труду Соловьева от тех самых лиц, которые прежде отзывались не слишком лестно о молодом ученом. Попечитель был очень доволен, что может заместить Погодина вполне достойным молодым человеком, и потому приказал Соловьеву готовиться к чтению лекций. В этой ситуации Соловьев выказал благородство своего характера: он не считал себя вправе сердиться на Погодина только за то, что тот не признал его диссертацию достойной профессорской кафедры, и счел своей обязанностью предупредить профессора, старавшегося навредить ему, о том, что готовится в Московском университете. Поэтому, зайдя к Погодину, он откровенно сказал ему:

— Знаю, что вы желаете занять опять кафедру, но Строганов велел мне приготовляться к лекциям; имейте это в виду и принимайте какие-нибудь меры.

Погодин ответил на это следующей колкостью:

— Не знаю, чего хочет Строганов. Хочет ли он, чтобы вы были при мне адъюнктом или при ком-нибудь другом? Слышал я, что он думал о переводе сюда Иванова из Казани; может быть, он хочет, чтобы вы при Иванове были адъюнктом.

Погодин хотел уязвить Соловьева, дав понять ему, что самостоятельным преподавателем он все равно быть не может. Понятно, что при таком отношении учителя к ученику между ними не могли долго сохраняться дружеские отношения.

29 июля декан созвал факультет и объявил, что сейчас имеются две вакантные кафедры: философии и русской истории, и что попечитель предлагает двух кандидатов: Каткова и Соловьева. На кафедру философии единогласно был избран Катков, но когда дошла очередь до Соловьева

Шевырев объявил, что странно будет выбирать на такую важную кафедру молодого, почти неизвестного человека, когда знаменитый ученый Погодин, чувствуя, что его здоровье поправилось, желает опять занять прежнее место.

Большинством голосов, однако, постановили выбрать Соловьева, поручив при этом декану спросить Погодина, на каких условиях тот желает опять читать лекции. Давыдов предложил Погодину читать лекции для желающих, в качестве приват-доцента, безо всякого вознаграждения. Погодин принял это, конечно, за оскорбление и ответил грубым письмом.

В сентябре 1845 года Соловьев начал чтение лекций в качестве преподавателя, и две его первые лекции, заключавшие обзор всей русской истории, произвели благоприятное впечатление на присутствовавших профессоров.

— Мы все вступили на кафедру учениками, — сказал Грановский, — а Соловьев вступил уже мастером своей науки.

— Дай Бог, чтобы Погодин кончил так, как этот начал, — заметил Строганов.

В октябре состоялся диспут Соловьева, прошедший блистательно. Неприятное впечатление произвело только неприличное поведение Погодина. Он объявил, что приехал только с тем, чтобы изложить свое мнение о диссертации, а не с тем, чтобы спорить; поэтому он не желает слышать никаких возражений Соловьева и не обратит на них ни малейшего внимания. Декан, однако, предложил Соловьеву защищаться, так как в этом и заключается смысл диспута, и ему нетрудно было разбить главнейшие доводы Погодина.

Казалось бы, что после всего этого отношения между учителем и учеником должны были бы окончательно прекратиться, но добродушный Соловьев через несколько месяцев после диспута все-таки стал заходить к Погодину и ему пришлось выслушать от него разные укоры.

— Ваши два приезда ко мне произвели на меня приятное впечатление, — сказал Погодин, — я подумал, молодой человек еще не огрубел; но скажите, разве хорошо вы со мной поступили?

— Вы прежде скажите мне, что дурного я сделал по отношению к вам? — ответил Соловьев.

— Вы мне привезли экземпляр своей диссертации безо всякой надписи, тогда как я видел, что другим вы написали; какому-нибудь Ефремову и тому написали.

— Но видели вы экземпляры моей диссертации у членов факультета? — спросил Соловьев. — Ни у одного из них вы не найдете с надписью, ибо надписывать я имел право только тем, кому дарил, кому мог и не дать, тогда как лицам официальным, каковы члены факультета, я обязан был дать по экземпляру; они получили экземпляры, так сказать, казенные, а не от меня в дар. Вас я также причисляю к лицам официальным, вы были экзаменатором. Но скажу прямо: конечно, вы получили бы экземпляр с надписью очень для вас лестной, если бы не так поступили со мной, если бы черная кошка не пробежала между нами.

— А это хорошо с вашей стороны, — продолжал Погодин, — начать первую лекцию и не сказать ни слова обо мне, вашем предшественнике?

— Решительно в голову не пришло, — ответил Соловьев.

Но если бы ему это и пришло в голову, он очутился бы в большом затруднении, потому что не мог сказать ничего хорошего о Погодине как о профессоре.

Погодин говорил о пустяках, умалчивая о своем главном обвинении против Соловьева, — о том, что он навсегда отнял у него профессорскую кафедру.

¹ Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) — историк, психолог, социолог и публицист, автор многочисленных статей по русской истории и истории русского права, составивших ему заслуженную славу в интеллектуальных кругах.

Несмотря на то что Соловьев читал шесть лекций в неделю, он энергично принялся за докторскую диссертацию и успел написать ее летом 1846 года. В 1847 году она была напечатана и составила большую книгу в 700 страниц под заглавием «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». Надо удивляться, каким образом Соловьев успел за такое короткое время закончить это обширное сочинение, где он критически исследовал наши летописи, княжеские договоры и другие документы с древнейших времен до Иоанна IV, где представил новую теорию, объясняющую общий ход русской истории за указанный период.

Кавелин вполне оценил этот замечательный труд и отзывался о нем самым лестным образом в «Отечественных записках» и «Современнике». Ему нравилось то, что Соловьев не только излагает факты, но старается объяснить общий ход русской истории.

Погодин же находил, что это бесполезный труд, что историк должен ограничиваться выборкой из летописей, не строя никаких систем, не увлекаясь никакими теориями, то есть оставаясь сухим летописцем, каковым был он сам. Докторскую диссертацию Соловьева он назвал собранием парадоксов, но тут же выдал себя, признавшись: «Я не прочел всей книги, потому что видел с первых страниц путь непрямой, путь, не ведущий к цели».

Погодин обвинял Соловьева в поспешности: «Как г-н Кавелин приступает к истории с готовыми мыслями,— писал он,— так г-н Соловьев употребляет в дело первые ему попавшие в голову. Иначе и нельзя бы решить за один год столько вопросов: и об уделах, и о родовых отношениях, и о местничестве, и о Новгороде, и проч., и проч.». Учителем было неприятно, что его молодой ученик решил много вопросов, так как он сам за двадцать лет ни одного вопроса не решил.

Соловьев получил за свою диссертацию ученую степень доктора исторических наук и вслед за этим был утвержден экстраординарным профессором, а в 1850 году — ординарным. До самой смерти он жил почти безвыездно в Москве, переселяясь только на лето на какую-нибудь подмосковную дачу. Жизнь его не была богата событиями, так как он всю ее посвятил науке и Московскому университету, где занимал кафедру более 30 лет.

Поскольку на одно профессорское жалованье жить было невозможно, то Соловьев занимал и другие должности, сначала инспектора Николаевского института, а затем — директора Оружейной палаты. Кроме того, он преподавал русскую историю членам императорской фамилии. Уже незадолго до смерти Соловьева Академия наук, где кафедру истории занимал Погодин, признала наконец его ученые заслуги и избрала его в ординарные академики по русскому отделению.

Соловьев справедливо восставал против крайней специализации в занятиях и хотел, чтобы высшее образование давало молодым людям не только специальные познания, но и общее развитие. Это видно из речи, сказанной им 1 ноября 1872 года при открытии Высших женских курсов в Москве.

«Мы предлагаем,— говорил Соловьев,— Высшие курсы не факультетские, но курсы предметов общего образования. Почему же мы вам предлагаем такие курсы и их считаем необходимыми для вас? Да потому, что мы считаем себя обязанными по мере сил наших содействовать избавлению русской женщины от тех неудобств, которые терпят мно-

жество русских мужчин, принадлежащих к так называемому образованному классу,— от неудобств, проистекающих вследствие недостатка общего высшего образования.

Известно, что сущность цивилизации состоит в разделении занятий: дикарь делает сам все для него нужное; человек цивилизованный делает что-нибудь одно и потому может совершенствовать свой труд, и так как относительно всех остальных необходимых вещей он находится в зависимости от своих собратий, то здесь образуется тесная общественная связь, источник общественного развития. Но в делах человеческих где свет, там и тень, и при блестящих успехах цивилизации, обусловленных разделением занятий, люди проницательные уже давно стали указывать на печальные следствия этого доводимого до крайности разделения занятий, указывали, как человек, занятый постоянно одним и тем же делом, тупеет, превращается в машину, тогда как духовные силы развиваются под условием простора, расширения горизонта, многообразия предметов, доступных познанию и деятельности.

Одинаково печальны бывают следствия, когда человек разбрасывается по множеству предметов и подавляется этим множеством и когда при исключительном занятии одним каким-нибудь делом дает иссыхать своим духовным силам, не восстанавливая их необходимой переменной занятия. Сказанное вообще прилагается и к разделению научных занятий: обыкновенно по окончании курсов общего образования в приготовительных школах стремятся в высшие специальные учреждения, чтобы посвятить себя изучению известного круга предметов, но это слишком поспешное ограничение себя известной специальностью приносит очень часто горькие плоды: само глубокое изучение своей специальности и известные успехи в ней не спасут человека от односторонности, остановки в развитии, отупения, и специалист в науке нисходит на ступень специалиста в ремесле, он поражает незнанием самых обыкновенных предметов, задает детские вопросы, сидит глух и нем при решении вопросов общественного интереса, или, что еще хуже, муж, посевший в трудах, принимает первое накрикнутое ему мнение и повторяет его.

Часто старик идет в ученики к ребенку, от него старается узнать, какое последнее новенькое мнение существует относительно того или другого предмета, и легко понять, какие удивительные вещи получает в ответ: он или повторяет бессмыслицу, или с ужасом начинает жаловаться на науку, до чего она дошла в последнее время, чему это учат молодых людей; иной старается усвоить себе новенькое, самое цветное мнение точно так, как человек, приехавший из глуши в столицу, увидит человека пестро одетого и считает его за первого столичного франта, законодателя моды, облачится в пестроту и думает, что оделся по последней моде, с отличным вкусом.

Таким образом, общего образования, доставляемого приготовительными школами, оказывается недостаточным, ибо они имеют главной задачей развитие умственных способностей для приготовления к дальнейшему занятию науками в специальных учреждениях,— обращается особенное внимание на предметы, наиболее содействующие достижению этой цели,— для занятия предметами высшего общего образования у них нет времени, да и возраст учащихся тому препятствует. А именно тогда, когда молодой человек вырос, окреп, развил свои способности посредством предметов приготовительной школы, когда получил возможность с успехом заняться предметами высшего об-

шего образования, столь необходимыми для правильности его гражданской мысли и деятельности, именно тогда он углубляется в какую-нибудь специальность и без высшего общего образования подвергается опасности снизойти на степень ремесленника.

Разумеется, есть натуры избранные, которые не могут чувствовать себя очень удобно в тесном помещении своей специальности и потому стараются приобрести сведения своими средствами, а большим трудом и препятствиями, в предметах общего высшего образования, отчего они становятся, с одной стороны, полноправными членами общества с голосом, а с другой — приобретают могущественные средства для успехов в своей специальности.

Но такие явления составляют, к несчастью, исключения, а мы должны иметь дело с большинством, да и для всех вообще важно иметь средство с наименьшими усилиями и препятствиями приобретать сведения в предметах высшего общего образования, при указании и руководстве людей более опытных. Таким образом, необходимость правильно организованных курсов общего высшего образования есть потребность нудящаяся».

Сообразно с таким взглядом на высшее образование Соловьев старался в своих университетских лекциях не только давать студентам полезные сведения, но прежде всего развивать их, и потому придавал своему курсу философский характер. Не утомляя слушателей подробным изложением фактов, он останавливал внимание на так называемой внутренней истории, показывая, какое значение имела природа России для ее истории, прослеживая отношения между князьями в так называемый «удельный период», объясняя, какое значение имело татарское иго, почему столица перенесена была с юга на север, как сложилось самодержавие, как вследствие борьбы казачества с земскими людьми наступило Смутное время, почему необходима была реформа Петра и в какой связи она находилась с предыдущим временем.

Профессор старался понять законы, по которым развивалась русская история, и постоянными сравнениями с историей Западной Европы давал своим слушателям богатый материал для выводов, заставлял их думать, расширял их умственный горизонт.

«Для Соловьева, как и для Грановского, — говорит академик К. Н. Бестужев-Рюмин¹, — история была наукой, по преимуществу воспитывающая гражданина. Для того и для другого поучительный характер истории заключался не в тех прямых уроках, которыми любила шеголять историография XVIII века и которыми богаты страницы Карамзина, где выставляются герои добродетели в пример для подражания и чудовища порока в образец того, чего следует избегать. Нет, ни тот, ни другой из этих незабвенных профессоров не считал историю “зеркалом добродетели”, но каждый из них имел другую цель: они старались воспитать в своих слушателях сознание вечных законов исторического развития, уважение к прошлому, стремление к улучшению и развитию в будущем; они старались пробудить сознание того, что успехи гражданственности добываются трудом и медленным процессом, что великие люди суть дети своего общества и представители его, что им нужна почва для действия.

Не с насмешкой сожаления относились они к прошлому, но со стремлением понять его в нем самом, в его отношениях к настоящему: “Спросим человека, с кем он знаком — и мы узнаем человека; спросим о его истории — и мы узнаем народ”. Этими словами Соловьев начал свой курс 1848 года, когда я имел счастье его слушать. В истории народа мы его узнаем, но только в полной истории, в такой, где на первый план выступают существенные черты, где все случайное, несущественное отходит на второй план, отдается в жертву собирателям анекдотов, любителям “курьезов и раритетов”.

Кто так высоко держал свое знамя, тот верил в будущее человечества, в будущее своего народа и старался воспитывать подрастающее поколение в этой высокой вере. С этой-то воспитательной целью такие профессора держались преимущественно общих очерков, где в мелочах не теряется общая мысль. Таким был всегда характер курсов Грановского, таким постепенно делал свой курс Соловьев; но и на первых своих шагах в университете он уже давал много места общим соображениям и выводам».

Как горячо принимал к сердцу Соловьев университетские дела, видно из следующего рассказа профессора Буслая: «Первым делом в организации университетского самоуправления (по введении университетского устава 1863 года) было решить, кого избрать председателем совета. Вопрос этот на первых же порах сделался яблоком раздора в профессорской корпорации. Одни хотели иметь ректором Соловьева, другие — Баршева, и таким образом желанное единогласие для общей пользы было нарушено и распалось на две враждебные партии, на соловьевскую и баршевскую.

Первая была гораздо малочисленнее последней, поэтому ректором был избран Баршев и оставался в этой должности несколько трехлетий кряду. Ожесточенная вражда, не умолкавшая в стенах университета, наконец опротивела мне донельзя. Она вредила и общему делу, и была губительна для отдельных лиц. Однажды на заседании совета Соловьев, в качестве декана, горячо защищал какое-то предложение или заявление филологического факультета от злостных нападок со стороны враждебной партии и до того был оскорблен и раздражен нахальством и дерзостью своих противников, что совсем изнемог, а воротившись домой, в тот же день слег в постель и целые шесть недель прохворал в нервной горячке».

В семидесятых годах, когда изменилась профессорская корпорация, Соловьева несколько раз выбирали в ректоры.

«Когда университет, — говорит ученик и сослуживец Соловьева профессор Герье², — признавая его значение, избрал его в ректоры, для этого учреждения наступила новая счастливая пора внутреннего развития, оправдавшая начала, положенные в основание университетского устава 1863 года. Ректорство С. М. Соловьева было знаменем служения одним только научным интересам и широкого понимания задач университетской жизни. Слова, написанные им некогда об исповедниках просвещения в XVII веке, что им “нужно было много труда, много жертв и страдания”, сделались как бы пророческими для него самого. Ему опять пришлось бороться против недоверия к науке, “происшедшего от неумения сладить с прогрессом, от стремления остановить его, возвратиться к первоначальным формам”. Но теперь речь шла не о литературных направлениях, не об

¹ Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897) — знаменитый русский историк, руководитель Санкт-петербургской школы историографии.

² Владимир Иванович Герье (1837—1919) — историк и общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

исторических взглядах, оно касалось жизненных форм русской науки, университетского строя.

Ученый, который своей многолетней, всеми признанной деятельностью доказал, как он умел согласовать самую искреннюю, разумную преданность государственному началу с бескорыстным стремлением к науке и просвещению, мог, конечно, вернее и беспристрастнее многих других судить об истинных потребностях русской науки. Но ему не суждено

было дать перевес тому, что он считал правым делом; весной 1877 года Соловьев был принужден оставить ректорство и прославленную им кафедру. Через два года смерть навсегда прекратила его просветительную деятельность».

Еще не настало время рассказывать подробно о борьбе, которую вел С. М. Соловьев, — борьбе прогресса с застоєм, светлого начала с темным. Еще живы лица, с которыми он боролся, которые осилили его...

ГЛАВА III

«История России с древнейших времен»

Защитив докторскую диссертацию, Соловьев принял за свой главный труд — «Историю России с древнейших времен» — и выпустил первый том осенью 1851 года. В 1830 году, когда вышла «История русского народа» Полевого, А. В. Никитенко записал в своем дневнике:

«Еще до появления в свет этой книги она уже была осуждаема и превозносима. Так называемые патриоты, почитатели доброго Карамзина, не понимают, как можно осмелиться писать историю после Карамзина. Партия эта состоит из двух элементов. Одни из них — царедворцы, вовсе немслящие или мыслящие по заказу властей; другие, у которых есть охота судить и рядить, да недостает толку и образования, в простоте сердца веруют, что Карамзин действительно написал историю русского народа, а не историю русских князей и царей. Конечно, есть также люди благомыслящие и образованные, суд которых основывается на размышлении и доказательствах, коих немного. Эти последние знают, чем отечество обязано Карнозину, но знают также, что его творение не удовлетворяет требованиям идеи истории столько, сколько удовлетворяет требованиям вкуса».

Попытка Полевого не удалась, и это еще более утвердило некоторую часть общества в мнении, что Карамзин стоит на недосягаемой высоте и что писать историю после него большая дерзость. Такой взгляд господствовал в высшем обществе, когда появился первый том «Истории» Соловьева.

Один из высокопоставленных меценатов прямо высказал автору свое недовольство; он находил намерение писать русскую историю после Карамзина очень смелым; другое дело, если бы Соловьев издал лекции, читанные им в университете. Автор отвечал, что название лекций было бы странным для труда, который, должно быть, будет очень обширным и многотомным. Это окончательно рассердило мецената, и он сказал нелепость, показывавшую все его невежество: «Да и в Англии пробовали писать многотомные истории, а до Юма¹ все-таки не достигли».

Эти меценаты, не читая труда Соловьева, отзывались о нем с большим пренебрежением, старались уничтожить, уронить его в глазах публики. Но обыкновенная читающая публика отнеслась иначе к сочинению молодого профессора. Она довольно скоро раскупила новую книгу и тем доказала, что потребность в новой истории России дей-

ствительно существовала и что труд Соловьева удовлетворял этой потребности больше, чем устаревшее сочинение Карамзина.

Критика отнеслась к «Истории России с древнейших времен» довольно недоброжелательно. Один только Кавелин оценил ее по достоинству и посвятил разбору первого тома обширную статью в «Отечественных записках» 1851 года, где говорится между прочим следующее:

«Как прагматическое сочинение новая книга г-на Соловьева бесспорно принадлежит к числу лучших исторических трудов, появившихся в последнее время. Книга его достойным образом представляет в нашей исторической литературе направление, данное в последнее время изучению русской истории. Можно не соглашаться с г-ном Соловьевым, но нельзя не признать, что его сочинение свидетельствует о глубоком знании автора, его правильном историческом взгляде и методе и знакомстве с исторической критикой в ее современном значении. Вот почему первый том «Истории России» бесспорно — историческое сочинение в полном значении слова.

«История России» есть зрелый и сознательный исторический труд, а не шаткий опыт. Все исторические явления рассматриваются здесь с их внутренней стороны во взаимной связи и раскрываются последовательно по их внутренней преемственности; бытовая сторона обращает на себя, как и следует, гораздо большее внимание автора, чем внешние события. Наконец, взгляд гораздо серьезнее, приемы строже, чем у его предшественников. Вот общая оценка разбираемой нами книги, как мы ее понимаем. Она произвела на нас самое утешительное впечатление как живое, несомненное доказательство преуспевания русской исторической литературы и ее быстрых успехов в такое короткое время».

«История» Соловьева до сих пор необходима, и даже незаменима как для ученого, так и для всякого образованного человека, желающего ознакомиться с прошлым своего отечества. Это единственная у нас полная «История России», доходящая до 1774 года.

К сожалению, автору не удалось довести своего рассказа до конца царствования Екатерины, но зато две другие его книги отчасти пополняют этот пробел и продолжают исторический рассказ до 1825 года. Я говорю о сочинениях Соловьева «История падения Польши» и «Император Александр I». В последнем труде, правда, рассмотрены только дипломатические сношения России с иностранными державами; главное внимание обращено, конечно, на Францию, и взгляд Соловьева на Наполеона, несмотря на мно-

¹ Дэвид Юм (1711—1776) — шотландский философ, представитель эмпиризма, номинализма и скептицизма; экономист, историк и публицист, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения; автор многотомной «Истории Англии».

жество изданных с тех пор документов, остается до сих пор верным.

При составлении своей «Истории России» Соловьев воспользовался всеми известными источниками и на основании критического их изучения подробно излагал факты, причем нередко буквально передавал летописи, что порой утомляет читателя, но зато наглядно передает характер эпохи. В первых томах мы находим подробное изложение княжеских усобиц, походов на печенегов и половцев, сражений с татарами и т. п.

Установить события в их взаимной последовательности, показать, какие факты могут быть признаны достоверными, было необходимо, так как они служат единственной надежной опорой для дальнейших выводов; особенно необходимо было это сделать для XVII и XVIII веков: если с древней историей еще можно было кое-как ознакомиться по сочинению Карамзина, то новая история после Смутного времени оставалась совершенно неизвестной. Но тут Соловьев заметил, что по одним печатным источникам невозможно написать сколько-нибудь полной истории, и он обратился к документам, хранящимся в наших архивах.

Большинство томов его «Истории» составлены почти исключительно по списанному им архивному материалу; таким образом Соловьеву пришлось быть в одно и то же время и первым издателем сырого материала, и первым его исследователем. Кто знает, сколько времени отнимают поиски в архивах, сколько труда надо положить, чтобы разобраться в этом материале, тот оценит громадную работу, принятую на себя нашим историком, и поблагодарит его за подробное изложение фактов нашей новой истории, которые без него, может быть, до сих пор оставались бы неизвестными.

Между прочим, Соловьев первым обратил должное внимание на историю Юго-Западной Руси, которая до него почти не подвергалась критической разработке. Указав на борьбу, которую вели русские люди юго-западных областей с католическими стремлениями Ягеллонов и их преемников, Соловьев говорит: историк должен со вниманием следить за этой борьбой — по тому великому значению, которое имела она и особенно исход ее на судьбы России и Восточной Европы.

Но, разумеется, главное внимание Соловьева привлекала не Юго-Западная, а Северо-Восточная Русь, где «вследствие внутренних движений образовалось самостоятельное Русское государство». Его-то жизнь, развитие, колебания его судьбы ни на минуту не должен упускать из виду историк и, по мнению Соловьева, лишь в положении к нему измерять важность тех или других событий, совершающихся вне его пределов.

Полнота «Истории России с древнейших времен» заключается не только в том, что по ней можно ознакомиться со всеми фактами нашей истории вплоть до екатерининского времени, но также в том, что автор обратил должное внимание на так называемую внутреннюю историю. Здесь приняты во внимание все стороны нашего прошлого, история сословий, дружины, бояр, купечества, дворянства, городского и сельского населения, духовенства, монашества, история учреждений, приказов, Сената, Синода, собрание законов, «Русская правда», «Судебники». «Уложение», экономическое положение страны, финансы, торговля, не забыты и литература, просвещение, нравы и обычаи.

Такая полнота уже сама по себе имеет значительную цену и во всяком случае делала бы труд Соловьева чрезвычайно полезным для историков, но по современным научным



Николай Алексеевич Полевой
(1796—1846)

Николай Алексеевич Полевой — писатель, историк, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик; автор «Истории русского народа», которая была в определенном смысле противопоставлением официальной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

воззрениям он не имел бы права называться историком, если бы в нем не было ничего, кроме толкового и хотя бы критически проверенного изложения фактов. Считая необходимым подробно излагать исторические факты, Соловьев в то же самое время старался проникнуть в глубь событий, найти им должное объяснение. При этом сказалось многостороннее образование автора, его занятия европейской историей сначала под руководством Грановского, потом за границей, постоянно пополнявшиеся чтением выдающихся сочинений по всеобщей истории.

Соловьев воспользовался идеями знаменитого географа Риттера о взаимодействии между природой и человеком и приложил их к русской истории. С этого начинается его сочинение. «Ход событий постепенно подчиняется природным условиям», — говорит он и тут же показывает, какое значение имела в нашей истории равнинность страны, отсутствие гор.

«Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают

одинаковые средства к их удовлетворению, и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними».

Стараясь объяснить причины, по которым усилилась Москва, Соловьев указывает на географическое положение этого города, на важное значение Москвы как срединного пограничного места между старой, южной, и новой, северной, Русью, на посредничество ее речной области между юго-востоком и северо-западом в отношении торговли.

Различие между природой Западной и Восточной Европы отразилось, по мнению Соловьева, и на общем ходе истории и обусловило разницу между нашей и западноевропейской историей.

«Мы так часто, — говорит он, — употребляем выражение “Западная и Восточная Европа”, так много знаем, так много толкуем о их различии и следствиях этого различия. Но если путешественник, переезжающий из Западной Европы в Восточную или наоборот, свежим взглядом посмотрит на их различие, станет отдавать себе отчет о нем под свежим впечатлением видимого, то, конечно, прежде всего скажет, что Европа состоит из двух частей, западной — каменной и восточной — деревянной».

Камень — так называли у нас в старину горы — камень разбил Западную Европу на многие государства, разграничил многие народности; в камне свили свои гнезда западные мужи и оттуда владели мужиками; камень давал им независимость; но скоро и мужики огораживаются камнем и приобретают свободу, самостоятельность; все прочно, все определено благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворные горы, громадные вековые здания.

На великой восточной равнине нет камня, все ровно, нет разнообразия народностей — и потому одно небывалое по своей величине государство. Здесь мужам негде вить себе каменных гнезд, не живут они особо и самостоятельно, живут дружинами около князя и вечно движутся по широкому беспредельному пространству; у городов нет прочных к ним отношений.

При отсутствии разнообразия, резкого разграничения местностей, нет таких особенностей, которые бы действовали сильно на образование характера местного народонаселения, делали для него тяжким оставление родины, переселение. Нет прочных жилищ, с которыми бы тяжело было расставаться, в которых бы обжились целыми поколениями; города состоят из кучи деревянных изб, первая искра — и вместо них куча пепла.

Беда, впрочем, невелика: движимого так мало, что легко вынести с собой, построить новый дом ничего не стоит по дешевизне материала; отсюда с такой легкостью старинный русский человек покидал свой дом, свой родной город или село, уходил от татарина, от литвы, уходил от тяжелой подати, от дурного воеводы или подьячего; брести розно было нипочем, ибо везде можно было найти одно и то же, везде Русью пахло. Отсюда привычка к расходке в народонаселении и отсюда стремление правительства ловить, усаживать и прикреплять».

В России Соловьев опять-таки видит две половины — лесную и степную — и этим различием природы объясняет разные явления нашей истории.

Соловьев сам указал на задачу, которую, по его мнению, должен выполнить русский историк.

«Уже давно, — говорит он, — как только начали заниматься русской историей с научной целью, подмечены были главные, особенно выдающиеся в ней события, события поворотные, от которых история заметно начинает новый путь. На этих событиях начали останавливаться историки, делить по ним историю на части, периоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на деятельности Андрея Боголюбского, на сороковых годах XIII века, на времени вступления на московский престол Иоанна III, на прекращении старой династии и восшествии новой, на вступлении на престол Екатерины II».

Некоторые писатели из этих важных событий начали выбирать наиболее, по их мнению, важные; так явилось деление русской истории на три большие отдела: древнюю — от Рюрика до Иоанна III, среднюю — от Иоанна III до Петра Великого, новую — от Петра Великого до позднейших времен. Некоторые были недовольны этим делением и объявили, что в русской истории может быть только два больших отдела — история древняя, до Петра и новая, после него. Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность деления своего предшественника, обыкновенно старался показать, что и после того события, при котором предшествующие писатели положили свои грани, продолжался прежний порядок вещей; что, наоборот, перед этой гранью мы видим явления, которыми писатель характеризовал новый период, и т. д.

Споры бесконечные, ибо в истории ничего не оканчивается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается. Но мы не будем продолжать этих споров, мы не станем доказывать неправильность деления предшествовавших писателей и придумывать свое деление, более правильное. Мы начнем с того, что объявим все эти деления правильными; мы начнем с того, что признаем заслуги каждого из предшествовавших писателей, ибо каждый в свою очередь указывал на новую сторону предмета и тем способствовал лучшему пониманию его.

Все эти деления и споры о правильности того или другого из них были необходимы в свое время, в первое время занятия историей; тут необходимо, чтобы легче осмотреться, поскорее разделить предмет, поставить грани по более видным, по более громким событиям; тут необходим сначала внешний взгляд, по которому эти самые видные, громкие события и являются исключительными определителями исторического хода, уничтожающего вдруг все старое и начинающего новое. Но с течением времени наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать, как новое проистекло из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое, является потребность заменить анатомическое изучение предмета физиологическим.

История, — говорит дальше Соловьев, — знает различные виды образования государств: или государство, начавшись незаметной точкой, в короткое время достигает громадных размеров, в короткое время покоряет себе многие различные народы, к одной небольшой области в короткое время силой завоевания привязываются многие другие государства, связь между которыми не обуславливается природой. Обыкновенно такие государства как скоро возросли, так же скоро и падают: такова, например, судьба азиатских громадных государств.

В другом месте видим, что государство начинается на ничтожном пространстве и потом, вследствие постепенной напряженности сил, от внутреннего движения в продолжение

довольно долгого времени, распространяет свои владения за счет соседних стран и народов, образует громадное тело и наконец распадается на части вследствие самой громадности своей и вследствие отсутствия внутреннего движения, исчезновения внутренних живительных соков: таково было образование государства Римского.

Образование всех этих громадных государств, какова бы ни была разница между ними, можно назвать образованием неорганическим, ибо они обыкновенно состояются нарастанием извне, внешним присоединением частей посредством завоевания.

Иной характер представляется нам в образовании новых европейских христианских государств; здесь государства, при самом рождении своем, вследствие племенных и преимущественно географических условий, являются уже в тех же почти границах, в каких им предназначено действовать впоследствии; потом наступает для всех государств долгий, тяжкий, болезненный процесс внутреннего возрастания и укрепления, в начале которого государства эти являются обыкновенно в видимом разделении, потом это разделение мало-помалу исчезает, уступая место единству: государство образуется. Такое образование мы имеем право назвать высшим, органическим».

Поняв, что русское государство образовалось путем органическим, Соловьев с редким талантом осуществил намеченную им задачу, показал, как развивалось это органическое целое. Труд его объединен одной общей идеей — идеей развития, прогресса. Такую точку зрения он называл исторической, говоря, что без начала движения, начала развития нет истории. Соловьев не отделяет одной эпохи от другой, напротив, он ставит их в связь, показывает, как одни явления порождают другие, как события следуют друг за другом по законам необходимости. Он следит за развитием, ростом государства и вместе с тем за развитием, ростом народа, за постепенным уяснением сознания его о себе как едином целом.

Европейские народы движутся с востока на запад, а славянская колонизация идет наоборот, с запада на восток.

«История-мачеха заставила одно из древнейших европейских племен принять движение с запада на восток и населить те страны, где природа является мачехой для человека. В начале новой европейско-христианской истории два племени приняли господствующее положение и удержали его за собой навсегда, германское и славянское, племена-братья одного индоевропейского происхождения; они поделили между собой Европу, и в этом начальном дележе, в этом начальном движении немцев с северо-востока на юго-запад, в области Римской империи, где уже заложен был прочный фундамент европейской цивилизации, и славян, наоборот, с юго-запада на северо-восток, в девственные и обделенные природой пространства, — в этом противоположном движении лежит различие всей последующей истории обоих племен».

Славяне колонизируют восточную равнину, они живут здесь отдельными племенами в родовом быту. История России, подобно истории других государств, начинается богатырским, или героическим, периодом, то есть вследствие известного движения — у нас вследствие появления варяго-русских князей и дружины их — темная безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выделение из нее лучших людей, по тогдашним понятиям, то есть храбрейших, одаренных большой материальной силой и чувствующих потребность упражнять ее.

Это мужи — люди по преимуществу, тогда как остальные в глазах их остаются полулюдьми, маленькими людьми, мужиками. Вследствие слабости племенного начала у славян и равнинности страны, помогающей слиянию, в этот первый богатырский период исчезают племена, вместо них появляются волости, княжения, с именами, заимствованными не от племен, а от главных городов, от правительственных, стянувших к себе окружное народонаселение, центров. Племенные союзы уничтожились, государственное единство еще не образовалось, волости, отстоящие далеко друг от друга, могли бы обособиться, если бы князья со своими дружинами не переходили постоянно с места на место.

Они должны были передвигаться, того требовали родовые отношения. Князья разошлись по волостям, даже самым отдаленным, но единство рода сохранялось, главный стол принадлежал старшему в целом роде, а лучшие волости доставались по степени старшинства; отсюда князья — только временные владельцы в своих волостях; взоры их устремлены постоянно на Киев, и вместо стремления обособиться они считают величайшим несчастьем для себя, если принуждены выйти из общего родового движения.

Таким образом, посредством родовых княжеских отношений, посредством беспрестанных передвижек князей и дружин их из одной области в другую народонаселение и самых отдаленных областей не могло высвободиться из общей жизни, постоянно имело общие интересы и укореняло в себе сознание о нераздельности русской земли. К единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношениями, присоединялось единство церковное. В том времени, которое с первого раза казалось временным разделением, розни, усобиц княжеских, Соловьев увидел время, когда положено было прочное основание народному и государственному единству.

«Во сто лет, протекшие от смерти Ярослава, мы видим, что преимущественно вследствие продолжения движения все элементы задержаны в своем развитии, налицо все первоначальные формы: бродячие дружины, члены их, свободно переходящие от одного князя к другому; о главе — дружины, неутомимые князья-богатыри, переходящие из одной волости княжить в другую, ищущие во всех странах честь свою взять, не помышляя ни о чем прочном, постоянном, не имея своего, но все общее, родовое; веча с первоначальными формами народных собраний безо всяких определений; а тут, на границе, кочевники переходят к полуседлости; немного далее, в степи, виднеются вежи и чистых кочевников.

Все здесь, на восточной равнине, отзывается первобытным миром, общество как будто еще в жидком состоянии, и нельзя предвидеть, в каком отношении найдутся общественные элементы, когда наступит время перехода из одного жидкого, колеблющегося состояния в твердое, когда все усядется и начнутся определения».

Затем Соловьев спрашивает: когда же и где именно, при каких условиях начались эти определения? Чтобы ответить на этот вопрос, он объясняет, каким образом центр государственной жизни перешел из Киева во Владимир. Карамзин думал, что предпочтение, отдаваемое Северо-Восточной Руси перед Киевской, объясняется личным вкусом Андрея Боголюбского, питавшего нерасположение к Юго-Западной Руси, и личными достоинствами этого князя: «разум превосходный» заставил его стремиться к искоренению вредной удельной системы.



Титульный лист книги С. М. Соловьева «Общедоступные чтения по русской истории». 1874 г.

Соловьев указывает на внутренние, органические причины, обусловившие дальнейший ход нашей истории. Несчастное положение Юго-Западной Украины, страдавшей от наплыва кочевников и от княжеских усобиц, необходимо заставляло часть ее жителей выселяться в страны более спокойные. Эти страны были именно отдаленные северо-восточные области русские, суровая климатом, бедная населением область Верхней Волги, где князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельников, давали им льготы, строили им города. Вследствие недавней колонизации население на севере относилось к князю иначе, чем на юге.

«В западных областях славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востоке, наоборот, славянские поселенцы являются в страну, где уже хозяйничает князь; князь строит городки, призывает насельников, дает им льготы: насельники всем обязаны князю, во всем зависят от него, живут на его земле, в его городах. Эти-то отношения народонаселения к князю и легли в основу того сильного развития княжеской власти, какое видим на севере.

Явился и такой князь, который как нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношениями к новому народонаселению, именно Андрей Боголюбский. Он переселяется жить из старого города Ростова в новый Владимирна-Клязьме, где нет веча, где власть княжеская не встретит преград.

Андрей понимает очень хорошо значение слов “мое”, “собственность” и не хочет знать юга, где князья понимают только общее родовое владение. Андрей, как древний богатырь, чувствует силу, получаемую от земли, к которой он припал, на которой утвердился навсегда; он не покидает этой земли, не переезжает в Киев, когда тот достался ему и по родовым правам, и по правам победы. Этот первый пример привя-

занности к своему, особому, первый пример оседлости становится священным преданием для всех северных князей, и отсюда начинается новый порядок вещей».

Таким образом зарождается сильная княжеская власть как естественное следствие всей предыдущей истории. Московский период в труде Соловьева представляет такую же органическую связь с Владимирским, как последний — с Киевским. Преемники Боголюбского, его брат Всеволод и потомки последнего, верные преданию, полученному от первого самовластца, продолжают стремиться к единовластию.

«Вместо прежнего движения из одной волости в другую, какое мы видели в древней юго-западной России, — в России новой, северо-восточной, видим оседлость князей в одной волости; князь срастается с волостью, интересы их отождествляются, усобицы принимают другой характер, имеют другую цель, именно усиление одного княжества за счет всех других; при такой цели родовые отношения необходимо рушатся, ибо тот, кто чувствует себя сильным, не обращает более на них внимания. Одно княжество наконец осиливает все другие, и образуется государство Московское».

Реформа Петра Великого находилась, по мнению Соловьева, в тесной связи со всей предыдущей историей, она не была его личным делом, а делом народным, вызванным необходимостью, подготовлявшимся со времени Иоанна Грозного. Нашу отчужденность от Европы и отсталость Соловьев объясняет не татарским игом, которому, по его мнению, придавали слишком большое значение, а ходом русской колонизации.

«Движение русской истории с юго-запада на северо-восток было движением из стран лучших в худшие, в условия более неблагоприятные. История выступила из страны, выгодной по своему природному положению, — из страны, которая представляла путь из Северной Европы в Юж-

ную, — из страны, которая поэтому находилась в постоянном общении с европейско-христианскими народами, посредничала между ними в торговом отношении. Но как скоро историческая жизнь отливает на Восток, в области Верхней Волги, то связь с Европой, с Западом, необходимо ослабевает и порывается — не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно, на Восток, обращено все».

Следствием такой отчужденности нашей от Европы является несостоятельность экономическая и умственная, банкротство бедной страны, не могущей своими средствами удовлетворить потребности своего государственного положения. Такое банкротство в историческом, живом, молодом народе обуславливало поворот народной жизни, поиски выхода из отчаянного положения.

«Сознание экономической несостоятельности, ведшее к повороту в истории, было тесно соединено с сознанием нравственной несостоятельности. Русский народ не мог оставаться в китайском созерцании собственных совершенств, в китайской уверенности, что он выше всех народов на свете уже по самому географическому положению своей страны: океаны не отделяли его от западных европейских народов. Побуждаемый силой обстоятельств, он должен был сначала уходить с запада на восток; но как скоро успел здесь усилиться, заложить государство, так должен был столкнуться с западными соседями, и столкновение это было очень поучительно.

В то самое время, в то самое царствование, когда Восток, восточные соседи русского народа оказались совершенно бессильными перед Москвой, когда покорены были три татарских царства и пошли русские люди беспрепятственно по Северной Азии вплоть до Восточного океана, в то самое царствование на Западе были страшные неудачи: на западе борьба оканчивается тем, что Россия должна уступить и свои земли врагу.

Стало очевидно, что во сколько восточные соседи слабее России, во столько западные — сильнее. Это убеждение, подрывая китайский взгляд на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало в живом народе стремление сблизиться с теми народами, которые показали свое превосходство, позаимствовать от них то, чем они являлись сильнее, — сильнее западные народы оказались своим знанием, искусством, и потому надобно было у них выучиться.

Отсюда с царствования Иоанна IV, именно с того царствования, когда над востоком было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обратив свое оружие к западу, потерпел страшные неудачи, с этого самого царствования мысль о необходимости сближения с Западом, о необходимости добыть моря и учиться у морских народов становится господствующей мыслью правительства и лучших русских людей.

Экономическая и нравственная несостоятельность общества были осознаны; народ живой и крепкий рвался из пеленок, в которых судьба держала его дольше чем следовало. Вопрос о необходимости поворота на новый путь решен; новости являлись необходимо».

Соловьев показывает нам, почему переворот должен был идти сверху, инициатива должна была исходить от верховной власти.

«Мы видим, — говорит он, — что всё и со всем обращается в Москву к великому государю, и видим также ясно, что это обращение происходит от слабости, мелкости отдельных миров, от особенности их друг от друга и в то же время от внутренней розни, происходящей при всяком соединении сил, при всяком общем действии, — одним словом, от детского состояния их, от детской беспомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитие о каком-нибудь новом распоряжке принимается, пусть распоряжаются как хотят; поспорятся — одни захотят одного, другие другого, — правительство приказывает спросить всех, чтобы узнать, чего хочет большинство.

Мы упомянули о детской беспомощности; слово всего лучше объяснит тут дело: все тяглые, неслужилые люди называют себя “сиротами государевыми” — это низшая рабочая часть народонаселения, мужики; но высшая, военная, мужи — как себя называют? Они называют себя “холопами государевыми”. Понятно, что ни в беспомощных сиротах, ни в холопах нельзя искать силы и самостоятельности, собственного мнения. И те и другие чувствуют несостоятельность старого, понимают, что оставаться так нельзя, но при отсутствии просвещения не могут ясно сознавать, как выйти на новую дорогу, и не могут иметь инициативы, которая потому должна явиться сверху, повести дело должен великий государь».

Заканчивая историю России в эпоху преобразований, Соловьев говорит о царствовании Петра Великого:

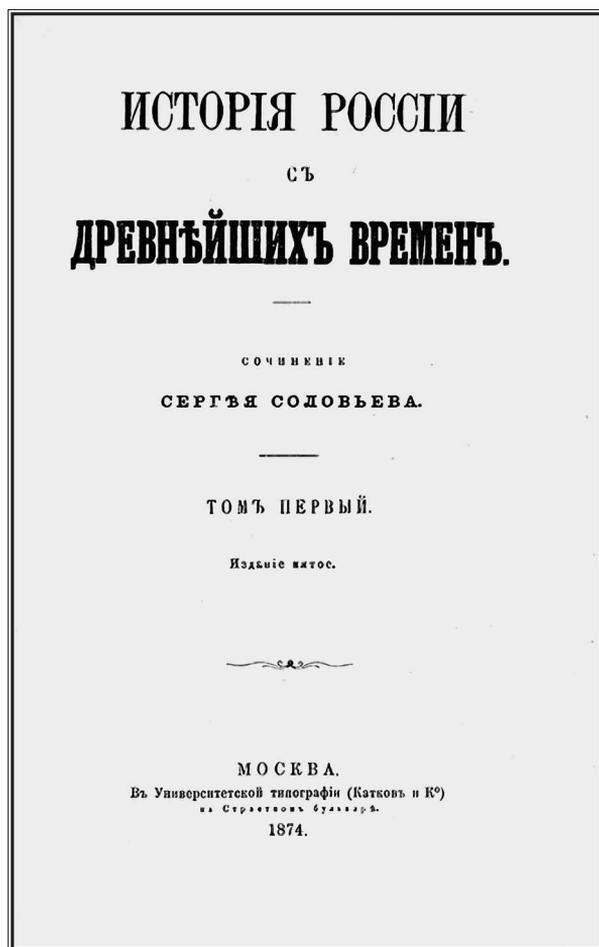
«Начертана была обширная программа на много и много лет вперед, начертана была не на бумаге: она начертана была на земле, которая должна была открыть свои богатства перед русским человеком, получившим посредством науки полное право владеть ею; на море, где явился русский флот; на реках, соединенных каналами; начертана была в государстве новыми учреждениями и постановлениями; начертана была в народе посредством образования, расширения его умственной сферы, богатых запасов умственной пищи, которую ему доставил открытый Запад и новый мир, созданный внутри самой России.

Большая часть сделанного была только в начале, иное в грубых очерках, для многого приготовлены были только материалы, сделаны были только указания, — поэтому мы назвали деятельность преобразовательной эпохи программой, которую Россия выполняет до сих пор и будет выполнять, уклонение от которой сопровождалось всегда печальными последствиями».

Царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II — необходимое следствие петровской реформы, время, когда начинают усваиваться нами плоды европейской цивилизации. «Воздавая должное Екатерине, — говорит Соловьев, — не забудем, как много внутри и вне было приготовлено для нее Елизаветой».

По «Истории России с древнейших времен» мы можем проследить естественный рост, естественное развитие нашего отечества от Рюрика до Екатерины, и в этом конечно заключается главное достоинство труда Соловьева.

Герье, давший лучшую оценку сочинения Соловьева, справедливо заметил: «Мы мало знаем историков, которые до такой степени соединили бы в себе два различных интереса, представляемых историей, — стремление к исследованию, к обогащению исторического материала с потребностью восстановить полный и цельный образ прошедшего, то есть чисто научный интерес с творческим. Среди страниц, передающих нам понятия, язык прошедших эпох, мы



Титульный лист второго издания. 1874 г.

нередко встречаем художественные страницы, достойные великих мастеров».

Художественной надо назвать всю ту часть, где представлен общий ход русской истории до эпохи преобразований. В высшей степени художественны характеристики многих исторических деятелей, в особенности Иоанна Грозного и Петра Великого. Прекрасно передавая характер эпохи, Соловьев на этом фоне изящной кистью рисует фигуры царей, отличающиеся тонкостью психологической отделки, тонким пониманием давно прошедшей жизни.

Герье назвал «Историю» Соловьева национальной. Действительно, она заслуживает такого названия, потому что в ней верно схвачены черты и форма исторического развития нации, потому что она написана чисто русским ученым, дорожившим основными устоями русской жизни, потому что она проникнута любовью к своему народу. Значение, придававшееся Соловьевым православию, видно из следующего места:

«И вот Рим, пользуясь бедствием Византии, устраивает дело соединения церквей. Исидор, в звании митрополита всея Руси, подписывает во Флоренции акт соединения; но в Москве этот акт отвергнут, здесь решились остаться при древнем благочестии: одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбы народов. Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Северо-Восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великой, обусловило падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова.

Любовь к родине и вера в мощь русского народа сказываются не раз на страницах «Истории России». Но национальное направление Соловьева никак не следует смешивать со славянофильством, которого он чуждался и которое считал крайностью; его патриотизм был далек от самодовольства, от одностороннего восхваления своего народа. Он сам предупреждал против такого увлечения, говоря следующее:

«Конечно, для славянина, т. е. преимущественно для русского, есть сильное искушение предположить, что племя, которое при всех самых неблагоприятных условиях умело устоять, окруженное варварством, умело сохранить свой европейско-христианский образ, образовать могущественное государство, подчинить Азию Европе, что такое племя обнаружало необыкновенное могущество духовных сил, и естественно рождается вопрос: племя германское, поставленное в таких неблагоприятных условиях, сумело ли бы сделать то же самое? Но неприятное восхваление своей национальности, какое позволяют себе немецкие писатели, не может увлечь русских последовать их примеру».

В труде Соловьева, как во всяком деле человеческом, есть, конечно, недостатки: последние части — преимущественно царствование Екатерины — проработаны менее тщательно, чем первые, некоторые его взгляды (например родовая теория) нуждаются в оговорках и поправках. Но достоинства «Истории России с древнейших времен» таковы, что она едва ли когда-нибудь потеряет свое значение, а за автором ее навсегда сохранится место первого русского историка XIX века.

С. М. Соловьев

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН





ПРЕДИСЛОВИЕ

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной; его обязанность предупредить их только об основной мысли труда. Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.

Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особого быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней Средней и Южной России.

Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призванными племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала непосредственно и посредством другого начала — дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда.

Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние греко-римское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но кроме греков новорожденная Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим европейским народом — с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах.

Каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о *господстве* норманнов, о норманнском периоде.

Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи, смотря по степени своего старшинства, занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства.

Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт древней Руси, на определение отношений правительственного начала к дружине и к остальному народонаселению, одним словом, находясь на первом плане, характеризуют время.

Начало перемены в означенном порядке вещей мы замечаем во второй половине XII века, когда Северная Русь выступает на сцену; замечаем здесь, на севере, новые начала, новые отношения, имеющие произвести новый порядок вещей, замечаем перемену в отношении старшего князя к младшим, ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых



А. Д. Кившенко. Призвание князя — встреча князя с дружиной, старшинами и народом славянского города.

1880 г.

каждая стремится увеличить свои силы за счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле. Таким образом, через ослабление родовой связи между княжескими линиями, через их отчуждение друг от друга и через видимое нарушение единства Русской земли готовится путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя.

Первым следствием ослабления родовой связи между княжескими линиями, отчуждения их друг от друга было временное отделение Южной Руси от Северной, последовавшее по смерти Всеволода III. Не имея таких прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после татарского нашествия подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было губельно для народности юго-западных русских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось по-старому, но губельно было для русской жизни на юго-западе соединение всех литовско-русских владений с Польшей вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайло: с этих пор Юго-Западная Русь должна была вступить в бесплодную для своего народного развития борьбу с Польшей для сохранения своей народности, основой которой была вера; успех этой борьбы, возможность для Юго-Западной Руси сохранить свою народность обуславливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом.

Здесь новый порядок вещей утверждался неослабно. Вскоре по смерти Всеволода III, по отделении Южной

Руси от Северной явились и в последней татары, опустошили значительную ее часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княжение. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал князя неприкосновенным на столе, он только обеспечивал волость его от татарских нашествий; в своей борьбе князья не обращали внимания на ярлыки; они знали, что всякий из них, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другим и войско на помощь.

Независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, — именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества за счет других. Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями, следовательно, историк не имеет права с середины XIII века прерывать естественную нить событий — именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные — и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений.

Борьба отдельных княжеств оканчивается на севере тем, что княжество Московское вследствие разных обсто-

ятельств пересиливает все остальные, московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя.

Это главное, основное явление — переход родовых отношений между князьями в государственные — обуславливает ряд других явлений, сильно отзываясь в отношениях правительственного начала к дружине и остальному народонаселению; единство, соединение частей обуславливает силу, которой новое государство пользуется для того, чтобы победить татар и начать наступательное движение на Азию; с другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей обуславливает успешную борьбу ее с королевством Польским, постоянной целью которой становится соединение обеих половин Руси под одной державой. Наконец соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами, готовить себе место среди них.

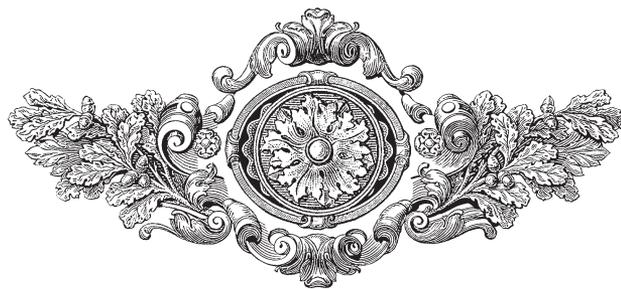
В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия. Начало XVII века ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушением. Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что несмотря на отсутствие видимого сосредоточивающего нача-

ла части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всей Землей. Так юное государство со славой выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость.

С новой династией начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится, следовательно, важнейшая перемена в судьбе древнего служивого сословия, так сильно отзывавшаяся в общественном строе; видим зачатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах частных людей являются новые обычаи; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом готовится он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиной XVIII, разделять их нельзя.

Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительной целью материального благосостояния оказывается недостаточным, является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить душу в приготовленное прежде тело, как выражались лучшие люди эпохи. Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод — познание вообще привело к самопознанию.

Таков ход русской истории, такова связь главных явлений, в ней замечаемых.





ГЛАВА 1

Природа Русской государственной области и ее влияние на историю. — Равнинность страны. — Столкновение кочевников с оседлым народонаселением. — Казаки. — Четыре главные части древней России. — Влияние природы на характер народный.

Задолго до начала нашего летоисчисления знаменитый грек, которого зовут «отцом истории», посетил северные берега Черного моря; верным взглядом взглянул он на страну, на племена, в ней жившие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны.

Прошло много веков, несколько раз племена сменялись одни другими, образовалось могущественное государство, но явление, замеченное Геродотом, остается по-прежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразие занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юго-востоке, соприкасается непосредственно со степями Средней Азии; толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими; Геродот свойствами страны объясняет причины этого господства, но тот же Геродот замечает, что берега Днепра по своему необыкновенному плодородию способны питать и земледельческое народонаселение. И вот предания говорят о народных движениях с Запада навстречу кочевым ордам; на берегах Днепра и его притоков, на востоке и западе, селятся племена земледельческие с характером европейским; они движутся все далее и далее на Восток, но кочевники не скоро уступят им свои привольные степи.

Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить за счет оседлого народонаселения; ясно, что в истории последнего одним из главных явлений будет постоянная борьба со степными варварами. Периоды этой борьбы так обозначаются в русской истории: от середины IX века до 40-х годов XIII нет резкого перевеса ни на стороне кочевников, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси; печенеги, а за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью, но зато иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон, и пленят их вежи. От 40-х годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиаты в лице монголов: с конца XIV века пересиливает Европа в лице России; северо-западная, европейская часть великой равнины начинает распространяться за счет юго-восточной, азиатской.

Но природа страны обусловила еще другую борьбу для государства, кроме борьбы с кочевниками: когда государство граничит не с другим государством и не с морем, но соприкасается со степью, широкой и вместе привольной для житья, то для людей, которые по разным причинам не хотят оставаться в обществе или принуждены оставить его, открывается путь к выходу из государства и приятная будущность — свободная, разгульная жизнь в степи. Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек издавна населялись казацкими толпами, которые, с одной стороны, служили пограничной стражей для государства против кочевых хищников, а с другой, признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее самих кочевых орд.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота: «В Скифии, — говорит он, — нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны».

Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую — область Верхней Волги, область Ростовская.

Наконец, природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный. Природа роскошная, с лихвой вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего как телесную, так и умственную.

Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным.

С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что могущественно действует на от-

ношения двух полов: в народе, в котором развито чувство красоты, господствует стремление к искусству, общественным увеселениям, — в таком народе женщина не может быть исключена из сообщества мужчин.

Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разумеется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов.

Все сказанное прилагается в известной мере к историческому различию в характере южного и северного народонаселения Руси.



Приднепровская степь.

Гравюра из многотомного издания Элизе Реклю
«Земля и люди. Всеобщая география». 1873—1893 гг.



ГЛАВА 2

Постепенное распространение сведений о Северо-Восточной Европе в древности. — Быт народов, здесь обитавших. — Греческие колонии на северном берегу Понта. — Торговля. — Характер азиатского движения.

Наш летописец начинает повесть свою о Русской земле с тех пор, как слово Русь стало известно грекам; историк русский, который захочет углубиться в отдаленные времена, узнать что-нибудь о первых известных обитателях нашего отечества, должен также обратиться к грекам, начать с тех пор, как впервые имена этих обитателей появились в известиях греческих.

Во времена Гомера греческие корабли не смели еще плавать по Черному морю, тогда смотрели на это море, как на Океан, границу обитаемой земли, считали его самым большим из всех морей и потому дали ему название Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостеприимными по дикости их народонаселения, и море слыло *аксинос* (негостеприимным), пока ионические колонии (750 л. до Р. Х.) не заставили переменить это имя на приятно звучащее *евксинос* (гостеприимное).

Во времена Гесиода¹ сведения греков распространились: северные берега Понта выдвинулись в отдалении, покрытые туманами, представлявшими воображению древних странные образы — то была баснословная область, хранилище драгоценностей, обитель существ необыкновенных. Как естественно было ожидать, поэты овладели чудесной страной и перенесли туда мифы, сценой которых считались прежде берега морей ближайших. Один из них, Аристей², сам захотел посетить таинственный берег, и его поэмы, или по крайней мере выдаваемые под его именем, распространили географические сведения древних. По Аристею, на берегах Понта жили киммерияне, к северу от них — скифы, за скифами — исседоны, до которых он доходил.

Потом о дальнейших странах начинались рассказы по-детски легковерных путешественников, купцов, подобных нашему новгородцу Гуряте Роговичу³; за исседонами к северу жили аримаспы, одноглазые люди; далее за аримаспами грифы стерегли золото, и еще далее на север жили блаженные гипербореи. Встречаем древние, темные предания о нашествиях киммериян и скифов на Азию, вернее, хотя не во всех подробностях, известие о походе персидского царя Дария Гистаспа⁴ против скифов в 513 году до Р. Х.

Между тем северные берега Понта остаются по-прежнему любимой страной поэтов: известия о них встречаем у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать о них сведения увеличили обширная торговля колоний и множество рабов, приводимых в Грецию с северных берегов Понта и потому носивших имя скифов, но понятно, какой верностью и точностью должны были отличаться известия, почерпаемые из таких источников.

В таком виде греки передали римлянам свои географические познания о северных берегах Черного моря.

Причины, почему страны к северу от Понта не могли быть с точностью исследованы, приводит Страбон⁵: по Танаису (Дону), говорит он, мало что можно узнать выше устьев по причине холода и бедности страны; туземцы, народы кочевые, питающиеся молоком и мясом, могут сносить неприязненный климат, но иностранцы не в состоянии; притом туземцы необщительны, свирепы и дики, не пускают к себе иностранцев. Вот почему и для римлян эта страна оставалась «крайною мира, которую покинули люди и боги».

¹ *Гесиод* (VIII—VII до н. э.) — первый исторически достоверный древнегреческий поэт, рапсо́д — исполнитель эпических песен.

² *Аристей из Проконнеса* (VII до н. э.) — древнегреческий поэт и путешественник; сведения о нем получены в основном из произведений Геродота.

³ *Гурята* (Гурята, Георгий; вторая половина XI — начало XII) — новгородский посадник; большинство исследователей отождествляют его с Гурятой Роговичем — одним из информаторов Нестора Летописца, сведения которого хронист использовал при составлении «Повести временных лет».

⁴ *Дарий I Великий* (550—486 до н. э.) — персидский царь из династии Ахеменидов, правивший в 522—486 гг. до н. э. на пике развития своей империи, один из самых выдающихся правителей Древнего Востока.

⁵ *Страбон* (ок. 64/63 до н. э. — ок. 23/24 н. э.) — древнеримский историк и географ греческого происхождения. Автор «Исторических записок», которые не дошли до наших дней, и «Географии» — сохранившегося почти полностью труда в 17 книгах; исследователи считают «Географию» Страбона суммой географических знаний античного периода.



Скифы.

*Чекань с античной вазы, найденной в скифском царском кургане Куль-Оба.
IV в. до н. э.*

Изложив в немногих словах постепенное распространение сведений о странах, лежащих к северу от Понта, скажем несколько подробнее о быте народов, живших в этих странах, сколько о нем знали древние. Мы знаем, что имена господствовавших здесь один за другим народов были скифы и сарматы, отчего и страна называлась Скифией, преимущественно у греков, и Сарматией, преимущественно у римлян.

По свидетельству Геродота, скифы считали себя младшим из народов и аборигенами в земле своей; от царя верховного божества, которое Геродот называет по-своему Зевсом, на дочери реки Борисфена родился в пустынной стране человек Таргитавс, у него было трое сыновей — Лейпоксаис, Арпоксаис и Колаксаис. При них упали с неба плуг, воловье иго¹, стрелы и чаша — все золотые.

Когда оба старших брата хотели дотронуться до этих вещей, то нашли их огненными, только младший брат мог взять их в руки и отнести в свое жилище, вследствие чего старшие передали ему царское достоинство. От трех братьев пошли разные скифские племена: от старшего — авхаты, от среднего — катиары и траопии, от младшего — царские, или паралаты, — все они вообще носили имя сколотов, а греки называли их скифами.

Днепр, виновник плодоносия берегов своих, дающий питание всему живущему на них, необходимо явился участником и в произведении человека — он дед, по матери, праотцу скифов; если небо участвовало непосредственно в произведении праотца скифов, то оно же непосредственно

научило его детей средствам к жизни: с неба упали четыре орудия, четыре символа главных занятий первобытного человека — земледелия, скотоводства, виноделия и звероловства. Младший брат захватил их себе, стал распорядителем, раздавателем средств к жизни, старшие братья должны были смотреть у него из рук — вот символ власти и подчинения!

У понтийских греков существовал другой миф о происхождении скифов. В нем говорится, что Геркулес пришел в страну, заселенную после скифами, и которая тогда была пуста. Там застигли его буря и холод, он завернулся в львиную кожу и заснул. Проснувшись, Геркулес увидел, что лошади, которых он оставил пастись, исчезли; он начал искать их по всей стране и когда пришел в лесную припонтийскую область Гюлэя, то нашел в пещере чудовище, ехидну, полу-женщину и полузмею. На спрос Геркулеса ехидна отвечала, что лошади у нее, но что она не отдаст их до тех пор, пока он не согласится иметь с ней связь. Геркулес вынужден был исполнить ее желание; плодом этой связи было трое сыновей: Агатирс, Гелон и Скиф, из которых последний, как самый достойный сын Геркулеса, остался обладателем страны и родоначальником царей скифских.

Относительно наружности скифы представляются у древних белокожими, краснолицыми, голубоглазыми, с мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скифы были очень похожи друг на друга, толсты, мясисты; браки их не отличались плодovitостью; нравы их — нравы всех младенчествующих народов; они были страстны, вспыльчивы, ленивы; их обычаи — обычаи всех кочевых народов, каких еще и теперь много питают степи Средней

¹ *Воловье иго* — аналог ярма, использовавшегося для быков.

Знаменитый древнегреческий врач, философ и писатель *Гиппократ* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) в своем труде «О воздухе, водах и местностях» так описывал скифов и их внешность:

«Прежде всего [скажу] о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшей причиной удлиненной [формы] головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, [происшедшему] от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем: лишь только родится ребенок, пока еще [кости] его мягки, неотвердевшую его головку выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и [других] подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насилывал ее...

В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, [сидя] на конях, и сражаются с врагами.

Азии; мужчины на лошадях, женщины и дети в кибитках, запряженных волами, перекочевывали с одного пастбища на другое; пища их — лошадиное молоко и мясо.

Как все варварские народы, скифы любили опьяняться дымом пахучих трав, потом полюбили привозное из Греции вино и пили его чистое, мужчины и женщины; пили и мед. На войне скифы отличались храбростью и жестокостью: сдирали кожу с убитых врагов, пили из черепов их; рассказы о скифских жестокостях повели к слуху, что они людоеды, питались даже мясом собственных детей. Сражались они конные и пешие, особенно славились скифские стрелки; стрелы намазывались ядом.

Трудно решить, одному ли владельцу повиновались скифы или многим; вожьд на войне был судьей в мирное время. Скифия разделялась на округа, в каждом округе был особый начальник, для общего собрания, веча, назначалось особое место. Различие между знатными и чернью, между богатыми и бедными существовало у скифов; были у них и рабы, которых они ослепляли.

Касательно религии Геродот перечисляет названия следующих божеств: Табити (Веста), Папайос (Зевс), Апия (Земля), Ойтосир (Аполлон), Артимпаса (Афродита), Тамимасада (Посейдон), кроме того упоминается о Геркулесе и Марсе; Табити (Веста), божество семьи, домашнего очага, пользовалось особенным уважением, считалось народным скифским божеством.

При кочевой жизни общественное богослужение не могло быть развито у скифов, понятно, что у них не могло быть храмов; изображением Марса служил меч, этому божеству приносились годовые жертвы — лошади и другие животные, приносили в жертву и пленных, изо ста одного. Вместо жрецов и у скифов, как у всех младенчествующих народов, видим толпу кудесников, гадателей; припонтийские страны славились как местопребывание чародеев. По смерти начальников своих скифы погребали вместе с ними их наложниц, служителей, лошадей и разные необходимые для жизни вещи.

Касательно быта других народов чуждого происхождения, но обитавших подле скифов, остались известия об агатирсах, живших к западу от скифов. Геродот называет их самым изнеженным, женоподобным народом, страст-

Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду с степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя [отделениями]; они непроницаемы ни для воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях: за ними следуют их стада овец и коров и [табуны] лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стада, а когда ее не [хватит], переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «гиппаку», сыр из кобыльего молока. Таков образ жизни и обычай скифов.

Скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и немускулистым телом. Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле они похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин.

Из народов, обитавших к северу от скифов, — о неврах — ходили слухи, что они живут по-скифски и будто в известные дни каждый невр обращался в волка — поверье, сильно укорененное между восточным народонаселением Европы. Андрофаги отличались необыкновенной дикостью; меланхлены имели скифские нравы. О будинах до Геродота дошли, как видно, одни смутные слухи; можно понимать, что в близком соседстве друг с другом жили два различных народа — будины и гелоны, будины — кочевники, гелоны — оседлые: у них большой деревянный город; Геродот считает гелонов греческими переселенцами.

К югу от скифов, в нынешнем Крыму, обитали тавры — народ дикий и свирепый, живущий грабежом и войной, на крышах домов их, над печными трубами виднелись шесты с воткнутыми на них головами пленников: эти варварские трофеи охраняли дом от всякого зла, как жертва, угодная божеству. По природным условиям полуострова тавры, подобно скифам, разделялись на кочевых — северных и земледельческих — южных.

Господство скифов сменилось господством сарматов, но от этой перемены история столь же мало выиграла, как от смены печенегов половцами: переменялись имена, отношения остались прежними, потому что был народов, сменявших друг друга, был одинаковый; и сарматы, подобно скифам, разделялись на кочевых и земледельческих, на господствующих и подчиненных. Но древние заметили и некоторые особенности у сарматов, главная из которых состояла в том, что у сарматов женщины имели большую силу, отличались храбростью и мужскими упражнениями. Это подало повод к сказке, что сарматы произошли от совокупления скифов с амазонками, но у древних писателей сохранилось также предание о происхождении сарматов из Мидии, предание, подтверждаемое теперь наукой.

Сарматы были белокуры, свирепы на вид, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по телу разными узорами, вели кочевую жизнь, не умели сражаться пешком, но на лошадях были неотразимы; от-

личались дикостью и жестокостью в нравах; поклонялись мечу, по другим известиям, огню, и приносили в жертву лошадей. Из сарматских племен сильнейшими явились языги на западе, в нынешней Бессарабии и Валахии, отчасти в Венгрии, и роксоланы на востоке — между Доном и Днепром; подле сарматов, на западных границах Скифии и восточных Германии, упоминается особый сильный народ бастарны, разделившийся на три поколения — атмонов, сидонов и певцинов.

Незадолго до рождения Христова или в первом веке после него в нынешней Европейской России являются аланы, пришедшие, как говорят, из стран прикавказских; римляне знали и этих страшных врагов на Дунае вместе с готами; но часть их в соединении с вандалами бросилась на запад, вместе с франками перешла Рейн, опустошила Галлию, напала на Италию, Сицилию, Грецию, вторглась в Испанию и, вероятно, даже в Африку. Большая часть племени оставалась, впрочем, в странах припонтийских до конца IV века, когда они на время смешались с победителями своими — гуннами, но в VI веке встречаем их опять между Доном и Волгой. К какому племени приписать алан, об этом еще спорят исследователи; есть основания считать их германцами; для нас, впрочем, и аланы, каково бы ни было их происхождение, остаются народом неисторическим, потому что их деятельность не отличается ничем от деятельности их предшественников: их следы также пропали в наших степях.

Мы упоминали о греческих колониях на северном берегу Понта. Самой значительной из них была здесь Ольвия (Борисфен, Милетополис), основанная милезийцами за 655 лет до р. х. при устье Гипаниса, или Буга. Старый город был разрушен гетами в середине последнего века до Р. Х. потом при участии скифов Ольвия была восстановлена, но не достигла прежнего богатства и великолепия; старый город, по Геродоту, имел предместье, рынок, дворец скифского царя Сколеса; по надписям видно, что в нем был гимназиум, хлебный склад, базар, рыбный рынок, корабельные верфи. Скифы производили здесь торговлю посредством семи толмачей; Ольвия имела обширные торговые связи с греческими городами до самой Сицилии. Главным храмом считался храм Юпитера Ольвиоса, где граждане собирались для совещаний, но из божеств особенным уважением пользовался Ахиллес, певцу которого, Гомеру, также воздавались божеские почести. В стране варварской жители Ольвии не могли сохранить в чистоте греческого языка, они переняли также и скифскую одежду, в которой преобладал черный цвет.

Кроме Ольвии, важными поселениями греческими были Пантикапея (около Керчи), служившая местопребыванием босфорским царям, потом Фанагория, которую полагают подле Тамани; кроме того, по берегам и во внутренности страны было много других торговых мест. Постоянная опасность со стороны варваров заставила все эти города вверить правление одному начальнику, вследствие чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорских владельцев и к наступательной, они покорили

своей власти разные окрестные варварские народы. Как начальники греческих городов, носили они название архонтов, или игемонов, как владельцы варварских народов назывались василевсами, или этнархами.

Таким образом, на берегах Понта, где сталкивалось столько разноплеменных и разнообычных народов, издавна являются странные, смешанные владения, каким в древности было Босфорское царство, в позднейшие времена — Козарское. Самую тесную связь с нашей историей имеет богатая греческая колония на Таврическом полуострове (где теперь Севастополь) — Херсонес (Херсон, Корсунь).

Существование многих торговых цветущих поселений предполагает обширную торговлю. Главным предметом вывоза с северных берегов Понта и в древности, как теперь, был хлеб, за ним следовала рыба, потом — воск, мед, кожи, меха, шерсть, лошади; рабы, как было сказано выше, составляли также одну из значительных отраслей понтийской торговли. Привоз состоял в выделанных кожах, которые в грубом виде были вывезены отсюда же, в одежде, масле, вине, произведениях искусств.

Только однажды однообразие этого пустынного мира было нарушено движением исторического народа, походом персидского царя Дария Гистаспа; предания об этом походе любопытны для историка, потому что дают понятие о свойствах страны и народов, в ней обитавших.

За 513 лет до Р. Х. с 700 или 800 тыс. войска и 600 кораблей переправился персидский царь через фракийский Босфор по великолепному мосту в Европу и вступил в Скифию. Скифы не встретили полчищ персидских, но стали удаляться в глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастание; персы начали кружить за ними. Утомленный бесплодной погоней, Дарий послал сказать скифскому царю: «Станный человек! Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду, и вступи с ним в разговор». Скиф отвечал: «Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобой; что делаю я теперь, то привык делать и во время мира, а почему не бьюсь с тобой, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоеуете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Одни кости мертвецов привязывали скифа к земле, и ничего, кроме могил, не оставил он в историческое наследие племенам грядущим. Персы увидели, что зашли в страну могил и обратились назад.

Вторжение персов в Скифию не произвело ничего, кроме ускоренного движения ее обитателей. Движения из Азии не могли возбудить исторической жизни в странах понтийских, но вот слышится предание о противоположном движении с запада, из Европы, о движении племен, давших стране историю.



ГЛАВА 3

*Славянское племя.— Его движение.— Родовой быт славян.—
Нравы и обычаи.— Финское племя.— Литовское племя.— Ятвяги.—
Готское движение.— Гунны.— Авары.— Козары.— Варяги.— Русь.*

Славянское племя не помнит о своем приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда, но оно сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток, вследствие натиска какого-то сильного врага. Вот это предание о первоначальном месте жительства славян и движениях их, как оно читается у нашего русского летописца:

«Спустя много времени после вавилонского столпотворения сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская.

От тех славян разошлись по земле племена и прозвались своими именами, где которое племя село на каком месте; одни пришли и сели на реке именем Морава и прозвались моравами, другие назвались чехами; а вот тоже славяне — хорваты белые, сербы и хорутане. Когда волхи нашли на славян дунайских, поселились среди них и начали насильничать, то те славяне (т. е. моравы и чехи) двинулись, сели на Висле-реке и прозвались ляхами, а от тех ляхов прозвались поляне (поляки), к племени же ляхов принадлежат лутичи, мазовшане и поморяне. Также и эти славяне (т. е. хорваты белые, сербы и хорутане) двинулись и сели по Днепру» и проч.

Перейдем теперь к точнейшим указаниям нашего начального летописца о расселениях восточных славянских племен, вошедших в состав Русского государства. Об этом расселении летопись говорит в трех местах; в первом месте говорится, что восточная отрасль славян, т. е. хорваты белые, сербы и хорутане, будучи потеснены врагом, двинулись на северо-восток, и одни сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах; далее сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; некоторые сели на Двине и назвались полочанами, от имени речки Полоты, впадающей в Двину. Часть славян села также около озера Ильменя и прозвалась своим именем — славянами. Эти славяне построили город и назвали его Новгородом, остальные славяне сели по Десне, по Семи, по Суле и назвались севером или северянами.

В другом месте говорится, что у полян было свое княжение, у древлян — свое, у дреговичей — свое, у славян — свое в Новгороде, у полочан — свое. От них же, т. е. от полочан, кривичи, которые сидят на верховьях Волги, Двины и Днепра, у них город Смоленск; от них — северяне. Потом тут же перечисляются племена в таком порядке: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, север с прибавкой бужан, назвавшихся так по реке Бугу и прозванных после волянынами.

Наконец, в третьем месте говоря о полянах и древлянах, с подтверждением, что они племени славянского, летописец прибавляет еще радимичей и вятичей, которые происходят от ляхов, т. е. от западных славян; были два брата в ляхах, Радим и Вятко: Радим пришел и сел с родом своим на реке Соже, а Вятко — на Оке. Тут же прибавлены хорваты, потом дулебы, жившие по Бугу, где во время летописца были уже воляныне; наконец угличи и тиверцы, сидевшие по Днестру, до самого моря и Дуная, многочисленные племена, у которых были города, существовавшие до времен летописца.

Племя полян приобрело особенное значение потому, что городок, среди него основанный, Киев, стал главным городом Русской земли. Насчет основания Киева, как вообще всех древних знаменитых городов, ходили разные предания. Название его, сходное с прилагательной притяжательной формой, заставило предположить имя основателя Кия (Кий — Киев город, как Андрей — Андреев, Петр — Петров); название разных городских урочищ, гор — Щековицы и Хоревыцы повели к предположению первых насельников — Щека и Хорива; господствующие понятия заставили связать Кия, Щека и Хорива кровным союзом, предположить в них братьев; название речки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрой Лыбедью.

Что касается быта славянских восточных племен, то начальный летописец оставил нам о нем следующее известие: «Каждый жил со своим родом, отдельно, на своих местах, каждый владел родом своим»

Единство рода, связь племен поддерживались единым родоначальником, эти родоначальники носили разные названия — старцев, жупанов, владык, князей и проч.; последнее название, как видно, было особенно в употреблении у славян русских и по словопроизводству имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства.

Существуют различные взгляды на родовой быт: одни представляют его в идиллическом виде, предполагают в нем исключительное господство нежных, родственных отношений, другие, напротив, смотрят на него с противоположной стороны, предполагают суровость отношений между отцом и детьми, между родоначальником и родичами, подавление родственных отношений правительственными, причем приводят в пример семью римскую и германскую, где отец имел право осуждать своих детей на рабство и смерть.

Отношения родоначальника к родичам понятны, когда род состоит из одних нисходящих, но когда отец, дед или прадед умирает, то каким образом поддерживается единство рода? Оно поддерживалось восстановлением отеческой власти, один из старших родичей занимал отцовское место. Старинная чешская песня говорит: «Когда умрет глава рода, то все дети сообща владеют имением, выбрав себе из роду своего владыку».

Избранный старшина управляет всеми работами, хранит общественную казну, вносит подати, раздаст своим детям и братьям пищу и одежду, наказывает их за проступки; в большие праздники он напоминает о древнем значении владыки рода, как жреца, потому что окруженный всеми родичами кадит иконы.

Последующая история Рюрикова княжеского рода показывает, что и в быте наших восточных славян имели место те же самые явления: старший брат обыкновенно заступал место отца для младших. Но легко понять, какие следствия могла иметь такая неопределенность прав и отношений: невозможно, чтобы младшие постоянно согласно смотрели на действия старшего; каждый младший, будучи недоволен решением старшего, имел возможность восстать против этого решения; он уважал старшего брата, как отца, но когда этот старший брат, по его мнению, поступал с ним не как брат, не как отец, не по-родственному, но как чужой, даже как враг, то этим самым родственный союз, родственные отношения между ними рушились, рушились вместе все права и обязанности, ничем другим не определенные.

Обширность и девственность населенной восточными славянами страны давали родичам возможность выселяться при первом новом неудовольствии, что, разумеется, должно было ослаблять усобицы; места было много, за него по крайней мере не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенные удобства местности привязывали к ней родичей и не позволяли им так легко выселяться — это особенно могло случаться в городах, местах, выбранных родом по особенному удобству и огороженных, укрепленных общими усилиями родичей и целых поколений; следовательно, в городах усобицы должны были быть сильнее.

Городов, как видно, было немного: знаем, что славяне любили жить рассеянно, по родам, которым леса и болота служили вместо городов; на всем пути из Новгорода до Киева, по течению большой реки, Олег нашел только два города — Смоленск и Любеч; у древлян упоминаются города, кроме Коростеня; на юге должно было находиться больше городов, здесь более было нужды в защите от нашествия диких орд, да и потому, что место было открытее; у тиверцев и угличей были города, сохранившиеся и во времена летописца; в средней полосе — у дреговичей, радимичей, вятичей — не встречается упоминания о городах.

Что касается нравов и обычаев славян языческих, то они обуславливаются преимущественно тогдашним народным бытом. Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своей нравственностью про-

изводили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных или полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадаются очень редко между славянами.

Все писатели единогласно превозносят гостеприимство славян, их ласковость к иностранцам, которых усердно провожали из одного места в другое, и если случится, что странник потерпит какую-нибудь беду по нерадению своего хозяина, то сосед последнего вооружается против него, почитая священным долгом отомстить за странника; о северо-западных славянах рассказывают, что у них считалось позволительным украсть для угощения.

Гостеприимство есть черта, принадлежащая не одним славянам: у греков нарушить долг гостеприимства значило оскорбить высшее божество — Зевса; и теперь путешественники удивляются гостеприимству дикарей Северной Америки. Но гостеприимство имело еще и другие причины: для народа, живущего в простоте нравов, чужеземец, странник был явлением важным, любопытным; сколько наслаждений мог он доставить рассказом о своих похождениях! Сюда должно присоединить и религиозные понятия: каждое жилище, очаг каждого дома был местопребыванием домашнего божества; странник, входивший в дом, отдавался под покровительство этого божества; оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконец, странник, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносил добрую славу о человеке и роде гостеприимном¹.

Писатели хвалят обхождение славян с пленными, которыми оставлена жизнь; говорят, что у славян пленные не рабствовали целый век, как у других народов, но что назначен был известный срок, по прошествии которого они были вольны или возвратиться к своим, дав откуп, или остаться жить между славянами в качестве людей вольных и друзей.

Мы заметили, что на иностранных писателей нравы славян производили благоприятное впечатление, они отзываются о них с похвалой. Вовсе не так снисходителен к древним славянским нравам и обычаям наш начальный летописец, духовный христианский, который потому с омерзением смотрел на все, что напоминало о древнем язычестве. Исключая полян, имевших обычаи кроткие и тихие, стыдливых перед снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровьями и деверьями, имевших брачный обычай, нравы остальных племен у него описаны черными красками: древляне жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, а похищение девиц. Радимичи, вятичи и северяне имели одинаковый обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое, срамословили перед отцами и перед снохами, браков у них не было, но игрища между селами, где молодые люди, сговорившись с девицами, похищали их; держали по две и по три жены.

Что касается положения славянской женщины, то девушки, как видно, пользовались полной свободой: летописец говорит, что они сходились с молодыми людьми чужих родов на игрищах, имели возможность совещаться с ними для бегства. Иностранцы писатели удивляются привязанности славянских женщин к мужьям, за которыми они следовали даже в могилу.

¹ Мономах говорит в поучении: «Боле же чтите гость, откуда же к вам придет, или прост, или добр, или сол, аще не можете даром, и брашном и питьем; ти бо мимоходячи прославлять человека по всем землям, либо добрым, либо злым». (Примеч. автора.)

После брачного обычая, в котором резче всего выражаются нравственные понятия народа, для летописца, христианского монаха, был всего важнее обычай погребения, в котором выражаются обыкновенно понятия народа о загробной жизни, и потому в летописи читаем описание этого обычая. Радимичи, вятичи, северяне и кривичи совершали тризну над покойником, потом сжигали труп, кости собирали в небольшой сосуд, который ставили на столбе при дороге. Под именем тризны разумелись, как видно, вообще поминки и потом преимущественно борьба в честь умершего, с поминками соединялся веселый, пьяный пир, также резание и царапание лица в знак печали. Одновременно с обычаем сжигания и установки урн с пеплом на придорожных столбах существовал и обычай погребения в могилах, которые насыпали холмами.

Иностранные писатели говорят, что славяне жили в дрянных избах, находящихся на далеком расстоянии друг от друга, и часто переменили место жительства. Такая непрочность и частая перемена жилищ была следствием непрерывной опасности, которая грозила славянам и от своих родовых усобиц, и от нашествий чуждых народов. Привычка довольствоваться малым и всегда быть готовым покинуть жилище поддерживала в славянине отвращение к чуждому игу.

Родовой быт, обуславливавший разъединение, вражду и, следовательно, слабость между славянами, обуславливал необходимо и образ ведения войны: не имея одного общего начальника и враждуя друг с другом, славяне уклонялись от сколько-нибудь правильных сражений, где бы должны были биться соединенными силами на местах ровных и открытых. Они любили сражаться с врагами в местах узких, непроходимых, если нападали, то нападали набегом, внезапно, хитростью, любили сражаться в лесах, куда заманивали неприятеля бегством, и потом, возвратившись, наносили ему поражение. Вот почему император Маврикий советует нападать на славян зимою, когда им неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снег препятствует движению бегущих, да и съестных припасов у них тогда мало.

Особенно отличались славяне искусством плавать и скрываться в реках, где могли оставаться гораздо дольше, чем люди другого племени, они держались под водой, лежа на спине и держа во рту выдолбленный тростник, которого верхушка выходила на поверхность реки и таким образом проводила воздух скрытому пловцу.

Вооружение славян состояло в двух малых копьях, которые имели и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькие стрелы, намазанные ядом, очень действенным, если искусный врач не подаст скорой помощи раненому. У Прокопия¹ читаем, что славяне, вступая в битву, не надевали лат, на некоторых не бывало даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопий не хвалит славян за опрятность, говорит, что, подобно массагетам, они покрыты грязью и всякой нечистотой. Как все народы, в простоте быта живущие, славяне были здоровы, крепки, легко сносили холод и жар, недостаток в одежде и пище. О наружности древних славян

¹ *Прокопий Кесарийский* (между 490 и 507 — ок. 565) — византийский писатель сирийского происхождения; секретарь полководца Велизария. Благодаря своему положению, Прокопий не только был очевидцем ключевых событий истории Византии того периода, но и имел доступ к самой важной и секретной информации. Его самым важным трудом является фундаментальный труд «История войн» в восьми книгах.

современники говорят, что они все похожи друг на друга, высоки ростом, статны, кожа у них не совершенно бела, волосы длинные, темно-русые, лицо красноватое.

Прокопий Кесарийский так писал о славянах и антах: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас принести богу жертву за свою душу, и, избежав смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания.

Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают: иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами.

У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый».

Основываясь на определенных указаниях современников, мы находим у наших славян при поклонении многим различным явлениям природы под разными именами божестве поклонение одному верховному божеству, к которому остальные находились в подчиненном отношении; это верховное божество, по свидетельству одного из древнейших писателей о славянах, Прокопия, было божеством молнии, которое наш летописец называет Перуном. Имеем право думать, что Перун у языческих славян носил еще другое название — Сварог².

Верховное божество Сварог-Перун порождало двоих сыновей, двух Сварожичей: солнце и огонь. Поклонение солнцу, как видно, было сильно распространено между славянами; в «Слове о полку Игореве» русские называются внуками Дажбога. Если так, то к нему имеем право отнести известные воззвания в наших песнях: Дид (лед) Ладо; по-

² *Сварог*, индийское *сварга* сложено из двух частей: *свар* — «небо, свет», и из окончания *га*, означающего «хождение»; следовательно *сварга* имеет смысл пребывания на небе или хождения по небу. В Ипатьевском списке летописи читаем следующее о Свароге: «И бысть по потопе и по разделены язык, поча царствовати первое Местром от рода Хамова, по нем Еремия, по нем Феоста, иже и Саварога нарекоша Егуптяне, царствующую сему Феосте в Егупте, во время царства его, спадоша клеще с небесе, нача ковати оружие». Славянский Сварог объясняется здесь отождествлением его с древним Феостом или Ефестом, Вулканом, египетским Фтас; Ефест есть бог молнии, ковач небесного, божественного оружия, в его царствование «спадоша клеще с небесе, нача ковати оружие»; но бог молнии, бог оружия есть Перун. (Примеч. автора.)



Ночь на Ивана Купала.

Иллюстрация из многотомного издания «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». 1881–1901 гг.

следнее название, означающее свет, красоту, мир, любовь, радость, всего приличнее может относиться к солнцу¹. Другой припев: Ляль, Лель означает также деда. Кроме названий Ладо и Дажбога, к солнцу же не без основания относят имена Хорса, Сура, или Тура, Волоса. Вместе с солнцем обоготворялись месяц и звезды, находившиеся к солнцу, как видно, в родственных отношениях; обоготворялись также вода и воздух.

Если славяне поклонялись явлениям природы, то легко догадаться, при каких случаях, в какое время года будут они торжествовать свои религиозные праздники. Так, например, они праздновали в конце декабря, когда солнце начинает брать силу, дни начинают прибывать; этот праздник, совпадающий теперь с праздником Рождества Христова, носит преимущественно название коляда; существенный обряд праздника состоит в хождении славить (божество) и собирать подаяние; как видно, во времена языческие приношения собирались для общей жертвы.

Второй праздник торжествовался в начале весны, но так как это время приходит в великий пост, то по принятии христианства празднование перенесено на конец рождественского мясоеда и отчасти на Светлое воскресенье. Итак, мас-

леница есть языческий весенний праздник². Встреча весны и проводы зимы празднуются у всех славянских народов почти с одинаковыми обрядами: употребляется заклинание весны с разными приветами; в Малороссии и у западных славян зима или смерть олицетворяются в образе женщины под именем Мары, Мараны, Марены, чучело которой сжигают.

Весну встречают обыкновенно на Красной горке. Тут начинаются хороводы, или короводы, религиозное значение которых и отношение к солнцу не подлежит сомнению. Время воскресенья всей природы и усиления желаний считалось самым приличным временем для заключения брачных союзов и для поздравления молодых супругов: это поздравление известно под именем выюнитства.

Третий праздник имеет место 23 июня и известен под именем Ивана Купалы, потому что происходит на Иванов день. Хотя по обрядам праздника можно догадываться, что он относился к трем стихийным божествам — обоим Сварожичам, солнцу и огню, и воде, однако можно относить его и к одному солнцу. Естественно, могло произойти верова-

¹ Очень естественно имя Лада и Лады давалось также любовникам и супругам, которых небесная чета — Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразом; употребляется же ласкательное «мой свет!». (Примеч. автора.)

² На отношение масленицы к солнцу указывает следующее обыкновение: на огромных санях возят наряженного мужика, который сидит на колесе сверху столба, утвержденного посреди саней, колесо же было у языческих народов изображением солнца; притом на севере во время масленицы поют также коляду, что указывает на отношение масленицы к зимнему празднику солнца. (Примеч. автора.)

ние, что солнце, дающее силу растениям, особенно дает ее, когда само достигает высшей силы; это верование должно было повести к обычаю собирать травы в летний праздник солнца и приписывать им чудодейственную силу.

С другой стороны, солнце, производя сильное влияние на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вера в целительность купания во время летнего солнцестояния независимо уже от естественного обычая обмыться ночью, чтобы встретить в чистоте восходящее светило. Наконец, зажигание костров было необходимо для всякого ночного собрания, ночных игр, было необходимо оно также и для жертвоприношений; прыгание же через зажженные костры имело значение очищения. Вот почему ночь на Иванов день сопровождается: 1) собиранием трав, 2) купанием, 3) зажиганием костров и прыганием через них. Естественно также, и потому обще не одним только славянским народам, принесение в жертву, сожжение белого пуха — птицы, приветствующей рассвет, угодной солнцу.

Ночь Купалы исполнена, по мнению простолудинов, чародейных явлений: рыбаки уверяют, что поверхность реки бывает тогда подернута серебристым блеском; деревья переходят с места на место и шумом ветвей разговаривают между собой; утверждают еще, что кто имеет при себе папоротник, тот может понимать язык каждого творения, может видеть, как расходятся дубы и составляют свою беседу, может слышать, как разговаривают они про богатырские свои подвиги. В Иванов день солнце выезжает из своего чертога на трех конях, серебряном, золотом и бриллиантовом, навстречу своему супругу — месяцу; в проезд свой оно пляшет и рассыпает по небу огненные искры. И в летний праздник повторяется обряд истребления чучела Мары — холода, смерти: ее топят в воде.

При вере в загробную жизнь естественно было прийти к тому мнению, что душа умершего родоначальника и по смерти блюдет за благосостоянием рода — отсюда происхождение духов-покровителей для целого рода и каждого родича — *рода и рожаниц*. В значении рода божества-покровителя являются *щур*, дед, прадед, что ясно из употребительного *пращур*; *щур* предполагает форму *чур*, под которым именем собственно и известно божество, охраняющее род, дом. Это божество призывается и теперь бессознательно в опасностях, особенно когда простолудин думает, что он подвержен злобе духов: «Чур меня! Чур меня!» — говорит он тогда.

В непосредственной связи с верованием, что весной души умерших встают для наслаждения новой жизнью природы, находится праздник русалок, или русальная неделя. Русалки вовсе не суть речные или какие бы то ни было нимфы; имя их не происходит от руслы, но от *русый* (светлый, ясный); русалки суть не что иное как души умерших, выходящие весной насладиться оживленной природой. Если они и представляются прекрасными, то всегда, однако, носят на себе отпечаток безжизненности, бледности. У всех языческих народов путь водный считался проводником в подземное царство и из него назад, поэтому и русалки являются из воды, живут сперва в реках и показываются при колодцах.

В тесной связи с русалками находятся водяные дедушки, лешие, кикиморы и проч. Мертвецы были известны еще под именем *навья* и представлялись в виде существ малорослых, карликов (людки).

Вот главные первоначальные черты верований восточных славян. Летописи молчат о существовании храмов и жрецов у наших восточных славян; нельзя предположить,

что если бы храмы существовали, то летописцы умолчали бы об их разрушении или превращении в церкви при рассказе о введении христианства и испровержении идолов. Летописи молчат также и о жрецах; князь ставит идолов, князь приносит жертвы, толпа требует человеческой крови для богов, о жрецах ни слова; князь переменил веру, все люди делают то же, и жрецы не только не противятся, но о них нет даже и помину. Эта неразвитость общественного богослужения, отсутствие храмов и жрецов не должны несколько поражать нас — все это необходимо при том быте, в котором жили славяне, в каждом роде старший был вместе и жрецом, он приносил жертвы, он гадал о будущем¹.

Природными жертвенниками, алтарями для младенческих народов служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, зато щедра на естественные капища (шатры, навесы) — многоветвистые деревья: под ними-то преимущественно совершались религиозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дуб), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметом благоговейного уважения, как местопребывание богов, куда они стекались для принятия жертв. Кроме деревьев, жертвы приносились также у воды.

Есть известие, что у русских славян были также в обычае человеческие жертвы, которые у народов были большей частью умиловительные: при каких-нибудь общественных бедствиях думали, что божество гневается за чьи-нибудь грехи, и потому искали преступника, которого и приносили в умиловительную жертву; потом приносили обыкновенно в жертву богам пленников по господствовавшему мнению, что побежденный есть грешник, разгневавший божество.

Если у восточных славян не было жреческого класса, зато были волхвы, гадатели, кудесники, ведуны, ведьмы. О волхвах славянских мы знаем очень мало, но нет сомнения, что они имеют тесную связь с волхвами финскими по близкому соседству и союзничеству этих двух народов, тем более что после, по принятии христианства, волхвы преимущественно являются на финском севере и оттуда мутят славянское народонаселение. Финское племя искони отличалось склонностью к волшебству, искони славилось им: у финнов преимущественно было развито учение о злых божествах, о злых духах и о сообщении с ними.

История застаёт финское племя на крайнем севере; очень вероятно, что Геродотовы андрофаги, меланхлены и фиссагеты принадлежали к этому племени. Немецкое название чудского племени — финны — впервые встречаем у Тацита²;

¹ Как это произошло, показывает и теперь еще существующий обычай: в Малороссии в щедрый, или богатый, вечер 31 декабря каждая хозяйка готовит множество вареников, книшей, пирогов и, поставив все это кучей на столе, затеплив свечу перед образами, накурив ладаном, просит мужа исполнить закон: отец семейства должен сесть на покути, за грудой всякого печенья. Когда дети, войдя и молясь, спрашивают: «Дэ ж наш батько?», то он спрашивает их в свою очередь: «Хиба ж вы мэнэ нэ бачитэ?», и на слова их: «Нэ бачимо, тату», говорит: «Дай жэ божэ, шоб и на той рок нэ побачиль». Этими словами он выражает желание, чтобы и в будущем году было такое же изобилие всего, как в настоящем. (Примеч. автора.)

² Публий Корнелий Тацит (50-е — ок. 120) — один из самых известных древнеримских историков и писателей античности, автор двух фундаментальных исторических трудов «История» и «Анналы».



Вторжение гуннов.

Гравюра с исторической картины. 1882 г.

Птолемей¹ упоминает также о финнах; у Иорнанда² в искаженных именах народов, покоренных готским королем Германарихом, можно узнать чудь, весь, мерю, мордву, черемисов, и, быть может, даже пермь. Начальный летописец русский знает следующие финские народы, жившие в его время в полунощных странах и платившие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ям. Общеплеменное название *финны* есть название немецкое, *чудь* — славянское, *суомалайн* — своенародное. Финн на немецком языке означает жителя болотной, влажной низменности; то же означают и финские названия разных племен, например, емь или ям (*ham*) значит «мокрый, водяной», весь объясняется из финского *vesi* — «вода». По нашему летописцу видно, что финны имели города, подобно славянам, подобно последним терпели от родовых усобиц по изгнании варягов, вследствие чего вместе с ними и призвали князей; в скандинавских преданиях финны являются искусными кузнецами, финские мечи славятся на севере.

В тесной связи со славянскими племенами на западе находилось племя литовское, игравшее важную роль в нашей истории и потом вошедшее в состав Русского государства.

¹ Клавдий Птолемей (ок. 100 — ок. 170) — древнегреческий астроном, астролог, математик, механик и географ.

² Иордан (часто ошибочно именуемый Иорнандом) — готский историк VI в., автор работы «О происхождении и деяниях гетов»; по мнению современных историков, этот труд ценен тем, что Иордан пользовался множеством не дошедших до наших дней источников.

К литовскому племени принадлежали древние пруссы, голяды, судены, корсь и нынешние литовцы и латыши. У литовского племени подле князей мы видим жрецов с обширным влиянием и кругом деятельности; князь (*rikgs*) ведал военные дела, все, что относилось к внешней защите страны и к сохранению внутренней безопасности; верховный жрец (*криве*) заведовал не только делами богослужебными, но и судебными, был верховным судьей и нарядником.

Уставы, обычаи литовского племени, сходные в главном с уставами и обычаями других соседних племен, славянских и германских, разнятся от последних тем, что проникнуты религиозным началом, истекают из него: так, например, мы видим, что у литовцев, точно так как у германцев, отец семейства имел право убивать своих больных или увечных детей, но у литовцев этот обычай освящен был религиозным основанием: «Потому что слуги литовских богов должны не стнать, но смеяться, потому что бедствие человеческое причиняет скорбь богам и людям». На том же основании дети имели право умерщвлять престарелых и больных родителей; человеческие жертвы дозволялись и оправдывались: «Кто в здоровом теле захочет принести в жертву богам себя или своего ребенка, или домочадца, тот может сделать это беспрепятственно, потому что, освященные через огонь и блаженные, будут они веселиться вместе с богами».

Женщины также страдали в подобных обстоятельствах: литовцы прежде всего отделялись от них во время голода, а финны при своей склонности к суевию приписывали чародейству женщин непосредственное участие в произведе-

дении последнего. Безбрачие было необходимым условием для криве¹ и для всех подчиненных ему жрецов; женщина была, видимо, унижена, исключена из сообщества с мужчинами.

Кроме Литвы, в наших летописях встречаем еще народ, с которым Русь также очень рано входит в неприязненные столкновения и которого страна после вошла в состав империи — это загадочный народ ятвягов. Ятвяги жили, во-первых, в западной части Полесья, потом — во всем Подляшье, в части Мазовии, находившейся между речкой Валпушей, впадающей в Нарву, и Бугом; наконец, в древней Судавии. О происхождении ятвягов древние писатели разногласят: одни говорят, что ятвяги языком, религией и нравами были схожи с литвой, пруссами и самогитами, другие же, что ятвяги совершенно отличались языком от славян и литвы.

Каково бы ни было происхождение ятвягов, народ этот является в истории диким, разбойническим и очень долго сохраняет язычество. Веря в переселение душ, ятвяги в битвах не обращались в бегство и не давались в плен, — но гибли вместе с женами; вели образ жизни полуоседлый, полукочевой. Указывают и теперь еще остатки ятвягов в Скидельском округе, на левой стороне реки Пелясы и Котры, они резко отделяются от белорусов и литовцев смуглым видом, черным платьем, нравами и обычаями, хотя все уже говорят белорусским языком с литовским произношением. У белорусов в Подляшье существует поговорка: «Смотрит ятвягом (выгляда як ядвинга)» в значении «смотрит разбойником».

Таковы были ближайшие соседи славян в восточных жилищах их. Первое сколько-нибудь верное известие о судьбе этих народов мы встречаем не ранее IV века по Р. Х., когда они вошли во враждебные столкновения с готами. Только на трех кораблях, по преданию, явилась готская дружина на Балтийском море, но потом, вобрав в себя пришельцев из разных племен, своих и чужих, образовалась на берегах Понта в многочисленный народ, который не давал покоя областям империи. В IV веке готский вождь Германарих положил было основание государству в таких же обширных размерах, в каких после явились владения Рюриковичей; владеа тринадцатью племенами, между которыми легче других прочитываются имена чуди, веси, мери и мордвы, Германарих обратился против герулов; покорив последних, двинулся против венедов.

Венеды, говорит готский историк, неопытные в военном деле, но сильные своей многочисленностью, вздумали было сначала сопротивляться, но вынуждены были покориться Германариху, «потому что множество народа ничего не значит на войне», прибавляет тот же историк. Эсты, жители берегов прибалтийских, подчинились также Германариху, но в то время как его оружие было так счастливо на западе, в юго-восточных степях собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство готов при самом его рождении, — на берегах Дона явились гунны.

Как после, в XIII веке, русские не знали, откуда пришла на них гроза татарская, так теперь готы не умели определить происхождения гуннов; только сказка говорила, что один из готских князей выгнал в степь злых волшебниц, которые совкупились там с нечистыми духами, и от этого-то совкупления произошли чудовищные гунны.

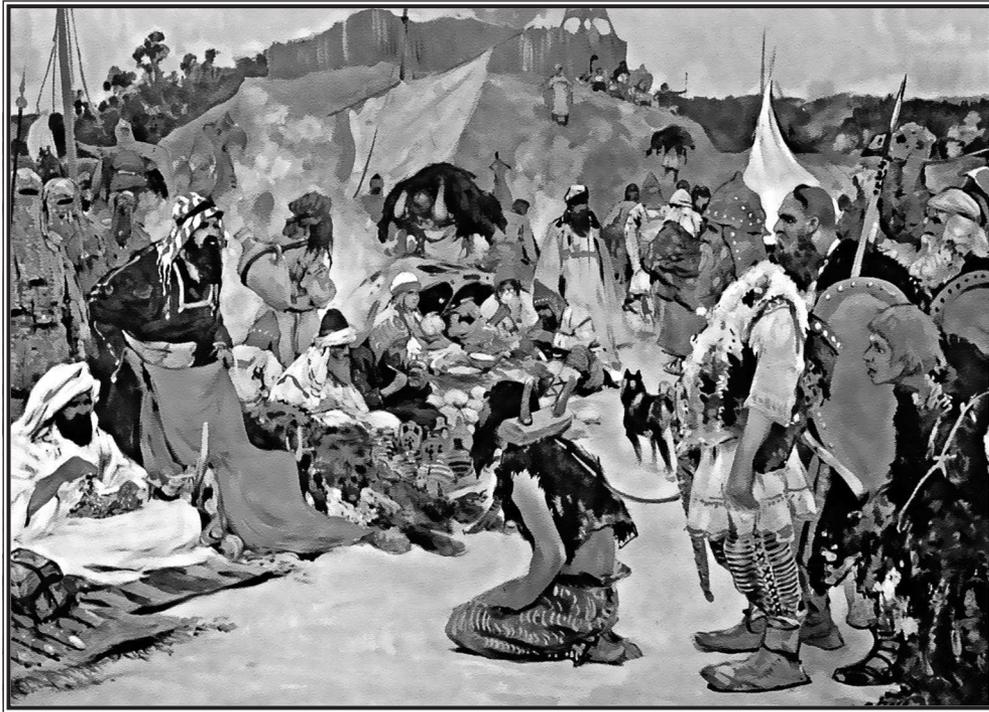
Сначала жили они на восточных берегах Азовского моря, занимаясь охотой, потом, возросши в числе, устремились грабить соседние народы. Лань показала им дорогу на противоположный берег моря; страх напал на разномысленные варварские народы, здесь обитавшие; храбрые аланы не могли в битвах выносить ужасного вида гуннов, потому что, собственно говоря, у них не было лица, но вместо него безобразный кусок мяса, на котором вместо глаз виднелись какие-то пятна. Безобразные в самой молодости, они старели без бород и жили, как дикие звери: питались кореньями и полусырым мясом зверей, согретого только немного под седлом; о домах не хотели знать, считали их могилами; с молодости привыкли переносить непогоду, голод и жажду; раз надев платье, они не снимали его до тех пор, пока оно само не свалится с них лоскутками; безобразная обувь мешала им ходить; они вечно сидели на своих маленьких, но крепких лошадях, на седлах отправляли все дела, ели, пили, спали, торговали, рассуждали. Никто из них никогда не принимался за плуг; военнопленные должны были обрабатывать землю и пасти стада. Не было у них ничего постоянного: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство их, гнев, жадность не сдерживались никакой религией, ни даже суеверием. Жены их жили на телегах, где ткали грубый холст, рожали и воспитывали детей; в битвах принимали участие вместе с мужьями; многоженство было у них в обычае.

Бесспорно, что славянские племена должны были платить дань гуннам, как после платили ее козарам; как видно, также гунны, раскинув во времена Аттилы стан свой в Паннонии, среди славян, переняли от последних некоторые обычаи. Верно только то, что после гуннского нашествия южные страны нынешней России опять загуманились для истории, как во времена скифов и сарматов; имена Скифии и Сарматии сменились именем Гуннии; славяне у соседних народов прослыли гуннами. Могущество последних рушилось по смерти Аттилы (453 г.); подчиненные прежде им народы выдвинулись опять из сплошной массы, но прошло не более столетия, как азиатские степи выслали новые толпы варваров одинакового происхождения с гуннами, — то были авары.

Авары, жившие прежде на Волге и Каспийском море, в 565 году перешли Дон и стали угнетать славян; известия об аварских угнетениях сохранились в славянских преданиях и занесены в летопись: авары (обры), по свидетельству последней, напали на славян, примучили дулебов и зверски поступали с их женами; когда нужно было схватить обрину, то он не велел запрягать в телегу ни коня, ни вола, но приказывал впрягать по три, по четыре или по пять женщин. Были обры, продолжает летописец, телом велики и умом горды, и бог истребил их, все померли, не осталось ни одного; есть поговорка в Руси и теперь: «Погибли, как обры».

Когда освободились от авар наши юго-восточные славянские племена — неизвестно, но в середине IX века мы застаем их платящими дань другому степному народу — козарам. Исследователи несогласны относительно происхождения козар; по всем вероятностям, это был народ, смешанный из разных племен, что было очень естественно на границах между Европой и Азией, на перепутье народов; смешанности племен в Козарском царстве соответствовало смешение религий: здесь уживались друг подле друга четыре религии — языческая, магометанская, христианская, еврейская, и последнюю исповедывал каган, верховный повелитель козаров — пример, единственный в истории.

¹ *Криве* — название верховного жреца у средневековых балтийских язычников.



С. В. Иванов. Торг в стране восточных славян.
1909 г.

Мы назвали козар степным народом, потому что хотя у них и были города, как например Итиль при устье Волги, но большинство народонаселения жило в кибитках, многие богатые имели глиняные мазанки, и только у кагана были высокие кирпичные хоромы. Летом город пустел: жители забирали имущество и откочевывали в степь.

Но в то время как азиаты, жившие на Дону и Волге, брали дань с племен славянских, живших преимущественно на восток от Днепра, племена, жившие от него к северу, платили дань варягам.

Кто же были эти варяги? Окончив перечисление народов по византийцу Амартолу¹ — симитов, хамитов и яфетитов, — русский летописец прибавляет от себя перечисление северных народов, которых не нашел у грека; также в Яфетовой части, говорит он, сидят: русь — здесь под этим именем летописец разумеет все славянские племена, находящиеся под властью русских князей, потом перечисляет чужие народы племени финского и латышского, которые в его время давали дань руси: чудь, меря, мурома, весь, мордва, заволоцкая чудь, пермь, печора, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, сетгола, ливь.

Дойдя в этом перечислении до берегов Балтийского моря, летописец переходит к независимым от Руси разноплеменным народам, обитавшим на берегах его, — «ляхи, пруссы, чудь живут на берегах моря Варяжского», — говорит он. Идя далее к северо-востоку, летописец, по своим понятиям, переходит на противоположный, северный, скандинавский берег Балтийского моря, и говорит, что по Ва-

ряжскому же морю сидят варяги — вот сюда к востоку, до предела Симова; по тому же морю сидят и к западу, до земли Английской и Волошской.

Следовательно, кого же летописец разумеет под именем варягов? Мы знаем и летописец знает, что в этих пределах живут шведы, норвежцы, готы, летописец их именно и называет до англичан. Итак, варяги летописца суть скандинавы; если скажут, что летописец разумел также южный берег Балтийского моря, где жили и славяне, то он уже назвал их прежде — «Ляхове, Пруси и Чудь присесть морю Варяжскому» — и потом совершенно молчит об них при исчислении народов варяжских.

Нам остается сказать несколько слов еще о значении названий *варяги* и *русь*. Сличив различные толкования ученых, можно вывести верное заключение, что под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волей или неволей покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских, на востоке, у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. Прибавим сюда, что название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, русь на берегах Черного моря была известна прежде середины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями.

Таковы, по нашему мнению, вероятнейшие выводы, какие можно добыть из многочисленных толков о варягах и руси.

¹ *Георгий Амартол* — византийский летописец IX в., автор «Хроники», излагающей всемирную историю от сотворения мира до 842 г.



ГЛАВА 4

Призвание варягов-руси северными племенами славянскими и финскими. — Следствия этого явления.

В середине IX века область нынешней России вследствие природного влияния разделялась главным образом на две части: племена, жившие на юго-востоке, находились в подчиненности от азиатского племени, стоявшего лагерем на Дону и Волге; племена, жившие на северо-западе, должны были подчиниться знаменитым морским королям, предводителям европейских дружин, вышедшим с берегов Скандинавии: «Брали дань Варяги из-за моря на Чуди, Славянах Новгородских, Мери, Веси и на Кривичах, а Козары брали на Полянах, Северянах, Радимичах и Вятичах, брали по горностаю и белке от дыма»¹.

Далее, под 862 годом, летописец говорит, что племена, платившие дань варягам, изгнали последних за море, не дали им дани и начали сами у себя владеть. Из этих слов должно заключить, что варяги не брали только дань с северных племен, но владели у них; иначе летописец не мог сказать, что после их изгнания племена начали сами у себя владеть и владели дурно, не могли установить внутреннего порядка: не было между ними правды, продолжает летописец, встал род на род, начались усобицы.

В таких обстоятельствах племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешив так, пошли они за море к варягам, к руси, и сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родичами своими, взяли с собой всю русь и пришли.

При изображении нравов и обычаев славян вообще замечено уже было, что родовой быт условливал между ними вражду, на которую так прямо указывают писатели иностранные, знавшие славян; наш летописец подтверждает их показания: как скоро, говорит он, племена начали владеть сами собой, то не стало у них правды, то есть беспристрастного решения споров, не было у них устава, который бы все согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушников к исполнению принятого устава.

Роды, столкнувшиеся на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собой, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, *третьего судью*, а таким мог быть только князь из чужого рода.

Установление наряда, нарушенного усобицами родов, было главной, единственной целью призвания князей, на нее летописец прямо и ясно указывает, не упоминая ни о каких других побуждениях, и это указание летописца совершенно согласно со всеми обстоятельствами, так что мы не имеем никакого права делать свои предположения.

Обратим теперь внимание на некоторые другие обстоятельства, встречающиеся в летописи при рассказе о призвании князей. Первое обстоятельство — это соединение племен славянских и финских. Второе обстоятельство в рассказе о призвании князей — это их расселение: старший брат, Рюрик, поселился у славян ильменских, второй, Синеус, — между чудью и весью на Белозере, третий, Трувор, — у кривичей в Изборске.

Наконец, остается последний вопрос: какое значение имеет призвание Рюрика в нашей истории? Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен через появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть.

¹ Дым означает обитаемое жилище, где топят, следовательно живут; дом просто еще ничего не значил; нужно, чтобы он был обитаем, важен был признак обитаемости — дым. Был обычай для наказания или вынуждения чего-нибудь разламывать печь и таким образом делать дом неудобным к обитанию; отсюда важность печи, очага в доме. (Примеч. автора.)



ГЛАВА 5

Предания о Рюрике, об Аскольде и Дире. — Олег, его движение на юг, поселение в Киеве. — Строение городов, установление дани, подчинение племен. — Греческий поход. — Смерть Олега, значение его в памяти народной. — Предание об Игоре. — Походы на Константинополь. — Печенеги. — Смерть Игоря, его характер в преданиях.

До нашего начального летописца дошло очень мало преданий о княжении Рюрика. Он знает только, что по прошествии двух лет от призвания младшие братья — Синеус и Трувор умерли, и всю власть принял один старший Рюрик; эта власть простиралась уже на кривичей западно-двинских, то есть полочан на юге, на мерю и мурому на северо-востоке. О войнах есть известие, что призванные князья начали воевать всюду, о правительственных мерах читаем, что Рюрик раздал города мужам своим, причем в некоторых списках прибавлено: «Раздая волости мужем своим и города рубити». Так, с Рюрика началась уже эта важная деятельность наших князей — построение городов, сосредоточение народонаселения.

Касательно определения отношений между призванным князем и призвавшими племенами сохранилось предание о смуте в Новгороде, о недовольных, которые жаловались на поведение Рюрика и его родичей или единоземцев, и во главе которых был какой-то Вадим; этот Вадим был убит Рюриком вместе со многими новгородцами, его советниками¹. Сохранилось предание, что по смерти братьев Рюрик оставил Ладогу, пришел к Ильменю, срубил город над Волховом, прозвал его Новгородом и сел тут княжить.

Предание говорит, что много людей перебежало из Новгорода в Киев: здесь, на южном конце великого водного Пути из варяг в греки, образовалось в то же время другое варяго-русское владение. Было, говорит предание, у Рюрика двое мужей, неродных ему; они выпросились у него идти к Царю-граду с родом своим, и когда шли вниз по Днепру, то увидели на горе городок, и спросили у тамошних жителей, чей он. Им отвечали, что были три брата, Кий, Щек и Хорив, построили этот городок и перемерли, а потомки их платят теперь дань козарам. Аскольд и Дир здесь остановились, около них собралось много варягов; сюда же, по некоторым известиям, перебежало из Новгорода много людей, недовольных Рюриком. Аскольд и Дир стали вождями довольно многочисленной шайки, окрестные поляне должны были подчиниться им; есть известия, что они дрались со степными варварами, с соседними славянскими племенами — древлянами и угличами, с дунайскими болгарами.

Став вождями довольно многочисленной дружины, Аскольд и Дир вздумали сделать набег на Византию, исполнить заветную мысль варяга, с какой они отправились из Новгорода; на 200 ладьях приплыла русь к Царю-граду, но попытка не удалась: буря, вставшая, по греческим свидетельствам, вследствие чудесного заступления Богородицы, разбила русские лодки, и немногие из дружины Аскольдовой возвратились с своими князьями назад в Киев.

В 869 году, по счету летописца, умер Рюрик, оставив малолетнего сына Игоря, которого отдал на руки родственнику своему Олегу. Если Рюрик уже сделал шаг вперед на юг по восточному пути, перейдя из Ладоги в Новгород, то преемник его двинулся гораздо далее и дошел до конца пути. Движение это было, однако, довольно медленным: три года, по счету летописца, пробыл Олег в Новгороде до выступления в поход на юг; потом он двинулся по водному восточному пути, собрав войско из варягов и из всех подвластных ему племен — чуди, славян (ильменских), мери, веси, кривичей.

Это обстоятельство есть самое важное в нашей начальной истории. Князь северного владения выступает в поход, но это не вождь одной варяжской шайки, дружины — в его руках силы всех северных племен; он идет по обычному варяжскому пути, но идет не с целью одного грабежа, не для того только, чтобы пробраться в Византию; пользуясь своей силой, он подчиняет себе все встречающиеся ему на пути племена, закрепляет себе навсегда все находящиеся на нем места, города, его поход представляет распространение одного владения за счет других, владения сильного за счет слабейших.

Перейдя волок и достигнув Днепра, Олег утверждает в земле днепровских кривичей, закрепляет себе их город Смоленск, сажает здесь своего мужа, разумеется, не одного, но с дружиной, достаточной для удержания за собой нового владения. Из Смоленска Олег пошел вниз по Дне-

¹ Никон: «Того же лета (863) оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев съветников его». *Вадим, водим* может быть и нарицательное имя: в некоторых областных наречиях оно означает «коновод, передовой, проводник».



В. П. Верещагин. Призвание князей варяжских. Князь Рюрик.

Иллюстрация из альбома «История Государства Российского в изображениях державных его правителей». 1896 г.

пру, пришел в землю северян, взял город их Любеч и прикрепил его к своему владению, посадил и здесь мужа своего.

Наконец, Олег достиг Киева, где княжили Аскольд и Дир; здесь, по преданию, он оставил большую часть своих лодок назади, скрыл ратных людей на тех лодках, на которых подплыл к Киеву, и послал сказать Аскольду и Диру, что земляки их, купцы, идущие в Грецию от Олега и княжича Игоря, хотят повидаться с ними. Аскольд и Дир пришли, но тотчас же были окружены ратными людьми, повывакивавшими из лодок; Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, не роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков». Аскольд и Дир были убиты и погребены на горе.

Как бы то ни было, убив Аскольда и Дира, Олег утвердился в Киеве, сделал его своим стольным городом; по свидетельству летописца, Олег сказал, что Киев должен быть «матерью городам русским».

Понятно, почему Олег остался в Киеве: кроме приятности климата, красоты местоположения и богатства страны сравнительно с севером, тому могли способствовать другие обстоятельства. Киев, как уже было замечено, находится там, где Днепр, приняв самые большие притоки свои справа и слева, Припять и Десну, поворачивает на восток, в степи — жилище кочевых народов. Здесь, следовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острог нового владения со стороны степей; здесь же, при начале степей, должно было быть и, вероятно, было прежде сборное место для русских лодок, отправлявшихся в Черное море. Таким образом два конца великого водного пути, на севере со стороны Ладожского озера и на юге со стороны степей, соединились в одном владении.

Первым делом Олега в Украине было построение городов, острожков, сколько для утверждения своей власти

в новых областях, столько же и для защиты со стороны степей. Потом нужно было определить отношения к старым областям, к племенам, жившим на северном конце водного пути, что было необходимо вследствие нового поселения на юге; главная форма, в которой выражались отношения этих племен к князю, была *дань*, и вот Олег устроил дани славянам (ильменским), кривичам и мери; новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривен для содержания наемной дружины из варягов, которые должны были защищать северные владения.

Построив города и установив дани у племен северных, Олег, по преданию, начинает подчинять себе другие племена славянские, жившие к востоку и западу от Днепра. Прежде всего Олег идет на древлян, у которых давно шла вражда с полянами; древляне не поддались добровольно русскому князю, их нужно было примучить, чтобы заставить платить дань, которая состояла в черной кунице с жилия. В следующем, по счету летописца, году (884) Олег пошел на северян, победил их и наложил дань легкую; эта легкость должна объясняться малым сопротивлением северян, которые платили дань козарам и, следовательно, могли легко согласиться платить ее русскому князю. Со своей стороны Олег должен был наложить на них только легкую дань, чтобы показать им выгоду русской зависимости перед козарской; он, по преданию, говорил северянам: «Я враг козарам, а вовсе не вам». Радимичи, платившие также дань козарам, в следующем году не оказали никакого сопротивления Олегу. Он послал спросить у них: «Кому даете дань?» Те отвечали: «Козарам». «Не давайте козарам, — велел сказать им Олег, — а давайте лучше мне», и радимичи стали платить русскому князю те же два шляга от рала¹, которые давали козарам.

¹ Шляг — арабская металлическая монета. «От рала» — с плуга или с сохи.

Но не так легко было справиться с теми племенами, которые прежде были независимы, не платили никому дани, не хотели и теперь платить ее Руси; мы видели сопротивление древлян; потом, с лишним в двадцать лет, по счету летописца, Олегу удалось покорить дулебов, хорватов и тиверцев, но угличей не удалось.

Только в 907 году Олег собрался в поход на греков; оставив Игоря в Киеве, он пошел со множеством варягов, славян (новгородцев), чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, дулебов и тиверцев, пошел на конях и в кораблях; кораблей было 2000, на каждом корабле по 40 человек. Когда русские корабли явились перед Константинополем, говорит предание, то греки замкнули гавань, заперли город. Олег приготовился к осаде города; греки испугались и послали сказать ему: «Не губи город, мы беремся давать тебе дань, какую хочешь». Императоры Лев и Александр целовали крест в соблюдении договора; привели также к присяге Олега и мужей его, те клялись по русскому закону: оружием, Перуном, богом своим, Волосом, скотым богом, и таким образом утвердили мир.

Допустив к себе русских на продолжительное житье в Константинополь, греческий двор должен был урядиться с киевским князем, как поступать при необходимых столкновениях русских с подданными империи. Вот почему в 911 году, следовательно, по счету летописца, через четыре года, Олег послал в Царьград мужей своих утвердить мир и положить ряд между греками и Русью на основании прежнего ряда, заключенного тотчас после похода.

Император одарил русских послов золотом, дорогими тканями, платьем и по обычаю приставил к ним людей, которые должны были водить их по церквям царьградским, показывать богатства их, также страсти Христовы, мощи святых, при чем излагать учение веры.

Послы возвратились к Олегу в 912 году, осенью этого года князь умер. Спрашивал он волхвов кудесников, от чего ему умереть? И сказал ему один кудесник: «Умереть тебе, князь, от любимого коня, на котором ты всегда ездил». Олег подумал: «Так никогда же не сяду на этого коня и не увижу его», — и велел кормить его, но не подводить к себе и так не трогал его несколько лет, до самого греческого похода. Возвратившись в Киев, жил Олег четыре года, на пятый вспомнил о коне, призвал конюшего и спросил: «Где тот конь мой, что я поставил кормить и беречь?» Конюший отвечал: «Он уже умер». Тогда Олег начал смеяться над кудесником и бранить его: «Эти волхвы вечно лгут, — говорил он, — вот конь-то умер, а я жив, поеду-ка я посмотреть его кости». Когда князь приехал на место, где лежали голые кости конские и череп голый, то сошел с лошади и наступил ногой на череп, говоря со смехом: «Так от этого-то черепа мне придется умереть!» Но тут выползла из черепа змея и ужалила Олега в ногу: князь разболелся и умер.

При разборе преданий об Олеге мы видим, что в народной памяти представлялся он не столько храбрым воителем, сколько вещим князем, мудрым или хитрым, что, по тогдашним понятиям, значило одно и то же: хитростью Олег овладевает Киевом, ловкими переговорами подчиняет себе без насилия племена, жившие на восточной стороне Днепра; под Царьградом хитростью пугает греков, не дается в обман самому хитрому народу и прозывается от своего народа *вещим*.

В предании он является также и князем-нарядником земли: он располагает дани, строит города; при нем впервые почти все племена, жившие по восточному водному

пути, собираются под одно знамя, получают понятие о своем единстве, впервые соединенными силами совершают дальний поход.

По счету летописца, преемник Олегов Игорь, сын Рюриков, княжил 33 года (912—945) и только пять преданий записано в летописи о делах этого князя; для княжения Олега высчитано также 33 года (879—912). Под 903 годом упоминается о женитьбе Игоря: Игорь вырос, говорит летописец, ходил по Олеге, слушался его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу. Первое предание об Игоре, занесенное в летопись, говорит, что древляне, примученные Олегом, не хотели платить дани новому князю, *затворились* от него, т. е. не стали пускать к себе за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошел на древлян, победил и наложил на них дань больше той, какую они платили прежде Олегу.

Потом летописец знает русское предание и греческое известие о походе Игоря на Константинополь: в 941 году русский князь пошел морем к берегам империи, болгары дали весть в Царьград, что идет Русь; выслан был против нее протовестиарий¹ Феофан, который пожег Игоревы лодки греческим огнем.

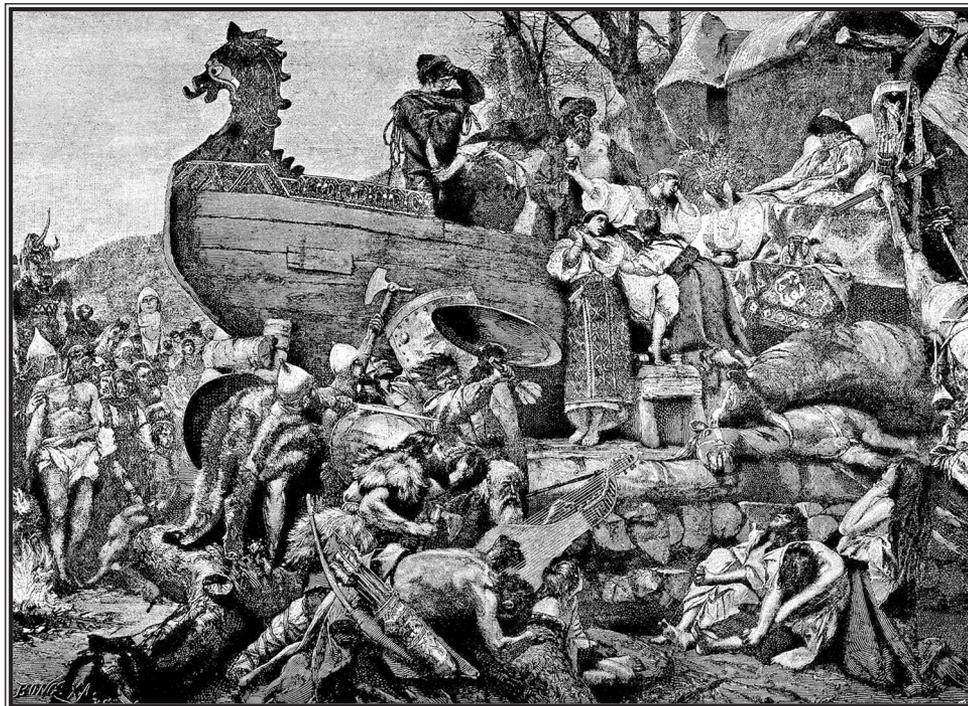
Второй поход Игоря на греков летописец помещает под 944 годом; на этот раз он говорит, что Игорь, подобно Олегу, собрал много войска: варягов, русь, полян, славян, кривичей, тиверцев, нанял печенегов, взявши у них заложников, и выступил в поход на ладьях и конях, чтобы отомстить за прежнее поражение. Тогда, по преданию, император послал к Игорю лучших бояр своих с просьбой: «Не ходи, но возьми дань, которую брал Олег, придам и еще к ней». Император послал и к печенегам дорогие ткани и много золота.

Игорь, дойдя до Дуная, созвал дружину и начал с ней думать о предложении императорских; дружина сказала: «Если так говорит царь, то чего же нам еще больше? Не бившись, возьмем золото, серебро и паволоки! Как знать, кто одолеет, мы или они? Ведь с морем нельзя заранее уговориться, не по земле ходим, а по глубине морской, одна смерть всем». Игорь послушался дружины, приказал печенегам воевать Болгарскую землю, взял у греков золото и паволоки на себя и на все войско и пошел назад в Киев.

В следующем, 945 году был заключен договор с греками также, как видно, для подтверждения кратких и, быть может, изустных усилий, заключенных тотчас по окончании похода. Для этого по обычаю отправились в Константинополь послы и гости: послы от великого князя и от всех его родственников и родственниц. Они заключили мир вечный до тех пор, «пока солнце сияет и весь мир стоит».

Послы Игоревы пришли домой вместе с послами греческими; Игорь призвал последних к себе и спросил: «Что вам говорил царь?» Те отвечали: «Царь послал нас к тебе, он рад миру, хочет иметь любовь с князем русским; твои послы водили наших царей к присяге, а цари послали нас привести к присяге тебя и мужей твоих». Игорь обещал им это. На другое утро он призвал послов и повел их на холм, где стоял Перун, здесь русские положили оружие свое, щиты, золото, и таким образом присягал Игорь и все люди его, сколько было некрещеной руси; христиан же приводили к присяге в церкви Св. Илии — это была соборная церковь, потому

¹ *Протовестиарий* — византийский титул, означавший начальника императорской гардеробной, церемониймейстера; однако в некоторые периоды истории Византии протовестиарии исполняли не только придворные функции, но и ходили в военные походы и командовали армиями.



Похороны знатного руса.

Гравюра по картине Г. И. Семирадского. Вторая половина XIX в.

что многие варяги уже были христианами. Игорь отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском.

Так рассказывает летописец о войне и мире с греками. Для нас договор Игоря и рассказ летописца замечательны во многих отношениях. Прежде всего встречаем замечательное выражение — *Русская земля*, которое попадает здесь в первый раз: знак большей твердости в отношении к стране, теснейшей связи с ней. Наконец, и в договоре, и в рассказе летописца ясно обнаруживаются следствия походов на Византию, связи с греками: Русь разделяется на языческую и христианскую, в Киеве видим соборную церковь Св. Илии.

Кроме столкновений с греками, в летопись занесено предание о столкновениях Игоря с кочующими степными народами — с печенегами. Под 915 годом летописец помещает первое известие о появлении печенегов в пределах Руси; на этот раз Игорь заключил с ними мир и они отправились к Дунаю, но через пять лет русский князь должен был уже силой отражать варваров; потом видим печенегов союзниками его в греческом походе.

Под 946 годом летописец помещает последнее предание об Игоре. Как пришла осень, рассказывает он, то дружина стала говорить князю: «Отроки Свенельда богаты оружием и платьем, а мы наги; пойдя, князь, с нами в дань: и ты добудешь, и мы!»¹ Послушался их Игорь, пошел за данью к древлянам, начал брать у них больше прежнего, делал им насилия и дружина его также. Взяв дань, Игорь пошел

в свой город; на дороге, подумав, сказал дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь, похожу еще».

Отпустив большую часть дружины домой, Игорь с небольшим числом ратников возвратился, чтобы набрать еще больше дани.

Древляне, услышав, что Игорь опять идет, начали думать с князем своим Малом: «Поведится волк к овцам, перетаскает все стадо, пока не убьют его, так и этот: если не убьем его, то всех нас разорит». Порешив так, они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять? Ведь ты взял всю дань?» Но Игорь не послушался их, тогда древляне, выйдя из города Коростеня, убили Игоря и всех бывших с ним².

Рассмотрев занесенные в летопись предания об Игоре, мы видим, что преемник Олега представлен в них князем недейственным, вождем неотважным. Он не ходит за данью к прежде подчиненным уже племенам, не покоряет новых, дружина его бедна и робка подобно ему: с большими силами без боя возвращаются они назад из греческого похода, потому что не уверены в своем мужестве и боятся бури. Но к этим чертам Игоря характера в предании прибавлена еще другая — корыстолюбие, недостойное по тогдашним понятиям хорошего вождя дружины, который делил все с ней, а Игорь, отпустив дружину домой, остался почти один у древлян, чтобы взятой еще данью не делиться с дружиной — здесь также объяснение, почему и первый поход на греков был предпринят с малым войском, да и во втором не все племена участвовали.

¹ За год только Игорь возвратился из греческого похода, «взяв с греков золото и павлоки и на вся вой», а между тем дружинники его жалуются, что они наги. Или распределение событий по годам у летописца неверно, или описание похода и его следствий неверно, а может быть, и то и другое. (Примеч. автора.)

² Византиец Лев Диакон говорит, что древляне, привязав Игоря к двум деревьям, разорвали его. (Примеч. автора.)



ГЛАВА 6

Правление Ольги.— Мсть древлянам.— Характер Ольги в предании.— Принятие христианства Ольгой.— Характер сына ее Святослава.— Его походы на вятичей и козаров.— Святослав в Дунайской Болгарии.— Печенеги под Киевом.— Смерть Ольги.— Распоряжение Святослава относительно сыновей.— Возвращение его в Болгарию.— Смерть Святослава.— Характер его в предании.— Усобица между сыновьями Святослава.

Древляне должны были ожидать мести от родных Игоря от Руси из Киева. Игорь оставил сына-младенца Святослава да жену Ольгу; воспитателем (кормильцем) Святослава был Асмуд, воеводой — знаменитый Свенельд. Ольга не дожидалась совершеннолетия сына и отомстила сама древлянам, как требовал закон.

Народное предание, занесенное в летопись, так говорит о мести Ольгиной. Убив Игоря, древляне стали думать: «Вот мы убили русского князя, возьмем теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а с сыном его, Святославом, сделаем, что хотим». Порешив таким образом, древляне послали двадцать лучших мужей своих к Ольге в ладье. Узнав, что пришли древляне, Ольга позвала их к себе и спросила, зачем они пришли. Послы отвечали: «Послала нас Древлянская земля сказать тебе: мужа твоего мы убили, потому что он грабил нас, как волк, а наши князья добры, распустили Древлянскую землю, чтобы тебе пойти замуж за нашего князя Мала?» Ольга сказала им на это: «Люба мне ваша речь; ведь, в самом деле, мне мужа своего не воскресить! Но мне хочется почтить вас завтра пред своими людьми; теперь вы ступайте назад в свою ладью и разлягтесь там с важностию; а как завтра утром я пришлю за вами, то вы скажете посланным: “Не едем на конях, не идем пешком, а несите нас в ладье!” Они вас и понесут».

Когда древляне ушли назад в свою лодку, то Ольга велела на загородном теремном дворе выкопать большую глубокую яму и на другое утро послала за гостями, велев сказать им: «Ольга зовет вас на великую честь». Древляне отвечали: «Не едем ни на конях, ни на возах и пешком не идем, несите нас в ладье!» Когда принесли их на теремный двор, то бросили в яму как есть в ладье. Княгиня велела засыпать их живых, и засыпали.

После этого Ольга послала сказать древлянам: «Если вы в самом деле меня просите к себе, то пришлите мужей нарочитых, чтобы мне придти к вам с великой честью, а то, пожалуй, киевляне меня и не пустят». Древляне выбрали лучших мужей, державших их землю, и послали в Киев. По приезде новых послов Ольга велела вытопить баню, и когда древляне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорели.

На следующий год Ольга собрала большое и храброе войско, взяла с собой сына Святослава и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли навстречу; когда оба войска сошлись, то Святослав сунул копьем в древлян, копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ноги, потому что князь был еще ребенок. Свенельд и Асмуд сказали тогда: «Князь уже начал; по-тянем, дружина, за князем!» Древляне были побеждены, побежали и затворились по городам.

Ольга с сыном пошла на город Искоростень, потому что здесь убили мужа ее и обступила город. Коростеньцы бились крепко, зная, что они убили князя и потому не будет им милости, когда сдадутся. Целое лето простояла Ольга под городом и не могла взять его. Тогда она придумала вот что сделать: послала сказать в Коростень: «Из чего вы сидите? Все ваши города сдались мне, взялись платить дань и спокойно теперь обрабатывают свои поля, а вы одни хотите лучше помереть голодом, чем согласиться на дань». Древляне спросили: «Чего же ты хочешь с нас? Рады давать медом и мехами». Ольга отвечала: «Теперь у вас нет ни меда, ни мехов и потому требую от вас немного: дайте мне от двора по три голубя, да по три воробья; я не хочу накладывать на вас тяжелой дани, как делал мой муж, а прошу с вас мало, потому что вы изнемогли в осаде». Древляне обрадовались, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали их к Ольге с поклоном.

Между тем Ольга раздала каждому из своих ратных людей по голубю, другим — по воробью и велела, завернув в маленькие тряпочки серу с огнем, привязать к каждой птице и, как смеркнется, пустить их на волю. Птицы, получив свободу, полетели в свои гнезда, голуби по голубятням, воробьи под стрехи, и вдруг загорелись «где голубятни, где клетки, где вежи, где олринь», и не было ни одного двора, где бы не горело, а гасить было нельзя, потому что все дворы загорелись вдруг. Таким образом город был взят и выжжен; старейшин городских Ольга взяла себе; из остальных некоторых отдала в рабы дружине, других оставила на месте платить дань. Дань наложена была тяжкая: две части ее шли в Киев, а третья — в Вышгород к Ольге, потому что Вышгород принадлежал ей¹.

¹ Здесь в первый раз встречаем известие об обычае давать княгиням в посмертное владение города, обычай, употребительный после. (Примеч. автора.)



Ладьи князя Святослава.

Миниатюра из Радзивилловской летописи

Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись — письменный памятник предположительно начала XIII в., сохранившийся в двух списках XV в. — собственно Радзивилловском, который был иллюстрирован многочисленными миниатюрами, и так называемом Московско-Академическом, представляющим собой текст «Повести временных лет», продолженный годовыми записями до 1206 г.

Точное место написания летописи неизвестно, но большинство исследователей склоняются к мнению, что она

была написана на западнорусских землях, возможно, в Смоленске. Свое название летопись получила от имени Януша Радзивилла, полководца Великого княжества Литовского, который владел первым (собственно Радзивилловским) списком в XVII в., а также от города Кёнигсберга, где этот список хранился в XVIII в., пока в 1761 г., в ходе Семилетней войны, не был увезен в Россию в качестве трофея.

Сейчас Радзивилловская летопись хранится в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге.

Таково предание об Ольгиной мести: оно драгоценно для историка, потому что отражает в себе господствующие понятия времени, поставившие месть за убийство близкого человека священной обязанностью; видно, что и во времена составления летописи эти понятия не потеряли своей силы.

Характер Ольги, как он является в предании, важен для нас и в других отношениях: не в одних только именах находим сходство Ольги со знаменитым преемником Рюрика, собирателем племен. Как Олег, так и Ольга отличаются в предании мудростью, по тогдашним понятиям, т. е. хитростью, ловкостью: Олег хитростью убивает Аскольда и Дира, хитростью пугает греков, наконец, перехитряет этот лукавейший из народов; Ольга хитростью мстит древлянам, хитростью берет Коростень; наконец, в Царьграде перехитряет императора.

Но не за одну эту хитрость Олег прослыл вешим, Ольга — мудрейшей из людей: в предании являются они также как нарядники, заботящиеся о строе земском. Олег установил дани, строил города, Ольга объехала всю землю, повсюду оставила следы своей хозяйственной распорядительности. Предание говорит, что немедленно после мести над древлянами Ольга с сыном и дружиной пошла по их земле, устанавливая *уставы и уроки: на становища ее и ловища*, т. е. на места, где она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена летописца. Под именем устава должно разуметь всякое определение, как что-нибудь делать; под именем *урока* — всякую обязанность, которую должно выполнять

к определенному сроку, будет ли то уплата известной суммы денег, известного количества каких-нибудь вещей или какая-нибудь работа.

Как женщина, Ольга была способнее ко внутреннему распорядку, хозяйственной деятельности; как женщина, она была способнее к принятию христианства. В 955 году, по счету летописца, вернее в 957-м, отправилась Ольга в Константинополь и крестилась там при императорах Константине Багрянородном¹ и Романе и патриархе Полиевкте. При описании этого события летописец основывается на том предании, в котором характер Ольги остается до конца одинаковым: и в Константинополе, во дворце императорском, как под стенами Коростеня, Ольга отличается ловкостью, находчивостью, хитростью; перехитряет императора, как прежде перехитрила древлян.

Император, говорит предание, предложил Ольге свою руку; та не отрелась, но прежде требовала, чтобы он был ее восприемником; император согласился, но когда после таинства повторил свое предложение, то Ольга напомнила ему, что по христианскому закону восприемник не может жениться на своей крестнице. «Ольга, ты меня перехитри-

¹ Константин VII Багрянородный (905—959) — византийский император из Македонской династии, номинально царствовал с 913-го, фактически — с 945 по 959 г. Известен также как автор сочинений, являющихся важным источником информации о Византии, Киевской Руси и др.

ла!» — воскликнул изумленный император и отпустил ее с богатыми дарами.

Когда Ольга, говорит летопись, возвратилась в Киев, то царь греческий прислал сказать ей: «Я тебя много дарил, потому что ты говорила мне: возвращусь на Русь, пришло тебе богатые дары — рабов, воска, мехов, пришло и войско на помощь». Ольга велела отвечать ему: «Когда ты столько же постоишь у меня на Почайне, сколько я стояла у тебя в гавани цареградской, тогда дам тебе обещанное».

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говорит летописец. Когда князь Святослав вырос и возмужал, то начал набирать воинов многих и храбрых, ходя легко, как барс, много воевал. Идя в поход, ни возов за собой не возил, ни котлов, потому что мяса не варил, но, изрезав тонкими ломтями конину, зверину или говядину, пек на угольях; шатра у него не было, а спал он на конском потнике, положив седло под голову; так вели себя и все его воины. Он посылал в разные стороны, к разным народам с объявлением: «Хочу на вас идти!»

Святослав набирал воинов многих и храбрых, которые были во всем на него похожи: так можно сказать только об отборной дружине, а не о войске многочисленном, составленном из разных племен. Сам способ ведения войны показывает, что она велась с небольшой отборной дружиной, которая позволяла Святославу обходиться без обоза и делать быстрые переходы: он воевал, ходя легко, как барс, т. е. делал необыкновенно быстрые переходы, прыжками, так сказать, подобно названному зверю.

При князьях предшественниках Святослава не было трону одно только славянское племя на восток от Днепра — то были вятичи. С них-то и начал Святослав свои походы. Узнав, что это племя платило дань козарам, Святослав бросился на последних, одолел их кагана, взял его главный город на Дону — Белую Вежу; потом победил ясов и касогов, жителей Прикавказья. По всей вероятности, ко времени этих походов Святослава относится подчинение Тмутаракани¹ русскому киевскому князю. На возвратном пути с востока Святослав, говорит летопись, победил вятичей и наложил на них дань.

В 967 году Святослав со своей дружиной отправился в Болгарию, завоевал ее и остался жить там в Переяславце на Дунае; он княжил в Переяславце, говорит летописец, а Русь оставалась без князя: в Киеве жила престарелая Ольга с малолетними внуками, а подле была степь, откуда беспрестанно можно было ожидать нападения кочевых варваров. И вот пришли печенеги, оборонить было некому, Ольга затворилась в Киеве с внуками. Бесчисленное множество печенегов обступило город, нельзя было ни выйти из него, ни вести послать, и жители изнемогали от голода и жажды.

Услышав об этом, Святослав немедленно сел на коней, с дружиной пришел в Киев, поздоровался с матерью и детьми, рассердился на печенегов, собрал войско и прогнал варваров в степь. Но Святослав недолго жил в Киеве; по преданию, он сказал матери своей и боярам: «Не люблю мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там *средина* земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков — золото, ткани, вина, овощи разные, от чехов и венгров — серебро и коней, из Руси — меха, воск, мед и рабов». Ольга на это отвечала ему: «Ты видишь, что я уже больна,

куда же это ты от меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь». Через три дня Ольга умерла и плакалась по ней сын, внуки и люди все плачем великим. Ольга запретила праздновать по себе тризну, потому что у ней был священник, который и похоронил ее.

Святослав спешил окончить свое княжение на Руси: он посадил старшего сына, Ярополка, в Киеве, другого, Олега, в земле древлянской.

Владимир был третьим сын Святослава, рожденным от Малуши — ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: «Дай нам Владимира». Князь отвечал им «Возьмите». Новгородцы взяли Владимира к себе, и пошел Владимир с Добрыней, дядей своим в Новгород, а Святослав — в Переяславце.

Но на этот раз он не был так счастлив, как прежде: болгары встретили его враждебно; еще опаснейшего врага нашел себе Святослав в Иоанне Цимисхии — византийском императоре.

Само начало войны было уже, по византийцам, несчастливым для Руси: полководец Цимисхия Вард Склир разбил отряд Святославова войска, составленный, кроме руси, из венгров и болгар. Цимисхий видел, что необходимо всеми силами государства напасть на Святослава и вытеснить его из Болгарии. Он вступил с огромными войсками в эту землю, и началась война не на жизнь, а на смерть, как видно из слов самих византийцев, которые отдают справедливость отчаянной храбрости Святославовой дружины².

Но эта храбрость не помогла против безмерно большего числа врагов, предводимых полководцем искусным и храбрым, среди враждебных болгар, против которых Святослав, по словам византийцев, употребил крайнее насильственные меры. Русский князь принужден был просить мира у императора с условием очистить Болгарию.

После мира имело место свидание обоих вождей; для нас важно описание Святославовой наружности, оставленное Львом Диаконом³: «Святослав приплыл на место свидания в лодке по Дунаю, причем действовал веслом наравне с другими гребцами. Он был среднего роста, имел плоский нос, глаза голубые, густые брови, мало волос на бороде и длинные, косматые усы. Все волосы на голове были у него выстрижены, кроме одного клока, висевшего по обеим сторонам, что означало его знатное происхождение. Шея у него была плотная, грудь широкая, и все прочие члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирепое. В одном ухе висела серьга, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Белая одежда его только чистотой отличалась от одежды прочих русских».

Заключив мир с греками, Святослав пошел в ладьях к днепровским порогам; отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Ступай, князь, в обход на конях, потому что стоят печенеги в порогах». Святослав не послушал его и пошел в ладьях; между тем переяславцы послали сказать печенегам: «Идет Святослав в Русь с большим богатством и с малой дружиной». Получив эту весть, печенеги заступили пороги,

² Лев Диакон, книга VIII: «Руссы сражались храбро и отчаянно: они давно приобрели славу победителей над всеми соседними народами и почитали величайшим несчастьем быть побежденными императором и лишиться этой славы». (Примеч. автора.)

³ Лев Диакон (ок. 950 — ок. 1000) — византийский государственный деятель, писатель и историк; автор трудов, являющихся ценным источником по истории Византии, Болгарии и Руси (балканские войны князя Святослава).

¹ Место этого княжества, бесспорно, должно искать на берегах Черного и Азовского морей, там, где восточные писатели указывают древнее обиталище руси. (Примеч. автора.)

и когда Святослав приплыл к ним, то уже нельзя было пройти. В начале весны Святослав пошел опять в пороги, но здесь был встречен Курей, князем печенежским, и убит; из черепа его сделали чашу, оковали ее золотом и пили из нее.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства смерти Святослава, Ярополк остался старшим в роде княжеском и Свенельд при нем в большой силе. Единственным событием Ярополкова княжения, внесенным в летопись, была усобица между сыновьями Святослава. Мы знаем, что охота, после войны, была господствующей страстью средневековых варваров: везде князья предоставляли себе касательно охоты большие права, жестоко наказывая за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем. Сын Свенельда, именем Лют, выехал из Киева на охоту и, погнавшись за зверем, въехал в леса, принадлежавшие к волости Олега, князя древлянского. По случаю в это же время охотился здесь и сам Олег, он встретился с Лютом, спросил, кто это такой и, узнав, что имел дело с сыном Свенельдовым, убил его.

Как бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополком и Олегом; Свенельд хотел отомстить Олегу за сына и потому не переставал твердить Ярополку: «Поди на брата и возьми волость его». Через два года, т. е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лет, киевский князь пошел ратью на древлянского; последний вышел к нему навстречу с войском, и Ярополк победил Олега.

Третий Святославич, Владимир, узнал в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался братнего властолюбия и бежал за море, а Ярополк послал в Новгород своих посадников и стал владеть один на Руси. Через три года Владимир возвратился с варягами в Новгород и прогнал оттуда ярополковских посадников, приказав им сказать брату: «Владимир идет на тебя, приготавлийся к войне».

Но прежде начатия борьбы обоим братьям было важно приобрести себе союзника во владетеле полоцком; в это время в Полоцке сидел какой-то Рогволод, пришедший из-за моря; каковы были отношения этого Рогволода к правнукам Рюрика, из летописи определить довольно трудно. Дочь Рогволода Рогнеда была сговорена за Ярополка. Владимир, чтобы склонить полоцкого державца на свою сторону и показать, что последний ничего не потеряет, если киевский князь будет низложен, послал и от себя свататься также за дочь Рогволодову. Летописец говорит, что Рогволод в таких затруднительных обстоятельствах отдал дело на решение дочери, и Рогнеда отвечала, что она не хочет выйти замуж за сына рабы, т. е. Владимира, но хочет за Ярополка. В то время, когда Рогнеду готовились вести за Ярополка, Владимир напал на Полоцк, убил Рогволода с двумя сыновьями, и женился на Рогнеде.

При этом случае в некоторых списках летописи находим известие, что виновником всех предприятий был Добрыня, дядя Владимиров, что он посылал сватать Рогнеду за Владимира; он после гордого отказа полоцкой княжны повел племянника и войско против Рогволода, позором отомстил Рогнеде за ее презрительный отзыв о матери Владимира, убил ее отца и братьев.

Что же касается до поступка Добрыни с Рогволодом и его дочерью, то он очень понятен: Рогнеда, отказывая

Владимиру, как сыну рабы, оскорбила этим сколько его, столько же и Добрыню, которого сестра была именно эта раба, через нее он был дядя князю; словами Рогнеды была преимущественно опозорена связь, родство Владимира с Добрыней, и вот последний мстит за этот позор жестоким позором.

Из Полоцка Владимир двинулся с большим войском на Ярополка; тот не был в состоянии сопротивляться ему и затворился в Киеве, а Владимир окопался на Дорогожичи, между Дорогожичем и Капичем. Ярополк, будучи не в состоянии биться с Владимиром в чистом поле, затворился в Киеве с людьми своими и с воеводой Блудом. Этот Блуд является главным советником князя, главным действующим в это время событием; князь беспрекословно исполняет его внушения, что и понятно, если вспомним возраст Ярополка, если вспомним, что и при Владимире роль Блуда исполнял Добрыня.

И вот Блуд от имени новгородского князя получил предложение покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Блуд стал обманывать Ярополка, беспрестанно ссылаясь с Владимиром, советуя ему приступать к городу, а сам придумывал, как бы убить Ярополка; но посредством граждан нельзя было убить его. Тогда Блуд замыслил погубить князя лестью. Он не пускал его на вылазки из города и говорил: «Киевляне ссылаются с Владимиром, зовут его на приступ, обещаются предать тебя ему; побеги лучше за город». Ярополк послушался, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, на устье реки Рси.

Тогда Блуд начал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата твоего? Нам их не перебороть, мирись с братом». Ярополк пошел, хотя один из дружины, именем Варяжко, говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи от них войско». Но Ярополк не послушал его, пошел к Владимиру и как стал входить в двери, то два варяга прокололи его мечами, а Блуд затворил двери и не дал своим идти за ним. Так был убит Ярополк.

В Иоакимовской летописи читаем, что Ярополк был кроток и милостив, любил христиан и если сам не крестился, боясь народа, то по крайней мере другим не препятствовал. Если мы примем во внимание рассказ Иоакимовской летописи, то нам объясняется поведение Владимира в первые годы его княжения: торжество Владимира было торжеством языческой стороны над христианской, вот почему новый князь ознаменовывает начало своего правления сильной ревностью к язычеству, ставит кумиры на высотах киевских; дядя его, Добрыня, поступает точно так же в Новгороде. Приносили им жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей и приносили жертвы бесам, осквернилась кровью земля Русская и холм тот.

Нам известно, что славяне-язычники сильно негодовали на христианскую религию за то, что она не допускала многоженства; в ознаменование торжества языческой стороны князь, виновник этого торжества, предается необузданному женолюбию: кроме пяти законных жен, было у него 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове. «Он был несёт блуда», по выражению летописца: приводил к себе замужних женщин и девиц на растление, одним словом, был женолюбив, как Соломон.



ГЛАВА 7

Несостоятельность язычества. — Распространение христианства на Руси при Владимире. — Борьба с печенегами. — Смерть Владимира, его характер. — Усобица между сыновьями Владимира. — Утверждение Ярослава в Киеве. — Борьба с печенегами. — Внутренняя деятельность Ярослава.

Торжество Владимира над Ярополком сопровождалось торжеством язычества над христианством, но это торжество не могло быть продолжительным: русское язычество было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одной из религий, имевших место в юго-восточных областях тогдашней Европы, тем более с христианством; ревность Владимира и Добрыни в начале их власти, устройство изукрашенных кумиров, частые жертвы происходили из желания поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства, хотя бы что-нибудь противопоставить другим религиям, подавляющим его своим величием; но эти самые попытки, эта самая ревность и вела прямо к падению язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность.

Под 983 годом, в начале княжения Владимира, летописец помещает рассказ о следующем событии: Владимир после похода на ятвягов возвратился в Киев и приносил жертву кумирам вместе со своими людьми. Старцы и бояре сказали: «Кинем жребий на отроков и девиц — на кого падет, того принесем в жертву богам». В это время жил в Киеве один варяг, который пришел из Греции и держал христианскую веру; был у него сын, прекрасный лицом и душой; на этого-то молодого варяга и пал жребий.

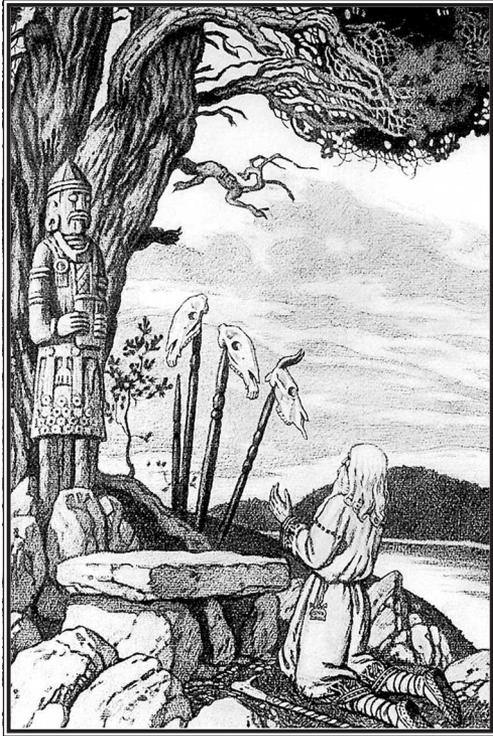
Посланные от народа (об участии князя не говорится ни слова) пришли к старому варягу и сказали ему: «Пал жребий на твоего сына, богам угодно взять его себе, и мы хотим принести его им в жертву». Варяг отвечал: «У вас не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет, ни едят, ни пьют, ни говорят, но сделаны руками человеческими из дерева. А бог один, которому служат греки и кланяются, который сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека, дал ему жить на земле. А эти боги что сделали? Сами деланные; не дам сына своего бесам!»

Посланные рассказали эти речи народу; толпа взяла оружие, пошла к варягову дому и разломала забор вокруг него; варяг стоял на сених с сыном. Народ кричал ему: «Дай сына своего богам!» Он отвечал: «Если они боги, то пусть пошлют какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чем хлопчете?» Яростный клик был ответом толпы, которая бросилась к варягам, подскла под ними сени и убила их.

Несмотря на то, что смелый варяг пал жертвой торжествующего, по-видимому, язычества, событие это не могло не произвести сильного впечатления: язычеству, кумирам сделан был торжественный вызов, над ними торжественно надругались; проповедь была произнесена громко; народ в пылу ярости убил проповедника, но ярость прошла, а страшные слова остались: «Ваши боги — дерево; бог — один, которому кланяются греки, который сотворил все». И безответны стояли кумиры Владимира перед этими словами, и что могла в самом деле славянская религия сказать в свою пользу, что могла отвечать на высокие запросы, заданные ей проповедниками других религий?

Самые важные из них были вопросы о начале мира и будущей жизни. Что вопрос о будущей жизни действовал могущественно и на языческих славян, как на других народов, видно из предания о том, как царь болгарский обратился в христианство вследствие впечатления, произведенного на него картиной Страшного суда. По русскому преданию, то же самое средство употребил и у нас греческий проповедник и произвел также сильное впечатление на Владимира. После разговора с ним Владимир, по преданию, созывает бояр и городских старцев и говорит им, что приходили проповедники от разных народов, каждый хвалил свою веру. Напоследок пришли и греки, хвалят все другие законы, хвалят свой, много говорят о начале мира, о бытии его, говорят хитро, любо их слушать, и о другом свете говорят: если кто в их веру вступит, то, умерши, воскреснет и не умрет после веки, если же в другой закон вступит, то на том свете будет в огне гореть.

Владимиру, по преданию, нравился чувственный рай магометан, но он никак не соглашался допустить обрезание, отказаться от свиного мяса и вина: «Руси есть веселье пить, — говорил он, — не можем быть без того». Предание очень верно выставило также причину отвержения иудеев Владимиром: когда он спросил у них, где ваша земля, и они сказали, что бог в гнев расточил их по странам чужим, то Владимир отвечал: «Как вы учите других, будучи сами отвергнуты богом и расточены?»



И. Я. Билибин. Перед языческим алтарем.
Иллюстрация к книге «Всеобщая мифология».
Первая четверть XX в.

Христианство было уже давно знакомо в Киеве вследствие частых сношений с Константинополем, который поражал руссов величием религии и гражданственности. Бывальцы в Константинополе после тамошних чудес с презрением должны были смотреть на бедное русское язычество и превозносить веру греческую. Эта вера находила подтверждение и между городскими старцами, и между теми из бояр Владимира, которые не бывали в Константинополе — у них было свое туземное доказательство в пользу христианства: «Если бы дурен был закон греческий, — говорили они, — то бабка твоя, Ольга, не приняла бы его; а она была мудрее всех людей».

Таким образом, все было готово к принятию новой веры, ждали только удобного случая: «Подожду еще немного», — говорил Владимир, по свидетельству начального летописца киевского. Удобный случай представился в войне с греками; предание тесно соединяет поход на греков с принятием христианства, хочет выставить, что первый был предпринят для второго.

Владимир выступил с войском на Корсунь. Корсунцы затворились в городе и крепко отбивались, несмотря на изнеможение; Владимир объявил им, что если они не сдадутся, то он будет три года стоять под городом. Тогда один корсунянин именем Анастас пустил в русский стан ко Владимиру стрелу, на которой было написано: «За тобой, с восточной стороны, лежат колодцы, от них вода идет по трубе в город, перекопай и перейми ее». Владимир, услыхав об этом, взглянул на небо и сказал: «Если это сбудется, я крещусь». Владимир тотчас велел копать против труб, вода была перенята; херсонцы изнемогли от жажды и сдались.

Владимир вошел в город с дружиной и послал сказать греческим императорам Василию и Константину: «Я взял ваш славный город; слышу, что у вас сестра в девицах; если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что с Корсунем». Цари послушались и послали сестру свою вместе с некоторыми сановниками и пресвитерами. Анне очень не хотелось идти: «Иду точно в полон, — говорила она, — лучше бы мне здесь умереть»; братья утешали ее: «А что, если бог обратит тобой Русскую землю в покаяние, а Греческую землю избавит от лютой рати: видишь, сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же». Анна села в корабль, простилась с родней и поплыла с горем в Корсунь, где была торжественно встречена жителями.

В это время, продолжает предание, Владимир разболелся глазами, ничего не мог видеть и сильно тужил; тогда царевна велела сказать ему: «Если хочешь исцелиться от болезни, то крестись поскорей; если же не крестишься, то и не вылечишься». Владимир сказал на это: «Если в самом деле так случится, то поистине велик будет бог христианский», и объявил, что готов к крещению. Епископ корсунский с царевниными священниками, огласив, крестили Владимира, и когда возложили на него руки, то он вдруг прозрел. Удивясь такому внезапному исцелению, Владимир сказал: «Теперь только я узнал истинного бога!» Видя это, и из дружины его многие крестились. После крещения совершен был брак Владимира с Анной.

По возвращении в Киев Владимир прежде всего крестил сыновей своих и людей близких. Вслед за тем велел ниспровергнуть идолов. Из ниспровергнутых идолов одних рассекли на части, других сожгли, а главного, Перуна, привязали лошади к хвосту и потащили с горы, причем двенадцать человек били истукана палками: это было сделано, прибавляет летописец, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поругание бесу, который этим идолом прельщал людей: так пусть же от людей примет и возмездие.

Затем приступлено было к обращению киевского народа; митрополит и священники ходили по городу с проповедью; по некоторым, очень вероятным известиям, и сам князь участвовал в этом деле. Многие с радостью крестились; но больше оставалось таких, которые не соглашались. Видя это, князь употребил средство посильнее: он послал известить по всему городу, чтобы на другой день все некрещенные шли к реке, кто же не явится, будет противником князю. Некоторые шли к реке по принуждению, некоторые же ожесточенные приверженцы старой веры, слыша строгий приказ Владимира, бежали в степи и леса¹.

На другой день после объявления княжеского приказа Владимир вышел со священниками царицыными и корсунскими на Днепр, куда сошлось множество народа; все вошли в воду и стояли одни по шею, другие по грудь; несовершеннолетние стояли у берега, возрастные держали на руках младенцев, а крещенные уже бродили по реке, вероятно, уча некрещенных, как вести себя во время совершения таинства, а также и занимая место их восприемников, священники на берегу читали молитвы.

Непосредственным следствием принятия христианства Владимиром и распространения его в Русской земле было, разумеется, построение церквей: Владимир тотчас после крещения велит строить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры: так, поставлена была церковь

¹ «Как аспиды глухие, затыкая уши свои», по выражению летописца. (Примеч. автора.)



Ф. С. Завьялов. Выбор веры князем Владимиром.

1847 г.

Св. Василия на холме, где стоял кумир Перуна и прочих богов. Владимир велел ставить церкви и определять к ним священников также и по другим городам и приводить людей к крещению по всем городам и селам.

Митрополит и епископы были присланы из Царьграда; в Киеве, если прежде были христиане, была церковь, то были, разумеется, и священники. Владимир привел из Корсуны тамошних священников и священников, приехавших с царевной Анной.

Но сколько бы ни пришло священников греческих и болгарских, все их было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своих русских священников, что не могло произойти иначе, как через распространение книжного учения. Летописец говорит, что Владимир велел отбирать детей у лучших граждан и отдавать их в книжное учение; матери плакали по ним, как по мертвым, прибавляет летописец, потому что еще не утвердились верой. Детей раздали учиться по церквям к священникам и причту.

Теперь обратимся к внешней деятельности Владимира. К его княжению относится окончательное подчинение русскому князю племен, живших на восток от великого водного пути. Кроме означенных походов на ближайшие славянские племена, упоминаются еще войны с чужими народами: с ятвягами в 953 году; летописец говорит, что Владимир ходил на ятвягов, победил и взял землю их. Но последние слова вовсе не означают покорения страны: ятвягов трудно было покорить за один раз, и потомки Владимира должны были вести постоянную, упорную, многовековую борьбу с этими дикарями. Под 987 годом находим известие о первом походе Владимира на болгар; в древнейших списках летописи не упомянуто, на каких именно, в других прибавлено, что на низовых, или волжских, в своде же Татищева¹ говорится о дунайских и сербах.

¹ Василий Никитич Татищев (1686—1750) — историк, географ, инженер, экономист и государственный деятель; автор первого фундаментального труда по русской истории — «Истории Российской».

Гораздо с большими подробностями дошли до нас предания о борьбе со степными варварами — печенегами: борьба эта занимала народ гораздо сильнее, чем отдаленные воинские предприятия, потому что в ней дело шло о самых близких его интересах, о собственности, свободе, жизни.

В 992 году пришли печенеги из-за Сулы. Владимир вышел к ним навстречу на Трубеж подле Переяславля. Русские стали на одной стороне реки, печенеги — на другой, но ни те, ни другие не смели перейти на сторону противную. Тогда князь печенежский подъехал к реке, кликнул Владимира и сказал ему: «Выпусти своего мужа, а я — своего, пусть борются. Если твой муж ударит моим, то не будем воевать три года; если же наш ударит, то будем воевать три года».

Владимир согласился и, возвратясь в стан, послал бирючей кликать клич по всем палаткам (товарам): «Нет ли кого, кто б взялся биться с печенегом?» И никто нигде не отозвался. Начал тужить Владимир, послал опять по всем ратникам, — и вот пришел к нему один старик и сказал: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; с четырьмя вышел я сюда, а тот дома остался. Из детства никому еще не удалось им ударить. Однажды я его журил, а он мял кожу: так в сердцах он разорвал ее руками». Князь обрадовался, послал за силачом и рассказал ему, в чем дело; тот отвечал: «Я не знаю, смогу ли сладить с печенегом; пусть меня испытают: нет ли где быка большого и сильного?» Нашли быка, разъярили его горячим железом и пустили; когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукой за бок и вырвал кожу с мясом, сколько мог захватить рукой. Владимир сказал: «Можешь бороться с печенегом».

На другой день пришли печенеги и стали кликать: «Где же ваш боец, а наш готов!» Владимир велел вооружиться своему, и оба выступили друг против друга. Выпустили печенеги своего, великана страшного, и когда выступил боец Владимиров, то печенег стал смеяться над ним, потому что тот был среднего роста. Размерили место между обоими полками и пустили борцов: они схватились и стали крепко жать друг друга. Русский, наконец, сдавил печенега в ру-



Великий князь Владимир Святославич.

Гравюра по рисунку Ф. Г. Солнцева. Вторая половина XIX в.

ках до смерти и ударил им о землю; раздался крик в полках, печенеги побежали, русские погнались за ними. Владимир обрадовался, заложил город на броду, где стоял, и назвал его Переяславлем, потому что борец русский перенял славу у печенежского; князь сделал богатыря вместе с отцом знатными мужами.

Беспрерывные нападения степных варваров заставили Владимира подумать об укреплении русских владений с востока и юга. «Худо, что мало городов около Киева», — сказал он и велел строить города по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне. Но для нас при этом известии важно еще другое, как составилось народонаселение этих новопостроенных городов: Владимир начал набирать туда лучших мужей от славян, т. е. новгородцев, кривичей, чуди и вятичей. Из самых близких к Киеву городов были построены Владимиром Василев на Стугне и Белгород на Днепре; Белгород он

особенно любил и населил его: «От иных городов много людей свел в него», — говорит летописец.

В 1014 году сын его Ярослав, посаженный отцом в Новгороде, отказался присылать в Киев ежегодно по две тысячи гривен, как делали все посадники новгородские, раздававшие еще тысячу гривен гридям¹ в Новгороде. Владимир сказал: «Исправляйте дороги и мостите мосты»; он хотел идти сам на Ярослава, но разболелся и умер 15 июля следующего, 1015 года.

Деятельность Владимира, как она высказывается в преданиях, отличается от деятельности его предшественников.

¹ *Гриди* — в Древней Руси так назывались княжеские дружинники, телохранители князя. В Новгородской республике *гриди* — постоянное войско, непосредственно подчинявшееся посаднику и располагавшееся в новгородских пригородах в качестве гарнизона.

Он часто ведет войну, но он ведет ее для того, чтобы подчинить Руси снова те племена, которые воспользовались удалением отца его, убоицами братьев и перестали платить дань: так воюет он с радимичами, вятичами, хорватами. Он воюет с греками, но не пускается по-варяжски с легким флотом опустошать берега империи: он хочет овладеть ближайшим к его волости городом греческим, Корсунем, который так легко и безопасно было присоединить к русским владениям. Впрочем, предание тесно связывает этот поход с намерением принять христианство.

Но главная черта деятельности Владимира состоит в защите Русской земли, в постоянной борьбе со степными варварами. Святослав заслужил упрек, что для чужой земли покинул свою, которою едва было не овладели варвары; Владимир, наоборот, стоял всегда сам настороже против этих варваров и устроил сторожевую линию из ряда городков или укреплений по близким к степи рекам.

В летописи находим имена двенадцати сыновей Владимира, но без определения, в каком порядке они один за другим следовали по старшинству: в одном месте, при исчислении жен Владимировых, молодые князья поставлены по матерям; в другом, где говорится о рассылке сыновей по областям, они следуют в другом порядке. Постараемся по некоторым данным определить порядок старшинства между ними.

В Новгород был отправлен Вышеслав: мы знаем, что сюда посылались обыкновенно старший в семье великого князя; из этого можем заключить, что Вышеслав был старшим сыном Владимира, тем более что в известии о рассылке по областям он поставлен первым.

Потом следует сын Рогнеды — Изяслав, получивший волость деда своего по матери — Полоцк. Тотчас после брака на Рогнеде Владимир женился на вдове брата своего Ярополка, и потому рожденного от последней Святополка имеем право поставить в-третьих после Вышеслава и Изяслава; этот Святополк получил Туровскую волость и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшим в роде, на что ясно указывают слова святого Бориса: «Не подниму я рук на брата старшего». За Святополком мы должны дать место Ярославу, также, по летописям, сыну Рогнеды; Ярослав получил сперва Ростов, а потом, по смерти старшего Вышеслава, переведен в Новгород. Всеволод, также сын Рогнеды, получил Владимир-Волынский; Святослав и Мстислав, которых мать в начальной Киевской летописи названа «чехиней другой» в отличие от мнимой матери Вышеслава, получили: первый — землю Древлянскую; второй — Тмутаракань.

Мать Святослава Иоакимовская летопись называет Малфридой; что это имя одной из жен Владимировых не вымышлено, доказательством служит известие начальной Киевской летописи под 1002 годом о смерти Малфриды, которая здесь соединена с Рогнедой. Мать же Мстислава Иоаким называет Аделью или Адилью. Второго сына Адели, Станислава, этот же летописец, равно как и некоторые другие, отсылает в Смоленск, а Судислава — во Псков.

Теперь остается определить мать и возраст Бориса и Глеба. В начальной Киевской летописи матерью их названа «болгарыней», волостью первого — Ростов, второго — Муром. Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна-царевна, причем Татищев соглашается со свидетельством киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродной сестрой императоров Василия и Констан-

тина, которых тетка, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским.

Если бы так было, то для нас уяснилось бы предпочтение, которое оказывал Владимир Борису, как сыну царевны и рожденному в христианском супружестве, на которое он должен был смотреть как на единственное законное. Если предположить, что он был первым плодом брака Владимиров с Анной, то в год отцовской смерти ему было 25 лет; но по описанию можно судить, что он был гораздо моложе. Летописец прибавляет, что «Борис светился царски», желая, быть может, указать на его царственное происхождение по матери. Отец любил его более других сыновей и держал при себе, в чем видно было намерение передать ему старший стол киевский.

Владимир умер на Берестове; окружающие скрыли его смерть, потому что Святополк был в Киеве; и в ночь уже, проломав пол между двумя клетями, на канатах спустили на землю тело, обернутое в ковер, положили на сани, привезли в Киев и поставили в Десятинной церкви. Когда в городе узнали об этом, то бесчисленное множество народа сошлось в церковь и начали плакаться по нем: знатные — как по заступнике земли своей, убогие — как о заступнике и кормителе своем; положили тело в мраморный гроб и с плачем похоронили.

Как скоро в Киеве разнеслась весть о кончине Владимира, то Святополк сел на отцовском месте, созвал киевлян и начал раздавать им подарки — это уже служило знаком, что он боялся соперничества и желал приобрести расположение граждан; граждане принимали подарки, говорит летописец, но сердце их не было со Святополком, потому что братья их находились на войне с Борисом.

Борис же, не найдя печенегов, был уже на возвратном пути и стоял на реке Альте, когда пришла к нему весть о смерти отцовской. Святополк очень хорошо понимал опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первых порах хотел и с ним поступить так же, как с гражданами, послал сказать ему, что хочет иметь с ним любовь и придаст еще к волости, которую тот получил от отца; узнав же, что войско разошлось от Бориса, он решился на убийство последнего.

Летописец так рассказывает об убиении Бориса. Убийцы дождались, пока князь, помолившись, лег в постель, и тогда бросились на шатер, начали тыкать в него копьями, пронзили Бориса и вместе слугу его, который хотел защитить господина собственным телом; этот отрок был родом венгр, именем Георгий.

За этим убийством следовало другое — у Бориса оставался единоутробный брат Глеб, сидевший в Муроме. «Бориса я убил, как бы убить Глеба?» — говорит Святополк в рассказе летописца. Но Глеб был далеко и потому Святополк послал сказать ему: «Приезжай поскорее сюда: отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малой дружиной. В это время настиг его посланный от брата Ярослава из Новгорода: «Не ходи, — велел сказать ему Ярослав, — отец умер, а брата твоего Святополк убил». Глеб сильно тужил по отцу, но еще больше по брату. Между тем явились и убийцы, посланные от Святополка; они овладели Глебовой баркой и обнажили оружие. Глебовы отроки потеряли дух; тогда главный из убийц, Горясер, велел немедленно резать Глеба, что и было исполнено поваром последнего. Этого повара звали Торчин — имя указывает на происхождение.

Ближайший к Киеву князь, Святослав, сидевший в земле Древлянской, узнав о гибели Бориса и Глеба, не стал спокойно дожидаться такой же участи и бежал в Венгрию, но Святополк послал за ним в погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах. Тогда, по словам летописца, Святополк начал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси».

Но гроза пришла на него с севера. После того, как новгородцы решились выступить в поход, Ярослав собрал оставшихся у него варягов, по одним известиям — тысячу, по другим — шесть тысяч, да новгородцев 40 тыс., и пошел на Святополка, призвав имя Божие; он говорил: «Не я начал избивать братьев, но Святополк. Да будет Бог отмстник крови братьев моих, потому что без вины пролита кровь праведных Бориса и Глеба; пожалуй, и со мной то же сделает».

Три месяца, а по другим известиям — только три недели стояли враги по обеим сторонам Днепра; ни те, ни другие не смели перевезтись и напасть. Был в то время обычай поддразнивать врагов, чтобы побудить их начать дело к своей невыгоде. Видя, что главная сила Ярослава состояла из новгородцев горожан и сельчан, воевода Святополков¹, ездя подле берега, бранил новгородцев, называл их ремесленниками, а не воинами. «Эй вы, плотники, — кричал он им, — зачем пришли сюда с хромым своим князем? Вот мы вас заставим рубить нам хоромы». Новгородцев сильно рассердила насмешка и они сказали Ярославу: «Завтра переведемся на них, а если кто не пойдет с нами, того сами убьем».

Враги сошлись, была сеча злая; печенеги, стоявшие за озером, не могли помочь Святополку, который был притиснут со своей дружиной к озеру, принужден вступить на лед, лед обломился, и Ярослав одолел. Святополк бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском, прожив на севере 28 лет.

Ко времени Ярослава относится последнее враждебное столкновение с Византией. Греки поссорились с русскими купцами, и один из последних был даже убит в этой ссоре. Русский князь не мог позволить подобных поступков и в 1043 году отправил на греков старшего сына своего Владимира, дав ему много войска и воеводу, или тысяцкого своего Вышату. Владимир пошел в лодках, но на пути от Дуная в Царьград² поднялась буря, разбила русские корабли и, между прочим, корабль князя Владимира, так что последний должен был пересечь уже на корабль одного из воевод Ярославовых, Ивана Творимирича. Когда греки узнали, что

русские корабли разбиты бурей, то император Константин Мономах послал за ними погоню; Владимир возвратился, разбил греческие корабли и пришел назад в Русь.

О набегах печенежских, кроме упомянутых выше при борьбе Ярослава со Святополком, древнейшие списки летописи сообщают известие под 1036 годом. Находясь в это время в Новгороде, Ярослав узнал, что печенеги осаждают Киев; он собрал много войска, варягов и новгородцев, и вступил в Киев. Печенегов было бесчисленное множество; Ярослав вышел из города и расположил свое войско так: варягов поставил посередине, киевлян — на правом крыле, а новгородцев — на левом; и началась битва перед крепостью. После злой сечи едва к вечеру успел Ярослав одолеть печенегов, которых погибло множество от меча и перетонуло в реках во время бегства. После этого поражения имя печенегов хотя и не исчезает совершенно в летописи, однако нападения их на Русь прекращаются.

В 1054 году умер Ярослав. По отзыву летописи, этот князь был на своем месте: «Он был хромоног, но ум у него был добрый, и на рати был он храбр»; прибавлена еще замечательная черта, что он был христианин, и сам книги читал. Ярослав строил церкви по городам и местам неогороженным, ставил при них священников, которым давал содержание из собственного имущества, приказывая им учить людей и приходить часто к церквям. При Ярославе в Новгороде было сделано то же, что при Владимире в Киеве: князь велел собрать у старост и священников детей (300 человек) и учить их книгам.

Кроме этой деятельности, княжение Ярослава важно еще в других отношениях: подобно отцу Владимиру, Ярослав не был князем только в значении вождя дружины, который стремится в дальние стороны за завоеваниями, славой и добычей. Ярослав, как видно, был более князем-нарядником страны. Он любил церковные уставы, был знаком с ними: неудивительно, что к его времени относится и первый писанный устав гражданский, так называемая Русская Правда.

Наконец, Ярослав, подобно отцу своему и вешему Олегу, населял пустынные пространства, строил города; от языческого имени его получил название Ярославль на Волге, от христианского — Юрьев (Дерпт) в земле Чудской. Он огородил острожками южную границу Руси со степью; в 1031 году поселил пленных поляков по реке Роси, в следующем начал ставить здесь города.

¹ По некоторым летописям это был старинный воевода Владимиров, Волчий Хвост, победитель радимичей. (Примеч. автора.)

² По греческим известиям, император два раза предлагал Владимиру мир, обещаясь вознаградить за оскорбление, но Владимир слишком много запрашивал (по 3 фунта золота на человека). Тогда греки вступили в морскую битву с русскими и зажгли их корабли; к этому несчастью присоединилась еще буря. (Примеч. автора.)



ГЛАВА 8

Значение князя. — Дружина, ее отношение к князю. — Бояре, мужи, гриди, огнищане, тиуны, отроки. — Способы ведения войны. — Рабы. — Русская Правда. — Нравы эпохи. — Занятия жителей. — Управление и материальные средства церкви. — Песни. — Определение степени норманнского влияния.

Мы видели в начале нашего рассказа, как среди северных племен явился князь, призванный для установления порядка в земле, взволнованной родовыми усобицами. Теперь предстоит нам вопрос: в каких же отношениях нашелся призванный к призванным, как определилось значение князя?

Князь должен был княжить и владеть по буквальному смыслу летописи; он думал о строе земском, о ратях, об уставе земском; вождь на войне, он был судьей во время мира; он наказывал преступников, его двор — место суда, его слуги — исполнители судебных приговоров; всякая перемена, всякий новый устав проистекал от него. Так, Владимир, по предложению епископов, а потом епископов и старцев, делает постановление относительно вир; Ярослав дает грамоты новгородцам — Правду и устав относительно податей. Князь собирает дань, распоряжается ею.

Не должно думать, чтобы во все продолжение периода отношения племен к князю были всегда и везде одинаковые. Сознание о необходимости нового порядка вещей, власти одного общего князя из чужого рода явилось на севере; северные племена призвали князя как нарядника. Здесь, следовательно, новый порядок вещей должен был приняться и развиваться преимущественно; здесь должно было начаться определение княжеских отношений; вот почему в Новгороде мы видим и некоторое движение вследствие этого начавшегося определения. Потом местопребывание князя переносится на юг, в Киев; на севере остаются посадники до самого Владимира.

Отношения к князю племен, живших далее к востоку и западу от Днепра, как видно, ограничивались вначале платежом дани, для собирания которой сам князь с дружиной ездил к ним. По свидетельству Константина Багрянородного, русские князья со своей дружиной выходили из Киева при наступлении ноября месяца и отправлялись на *полюдь* или уезжали в земли подчиненных им племен славянских и там проводили зиму. Обычай *полюдь* удержался надолго после: князь обезжал свою волость, вершил дела судные, оставленные до его приезда и брал дары, обогащавшие его казну.

Мы коснулись непосредственного влияния княжеской власти на образование юного общества, но это влияние сильно обнаружилось еще посредством дружины, явившейся вместе с князьями. В сагах читаем, что при Владимире княгиня, жена его, имела такую же многочисленную дружину, как и сам князь: муж и жена соперничали, у кого будет больше знаменитых витязей; если являлся храбрый пришелец, то каждый из них старался привлечь его в свою дружину.

Чем знаменитее был князь, тем храбрее и многочисленнее были его сподвижники; каков был князь, такова была и дружина; дружина Игоревы говорила: «Кто с морем советен», и шла домой без боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: «Где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим», — говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потеряв князя, считалось ужасным позором для доброго дружинника. И хороший вождь считал постыдным покинуть войско в опасности; так, во время похода Владимира Ярославича на греков тысяцкий Вышата сошел на берег к выброшенным бурей воинам и сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиной».

Хороший князь не жалел ничего для дружины, он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками мог всегда приобрести богатую добычу. Так говорил Владимир и давал частые, обильные пиры дружине; так, о сыне его Мстиславе говорится, что он очень любил дружину, именина не щадил, в питье и пище ей не отказывал.

При такой жизни вместе в братском кругу, когда князь не жалел ничего для дружины, ясно, что он не скрывал от нее своих дум, что члены дружины были главными его советниками во всех делах. Так, о Владимире говорится: «Владимир любил дружину и думал с ней о строе земском, о ратях, об уставе земском». Святослав не хочет принимать христианства, потому что дружина станет смеяться. Бояре вместе с городскими старцами решают, что должно принести человеческую жертву; Владимир созывает бояр и старцев советоваться о перемене веры.

Из приведенных известий видно, что одни бояре, одни старшие члены дружины были советниками князя: два последних известия ограничивают первое, показывают, с какой дружиной

думал Владимир. Как же разделялась дружина¹, как назывались младшие ее члены, не бояре? Для означения отдельного члена дружины, дружинника, без различия степеней, употреблялось слово *муж*. Муж, мужи — значило «человек», «люди», но преимущественно с почетным значением: муж с притяжательным местоимением, относящимся к князю, означал дружинника — муж свой, муж его.

Итак, бояре были лучшие, старшие в дружине, советники, думцы князя по преимуществу; мужи были воинами. Другое более определенное название для этого разряда дружинников было *гриди*, *гридь*, *гридьба*, что означает также сборище, толпу, дружину. Комната во дворе княжеском, где собиралась дружина, называлась *гридницей*. Так, говорится о Владимире: «Он учредил на дворе в гриднице пиры, куда приходили бояре и гриди, сотские и десятские, и нарочитые мужи, при князе и без князя».

В Русской Правде и в Новгородской летописи мы встречаем название *огнищанина*, подававшее повод к различным объяснениям. Объяснением слова огнищанин служит также позднейшее *дворянин*, означающее человека, принадлежавшего ко двору, дому княжескому, а не имеющего свой двор или дом; следовательно, и под огнищанином нет нужды разуметь человека, имеющего свое огнище. К огнищанам, как видно из Правды, принадлежал *тиун княж*, но не вообще, а только огнищный и конюший. Звание тиуна, как оно является в наших древних памятниках, можно означить словом «приставник», с неопределенным значением: приставник смотреть за домом, за конюшней, за судом, за сбором доходов княжих, за селом княжим; тиуны могли быть у князя и у боярина; они могли быть и свободные, если примут на себя эту должность срядом, но это было уже исключением.

Что касается отроков князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по летописям, служат за столом князю и гостям его; убирают вещи по княжескому приказу; князь посылает их с поручениями и т. п.

Кроме дружины войско составлялось также из жителей городов и сел, набравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются от дружины под именем воинов (воев) в тесном смысле. Так, читаем в рассказе об убиении святого Бориса: «Сказала ему отцовская дружина: “Вот у тебя дружина отцовская и воины (вои)”». В летописи упоминаются десятские, сотские; без всякого сомнения, был высший начальник над этими отрядами, долженствовавший носить соответственное название *тысяцкого*; этого названия мы не встречаем в дошедших до нас списках летописей в описываемое время, встречаем одно неопределенное название *воевода*. Но в следующем периоде мы встретим, что тысяцкий называется также воеводой, вследствие чего под воеводой первого периода можно разуметь тысяцкого.

Кроме дружины и земских полков, составленных из городского и сельского народонаселения, были еще наемные войска, составлявшиеся из варягов, печенегов и торков. Варяги обыкновенно составляли пехоту, печенеги и торки — конницу. В борьбе северных князей с южными варяги

нанимались первыми, печенеги — вторыми, следовательно, первым помогала Европа, вторым — Азия.

Войска в битвах располагались обыкновенно тремя отделениями; большой полк, или *чело*, и два крыла; в челе ставили варягов-наемников; если не было наемников, то земские полки, а дружину — по крыльям, сохраняя ее для решительного нападения.

Перед выступлением в поход трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по несколько раз в битвах, в ожесточенных схватках брали друг друга за руки и секлись мечами. Было в обычае решать войны единоборством; боролись в собственном смысле слова, без оружия, схватывали друг друга руками и старались задушить противника или повалить, ударить им о землю.

Города брали с большим трудом, обыкновенно принуждали к сдаче голодом или хитростью: Ольга целый год стояла под Коростенем и взяла его только хитростью; Владимир осадил Ярополка в Родне, но не брал города, а полагался на голод и предательство Блуда. Владимир не мог взять Корсуня, грозился стоять три года и принудил жителей к сдаче, отняв у них воду. Только раз Святославу удалось взять копьем (приступом) Переяславец Дунайский.

Оружие состояло из мечей, копий, стрел, ножей, сабель, броней, щитов. О камнестрельных машинах упоминает Иоакимово летопись в рассказе о сражении новгородцев с Добрыней при Владимире; но византийцы также упоминают о них. Употреблялись при войске знамена, или стяги.

Обратимся к остальному народонаселению, городскому и сельскому. Прежние города славянских племен были ничем иным, как огороженными селами, жители которых занимались земледелием.

С другой стороны, подле городов начали появляться села с народонаселением иного рода: князья, их дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя их рабами, купленными или взятыми в плен, а также наймитами. Так, посредством городов, этих правительственных колоний, наносился удар родовой особенности, в какой прежде жили племена, и вместо племенных названий в конце периода мы встречаем уже областные, заимствованные от главных городов.

Города в описываемый период упоминаются следующие: Новгород, Ладога, Белозерск, Изборск, Псков, Юрьев, Ростов, Ярославль, Муром, Суздаль, Смоленск, Полоцк, Любеч, Чернигов, Листвен, Городец, Переяславль, Родня, Вышгород, Белгород, Василев, Витичев, Искоростень, Овруч, Туров, Владимир-Волынский, Курск, Тмутаракань, Перемышль, Червен и другие безыменные.

В противоположность князю все остальное народонаселение носило название *смердов*. В Русской Правде все княжеское, княжие люди, княжая собственность постоянно противопоставляется смердью. В противоположность мужу княжю простой человек назывался также *людин*. Подле свободных людей, горожан и сельчан, находим ряд людей зависимых. Первой степенью зависимости было закупничество, или наймитство. *Закупнем*, или *наймитом*, назывался работник, нанимавшийся на известный срок и за известную плату, которую, как видно, он получал вперед, в виде займа. Если наймит бежал от господина до срока, то становился за это ему *полным* (обельным) *холопом*, *обелью*.

Кроме означенных состояний, встречаем еще особый разряд людей под именем *изгоев*. Из одного позднейшего свидетельства узнаем, какие люди принадлежали к этому разряду: сын священника, не умеющий грамоте; холоп, вы-

¹ Слово *дружина* происходит от «друг», а *друг* от санскритского *дру* — «иду, следую» (удрать — убежать). Следовательно, *дружина* есть «товарищество», «сбор людей, идущих вместе, по одной дороге», откуда *дорога*, или *драга*, значит не только *via* и «толпа, собирающаяся куда-нибудь», — множество, свита. Мы прибавим, что и французское *route* в древнем языке значит «дружина, отряд». Если наша дружина происходит от *дру* — «идти», то нет препятствия и польское *шляхта* привести в связь со старинным словом *шлях* — «дорога, путь». (Примеч. автора.)

купившийся из холопства; наконец, задолжавший купец. Из этого видим, что изгоем вообще был человек, почему-либо не могущий оставаться в прежнем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому.

Главное значение князя было значение судьи, разбирающего дел, исправителя кривд, одною из главных забот его был устав земский, о котором он думал с дружиной, старцами городскими, а после принятия христианства — с епископами; и вот Ярославу I приписывается подобный писанный устав под именем Русской Правды.

Кровавая месть, частая возможность убийства в споре, на пирах, поступки Игоря с древлянами и древлян с ним, мщение Ольги, умножение разбоев при Владимире, поступки Добрыни в Полоцке с семьей Рогволода, потом с Ярополком, поведение Святополка — вот нравы языческого общества. Скорость к обиде и скорость к мести, преобладание физических стремлений, мало сдерживаемых религиозными и нравственными законами; сила физическая на первом плане — ей верь почет, все выгоды; богатырь, которого сила доведена в народном воображении до чудовищных размеров, — вот герой эпохи.

Вообще в преданиях, занесенных в летопись, без труда можем заметить борьбу Востока с Западом, Азии с Европой; борьба происходит за Доном, часто за Днепром, подле самого Киева, но везде видим характерные черты борющихся сторон: со стороны Азии выходит громадный печенег, со стороны Руси — Ян Усмошвец, человек по наружности очень обыкновенный, незначительностью своего вида возбуждает насмешки великана, но побеждает его. Несмотря на уважение к силе, она не считалась единственно позволенным средством к торжеству; хитрость ценилась так же высоко, считалась мудростью; перехитрить, *переклюкат* тоже было подвигом.

Легко понять, что все природные стремления сильного не знали границ при возможности удовлетворить им: таково женолюбие язычника Владимира. Богатыри после подвигов силы не знали других наслаждений, кроме материальных: «Руси есть веселие пити», — говорит Владимир; в предании с восторгом говорится о количестве блюд на пирах этого князя.

Преобладание материальной силы, разумеется, не могло условливать уважение к слабейшему полу вообще, но при отсутствии определений женщина могла, пользуясь иногда своим преимуществом духовным, а иногда даже и силой материальной, играть важную роль. Мудрейшей из людей в описываемый период является женщина — Ольга, которая правит Русью во время малолетства Святослава да и после совершеннолетия. Женщины провожают мужей своих на битвы; песни, содержание которых относится ко временам Владимира, упоминают о женщинах-чародейках. По свидетельству тех же песен, женщины участвовали вместе с мужчинами в пирах княжеских, похваляясь своей хитростью, мудростью; *стыдливости* мало в их беседах, выходки материальной силы — и тут на первом плане.

Теперь обратимся к обычаям. Князья женились рано; Владимир, будучи очень молод, сватался на Рогнеде, но уже прежде был женат на матери Вышеслава. Из подробностей брачных обычаев мы знаем только четыре: сватовство — жених обращался к отцу невесты с предложением; невеста в день свадьбы одевалась в лучшее платье, княжна — во всю утварь царскую; упоминается об обычае разувания мужа молодой женой — обычае, который находим одинаково у племен славянских и литовских; наконец, знаем, что за жену платилось вено.

Мертвых погребали на горах, насыпали курганы над могилами, совершали тризны. Византийский историк так описывает погребение воинов Святославовых: «Ночью, при появлении полной луны, неприятели (руссы) вышли из города на поле сражения, собрали тела своих убитых и сожгли их на многих кострах, расположенных у стены; в то же время они умертвили, по своему обычаю, множество пленных мужчин и женщин, утопили в Дунае грудных младенцев и петухов». Арабские писатели говорят, что славяне и руссы жгли своих мертвецов с разными пожитками, животными и женами.

Жилища носили разные названия, упоминаются *терема*. Так, в Киеве был каменный терем княжеский с двором; он состоял из разных покоев, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пиров и, вероятно, для совета. Под именем терема, в обширном смысле, разумели, как видно, то, что мы теперь называем дворцом — большое, видное по своей красоте здание. Общее название для дома было *хоромы*, состоявшие из теплого жилища — *изб* (изба, истопка) и холодных, летних покоев — *клетей*. Около хором были дворы, огороженные забором. Кроме клетей, упоминаются *одрины*, спальни (от одр, ложе), *вежи* (чердаки, вышки), голубятни (голубники); из служб упоминаются бани и медуши (где берегли мед). Из утварей встречаем названия — *одр* (кровать); *стол* в значении княжеского сидения, что теперь престол; обыкновенно лавки в песнях называются *беседами*. Упоминаются ковры, которыми, вероятно, покрывали более столы и лавки, чем полы.

Из названий платья встречаем *порты* в обширном и в тесном значении; из верхнего платья упоминаются *корзны и луды* (епанчи); к одеждам отнесли мы *перегибы и сустуги*, в которых величались древлянские послы; упоминаются *убрусы* — платки. Обувь употреблялась та же, что и теперь, — сапоги и лапти. Материалом для одежды служили ткани, паволоки греческие, льняные и шерстяные самодельные, меха. По описанию Льва Диакона, Святослав при свидании с Цимисхием, как видно, был в одной рубашке; в одном ухе вдета была золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином; о корзне, плаще или кафтане, который надевался в один рукав, а на другое плечо только накидывался, говорят и арабские писатели: так носить верхнюю одежду любит до сих пор наш народ.

По свидетельству арабов, русские женщины носили на груди маленькие коробочки из разных дорогих и недорогих металлов, смотря по достатку мужа; на коробочке было кольцо, к кольцу привязывался большой нож; на шее женщины носили золотые и серебряные цепи, также ожерелья из зеленого бисера. Носить усы и бороду было в обычае: Русская Правда упоминает об их повреждении; о святом Борисе говорится, что у него, как у юноши, усы и борода были малые.

В пищу употребляли хлеб, мясо диких животных и домашнего скота, между прочим конское, рыбу, овощи, сыры, кисели из пшеницы, отрубей, овса, кисельный раствор назывался *цежьью* (от цедить); кисель ели с сытой. У князей были повара; мясо варили в котлах, пекли на углях. Посуда была: кади, лукна (лукошки), ведра, котлы, корчаги, бочки, ложки (деревянные и серебряные), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, мед, квас.

Из увеселений упоминаются охота, рыбная ловля и пиры. Если принимать свидетельство Русской Правды для описываемого времени, то охота была псовая, ястребиная и соколиная: животные эти дорого ценились. Любили бани,



Коронация Болеслава I Храброго.

Гравюра из книги «Изображения польских князей и королей». Вторая половина XIX в.

преимущественно, как видно, на севере: южные жители смеялись над пристрастием северных к баням.

Занятия жителей составляло земледелие; жители городов возделывали нивы и земли свои. В Русской Правде упоминаются кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо последних животных, как видно, особенно любили. Птицеводство — в Русской же Правде упоминаются ценные птицы: голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи, следовательно, можно заключать об огородничестве. Рыболовство, звероловство, пчеловодство подразумеваются.

Из ремесел встречаем указание на плотничество, которым занимались особенно новгородцы и вообще жители северных областей, рубившие лодки в лесах и привозившие их на продажу в Киев; о рублении городов, мощении мостов упоминает и летопись, и Правда; о кожевничестве упоминает летопись в рассказе о Яне Усмошвце. Без сомнения, разные грубые ткани для обыкновенной одежды выделывались так же дома, равно как необходимая посуда, деревянная и глиняная; например, о делании горшков в Новгороде есть прямое указание.

Касательно искусств в дохристианское время упоминается только об одном каменном здании — тереме княжеском в Киеве, построенном, без сомнения, греческими мастерами, потому что и после каменщики и зодчие выписывались из Византии. Неизвестно, дома или на чужбине делались истуканы Владимировы. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вместе с христианством. Владимир послал в Грецию за мастерами, которые построили в 989 году Десятинную церковь в Киеве. Ярослав построил каменную

крепость в Киеве и соборную церковь Святой Софии (митрополию), которую украсил золотом, серебром и сосудами; сын его Владимир в Новгороде построил также крепость и собор Святой Софии; при Ярославе же в Киеве построены монастыри Святого Георгия и Святой Ирины. Дитмар¹ говорит, что в его время в Киеве было 400 церквей и 8 торгов; Адам Бременский² называет Киев соперником Константинополя. Число церквей крайне преувеличено или цифра искажена, но общего впечатления и отзыва нельзя отвергнуть.

Киев был обязан своим благосостоянием тому, что служил складкой товаров между Южной и Северной Европой; обратимся же теперь к торговле, путем которой были русские области в описываемое время. Чем же торговали руссы в Константинополе? Главным предметом торговли с их стороны были невольники; их, скованных, вели они во время трудного перехода через пороги; о невольниках находим особые статьи в договорах. Кроме рабов, русскими товарами в Константинополе считались воск и меха³; те же товары — рабы, воск, мед и меха — шли из Руси в Болгарию, привозились в Переяславец-Дунайский; на них Русь выменивала в Константинополе и Переяславце греческие паволоки, вино, плоды, золото (как товар), серебро и лошадей, приводимых из Венгрии.

Не в один Константинополь или Переяславец отправлялись руссы с означенными товарами; они ездили с ними также на восток, в города козарские. Главным товаром, который руссы привозили в Итиль, были также меха. Потребность в мехах усиливалась на востоке с распространением богатства и роскоши в блестящее царствование Гарун-а-Рашида⁴. Шубы стали почетной одеждой и покупались дорого; до нас дошло известие, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела в моду шубы, подбитые русскими горностаями или соболями. Кроме мехов, руссы привозили на Волгу также и рабов.

В обмен за означенные товары руссы могли брать у арабов дорогие камни, бисер, особенно зеленого цвета (нитки его составляли любимое ожерелье русских женщин, мужья которых разорялись, платя нередко по дирхему — от 15 до 20 копеек серебром — за каждую бисеринку), золотые и серебряные изделия, цепочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговицы, бляхи для украшения одежды и конской сбруи, быть может, также шелковые, шерстяные и бумажные ткани, овощи, пряности и вино.

Кроме руссов, посредниками торговли между Европой и Азией в описываемое время были болгары волжские. Болгарские купцы ездили в страну веси на ладьях, вверх по Волге и Шексне для закупки мехов. Любопытно подроб-

¹ Имеется в виду *Титмар Мерзебургский* (975—1018) — церковный деятель, епископ Мерзебурга (города на востоке современной Германии); известен также как хронист и историк, автор «Хроники» — важного исторического источника, сведения из которого активно использовались в последующей историографии.

² *Адам Бременский* — северогерманский хронист, каноник и схоластик XI в.

³ Их требует император от Ольги. (*Примеч. автора.*)

⁴ *Абу Джафар Харун ибн Мухаммад* (Гарун-аль-Рашид; Харун ар-Рашид (766—809) — правитель Аббасидского халифата в 786—809 гг. С одной стороны, его правление характеризовалось расцветом халифата, среди прочего, при нем в Багдаде были основаны университет и библиотека; с другой стороны, некоторые историки отмечали его как жестокого правителя, в частности, в его правление произошли антиарабские восстания в Дейлеме, Сирии и других областях халифата.

ности, находимые у арабских писателей о меновой торговле болгар с везью: болгары приезжали в определенное место, оставляли там товары, пометив их какими-нибудь знаками, и удалялись. В это время туземцы раскладывали рядом свои произведения, которые считали равноценными, и также удалялись. Если болгарские купцы по возвращении находили мену выгодной, то брали с собой туземные товары и оставляли свои, в противном случае они опять уходили на время, и это значило, что они требовали прибавки. Туземцы добавляли того или другого товара до тех пор, пока не удовлетворяли болгар. У арабов такая торговля слыла «немой».

Обзрев материальные силы новорожденного русского общества, обратимся теперь к новому, духовному началу, явившемуся в конце описываемого периода, — началу, богатому нравственным и гражданским влиянием. Самым лучшим средством к торжеству новой веры над старой признано было действовать на новое, молодое поколение: так, при Владимире и при Ярославе отбирали детей у лучших граждан, учили их грамоте и догматам новой веры; возможность выучиться грамоте существовала и в других городах, что видно из жития св. Феодосия.

Монашество, по некоторым известиям, явилось на Руси очень рано: так, есть предание, что еще первый киевский митрополит Михаил построил в Киеве монастырь на горе против холма Перунова; есть также иностранное известие, что киевский митрополит встречал Святополка и Болеслава Храброго¹ в монастыре Св. Софии; при Ярославе построены монастыри Георгиевский и Ирининский.

Еще во времена Олега греки полагали в России особую епархию, шестидесятую в числе подведомственных Константинопольскому патриарху. С принятия христианства святым Владимиром в челе церковного управления стоял митрополит; первые митрополиты были избраны и поставлены патриархом Константинопольским, последний, Иларион — собором русских епископов. Кроме митрополита, упоминаются епископы; как видно, епископы были в Новгороде, Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире Волынском, вероятно, были и в других городах.

Духовенство со своим судом вооружилось против всех прежних языческих обычаев, против похищения девиц, против многоженства, против браков в близких степенях родства. Церковь взяла женщину под свое покровительство и блюла особенно за ее нравственностью, возвысила ее значение, подняв мать в уровень с отцом, что ясно видно из отношений женщины по имуществу². Духовенство блюло, чтобы родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замуж насильно; преследовало преступления, которые унижают человека, приравнивают его зверю.

Касательно содержания церкви в летописи находим известие, что Владимир дал в пользу Богородичной церкви в Киеве от имения своего и от доходов десятую часть, отчего и церковь получила название Десятинной; о Ярославе говорится, что он строил церкви и определял к ним священников, которым давал содержание из казны своей: это уже может показывать, что приношения прихожан не могли быть

достаточны для содержания церквей в то время: *стадо было млое*, по словам Илариона.

От средств, находившихся в распоряжении церквей и монастырей, зависело призрение, которое находили около них бедные, увечные и странники; о частной благотворительности, которая усложнялась христианством, находим ясные указания в предании о делах Владимира.

Мы должны обратить внимание на изустно сохранившиеся произведения народной фантазии, которых начало, первый древнейший склад относится к описываемому времени; таковы наши древние народные песни и сказки, в которых упоминается о Владимире, о подвигах его богатырей.

Герой песни или сказки — богатырь, обладающий страшной материальной силой. Вот он является ко двору княжескому, все глядят на молодца, дивуются, ему наливают чару зелена вина в полтора ведра, он принимает чару единой рукой, выпивает ее единым духом; бросит он горсть песку по высокому терему — полтерема сшибет; закричит богатырь зычным голосом — с теремов верхи повалятся, с горниц охлопья попадают, в погребках питья всколеблются...

Но не одна чудовищная, материальная сила действует в богатырях; в них действует также сила чародейская. Мы видели занесенное в летопись предание о том, что полоцкий князь Всеслав Брючиславич родился от волшебства (волхования). Песня рассказывает в подробности это предание, как родился богатырь Волх Всеславьевич от лютого змея. Когда минуло Волху десять годов, стал учиться он *премудростям*: первой мудрости учился — обертываться ясным соколом; другой мудрости учился — обертываться серым волком; третьей мудрости учился он — обертываться гнедым туром-золотые рога.

Особенно отличаются *мудростью, хитростью*, т. е. чародейством, ведовством, женщины, знаменитые ведьмы киевские: такова Марина Игнатъевна, которая водится со Змеем Горынычем. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживает его к себе. Чары действуют на Добрыню: он влюбляется в ведьму, прогоняет от нее соперника своего, Змея Горыныча, за что Марина обертывает его гнедым туром.

Так отразился материальный, языческий быт юной Руси на произведениях народной фантазии. Теперь посмотрим, как отразилось на них влияние христианства. Это влияние заметно в песне об Алеше Поповиче; противником Алеши является Тугарин Змеевич, богатырь с чудовищной материальной силой и чародей. Отчество Змеевич, способность палить огнем и склонность к сладострастию указывают на его нечистое происхождение. Алеша Попович не отличается силой, но ловко владеет оружием.

За столом княжеским Тугарин Змеевич ест и пьет по-богатырски: по целой ковриге за щеку мечет, глотает целиком по лебедю, по целой чаше охлестывает, которая чаша в полтретья ведра, и бесстыдно ведет себя с женщинами. Все это не нравится Алеше, он сравнивает Тугарина с прожорливым животным: здесь уже природа человеческая вооружается против животной.

Приготовляясь к битве с Тугарином, Алеша не спит всю ночь, молится со слезами, чтобы Бог послал ему в помощь тучу грозную с дождем и градом. Алешины молитвы доходят ко Христу: Бог посылает тучу с дождем и градом, крылья у Тугарина обмокли, и он свалился на землю, принужден бороться обыкновенным способом. Алеша побеждает его, но побеждает не материальной силой, а хитростью. Сошедшись с Тугарином, Алеша говорит ему: «Ты хочешь драться со мной один на один, а между тем ведешь за собой силу

¹ *Болеслав I Храбрый* (Болеслав I Великий; 965/967—1025) — князь (992—1025) и первый король Польши (1025), князь Чехии в 1003—1004 годах под именем Болеслав IV.

² Отношения матери к детям всего лучше указаны в отношениях матери св. Феодосия к сыну: по смерти мужа она наследовала всю его власть над сыном. (*Примеч. автора.*)

несметную». Тугарин оглянулся назад и этим мгновением воспользовался Алеша, подскочил и отрубил ему голову.

Любопытно видеть, как под влиянием христианства переделывались предания о любимом народном богатыре — Илье Муромце: мы встречали Илью в борьбе с кочевой ордой, когда он, вместо оружия, человеком бил людей. Но вот слышится об нем же другое предание, составившееся под новым влиянием: тридцать лет сидит Илья сиднем, не владеет ни руками, ни ногами и получает богатырскую силу чудом, как дар Божий за христианский подвиг, за желание утолить жажду двух странников; дальнейшие подвиги его отмечены также смирением, благодушием. Против языческого поклонения материальной силе христианство выставило поклонение силе духовной, небесной, перед которой материальная, земная сила ничто, против которой не устоит никакая богатырь.

Мы видели влияние христианства на древние наши богатырские предания, видели, как под этим влиянием переделывался характер богатырей, характер их поступков. Но есть еще целый ряд произведений народной фантазии, которые отзываются также глубокой древностью и которые своим существованием обязаны уже почти исключительно новой религии: мы говорим о духовных наших песнях или стихах, которые обыкновенно поются слепыми нищими.

Мы видели в предании о принятии Владимиром христианства, что князя всего более поразил рассказ греческого проповедника о начале и конце мира; мы видели также, что эти вопросы занимали сильно языческие народы севера. И вот народная фантазия овладевает этими вопросами и решает их по-своему, под непосредственным, однако, влиянием христианства. Так произошли важнейшие стихи — о *Голубиной книге* и о *Страшном суде*.

В первой песне говорится, как из грозной тучи вышла исполинская книга, как из многочисленного собора всякого рода людей никто не мог разогнуть ее, как мог это сделать один царь Давид, совопросником которого о тайнах творения является наш Владимир. Здесь можно видеть связь песни с преданием о том, как Владимир спрашивал у греческого проповедника о содержании Ветхого и Нового завета.

* * *

В заключение мы должны обратиться к вопросу, который так долго господствовал в нашей исторической литературе, именно к вопросу о норманнском влиянии. Участие скандинавских племен, или варягов, в начальном периоде нашей истории, несомненно, ясно с первого взгляда.

Первоначально областью Русского государства был путь от варягов в Грецию и бесспорно, что этот путь открыт варягами задолго до середины IX века; бесспорно также, что явление, знаменующее в истории Северо-Восточной Европы середину IX века, соединение северных племен славянских и финских под одну власть, произошло вследствие столкновения этих племен с племенем скандинавским вследствие владычества варягов в этих странах.

Первые призванные князья были из рода варяжского, первая дружина состояла преимущественно из их соплеменников; путем варяжским движутся северные князья на юг; в борьбе с югом, с греками, восточными степными варварами, Польшей русские князья постоянно пользуются варяжскою помощью; варяги — первые купцы, первые посредники между Северной и Южной Европой и Азией, между славянскими племенами и греками, они же главным образом посредничают и при введении христианства в Русь.

Но при этом должно строго отличать влияние народа от влияния народности: влияние скандинавского племени на древнюю нашу историю было сильно, ощутительно, влияние скандинавской народности на славянскую было очень незначительно. Мы видим, что у нас варяги не составляют господствующего народонаселения относительно славян, не являются как завоеватели последних, следовательно, не могут наделить славянам насильственно своих форм быта, сделать их господствующими, распорядиться как полновластные хозяева в земле.

Варяги, составлявшие первоначально дружину князя, жили около последнего, так сказать, стояли подвижным лагерем в стране, а не врезались сплошными колониями в туземное народонаселение; многие из них оставались здесь навсегда, женились на славянках, дети их были уже полуварягами только, внуки — совершенными славянами.

Варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни, следовательно, не могли быть среди последних господствующим народом в духовном, нравственном смысле. Наконец, что всего важнее, в древнем языческом быте скандинаво-германских племен мы замечаем близкое сходство с древним языческим бытом славян; оба племени не успели еще выработать тогда резких отмен в своих народностях, и вот горсть варягов, поселившись среди славянских племен, не находит никаких препятствий слиться с большинством.

В чем можно заметить сильное влияние скандинавской народности на славянскую? В языке? По последним выводам, добытым филологией, оказывается, что в русском языке находится не более *десятка* слов происхождения сомнительного или действительно германского¹. После того как древнейший памятник нашего законодательства, так называемая Русская Правда, сличена была с законодательными памятниками других славянских народов, не может быть речи не только о том, что Русская Правда есть скандинавский закон, но даже о сильном влиянии в ней скандинавского элемента.

Если Рюрик был скандинав, морской король, то следует ли отсюда, что внуки и правнуки его, князья многих племен, владельцы обширной страны, должны также носить характер морских королей? Первые Рюриковичи обнаруживают свое норманнское происхождение, быть может, тем, что совершают походы преимущественно водой, на ладьях? Но причина этого явления заключается не в норманнском происхождении князей, а в природе страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лесами, болотами, в которой, следовательно, самый удобный путь был водный; дружины, распространявшие русские владения за Уральским хребтом в XVII в., не были норманнами, но по природе страны действовали так же, как последние; совершали свои походы водным путем.

Но если влияние норманнской народности было незначительно, если по признанию самых сильных защитников норманнства влияние варягов было более наружное, если такое наружное влияние могли одинаково оказать и дружины славян поморских, столько же храбрые и предприимчивые, как и дружины скандинавские, то ясно, что вопрос о национальности варягов-руси теряет свою важность в нашей истории.

¹ Слова, которые до сих пор считались скандинавскими, оказываются чисто славянскими, таковы: *безмен, вервь, вира, верста, господь, гость, гридь, дума, князь, луда, лют, меч, мыто, навь, нети, обель, оенищанин, смерд, терем, якорь*. (Примеч. автора.)



ГЛАВА 9

Завещание Ярослава I.— Значение старшего в роде, или великого князя.— Права на старшинство.— Потеря этих прав.— Отчина.— Отношение волости младшего князя к старшему.

По смерти Ярослава I осталось пять сыновей и внук от старшего сына его Владимира; в Полоцке княжили потомки старшего сына Владимира Святого Изяслава. Все эти князья получают известные волости, размножаются, отношения их друг к другу являются на первом месте в рассказе летописца. Какого же рода были эти отношения?

Общим родоначальником почти всех княжеских племен (линий) был Ярослав I, которому приписывают первый письменный устав гражданский, так называемую Русскую Правду. Посмотрим, не дал ли он какого-нибудь устава и детям своим, как вести себя относительно друг друга?

К счастью, летописец исполняет наше желание: у него находим предсмертные слова, завещание Ярослава своим сыновьям. По словам летописца, Ярослав перед смертью сказал следующее: «Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и от одной матери. Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, и вы сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга. Свой стол — поручаю вместо себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу. Слушайтесь его, как меня слушались, пусть он будет вам вместо меня».

Раздав остальные волости другим сыновьям, он наказал им не выступать из пределов этих волостей, не выгонять из них друг друга и, обратясь к старшему сыну Изяславу, прибавил: «Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному».

Старший князь, как отец, имел обязанность блюсти выгоды целого рода, думать и гадать о Русской земле, о своей чести и о чести всех родичей¹, имел право судить и наказывать младших, раздавал волости, выдавал сирот-дочерей княжеских замуж. Младшие князья обязаны были оказывать старшему глубокое уважение и покорность, иметь его себе отцом вправду и ходить в его послушании, являться к нему по первому зову выступать в поход, когда велит.

Но никакого другого отношения, кроме родового, не было: младшие слушались старшего до тех пор, пока им казалось, что он поступает с ними, как отец; если же замечали противное, то вооружались.

«Ты нам брат старший,— говорили они тогда,— но если ты нас обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будем искать их»; или говорили: «Он всех нас старше, но с нами не умеет жить».

Старший раздавал волости младшим; когда он был действительно отец, то распоряжался этой раздачей по произволу, распоряжался при жизни, завещал, чтобы и по смерти его было так, а не иначе. Но когда старший был только отец названный, то он не мог распоряжаться по произволу, потому что при малейшей обиде младший считал себя вправе вооруженной рукой доставить себе должное.

Вообще старший не предпринимал ничего без совета с младшими, по крайней мере с ближайшими к себе по старшинству; этим объясняются множественные формы в летописи: *посадили, выгнали* и проч., которыми означаются распоряжения целого рода. Обыкновенно старший князь по занятии главного стола *делал ряд* с младшей братией касательно распределения волостей.

Единство княжеского рода поддерживалось тем, что каждый член этого рода, в свою очередь, надеялся достигнуть старшинства и соединенного со старшинством владения главным столом киевским.

Основанием старшинства было старшинство физическое, причем дядя имел преимущество перед племянниками, старший брат — перед младшими, тесть — перед зятем, муж старшей сестры — перед младшими шурыями, старший шурин — перед младшими зятьями.

И хотя во время господства родовых отношений между князьями встречаем борьбу племянников от старшего брата с младшими дядьями, однако племянники при этом никогда не смели выставлять своих родовых прав, и притязания их, основывавшиеся на случайных обстоя-

¹ Так, Ростиславичи в 1195 г. говорили Всеволоду III: «А ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай, гадай о Русской земле и о своей части и о нашей». (Примеч. автора.)

ствах, должны были, исключая только одного случая, уступать правам дядей самых младших.

Но мы видим иногда, что некоторые князья и целые племена (линии) княжеские исключаются из родового старшинства и это исключение признается правильным.

Случись при этом, что князь умирал, не будучи старшиной рода, отцом для своих братьев, то дети его оставались навсегда на степени внуков несовершеннолетних: для них прекращался путь к дальнейшему движению. Такие исключенные из старшинства князья считались в числе *изгоев*¹.

Мы встречаем в летописи слово *отчина*: князья, не исключенные из старшинства, употребляют это слово для означения отдельных волостей. В каком же смысле они

употребляют его? Отчиной для князя была та волость, которой владел отец его и владеть которой он имеет право, если на родовой лестнице занимает ту же степень, какую занимал его отец, владея означенной волостью, потому что владение волостями условливалось степенью на родовой лестнице, родовыми счетами.

Теперь остается вопрос: в каком отношении находились волости младших князей к старшему? Волости находятся в совершенной независимости одна от другой и от Киева, являются отдельными землями и в то же время составляют одно нераздельное целое вследствие родовых княжеских отношений, вследствие того, что князья считают всю землю своей отчиной, нераздельным владением целого рода своего.



Гробница Ярослава Мудрого в храме Святой Софии в Киеве.

Гравюра для книги А. Д. Нечволодова «Сказания о Земле Русской». 1913 г.

¹ «Изгой трои: попов сын грамоты не умеет; холоп из холопства выкупиться, купец одолжает, а се четвертое изгойство и себе приложим, аще князь осиротеет». (Примеч. автора.)



ГЛАВА 10

Линии Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи. — Движения Ростислава Владимировича и гибель его. — Нашествие половцев. — Характер первых усобиц. — Смерть великого князя Всеволода Ярославича. — Печальное состояние Руси. — Борьба с половцами, торками, финскими и литовскими племенами, болгарями, поляками

По смерти Ярослава I княжение целым родом надолго утвердилось в Руси; в то время области, занятые первыми варяго-русскими князьями, разделялись между двумя линиями, или племенами, Рюрикова рода: первую линию составляло потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира. Изяслав умер при жизни отца, не будучи старшим в роде, или великим князем, следовательно, потомство его не могло двигаться к старшинству, менять волость и потому должно было ограничиться одной Полоцкой волостью, которая утверждена была за ним при Ярославе.

Вторую линию составляло потомство Ярослава Владимировича, которое и начало владеть всеми остальными русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старший из них, Изяслав, стал к прочим братьям в *отца место*; младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был еще племянник Ростислав, сын старшего Ярославича, Владимира. Этот Ростислав также вследствие преждевременной смерти отца не мог надеяться получить старшинство; он сам и потомство его должны были ограничиться одной какой-нибудь волостью, которую даст им судьба или старшие родичи.

Ярославичи распорядились так своими родовыми волостями: четверо старших поместились в области Днепровской, трое — на юге: Изяслав — в Киеве, Святослав — в Чернигове, Всеволод — в Переяславле, четвертый, Вячеслав, поставил свой стол в Смоленске, пятый, Игорь — во Владимире-Волынском.

Что касается отдаленнейших от Днепра областей на севере и востоке, то видим, что окончательно Новгород стал в зависимости от Киева; вся область на восток от Днепра, включительно до Муромы, с одной стороны, и Тмутаракани, с другой, стала в зависимости от князей черниговских; Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье — от князей переяславских. Так владели русскими областями ярославово потомство.

Но еще был жив один из сыновей св. Владимира, Судислав, 22 года томившийся в темнице, куда был посажен братом Ярославом. Племянники в 1058 году освободили забытого, как видно, бездельного и потому неопасного старика, взяв, однако, с него клятву не затевать ничего для них предосудительного. Судислав воспользовался свободой для того только, чтобы постричься в монахи, после чего скоро и умер в 1063 году.

Ярослав, завещая сыновьям братскую любовь, должен был хорошо помнить поступки брата своего, Святополка, и как будто приписывал вражду между Владимировичами тому, что они были от разных матерей; последнее обстоятельство заставило Владимира предпочитать младших сыновей, а это предпочтение и повело к ненависти и братоубийству. Ярославичи были все от одной матери; Ярослав не дал предпочтения любимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увещевал его дожидаться своей очереди, когда Бог даст ему получить старший стол после братьев правдой, а не насилем; и точно, у братьев долго не было повода к ссоре.

В 1053 году умер в Смоленске Игорь Ярославич. Как распорядились братья его столом, неизвестно; известно только то, что не был доволен их распоряжениями племянник их, *изгой* Ростислав Владимирович. Без надежды получить когда-либо старшинство, Ростислав, быть может, тяготился вседневной зависимостью от дядей. Он был добр на рати, говорит летописец; его манила Тмутаракань, то заступное приволье, где толпились остатки разноплеменных народов, из которых храброму вождю можно было набрать себе всегда храбрую дружину, где княжил знаменитый Мстислав, откуда с воинственными толпами прикавказских народов приходил он на Русь и заставил старшего брата поделиться половиной отцовского наследства.

Заманчива была такая судьба для храброго Ростислава, изгоя, который только оружием мог достать себе хорошую волость и нигде, кроме Тмутаракани, не мог он добыть нужных для того средств. Как бы то ни было, в 1064 году он убежал в Тмутаракань. Он стал ходить на соседние народы, касогов и других, и брать с них дань. Греки испугались такого соседа и подослали к нему корсуньского начальника (котопана). Ростислав принял котопана без всякого подозрения и честил его, как мужа знатного и посла.

Однажды Ростислав пировал с дружиной; котопан был тут и, взяв чашу, сказал Ростиславу: «Князь! Хочу пить за твое здоровье». Тот отвечал: «Пей». Котопан выпил половину, другую подал князю, но прежде дотронулся до края чаши и выпустил в нее яд, скрытый под



В. П. Верещагин. Великий князь Святополк Изяславич на съезде князей.

Иллюстрация из альбома «История Государства Российского в изображениях державных его правителей». 1896 г.

ногтем; по его расчету князь должен был умереть от этого яда на восьмой день. После пира котопан отправился назад в Корсунь и объявил, что в такой-то день Ростислав умрет, что и случилось; летописец прибавляет, что этого котопана корсунцы побили камнями. Ростислав, по свидетельству того же летописца, был добр на рати, высок ростом, красив лицом и милостив к убогим¹.

Казалось, что Ярославичи, избавившись от Ростислава, надолго останутся теперь спокойны, но вышло иначе. На небе явилась кровавая звезда, предвещавшая кровопролитие, солнце стояло как месяц, из реки Сетомли выволокли рыбаки страшного уroda: не к добру все это, говорил народ. И вот пришли иноплеменики. В степях к востоку от Днепра произошло в это время обычное явление, господство одной кочевой орды сменилось господством другой; узы, куманы или половцы², народ татарского происхождения и языка, заняли место печенегов, поразив последних. В первый год по смерти Ярослава половцы с ханом своим Болушем показали в пределах Переяславского княжества; но на первый раз заключили мир со Всеволодом и ушли назад в степи.

Ярославичи, безопасные пока с этой стороны и не занятые еще усобицами, хотели нанести окончательное поражение пограничным варварам, носившим название торков. До смерти Ярослава I летописец не упоминал о неприятных столкновениях наших князей с ними; раз только

¹ Ростислав умер 3 февраля 1065 года и похоронен в тмураканской церкви Св. Богородицы. Ростислав, по Гатищеву, был женат на дочери венгерского короля; по смерти мужа она хотела ехать к отцу в Венгрию; Изяслав ее отпустил, но сыновей удержал на Руси. (Примеч. автора.)

² Половцы — русский перевод татарского кипчак. (Примеч. автора.)

мы видели наемную конницу их в походе Владимира на болгар. Но в 1059 году Всеволод уже ходил на торков и победил их; потом в 1060 году трое Ярославичей вместе с Всеславом полоцким собрали, по выражению летописца, войско бесчисленное и пошли на конях и владях на торков. Торки, услышав об этом, испугались и ушли в степь, князья погнались за беглецами, многих побили, других пленили, привели в Русь и посадили по городам; остальные погибли в степях от сильной стужи, голода и мора.

Но степи скоро выслали мстителей за торков. В следующий же год пришли половцы воевать на Русскую землю; Всеволод вышел к ним навстречу, половцы победили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов, говорит летописец. В 1068 году опять множество половцев пришло на Русскую землю; в этот раз все три Ярославича вышли к ним навстречу, на реку Альту, потерпели поражение и побежали: Изяслав и Всеволод — в Киев, Святослав — в Чернигов.

Между тем половцы опустошали Русь, дошли до Чернигова; Святослав собрал несколько войска и выступил на них к Сновску; половцев было очень много, но Святослав не оробел, выстроил полки и сказал им: «Пойдемте в битву! Нам некуда больше деться». Черниговцы ударили, и Святослав одолел, хотя у него было только три тысячи, а у половцев 12 тыс.; одни из них были побиты, другие потонули в реке Снове, а князя их русские взяли руками.

Летописец говорит, что когда немецкие послы пришли к Святославу, то он, желая похвастать перед ними, показал им свою казну, и будто бы послы, увидав множество золота, серебра и дорогих тканей, повторили старые слова Владимира Святого: «Это ничего не значит, потому что лежит мертво: дружина лучше, с ней можно доискаться и больше этого». Летопись прибавляет, что богатство Святослава, подобно богатству Езекии, царя иудейского, рассыпалось розно по смерти владельца. Из этих слов летописца можно видеть, что современники и ближайшие потомки с неудовольствием смотрели на поведение старших Ярославичей, которые не следовали примеру деда и копили богатства, полагая на них всю надежду, тогда как добрый князь, по господствовавшему тогда мнению, не должен был ничего скрывать для себя, но все раздавать дружине, при помощи которой он никогда не мог иметь недостатка в богатстве.

Между тем Святослав умер в 1076 году. Всеволод сел на его место в Киеве зимой, а на лето должен был выступить против Изяслава, который шел с польскими полками; на Вольни встретились братья и заключили мир: Всеволод уступил Изяславу старшинство и Киев, а сам остался попрежнему в Чернигове.

Мир между Ярославичами не принес мира Русской земле: было много племянников, которые хотели добыть себе волостей. После Святослава осталось пять сыновей: Глеб, Олег, Давид, Роман, Ярослав. Выгнав племянников, Ярославичи распорядились волостями в пользу своих детей: Святополка Изяславича посадили в Новгороде, брата его Ярополка — в Вышгороде, Владимира Всеволодовича Мономаха — в Смоленске.

Все уособицы, которые мы видим при старшинстве Изяслава, происходили оттого, что осиротелые племянники не получали волостей. Таким образом мы видим, что первые уособицы на Руси произошли от отсутствия отчинного права в отдельных волостях, от стремления осиротелых князей-изгоев установить это право и от стремления старших не допускать до его установления. Князьям-изгоям легко было доискиваться волостей: Русь граничила со степью, а в степи скитались разноплеменные варварские орды, среди которых легко было набрать войско обещанием добычи; вот почему застепная Тмутаракань служит постоянным убежищем для изгоев, которые возвращаются оттуда с дружинами отыскивать волостей.

Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата, взял себе все волости русские, посадил сына своего Владимира в Чернигове, а племянника Ярополка Изяславича — во Владимире-Вольнском, придав к нему Туров.

Ярополк, однако, недолго пользовался возвращенной волостью: посидев несколько дней во Владимире, он поехал в Звенигород, один из городов галицких; когда князь дорогой лежал на возу, то какой-то Нерадец, как видно, находившийся в дружине и ехавший подле на лошади, ударил его саблею. Ярополк приподнялся, вынул из себя саблю и громко закричал: «Ох, этот враг меня покончил!»

В Киеве сильно плакали на похоронах Ярополка; летописец также жалеет об этом князе, говорит, что он много принял бед, без вины был изгнан братьями, обижен, разграблен и, наконец, принял горькую смерть; был он, по словам летописца, тих, кроток, смирен, братолюбив, давал каждый год десятину в Богородичную киевскую церковь от всего своего имения и просил у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глеба. Бог услышал его молитву, заключает летописец.

В 1093 году умер последний из Ярославичей, Всеволод, 64 лет. Летописец говорит, что этот князь был измлада боголюбив, любил правду, был милостив к нищим, чтил епископов и священников, но особенно любил монахов, давал им все потребное; был также воздержан и за то любим отцом своим. Летописец прибавляет, что в Киеве Всеволоду было гораздо больше хлопот, чем в Переяславле; хлопотал он все с племянниками, которые просили волостей: один просил той, другой этой, он все их мирил и раздавал волости.

К этим заботам присоединились болезни, старость, и стал он любить молодых, советоваться с ними, а молодые старались отдалять его от прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тиуны начала грабить, брат несправедливо пени при суде; а Всеволод ничего этого не знал в своих болезнях.

Нам нет нужды разуместь здесь под *молодыми* именно молодых летами; трудно предположить, что Всеволод на старо-

сти лет покинул своих ровесников и окружил себя юношами. Если обратить внимание на последующие явления, то можем легче объяснить смысл слов летописца: под *молодыми* людьми разумеются у него люди новые; новая дружина, приведенная из Переяславля и Чернигова противопоставляется дружине *первой*.

Князья, перемещаясь из одной волости в другую, с младшего стола на старший, приводили с собой свою дружину, которую, разумеется, предпочитали дружине, найденной в новом княжестве, оставшейся после прежнего князя. Отсюда проистекала невыгода, во-первых, для народа, потому что пришельцы не соблюдали выгод чуждой для них области и старались наживаться на счет граждан; во-вторых, для старых бояр, которых пришельцы отстраняли от важных должностей, от княжеского расположения, *заезжали* их, по местническому позднему выражению. Каково было грабительство тиунов княжеских при Всеволоде, свидетельствуют слова лучших киевлян, что земля их оскудела от рати и от *продаж*.

Так сошло с поприща первое поколение Ярославичей. Из внешних отношений на первом плане как прежде, так и теперь была борьба со степными варварами, из которых главное место занимали половцы. Мы упоминали о войнах с ними по поводу княжеских уособиц. Но, кроме того, они часто набегали и без всякого повода. В удачных битвах с этими варварами за Русскую землю начал славиться и приобретать народную любовь сын Всеволода, знаменитый Мономах: 12 удачных битв выдержал он с половцами в одно княжение отца своего; если половцы помогали русским князьям в их уособицах, зато и Мономах иногда ходил на варваров, ведя с собой варваров же из других племен.

Мы видели, что Ярославичи, свободные еще от уособиц, нанесли сильное поражение торкам, заставили часть их поселиться в пределах Руси и признать свою зависимость от нее.

Но в 1080 году торки, поселенные около Переяславля и потому названные в летописи переяславскими, вздумали возвратить себе независимость и заратились. Всеволод послал на них сына своего Мономаха, и тот победил торков.

На севере шла борьба с финскими и литовскими племенами. К первым годам княжения Изяслава относится победа его над голядами; следовательно, народонаселение нынешнего Можайского и Гжатского уездов не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось в стороне от главных путей, по которым распространялись русские владения. В 1055 году посадник Остромир ходил с новгородцами на чудь и овладел там городом Осек Декипив, т. е. Солнечная рука; в 1060 году сам Изяслав ходил на сосолов и заставил их платить дань; но скоро они выгнали русских сборщиков дани, пожгли город Юрьев и окольные селения до самого Пскова. Псковичи и новгородцы вышли к ним навстречу, сразились и потеряли 1000 человек, а сосолов пало бесчисленное множество.

На северо-востоке было враждебное столкновение с болгарами, которые в 1088 году взяли Муром. На западе Ростиславичи боролись с поляками: особенно в этой борьбе стал знаменит третий брат — Василько.



ГЛАВА 11

Характер Владимира Мономаха. — Он уступает старшинство Святополку Изяславичу. — Съезд князей в Любече и прекращение борьбы на востоке. — Новая уособица на западе вследствие ослепления Василька Ростиславича. — Прекращение ее на Витичевском съезде. — Войны с половцами. — Борьба с другими соседними варварами. — Смерть великого князя Святополка. — Киевляне избирают Мономаха в князья себе. — Смерть Мономаха.

Не прошло полвека по смерти Ярослава Старого, как уже первое поколение в потомстве его сменилось вторым, сыновья — внуками. С выступлением на поприще внуков Ярослава причины уособиц оставались прежние, и потому должно было ожидать тех же самых явлений, какими ознаменовано и правление сыновей Ярослава.

Владимир Мономах с братом Ростиславом были в Киеве во время смерти и погребения отца своего; летописец говорит, что Мономах начал размышлять: «Если сяду на столе отца своего, то будет у меня война со Святополком, потому что этот стол был прежде отца его», и, размыслив, послал за Святополком в Туров, сам пошел в Чернигов, а брат его Ростислав — в Переяславль.

Владимир сам говорит в начале поучения своего детям: «Аз худый дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречен в крещении Василий, русьским именем Володимир, отцем възлюбленным и матерью своею Мьномахъ». Из этих слов видно, что «Мономах» не был прозванием, но именем, данным при рождении, точно таким же, какими были Владимир и Василий. Ярослав хотел назвать первенца внука от любимого сына Владимиром-Василием в честь отца своего; отец и мать — Мономахом в честь деда по матери, императора греческого; естественно, что Всеволод гордился происхождением сына своего от царя.

Примечание С. М. Соловьева

Если Мономах единственным препятствием к занятию киевского стола считал старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что он не видел никаких других препятствий, именно не предполагал препятствия со стороны граждан киевских, был уверен в их желании иметь его своим князем. Нет сомнения, что уже и тогда Мономах успел приобрести народную любовь, которой он так славен в нашей древней истории.

Общество, взволнованное княжескими уособицами, столько потерпевшее от них, требовало прежде всего от князя, чтобы он свято исполнял свои родственные обязанности, не *которовался* (не спорил) с братьей, мирил враждебных родичей, вносил умными советами наряд в семью. И вот Мономах во время злой вражды между братьями умел заслужить название братолюбца. Для людей благочестивых Мономах был образцом благочестия: по свидетельству современников, все дивились, как он исполнял обязанности, требуемые церковью. Для сдержания главного зла — уособиц — нужно было, чтобы князья соблюдали клятву, данную друг другу: Мономах ни под каким предлогом не соглашался переступить крестного целования.

Народ испытал уже при других князьях бедствия от того, что людям не доходила княжая правда, тиуны и отроки грабили без ведома князя. Мономах не давал сильным обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, сам *оправливал* (давал правду, суд) людей. При грубости тогдашних нравов люди сильные не любили сдерживать своего гнева, причем подвергнувшийся ему платил жизнью; Мономах наказывал детям своим, чтобы они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских. Другие князья позволяли себе невоздержание, Мономах отличался целомудрием.

Обществу сильно не нравилось в князе корыстолюбие; с неудовольствием видели, что внуки и правнуки св. Владимира отступают от правил этого князя, копят богатство, собирая его с тягостью для народа. Мономах и в этом отношении был образцом добрых князей: с ранней молодости рука его простиралась ко всем, по свидетельству современников; никогда не прятал он сокровищ, никогда не считал он денег, но раздавал их обеими руками; а между тем казна его была всегда полна, потому что при щедрости он был образцом доброго хозяина, не смотрел на служителей, сам держал весь наряд в доме.

Кроме уособиц княжеских, земля терпела от беспрестанных нападений половцев. Мономах с ранней молодости стоял на стороже Русской земли, бился за нее с погаными, приобрел имя доброго страдальца (труженика) за Русскую землю. Большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей проспал на сырой земле; одних дальних путешествий совершил он 83. Дома и в дороге, на войне и на охоте делал все сам, не давал себе покоя ни ночью, ни днем, ни в холод, ни в жару; до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиной,

оправливал (судил) людей, ездил на охоту, или так куда-нибудь, в полдень ложился спать и потом снова начинал ту же деятельность.

Поистине, дети мои, разумеите, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А Господь наш, владеет и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостыней. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и Царствия Небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию...

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей.

Из «Поучения Владимира Мономаха»

Дитя своего века, Мономах, сколько любил пробовать свою богатырскую силу на половцах, столько же любил пробовать ее и на диких зверях, был страстным охотником: диких коней в пущах вязал живых своими руками; тур не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтал ногами, вепрь на боку меч оторвал, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошастью. Но с этой отвагой, удалью, ненасытной жаждой деятельности в Мономахе соединялся здравый смысл, сметливость, умение смотреть на следствие дела, извлекать пользу; из всего можно заметить, что он был сын доброго Всеволода и вместе с тем сын царевны греческой.

Из родичей Мономаха были и другие не менее храбрые князья, не менее деятельные, как, например, чародей Всеслав Полоцкий, Роман и Олег Святославичи. Но храбрость, деятельность Мономаха всегда совпадала с пользой для Русской земли; народ привык к этому явлению, привык верить в доблести, благоразумие, благонамеренность Мономаха, привык считать себя спокойным за его щитом и потому питал к нему сильную привязанность, которую перенес и на все его потомство.

Наконец, после личных доблестей не без влияния на уважение к Мономаху было и то, что он происходил по матери от царской крови; особенно, как видно, это было важно для митрополитов-греков и вообще для духовенства.

Киевляне не могли не уважать основание, на котором Владимир отрекся от их стола, не могли не сочувствовать уважению к старшинству и притом не имели права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда он явился из Турова в Киев по приглашению Мономаха, то граждане вышли к нему с поклоном и приняли его с радо-



Великий князь Владимир Всеволодович Мономах.

*Миниатюра из «Царского титулярника»
царя Алексея Михайловича. 1672 г.*

стью. Но радость их не могла быть продолжительна: характер сына Изяслава представлял разительную противоположность с характером сына Всеволода — Святополк был жесток, корыстолюбив и властолюбив без ума и твердости.

В это время пошли половцы на Русскую землю; услышав, что Всеволод умер, они отправили послов к Святополку с предложением мира, т. е. с предложением купить у них мир. Мономах говорит детям, что он в свою жизнь заключил с половцами девятнадцать миров, причем передавал им много своего скота и платья. Святополк, по словам летописца, посоветовался при этом случае не с большой дружиной отца и дяди своего, т. е. не с боярами киевскими, но с теми, которые пришли с ним, т. е. с дружиной, которую он привел из Турова или, вероятнее, из Новгорода; мы видим здесь, следовательно, опять ясную жалобу на заезд старых бояр пришедшей дружиной нового князя, явление необходимое при отсутствии отчинности, наследственности волостей. По совету своей дружины Святополк велел посадить половецких послов в тюрьму: или жалели скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княжение этой покупкой.

Половцы, услышав о заключении послов своих, стали воевать, пришло их много, и обступили «торческий город», т. е. город, заселенный торками. Святополк испугался, захотел мира, отпустил половецких послов; но уже теперь сами половцы не хотели мира и продолжали воевать. Лукавые сыны Измайловы, говорит летописец, жгли села и гумна и много церковей запалили огнем; жителей били, оставшихся в живых мучили, уводили в плен; города и села опустели; на полях, где прежде паслись стада коней, овец и волов, теперь все стало пусто, нивы поросли: на них живут звери.

Когда половцы с победой возвратились к Торческу, то жители, изнеможенные от голода, сдались им. Половцы, взяв город, заплестили его, а жителей, разделив, повели в вежи к *сердобоям* и сродникам своим, по выражению летописца. Печальные, изнуренные голодом и жаждой, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, нагие, босые, исколотые терновником, шли русские пленники в степи, со слезами рассказывая друг другу, откуда кто родом — из какого города или из какой веси.

Незавидно было житье Мономаха в Переяславле: «Три лета и три зимы, — говорит он, — прожил я в Переяславле с дружиной, и много бед натерпелись мы от рати и от голода». Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и без того уже разоренную; Мономаху удалось раз побить их и взять пленников.

В 1097 г. князья Святополк, Владимир, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич, Давыд Святославич и брат его Олег съехались на *устроенье мира* в городе Любече. Князья говорили: «Зачем губим Русскую землю, поднимаем сами на себя вражду? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут усобицы; теперь же с этих пор станем жить в одно сердце и блюсти Русскую землю».

Князья объявили, что пусть каждое племя (линия) держит отчину свою: Святополк — Киев вместе с той волостью, которая изначала и до сих пор принадлежала его племени, с Туровым; Владимир получил все волости Всеволодовы, т. е. Переяславль, Смоленск, Ростовскую область, Новгород также остался за сыном его Мстиславом; Святославичи — Олег, Давыд и Ярослав — Черниговскую волость; теперь остались изгой — Давыд Игоревич и Ростиславичи; относительно их положено было держаться распоряджений великого князя Всеволода: за Давыдом оставить Владимир-Волынский, за Володаром Ростиславичем — Перемышль, за Васильком — Теребовль.

Уладившись, князья целовали крест: «Если теперь кто-нибудь из нас поднимется на другого, — говорили они, — то мы все встанем на зачинщика и крест честной будет на него же». Все повторяли: «Крест честной на него и вся Земля русская». После этого князья поцеловались и разъехались по домам.

Любеч — один из древнейших городов на Днепре, ныне поселок городского типа Черниговской области Украины. Здесь в 1097 г. состоялся съезд шести русских князей. Конкретной целью съезда была необходимость мирного договора с Олегом Святославичем, против которого Святополк Изяславич и Владимир Мономах (который, как предполагается, был главным инициатором собрания) боролись с 1094 г. В более глобальном плане князья хотели прекращения междоусобицы и объединения против разорявших Русь половцев.

Согласно решениям съезда, за Святополком Изяславичем закреплялся Киев (включая Туровскую и Берестейскую волости), за Владимиром Мономахом — Переяславль (Южный) с рядом других волостей (Ростовом, Смоленском, Новгородом); за Олегом и Давыдом Святославичами — Черниговское княжество; за Давыдом Игоревичем — принадлежавший его отцу Владимир-Волынский; за Володаром Ростиславичем и Васильком Ростиславичем — земли на юго-западной окраине Киевской Руси, Перемышль и Теребовль соответственно.

Этому съезду в прошлом придавалось важное значение в отечественной историографии. Однако его решения были грубо нарушены вскоре после его окончания. Именно поэтому большинство историков оценивают историческую роль съезда в Любече как незначительную.

Младший из Ростиславичей, Василько, князь Теребовльский, отличался необыкновенно предприимчивым духом; он уже был известен своими войнами с Польшей, на опустошение которой водил половцев. Теперь он затевал новые походы: на его зов шли к нему толпы берендеев, печенегов, торков; он хотел идти с ними на Польшу, завоевать ее и отомстить ей за Русскую землю; потом хотел идти на болгар дунайских и заставить их переселиться на Русь; наконец, хотел идти на половцев, и либо найти себе славу, либо голову свою сложить за Русскую землю.

Понятно, что соседство такого князя не могло нравиться Давыду, особенно если последний не знал настоящих намерений Василька, слышал только о его военных приготовлениях, слышал о приближении варварских полков и мог думать, что воинственный Василько прежде всего устремит их на его волости. Давыд начал говорить Святополку: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне — во Владимире». Святополк согласился.

В это время приехал Василько в Киев и пошел помолиться в Михайловский монастырь, где и поужинал, а вечером возвратился в свой обоз. На другой день утром прислал к нему Святополк с просьбой, чтобы не ходил от его имения; Василько велел отвечать, что не может дожидаться, боится, не было бы рати дома. Тогда Давыд сказал Святополку: «Видишь, не хочет тебя знать, находясь в твоей волости; что же будет, когда придет в свою землю? Увидишь, что займет города твои — Туров, Пинск и другие, тогда помянешь меня. Сзови киевлян, схвати его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин, то зайди хотя нынче, повидаемся и посидим вместе с Давыдом».

С малой дружиной приехал Василько на княжий двор; Святополк вышел к нему навстречу, ввел в избу; пришел Давыд, и сели. Святополк стал опять упрашивать Василька: «Останься на праздник». Василько отвечал: «Никак не могу, брат, я уже и обоз отправил вперед». Потом Святополк начал упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополк вышел, сказав: «Посидите вы здесь, а я пойду, распоряжусь». Василько стал разговаривать с Давыдом, но у того не было ни языка, ни ушей — так испугался! И, посидев немного, спросил слуг: «Где брат Святополк?» Ему отвечали: «Стоит в сенях». Тогда он сказал Васильку: «Я пойду за ним; а ты, брат, посиди». Но только Давыд вышел, как Василька заперли, заковали в двойные оковы и приставили сторожей на ночь.

На другой день утром Святополк созвал бояр и киевлян и рассказал им все, что слышал от Давыда, что вот Василько брата его убил, а теперь сговорился с Владимиром, хотят его убить, а города его побрать себе. Бояре и простые люди отвечали: «Тебе, князь, надобно беречь свою голову: если Давыд сказал правду, то Василька должно наказать; если же сказал неправду, то пусть отвечает перед Богом».

Святополк, по свидетельству летописца, хотел отпустить Василька, но Давыд никак не хотел, потому что сильно опасался теребовльского князя. Кончилось тем, однако, что Святополк выдал Давыду Василька.

В ночь перевезли его из Киева в Белгород на телеге, в оковах, ссадили с телеги, ввели в маленькую избу и посадили; оглядевшись, Василько увидал, что овчарь Святополков, родом торчин, именем Беренди, точит нож; князь догадался, что хотят ослепить его, и «возопил к Богу с плачем великим и стоном». И вот вошли посланные от Святополка и Давыда — Сновид Изечевиц, конюх Святополков,



Съезд русских князей в Витачеве.

Миниатюра из Радзивилловской летописи. XVII в.

да Дмитрий, конюх Давыдов — и начали расстилать ковер, потом схватили Василька и хотели повалить. Но тот боролся с ними крепко, так что вдвоем не могли с ним сладить, и позвали других, тем удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску с печи и положили ему на грудь, а по концам ее сели Сновид и Дмитрий, и все не могли удержаться, подошло двое других, взяли еще доску с печи и сели: кости затрещали в груди Василька. Тогда подошел торчин с ножом, хотел ударить в глаз и не попал, перерезал лицо; наконец, вырезал оба глаза один за другим, и Василько обеспамятел.

Мономах, узнав, что Василька схватили и ослепили, ужаснулся, заплакал и сказал: «Такого зла никогда не бывало в Русской земле ни при дедах, ни при отцах наших»¹. Давыд и Олег также сильно огорчились, плакали и, собрав немедленно войско, пришли к Владимиру. Тогда от всех троих послали они сказать Святополку: «Зачем это ты сделал такое зло в Русской земле, бросил нож между нами? Зачем ослепил брата своего? Если бы он был в чем виноват, то ты обличил бы его перед нами и тогда по вине наказал его. А теперь скажи, в чем он виноват, что ты ему это сделал?»

Святополк отвечал: «Мне сказал Давыд Игоревич, что Василько брата моего убил, Ярополка, хотел и меня убить, волость мою занять, сговорился с Владимиром, чтобы сесть Владимиру в Киеве, а Васильку — на Волини; мне поневоле было свою голову беречь, да и не я ослепил его, а Давыд: он повез его к себе, да и ослепил на дороге». Послы Мономаха и Святославичей возражали: «Нечего тебе оправдываться тем, что Давыд его ослепил: не в давыдовом городе его взяли и ослепили, а в твоём», и, поговорив таким образом, ушли.

На другой день князья хотели уже переходить Днепр и идти на Святополка, и тот уже думал бежать из Киева; но киевляне не пустили его, а послали к Владимиру мачеху его, жену покойного великого князя Всеволода, да митрополита Николая. Те от имени граждан стали умолять князей не воевать со Святополком: «Если станете воевать друг с другом, — говорили они, — то поганые обрадуются, возьмут землю Рус-

скую, которую приобрели деды и отцы ваши; они с великим трудом и храбростью поборали по Русской земле да и другие земли приискивали, а вы хотите погубить и свою землю».

Владимир расплакался и сказал: «В самом деле, отцы и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить ее», и склонился на просьбу. Княгиня и митрополит возвратились назад и объявили в Киеве, что мир будет²; и точно, князья начали пересылаться и удалились; Владимир и Святославичи сказали Святополку: «Так как это все Давыд наделал, то ступай ты, Святополк, на Давыда, либо схвати его, либо выгони». Святополк взялся исполнить их волю.

Весной, перед Светлым днем, Давыд выступил в поход, чтобы взять Василькову волость, но у Бужска на границе он был встречен Володарем, братом Василька. Давыд не посмел встать против него и заперся в Бужске; Володарь осадил его здесь и послал сказать ему: «Зачем сделал зло и не каешься? Опомнись, сколько зла ты наделал!» Давыд начал складывать вину на Святополка: «Да разве я это сделал, разве в моем городе? Я и сам боялся, чтоб и меня не схватили и не сделали со мной того же; я поневоле должен был пристать, потому что был в его руках». Володарь отвечал: «Прото ведает Бог, кто из вас виноват, а теперь отпусти мне брата, и я помирюсь с тобой». Давыд обрадовался, выдал Василька Володарю, помирились и разошлись.

Но мир не был продолжителен: Давыд, по некоторым известиям, не хотел возвратить Ростиславичам городов, захваченных в их волости тотчас по ослеплении Василька, вследствие чего той же весной они пришли на Давыда к Всеволожу, а Давыд заперся во Владимире; Всеволож был взят *копьем* (приступом) и зажжен, и когда жители побежали от огня, то Василько велел их всех перебить: так он отомстил свою обиду на людях неповинных, замечает летописец.

Под 1100 годом летопись сообщает о новом съезде всех князей в Уветичах, или Витичеве; собрались Свято-

¹ Т. е. родичи не ослепляли еще друг друга; погибли князья в бою; было подозрение, что Ярополк Изяславич погиб от Ростиславичей, но подозрение только; притом здесь была также явная вражда, смута; Всеволод был схвачен вероломно, но не ослеплен. Но никогда еще не было такого вопиющего вероломства и насилия. (Примеч. автора.)

² Может возникнуть вопрос: зачем киевляне удержали Святополка от бегства, им должно было быть приятно избавиться от такого князя? Но они хорошо помнили следствия изгнания отца Святополка; хорошо знали, что Святополк будет стараться всеми силами добыть себе опять свой стол, следствием чего будут усобицы, за которые поплатятся города и села, и особенно их город; усобица княжеская была страшнее всего, потому что ею пользовались половцы. (Примеч. автора.)

полк, Владимир, Олег и Давыд Святославичи. Пришел к ним и Давыд Игоревич и сказал: «Зачем меня призвали? Вот я! Кому на меня жалоба?» Тогда все братья встали, сели на коней и разъехались; каждый стал особо со своей дружиной, а Давыд сидел один: никто не допустил его к себе, особо думали о нем. Подумав, послали к нему мужей своих: Святополк — Путяту, Владимир — Орогаста и Ратибора, Давыд и Олег — Торчина; посланцы сказали Давыду от имени всех князей: «Не хотим тебе дать стола владимирского, потому что ты бросил нож между нами, чего прежде не бывало в Русской земле; мы тебя не заключим, не сделаем тебе никакого другого зла, ступай садись в Бужске и в Остроге, Святополк дает тебе еще Дубно и Чарторыйск, Владимир двести гривен, Давыд и Олег также двести гривен».

Теперь взглянем на отношения внешние. Мы видели, как народ на Руси боялся княжеских усобиц более всего потому, что ими могут воспользоваться поганые, половцы; видели, что и для самих князей этот страх служил также главным побуждением к миру. Южная Русь, как европейская Украина, должна была, подобно греческим припонтийским колониям древности, стоять всегда настороже вооруженной.

В 1096 году, пользуясь отсутствием Святополка и Мономаха, воевавших на севере со Святославичами, половцы уже не ограничились опустошением пограничных городков, но хан их Боняк, приобретший черную знаменитость в наших летописях, явился под Киевом, опустошил окрестности, сжег княжеский загородный дом на Берестове; а на восточной стороне Днепра другой хан, Курия, пустошил окрестности Переяславля. Успех Боняка и Курии прельстил и тестя Святополкова, Тугоркана: он также пришел к Переяславлю и осадил его. Но в это время князья уже возвратились из похода; они выступили против половцев к Переяславлю и поразили их, причем Тугоркан с сыном и другими князьями был убит: Святополк велел поднять тело Тугорканово и погresti в селе Берестове.

Но еще жив был страшный Боняк; через год он подал о себе весть, пришел к Зарубу, находившемуся на западной стороне Днепра, против трубежского устья, победил торков и берендеев.

Поход троих князей — Святополка, Владимира и Давыда — в 1110 году кончился ничем: они возвратились из города Воина по причине стужи и конского падежа. Но в следующем году, *думой и похотением* Мономаха, князья вздумали навестить половцев на Дону, куда еще прежде, в 1109 году, Мономах посылал воеводу своего Дмитра Иворовича, который и захватил там половецкие вежи.

Пошли Святополк, Владимир и Давыд с сыновьями к половецкому городу Шаруканю, причем Владимир велел священникам своим ехать перед полками и петь молитвы; жители Шаруканя вышли навстречу князьям, поднесли им рыбу и вино; русские переночевали тут и на другой день, в среду, пошли к другому городу, Сугрову, и зажгли его; в четверг пошли с Дона, а в пятницу, 24 марта, собрались половцы, изрядили полки свои и двинулись против русских.

Когда полки русские столкнулись с полками половецкими, то раздался точно гром, брань была лютая и много падало с обеих сторон; наконец, выступили Владимир и Давыд со своими полками. Увидав их, половцы бросились бежать и падали перед полком Владимировым, невидимо поражаемые ангелом; многие люди видели, как головы их летели, ссекаемые невидимой рукой. Святополк, Владимир и Давыд прославили Бога, давшего им такую победу на по-

ганых; русские взяли полона много — скота, лошадей, овец и колодников много побрали руками.

Так, с Божьей помощью, пришли русские князья домой, к своим людям со славой великой и разнеслась слава их по всем странам дальним, дошла до греков, венгров, ляхов, чехов, дошла даже до Рима. И надолго остался Мономах в памяти народной как главный и единственный герой донского похода, долго ходило предание о том, как пил он Дон золотым шеломом, как загнал окаянных агарян за Железные ворота.

Мы видели, что для Руси борьба с половцами и отношения княжеские составляли главный интерес; но из отдаленных концов, с севера, запада и востока, доходил слух о борьбе русских людей с другими варварами, окружавшими их со всех сторон. Новгородцы с князем своим Мстиславом ходили на чужд, к западу от Чудского озера. Полоцкие и волыньские князья боролись с ятвягами и латышами: иногда поражали их, иногда терпели поражение, наконец, на востоке младший Святославич, Ярослав, бился несчасно с мордвой; как видно, он княжил в Муроме.

В начале 1113 года видели в Киеве солнечное затмение. Небесное знамение предвещало смерть Святополкову, по словам летописца: князь умер 16 апреля, недолго пережив Давыда Игоревича, умершего в мае 1112 года. По Святополку плакали бояре и дружина его вся, говорит летописец, но о плаче народном не упоминает ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырям, попам, нищим, так что все дивились: никогда не бывало такой милостыни. Святополк был благочестив: когда шел на войну или куда-нибудь, то заходил прежде в Печерский монастырь поклониться гробу св. Феодосия и взять молитву у игумена. Несмотря на то, летописец не прибавил ни слова в похвалу его, хотя любил сказать что-нибудь доброе о каждом умершем князе.

В Житиях святых печерских находим дополнительные известия, которые объясняют нам причину молчания летописца: однажды вздорожала соль в Киеве; иноки Печерского монастыря помогали народу в такой нужде. Святополк, узнав об этом, пограбил соль у монахов, чтобы продать ее самому дорогой ценой. Игумен Иоанн обличал ревностно его корыстолюбие и жестокость: князь заточил обличителя, но потом возвратил из опасения вооружить против себя Мономаха.

Сын Святополка, Мстислав, был похож на отца: однажды разнеслась весть, что двое монахов нашли клад в пещере; Мстислав мучил без пощады этих монахов, пытая их, у них, где клад. Этот Мстислав был рожден от наложницы, которая, по некоторым известиям¹, имела сильное влияние на бесхарактерного Святополка. При нем, говорит автор Житий, много было насилия от князя людям: дома вельмож

¹ «Сей великий князь был ростом высок, сух, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрение острое, читатель был книг, и вельми памятен, за многая бо лета бывшая, мог оказать, яко написанное; болезней же ради мало ел, и весьма редко, и то по нужде для других ушивался; к войне не был охотник; и хотя на кого скоро осердился, но скоро и запаматовал; при том вельми сребролюбив был и скуп, для которого жидам многие пред христианы вольности дал, чрез что многие христиане торгу и ремесл лишились. Наложницу свою поял в жену, и тако ее любил, что без слез на малое время разлучиться не мог и много ее слушая, от князей терпел поношение, а часто и вред с сожалением; и ежели бы Владимир его не охранял, то б давно Киева Святославичами лишен был.» (Примеч. автора.)

без вины искоренил, имени у многих отнял; великое было тогда нестроение и грабеж незаконный.

При тогдашних неопределенных отношениях, когда княжил целый род, странно было бы ожидать, чтобы Святополково место занято было кем-нибудь другим, кроме Мономаха. Киевляне собрали вече, решили, что быть князем Владимиру, и послали к нему объявить об этом: «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский», — говорили ему послы. Мономах, узнав о смерти Святополка, много плакал и не пошел в Киев: если по смерти Всеволода он не пошел туда, уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь он поступал по тем же побуждениям, уважая старшинство Святославичей.

Но у киевлян были свои расчеты: они разграбили двор тысяцкого Путяты за то, как говорит одно известие, что Путята держал сторону Святославичей, потом разграбили дворы сотских и жидов; эти слова летописи подтверждают то известие, что Святополк из корыстолюбия дал большие льготы жидам, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили против себя всеобщее негодование. После грабежа киевляне послали опять к Владимиру с такими словами: «Приходи, князь, в Киев; если же не придешь, то знай, что много зла делается: ограбят уже не один Путятин двор или сотских и жидов, но пойдут на княгиню Святополкову, на бояр, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу ответ, если монастыри разграбят». Владимир, услышав об этом, пошел в Киев; навстречу к нему вышел митрополит с епископами и со всеми киевлянами, принял его с честью великой, все люди были рады, и мятеж утих.

Узнав о смерти Святополка, половцы явились было на восточных границах; но Мономах, соединившись с Олегом, сыновьями своими и племянниками, пошел на них и принудил к бегству. В 1116 году видим опять наступательное движение русских: Мономах послал сына своего Ярополка, а Давыд — сына Всеволода на Дон, и князья эти взяли у половцев три города. Ряд удачных походов русских князей, как видно, ослабил силы половцев и дал подчиненным торкам и печенегам надежду освободиться от их зависимости; они встали против половцев и страшная резня происходила на берегах Дона: варвары секлись два дня и две ночи, после чего торки и печенеги были побеждены, прибежали в Русь и были поселены на границах.

Но движения в степях не прекращались: в следующем году пришли в Русь беловежцы, также жители донских берегов; так русские границы населялись варварскими народами разных названий, которые будут играть важную роль в нашем дальнейшем рассказе. Но сначала, как вид-

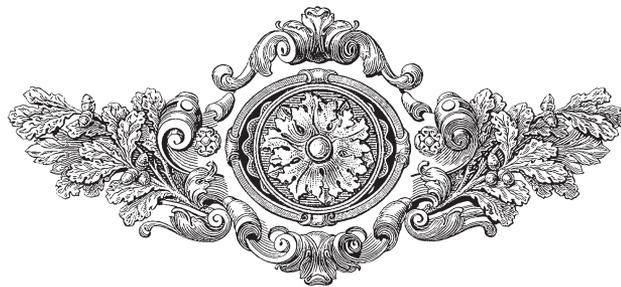
но, эти гости были очень беспокойны, не умели отвыкнуть от своих степных привычек и уживаться в ладу с оседлым народонаселением: в 1120 году Мономах принужден был выгнать берендеев из Руси, а торки и печенеги бежали сами. Ярополк после того ходил на половцев за Дон, но не нашел их там: недаром предание говорит, что Мономах загнал их на Кавказ.

Новгородцы и псковичи продолжали воевать с чудью на запад от Чудского озера: в 1116 году Мстислав взял город Оденпе, или Медвежью голову, погостов побрал бесчисленное множество и возвратился домой с большим полоном; сын его Всеволод в 1122 году ходил на финское племя ямь и победил его; но дорога была трудна по дороговизне хлеба.

На северо-востоке борьба с иноплемениками шла также удачно: прежде мы встречали известия о поражениях, которые претерпевали муромские волости от болгар и мордвы, но теперь под 1120 годом читаем, что сын Мономахов, Юрий, посаженный отцом в Ростовской области, ходил по Волге на болгар, победил их полки, взял большой полон и пришел назад с честью и славой.

В. Н. Татищев так описывал в своей «Истории Российской» так описывал внешность Владимира Мономаха: «Лицом был красен, очи велики, волосы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростом не вельми велик, крепкий телом и силен вельми, в воинстве вельми храбр и хитр на устройство войск, многих врагов своих победил и покори, сам же едино токмо у Триполя побежден был, о чем никогда поминать не мог, частию от жалости по утопшем тогда брате Ростиславе, которого вельми любил, частию от стыда, что не порядком Святополковым к тому приведен».

Так во всех концах русских волостей оправдались надежды народа на благословенное княжение Мономаха. После двенадцатилетнего правления в Киеве, в 1125 году умер Мономах, просветивший Русскую землю, как солнце, по выражению летописца; слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец (труженик) за Русскую землю. Духовенство плакало по нем как по святом и добром князе, потому что много почитал он монашеский чин, давал им все потребное, церкви строил и украшал; когда входил в церковь и слышал пение, то не мог удержаться от слез, потому-то Бог и исполнял все его прошения и жил он в благополучии. Весь народ плакал по нем, как плачут дети по отцу или по матери.





ГЛАВА 12

Сыновья Мономаха. — Мстислав, великий князь. — Война с половцами, чудью и литвой. — Смерть великого князя Мстислава Владимировича. — Брат его Ярополк — великий князь. — Начало борьбы дядей с племянниками в племени Мономаховом. — События в Новгороде Великом. — Смерть Ярополка Владимировича. — Всеволод Ольгович черниговский изгоняет Вячеслава Владимировича из Киева и утверждается здесь. — Отношения между Мономаховичами; война с ними Всеволода Ольговича. — Ростиславичи галицкие. — Война великого князя Всеволода с Владимирком Володаревичем Галицким. — Изгнание из Киева Игоря Ольговича. — Изяслав Мстиславич Мономашич княжит в Киеве. — Плен Игоря Ольговича. — Первое упоминание о Москве. — Победа Юрия над племянником Изяславом и занятие Киева. — Подвиги сына Юриева Андрея. — Продолжение борьбы Изяслава с Юрием. — Смерть Изяслава, его характер. — Смерть Юрия. — Борьба с половцами и финскими племенами.

По смерти Мономаха на киевском столе сел старший сын его Мстислав. Кроме Мстислава, после Мономаха оставалось еще четверо сыновей: Ярополк, Вячеслав, Георгий, Андрей; Ярополк еще при отце получил стол переяславский и остался на нем при брате. Ярополк был на своем месте, потому что отличался храбростью, необходимой для переяславского князя, обязанного постоянно биться со степными варварами. Третий брат Вячеслава княжил сперва в Смоленске, а потом переведен был в Туров; Георгий издавна княжил в Ростовской области; Андрей — во Владимире на Волыни. В Новгороде сидел старший сын Мстислава — Всеволод; в Смоленске — третий сын его, Ростислав. Где же был второй, Изяслав? Должно думать, что где-нибудь подле Киева: он также отличался храбростью и потому нужен был отцу для рати; скоро нашлась ему и волесть, и деятельность.

Из внешних событий по-прежнему записана в летописи борьба с половцами и другими соседними варварами. Половцы обрадовались смерти Мономаха и немедленно явились в пределах Переяславского княжества. Мы видели, что русские князья во время счастливых походов в степи взяли у половцев часть подвластных им торков и печенегов; видели, что эти варвары после сами убежали от половцев в русские пределы и были поселены здесь. Разумеется, половцам хотелось возвратить их назад, и вот летописец говорит, что они именно являлись для того, чтобы перехватить русских торков.

Но в Переяславле сидел Ярополк, достойный по храбрости сын Мономаха, привыкший под отцовским стягом громить варваров в их степях: узнав о нападении и намерении половцев, Ярополк велел вогнать торков и все остальное народонаселение в города; половцы приехали, но ничего не могли сделать и, узнав, что Ярополк в Переяславле, пошли воевать Посулье (места по реке Суле). Ярополк, «благоверного князя корень и благоверная отрасль», по выражению летописца, не дожидаясь помощи от братьев, с одними переяславцами пошел вслед за половцами, настиг их на правом берегу реки Удая, призвал имя Божие и отца своего, ударил на поганых и одержал победу; «Помог ему Бог и молитвы отца его», — продолжает летописец.

После этого нападения половцев мы встретили известие о них при описании черниговских и потом полоцких происшествий. Мстислав не забыл той борьбы, которую вел он, сидя на столе новгородском, именно борьбы с чудью, и в 1130 году послал на нее сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава. Летописец говорит подробно, в чем состоял поход: самих врагов перебили, хоромы пожгли, жен и детей привели домой. Но не так был счастлив чудский поход одного Всеволода новгородского в следующем году: сотворилась пакость великая, говорит летописец, перебили много добрых мужей новгородских в Клину.

Что половцы были для Юго-Восточной Руси, то литва была для Западной, преимущественно для княжества Полоцкого. Присоединив к волостям своего рода и это княжество, Мстислав должен был вступить в борьбу с его врагами; вот почему в последний год его княжения летописец упоминает о походе на Литву: Мстислав ходил с сыновьями своими, с Ольговичами и зятем Всеволодом городенским. Поход был удачен, Литву ожгли по обыкновению, но на возвратном пути киевские полки пошли отдельно от княжеской дружины и литовцы настигли их и побили много народу.

В 1132 году умер Мстислав; его княжение, бывшее совершенным подобием отцовского, утвердило в народе веру в достоинство племени Мономахова. «Этот Мстислав Великий, — говорит летописец, — наследовал пот отца своего, Владимира Мономаха Великого». Владимир сам собой постоял на Дону и много пота утер за землю Русскую, а Мстислав мужей своих послал, загнал половцев за Дон, за Волгу и за Яик и так избавил Бог Русскую землю от поганых.



Нападение половцев на жителей Киева и угон русичей в половецкий плен.

Миниатюра из Радзивилловской летописи. XIII в.

Народ мог надеяться, что долго будет спокоен от их нашествий, потому что Мстиславу наследовал по всем правам брат его Ярополк, который был известен своей храбростью, своими счастливыми походами в степи. У Ярополка не было соперников: он был единственным князем, который мог сесть на старший стол по отчине и дедине; он крепко сидел в Киеве и потому еще, что люди киевские послали за ним. Но их надежды на Ярополка не сбылись: спокойствие Руси кончилось смертью Мстислава; с начала княжения Ярополкова начались усобицы в самой семье знаменитого князя братолюбца; Святославичи воспользовались ими, и киевляне должны были терпеть на своем столе князя недоброго племени.

Усобицы заняли все внимание князей в княжение Ярополка и не было походов на врагов внешних: половцы опомнились от ударов, нанесенных им при Мономахе и Мстиславе, и опять получили возможность пустошить Русскую землю. В 1138 году они опустошили Курскую волость; союзные отряды их являлись даже в области Новгородской. Чудь также воспользовалась смутами, возникшими в Новгороде, и не только перестала платить дань, но, собравшись, овладела Юрьевым и перебила тамошних жителей. В 1133 году Всеволод по вторичном утверждении в Новгороде предпринимал поход на чудь и отнял у ней опять Юрьев.

В 1139 году умер Ярополк. В летописи замечаем сильную привязанность к этому князю, который напоминал народу отца своего мужеством, славой удачных походов на половцев и, как видно, нравственными качествами.

По смерти Ярополка преемником его на старшем столе был по всем правам брат его Вячеслав, который вступил в Киев беспрепятственно. Но как скоро Всеволод Ольгович узнал о смерти Ярополка и что в Киеве на его месте сидит Вячеслав, то немедленно собрал небольшую дружину и с братьями, родным Святославом и двоюродным Владимиром Давыдовичем, явился на западной стороне Днепра и занял Вышгород; отсюда, выстроив полки, пошел к Киеву,

стал в Копыреве конце и начал зажигать дворы в этой части города, послав сказать Вячеславу: «Иди добром из Киева».

Вячеслав отправил к нему митрополита с таким ответом: «Я, брат, пришел сюда на место братьев своих, Мстислава и Ярополка, по завещанию наших отцов. Если же ты, брат, захотел этого стола, оставив свою отчину, то, пожалуй, я буду меньше тебя, пойду в прежнюю свою волость, а Киев тебе». И Всеволод вошел в Киев с честью и славой великой, говорит летописец.

О половецких нашествиях не встречаем известий в летописях: под 1139 годом читаем, что приходила вся Половецкая земля, все князья половецкие на мир; ходил к ним Всеволод из Киева и Андрей из Переяславля к Малотину и помирились; разумеется, мир этот можно было только купить у варваров.

1 августа умер Всеволод, князь умный, деятельный, где дело шло об его личных выгодах, умевший пользоваться обстоятельствами, но не разбиравший средств при достижении цели¹.

После братних похорон Игорь поехал в Киев, созвал всех киевлян на гору, на двор Ярослава, и все присягнули ему, а сами послали сказать Изяславу в Переяславль: «Поди, князь, к нам: хотим тебя». Изяслав принял приглашение, собрал своих ратных людей и пошел из Переяславля. Когда он перешел Днепр у Заруба, то прислало к нему все погра-

¹ У Татищева читаем о Всеволоде: «Сей великий князь ростом был муж велик и озельми толст, власов мало на главе имел, брада широкая, очи немалые, нос долгий, мудр был в советах и судех, для того, кого хотел, того мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах, упражнялся. Чрез сие киевлянам от него тягость была великая, и как умер, то едва кто по нем, кроме баб любимых заплакал, и более были ради, но притом более еще тягости от Игоря, ведаю его нрав свирепый и гордый, опасались». В самом деле, в дошедших до нас списках летописей нет похвалы Всеволоду и нет упоминения, чтобы о нем плакали. (Примеч. автора.)

ничное варварское народонаселение, черные клобуки и все жители пограничных городов на реке Роси (все Поросье); посланные говорили: «Ты наш князь, Ольговичей не хотим; ступай скорее, а мы с тобой». Скоро явились новые послы из Киева и сказали: «Ты наш князь, ступай, не хотим переходить к Ольговичам точно по наследству; где увидим твой стяг, тут и мы будем готовы с тобой».

Черные клобуки, или черные шапки, — общее название тюркских вассалов князей Киевской Руси, которые были расселены в Поросье начиная с конца XI в. Впервые это название было упомянуто в Ипатьевской летописи в 1146 г.; согласно летописи, в состав черных клобуков входили торки, печенеги, берендеи и коуи, также источники дважды упоминают бастиев и по одному разу турпеев и каепичей.

Занимая зону по течению Днепра, Стугны и Роси, черные клобуки являлись своего рода буфером между Киевской Русью и половцами. Некоторое время (впрочем, не очень долгое) они играли важное значение в жизни Руси; среди прочего, от мнения черных клобуком зависело приглашение в Киев на княжение того или иного князя. Некоторые исследователи считают черных клобуков предвестниками казачества.

Изяслав подошел к Киеву и стал с сыном своим Мстиславом у вала, подле Надова озера, а киевляне стояли особо, у Ольговой могилы, огромной толпой. Скоро Игорь и все войско его увидели, что киевляне послали к Изяславу и взяли у него тысяцкого со стягом; а вслед за тем берендеи переехали через Лыбедь и захватили Игорев обоз перед Золотыми воротами и под огородами.

Ольгович с племянником не смутились от этого и пошли против Изяслава; но им нельзя было проехать к нему Надовым озером, они пошли верхом и попали в самое невыгодное место между двумя канавами из озера и из сухой Лыбеди. Берендеи заехали им взад и начали сечь их саблями, а Изяслав с сыном Мстиславом и дружиной заехали сбоку. Ольговичи побежали, Игорь заехал в болото, конь под ним увяз, а идти он не мог, потому что был болен ногами; брат его Святослав бежал на устье Десны, за Днепр, а племянник Святослав Всеволодич прибежал в Киев и спрятался в Ирининском монастыре, где его и взяли; дружину Ольговича гнали до самого Днепра, до устья Десны и до киевского перевоза.

Изяслав с великой славой и честью въехал в Киев; множество народа вышло к нему навстречу; игумены с монахами и священниками со всего Киева в ризах. Он приехал к Св. Софии, поклонился Богородице и сел на столе отцовском и дедовском.

В это время пришла весть, что Юрий ростовский заключил союз со Святославом и идет к нему на помощь. Услыхав, что дядя поднялся на него, Изяслав Мстиславич отправил степью гонца в Рязань к Ростиславу Ярославичу с просьбой, чтобы напал на Ростовскую область и таким образом отвлек бы Юрия; Ростислав согласился.

Весной Юрий с союзником своим начал наступательное движение: сам вошел в область Новгородскую, взял Торжок и землю по Мсте; а Святослав пошел на Смоленскую волость, взял Голядей, на верховьях Протвы, и обогатил дружину свою полною, после чего получил зов от Юрия приехать к нему в Москву, имя которой здесь впервые упомянуто.

В 1154 году, женившись во второй раз на царевне грузинской, Изяслав схоронил брата Святослава, а потом скоро сам занемог и умер. Летописец называет его честным, благородным, христоролюбивым, славным; говорит, что плакала по нем вся Русская земля и все черные клобуки, как по царе и господине своем, а больше как по отцу. Причина такой любви народной ясна: при необыкновенной храбрости (в которой равнялся с ним, быть может, из князей один Андрей Юрьевич), не уступая никому первого места в битве, гоня врагов и в то время, когда полки его бывали разбиты, Изяслав отличался также искусством, был хитер на воинские выдумки; но, будучи похож на знаменитого деда своего храбростью, отвагой, он напоминал его также ласковостью к народу.

Юрий вошел в Киев с четырьмя старшими сыновьями, которых посадил около себя: Андрея — в Вышгороде, Бориса — в Турове, Глеба — в Переяславле, Василька — на Поросье.

10 мая 1157 г. Юрий пировал у осменника Петрилы, в ночь занемог и через пять дней умер. В день похорон (16 мая) наделалось много зла, говорит летописец: разграбили двор Юрьев Красный и другой двор его за Днепром, который он сам звал раем, также двор Василька — сына его — в городе; перебили суздальцев по городам и селам, имение их разграбили. Эти действия киевлян служат ясным знаком нерасположения их к Юрию и его суздальской дружине, которую он привел с севера¹. Смертью Юрия закончилось третье поколение Ярославичей.

¹ У Татищева прибавлено, будто киевляне приговаривали, прибывая суздальцев: «Вы нас грабили, разоряли, жен и дочерей наших насильствовали, несть нам братия, но не приятели». Там же о наружности и характере Юрия: «Был роста немалого, толстый, лицом белый, глаза невелики, великий нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о рас праве и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев». (Примеч. автора.)



ГЛАВА 13

Изяслав Давыдович вторично княжит в Киеве.— Он принужден оставить Киев, куда Мстислав Изяславич волынский призывает дядю своего Ростислава Мстиславича из Смоленска.— Война с Изяславом Давыдовичем.— Смерть последнего.— Смерть великого князя Ростислава.— Мстислав Изяславич княжит в Киеве.— Неудовольствие князей на него.— Войско Андрея Боголюбского изгоняет Мстислава из Киева и опустошает этот город.— Борьба новгородцев со шведами.— Война Андрея Боголюбского с камскими болгарами.— Борьба с половцами.

Изяслав Давыдович в другой раз въехал в Киев, теперь уже по согласию всех Мономаховичей: о сыне Юрия, Андрее Боголюбском, не было, по крайней мере, ничего слышно. В следующем, 1158 году встала смута в Галиче, подавшая повод к изгнанию Изяслава Давыдовича из Киева и переходу последнего опять в род Мономахов. Мономаховичам южным, главным из которых на деле был Мстислав Изяславич волынский, открылся теперь удобный случай изгнать Давыдовича из Киева и опять перевести этот город в свое племя, и вот Мстислав и Владимир Андреевич согласились с Ярославом Галицким идти на киевского князя.

Между тем Изяслав двинулся к Белгороду, уже занятому союзными князьями, волынским и галицким. Изяслав осадил их в городе и не сомневался в успехе, имея 20 тыс. половцев, как измена берендеев переменяла все дело. Или надеясь выиграть с переменой, или действительно добродетелью сыну любимого князя своего Изяслава, они вошли в сношения с осажденными, послали сказать Мстиславу: «От нас теперь зависит, князь, и добро твое и зло; если хочешь нас любить, как любил нас отец твой, и дашь нам по городу лучшему, то мы отступим от Изяслава». Мстислав обрадовался такому предложению и в ту же ночь поцеловал крест, что исполнит все их желания, после чего берендеи не стали медлить и в полночь поскакали с криком к Белгороду.

Освобожденный берендеями от осады, Мстислав с двумя союзниками вошел в Киев, захватил именье дружины Изяславовой, отправил его к себе во Владимир-Волынский и послал в Смоленск звать дядю Ростислава на старший стол, потому что прежде похода еще союзники целовали крест — искать Киева Ростиславу.

Уладившись с племянником, Ростислав въехал в Киев в 1159 году и сел на столе отцовском и дедовском, а Мстислав получил из киевских волостей Белгород, Торческ, Триполье.

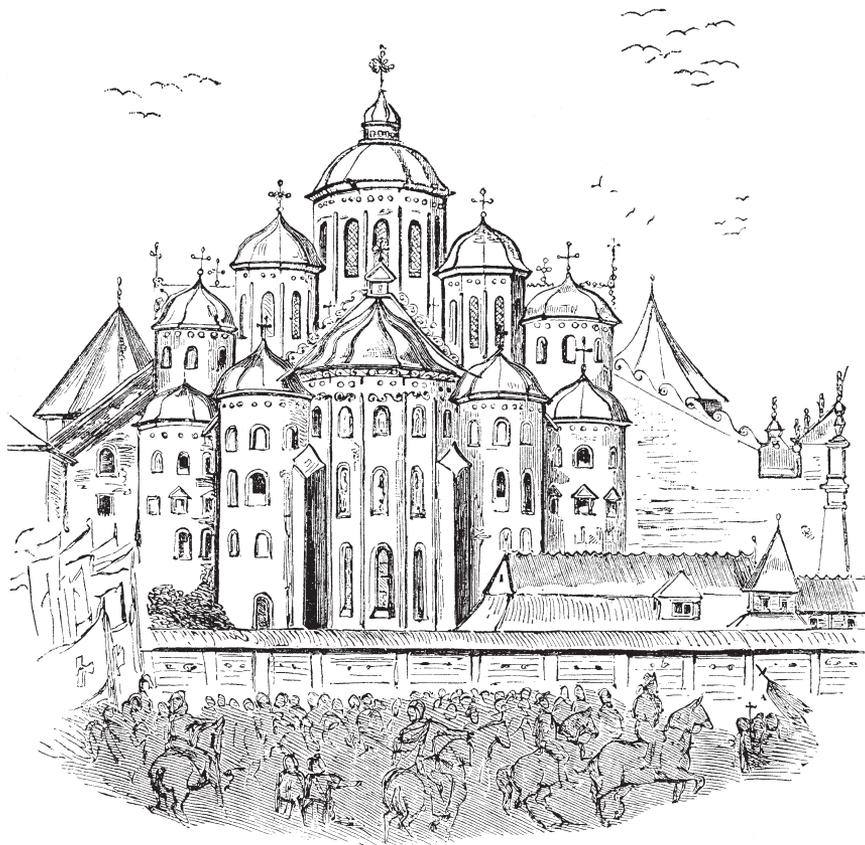
Имея одного врага в Изяславе Давыдовиче, князья киевские и черниговские должны были соединиться и действительно скоро съехались в Моравске «на великую любовь», по выражению летописца; князья обедали друг у друга без всякого извета и дарились: Ростислав дарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками, рыбьими зубьями; Святослав отдаривал Ростислава барсом и двумя борзыми конями в кованых седлах.

Несмотря, однако, на все неудачи, Изяслав не думал еще уступать; в Киеве и в степной Украине смотрели с неудовольствием и подозрительностью на тесный союз Ростислава с Ольговичем. Этим нерасположением мог воспользоваться Давыдович, чтобы разорвать союз киевского князя с черниговским, союз, отнимавший у него всякую надежду на успех. Давыдович спешил пользоваться выгодным оборотом дел, собрал большие толпы половцев, соединился со Всеволодовичами северскими, с родным племянником Владимировичем, с Олегом Святославичем.

Ростислав собрал большое войско, выступил к Днепру и находился в Триполье, когда Изяслав, узнав о его приближении, обратился в бегство и все половцы его ушли в степь. Вероятно, бегство половцев, которые не любили сражаться с многочисленными войсками, и заставило Давыдовича бежать перед Ростиславом. Но как скоро последний, возвратясь в Киев, распустил войско, то Изяслав опять собрал союзных себе князей и половцев, перешел замерзший Днепр за Вышгородом и явился у Киева.

Здесь с Ростиславом был только один двоюродный брат его Владимир Андреевич; после кровопролитной схватки, которая показалась летописцу вторым пришествием, Изяслав начал одолевать, и половцы пробивались уже сквозь частокол в город, когда дружина Ростислава сказала своему князю: «Князь! Братьев твоих еще нет, нет ни берендеев, ни торков, а у неприятелей сила большая; ступай лучше в Белгород и там поджидай помощи». Ростислав послушался, поехал в Белгород с полками и с княгиней, и в тот же день пришел к нему племянник Ярослав Изяславич луцкий с братом Ярополком, а Владимир Андреевич отправился в Торческ за торками и берендеями.

Давыдович вошел в третий раз в свой любимый Киев, простил всех граждан, попавшихся в плен, и пошел немедленно осаждать Белгород. Четыре недели понапрасну простоял он около



Софийский собор в Киеве.

Реконструкция по рисунку Абрахама ван Вестерфельда.
Первая половина XVII в.

Абрахам ван Вестерфельд (1620/1621—1692) — голландский живописец, рисовальщик и каллиграф. В 1650—1653 гг. был придворным художником литовского гетмана Януша Радзивилла. Во время военных походов Радзивилла ван Вестерфельд побывал в том числе и в Киеве, где сделал несколько зарисовок.

белгородского кремля. А между тем Мстислав Изяславич из Владимира шел на выручку к дяде с галицкою помощью; с другой стороны шел Рюрик Ростиславич с Владимиром Андреевичем и Васильком Юрьичем из Торческа, ведя с собой толпы пограничных варваров — берендеев, торков, печенегов; у Котельницы соединились они с Мстиславом и пошли вместе к Белгороду.

Давыдович испугался и побежал от Белгорода; осажденные князья вышли тогда из города и, дождавшись своих избавителей, погнались вместе за черниговскими князьями. Торки нагнали их, стали бить и брать в плен; один из торков, Воибор Негечевич, нагнал самого Изяслава и ударил его по голове саблей; другой торчин проколол его в стегно и повалил с лошади. При последнем издыхании уже нашел его Мстислав и отправил в киевский Семеновский монастырь, где он и умер; тело его отослали в Чернигов.

В другой раз Ростислав получил Киев благодаря племяннику своему Мстиславу, и это уже само обстоятельство могло вести к ссоре между князьями: Мстислав мог считать себя вправе предъявлять большие требования за свои услуги. Вот почему неудивительно нам читать в летописи, что вскоре

после вторичного вступления Ростислава в Киев Мстислав выехал из этого города в сердцах на дядю и что между ними были крупные речи.

Ростиславу удалось умирить всех князей и на восточной и на западной стороне Днепра; оставалось урядить дела на севере. Урядившись с новгородцами, взяв много даров у них и у сына, он возвратился в Смоленск совсем больной; сестра Рогнеда начала просить его, чтобы он остался в Смоленске и лег в построенной им церкви, но Ростислав отвечал: «Не могу здесь лечь, везите меня в Киев; если Бог пошлет по душе на дороге, то положите меня в отцовском благословении у Св. Феодора, а если, Бог даст, выздоровлю, то постригусь в Печерском монастыре». Так больной Ростислав спешил в Киев с тем, чтобы лечь там или постричься, как на дороге из Смоленска, будучи в сестрином селе Зарубе, почувствовал приближение смерти и послал за духовником; сам прочел отходную и умер в полной памяти, отирая платком слезы.

По смерти Ростислава взоры всех обратились на смелого племянника его, князя Владимирского на Волыни, который два раза уже овладевал Киевом, два раза уступал его родному и старшему дяде, но кроме последнего не мог уступить никому другому. Несмотря, однако, на это, спорность прав Мстислава, спорность самой отчинности его (ибо отец его умер, не будучи собственно старшим в роде), давала родичам его надежду, что Изяславич щедро наградит их за уступку ему старшинства, даст им все, чего они сами захотят, но они ошиблись в своем расчете: Мстислав, подобно дяде Ростиславу, хотел быть старшим в деле, а не по имени только.

Мстислав вошел в Киев, урядился с братьями, дружиной и киевлянами и в тот же день отправился осаждать Вышгород; после крепких схваток между осаждающими и осажденными князья начали пересылаться и уладились, наконец, на счет волостей, после чего Мстислав вторично вошел в Киев и сел на столе Ярославовом, на столе отца своего и дедов своих.

Князья не могли распорядиться волостями так, как им хотелось при вступлении на старший стол Мстислава; это оставило горечь во всех сердцах, которая должна была обнаружиться при всяком удобном случае. Этим всеобщим нерасположением южных князей к Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбский, чтобы предъявить права свои на старшинство и на Киев.

Ждали только повода; повод открылся, когда Мстислав исполнил просьбу новгородцев и отправил к ним на княже-

ние сына своего Романа; тогда все братья стали сноситься друг с другом и утвердились крестом на Мстислава, объявив старшим в роде Андрея Юрьевича.

Боголюбский выслал сына своего Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича с ростовцами, владимирцами, суздальцами; к этому ополчению присоединилось 11 князей: Глеб Юрьевич из Переяславля, Роман из Смоленска, Владимир Андреевич из Дорогобужа, Рюрик Ростиславич из Овруча, братья его — Давыд и Мстислав из Вышгорода, северские — Олег Святославич с братом Игорем, наконец, младший брат Боголюбского, знаменитый впоследствии Всеволод Юрьевич и племянник от старшего брата, Мстислав Ростиславич.

В Вышгороде соединились все князья — неприятели Мстислава и отсюда пошли и обступили Киев. Мстислав затворился в городе и крепко бился за него: любовь к сыну Изяславу и еще больше, быть может, нелюбовь к сыну Юрию заставила киевлян в первый раз согласиться выдержать осаду; летописец не говорит, чтобы кто-нибудь из них, как прежде, вышел навстречу к осаждавшим князьям или все вечер говорили Мстиславу: «Ступай, князь, теперь не твое время»; одни только черные клобуки по обычаю начали предательствовать.

После трехдневной осады дружины осаждавших князей успели ворваться в город; тогда дружина Мстислава сказала своему князю: «Что стоишь? Поезжай из города, нам их не перемочь». Мстислав послушался и побежал на Василев; отряд черных клобуков гнался за ним, стрелял взад, побрал в плен много дружины, но самому Мстиславу удалось соединиться с братом Ярославом и пробраться вместе с ним во Владимир-Волынский.

В первый раз Киев был взят вооруженной рукой при всеобщем сопротивлении жителей и в первый раз Мать городов русских должна была подвергнуться участи города, взятого на шит: два дня победители грабили город, не было никому и ничему помилования. Церкви жгли, жителей — одних били, других вязали, жен разлучали с мужьями и вели в плен, младенцы рыдали, смотря на матерей своих; богатства неприятели взяли множество, церкви все были пограблены; половцы зажгли было и монастырь Печерский, но монахам удалось потушить пожар. Были в Киеве тогда, говорит летописец, на всех людях стон и тоска, печаль неушная и слезы непрестанные.

Но не старший сын Юрия, во имя которого совершен был поход, взят и razoren стольный город отцов, не Боголюбский сел в Киеве; сын его Мстислав посадил здесь дядю, Глеба переяславского, который отдал Переяславль сыну своему Владимиру; старший в роде князь остался жить на севере, в далеком Владимире Клязменском, и сын его Мстислав пошел назад к отцу с великой честью и славой, говорит летописец, но в некоторых списках стоит: «с проклятием».

При сильных внутренних волнениях, происходивших во время вторичного княжения Святослава Ростиславича, новгородцы должны были выдержать довольно значительную внешнюю борьбу со шведами. Со времен Рюрика шведы не беспокоили русских владений¹, и было замечено, что та-

кой безопасностью северо-западные русские волости были обязаны внутренним волнениям, происходившим в Швеции вследствие принятия христианства, которое повело к разложению древних языческих форм жизни.

Андрей Боголюбский с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием удачно воевал с камскими болгарями, перебил у них много народа, взял знамена, едва с малой дружиной успел убежать князь болгарский в Великий город; после этой победы Андрей взял славный город болгарский Брахимов и пожег три других города.

На юго-востоке по-прежнему продолжалась борьба с половецами. В начале княжения Ростислава они понесли поражение от волынских князей и галичан; неудачно окончилось в 1162 году нападение их под Юрьевым на черных клобуков, у которых сначала побрали они много вож, но потом черные клобуки собрались все и побили их на берегах Роси, отняли весь полон и самих взяли больше 500 человек с несколькими княжичами. Несмотря на то, в следующем году Ростислав почел за нужное заключить с ними мир и женить сына своего Рюрика на дочери хана Белука. Общего продолжительного мира не могло быть с этими варварами, разделявшимися на многие орды под начальством независимых ханов: в 1165 году племянник Ростислава Василько Ярополкович побил половцев на реке Роси, много взял пленников, которых дал на выкуп за дорогую цену; дружина его обогатилась оружием и конями.

Но варвары были опасны не одними только прямыми опустошениями своими; они вредили торговле Руси с греками, которая была главной причиной благосостояния Киева, обогащения казны великокняжеской. Мы знаем из свидетельства Константина Багрянородного, как опасно было в старину плавание русских в низовьях Днепра, в степи, где ждали их обыкновенно толпы печенегов; эти затруднения не прекратились и теперь, когда в степях приднепровских господствовали кочевые варвары с новым только именем; торговые лодки не могли безопасно плавать вниз и вверх по Днепру.

Как важна была греческая торговля для русских князей и как важна была опасность для этой торговли от половцев, доказывает известие летописца под 1166 годом. Ростислав послал к братьям и сыновьям своим с приказом собираться им у себя со всеми своими полками, и пришли: Мстислав Изяславич из Владимира с братьями — Ярославом из Луцка и Ярополком из Бужска, Владимир Андреевич, Владимир Мстиславич, Глеб Юрьевич, Глеб Городенский, Иван Юрьевич Туровский, сыновья Ростислава — Рюрик, Давыд и Мстислав, галицкая помощь, и все стояли у Канева долгое время, дожидаясь до тех пор, пока поднялись торговые суда, тогда все князья разошлись по домам.

Не одни только половцы мешали греческой торговле: в 1159 году берладники² овладели Олешьем; великий князь Ростислав отправил на них Днепром двух воевод, которые настигли разбойников, перебили их и отняли награбленное.

¹ Упомянутое под 1142 годом нападение какого-то шведского князька с 60 шнеками на три купеческие лодки не может считаться в числе неприязненных покушений на страну. (Примеч. автора.)

² Берладники — беглецы разных социальных слоев Киевской Руси, которые селились между Карпатами и Днестром, в низовье Дуная, преимущественно в городе Бырлад на одноименной реке (на территории современной Румынии).



ГЛАВА 14

Андрей Боголюбский остается на севере: значение этого явления.— Характер Андрея и его поведение на севере.— Убиение Андрея Боголюбского.— Борьба Ярослава Галицкого с боярами.— Смерть его.— Бояре изгоняют Владимира и принимают к себе Романа Мстиславича Волынского.— Венгерский король Бела III вмешивается в эту усобицу и сажает в Галиче сына своего Андрея.— Насилия венгров в Галиче.— Владимир Ярославич с помощью поляков утверждается здесь.— Роман Волынский; его характер.— Деятельность Мстислава Храброго на севере.— Немцы в Ливонии.— Борьба князей с болгарями.— Войны с литвой, ятвягами и половцами.— Татарское нашествие.

Андрей не привел войска свои к Киеву, не пришел в стольный город отцов и дедов, и после отдал его, опустошенный, младшему брату, а сам остался на севере, в прежнем месте своего пребывания — во Владимире-на-Клязьме. Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого начинался на Руси новый порядок вещей.

К Киеву стремились самые пламенные желания князей, около Киева сосредоточивалась их главная деятельность; Киев был представителем единства княжеского рода и единства земского, наконец, единства церковного, как местопребывания верховного пастыря русской церкви; Киев, по словам самих князей, был старшим городом во всей земле¹. Изяслав Давыдович не хотел выйти из Киева, «потому что,— говорит летописец,— сильно полюбилось ему великое княжение киевское, да и кто не полюбит киевского княжения? Ведь здесь вся честь и слава, и величие, глава всем землям русским Киев; сюда от многих дальних царств стекаются всякие люди и купцы, и всякое добро от всех стран собирается в нем». И вот нашелся князь, которому не полюбилось киевское княжение, который предпочел славному и богатому Киеву бедный, едва только начавший отстраиваться город на севере — Владимир-Клязьменский.

Мы видели второго сына Юриева, Андрея: он выдавался своей необыкновенной храбростью, любил начинать битву впереди полков, заноситься на ретивом коне в середину вражьего войска, пренебрегать опасностями. Но в то же время видно было в нем какое-то нерасположение к югу, к собственной Руси, влечение к северу, что резко отличало его от отца и других братьев, разделявших со всеми остальными Ярославичами любовь к Киеву.

Для объяснения этого явления заметим, что Андрей, родившийся на севере, провел там большую половину жизни и ту именно половину, впечатления которой ложатся крепко на душу человека и никогда его не покидают. Уже только в 1149 году, лет 30 с лишним от рождения, пришел Андрей на юг, в Русь, с полками отца своего. Он привык к северу, к тому порядку вещей, который там господствовал: немудрено, что не понравился ему юг, что чужд, непонятен и враждебен показался ему порядок вещей, здесь существовавший.

Как скоро Юрий умер, то ростовцы и суздальцы, посоветовавшись вместе, взяли к себе в князья Андрея и посадили его в Ростове на отцовском столе и в Суздале. Андрей принял стол ростовский и суздальский, но утвердил свое пребывание в прежней волости — Владимире, его украшал по преимуществу, в нем хотел даже учредить особую митрополию для Северной Руси, чтобы дать ей независимость от Южной и в церковном отношении, зная, какое преимущество будет сохранять Киев, если в нем будет по-прежнему жить верховный пастырь русской церкви.

Такое поведение Андрея не могло нравиться ростовцам, его поведение не нравилось, как видно, почему-то и старым боярам отцовским; как видно, Андрей не жил с ними товарищески, не объявлял им всех своих дум, к чему привыкли бояре в старой Руси. Предлог к смуте недовольные могли найти легко: Андрей овладел властью вопреки отцовскому распоряжению; младшие Юрьевичи, которым отец завещал Суздальскую землю, жили там, их именем недовольные могли действовать, и вот Андрей гонит с севера своих младших братьев, этих опасных соперников — Мстислава, Василька и Всеволода, которые отправились в Грецию. Мы видели, что двое других Юрьевичей имели волости на юге: Глеб княжил в Переяславле, Михаил, как видно, — в Торческе; вскоре Всеволод Юрьевич с племянниками Ростиславичами возвратился также из Греции и, по некоторым известиям, княжил в Городце Остерском.

Вместе с братьями Андрей выгнал племянников своих от старшего брата Ростислава; наконец, изгнал он и старых отцовских бояр, мужей отца своего, «передних», по выражению летописца. Он это сделал, продолжает летописец, желая быть самовластием во всей Суздальской земле.

¹ «То есть старейший град в земли во всей Кыев». (Примеч. автора.)

Андрей любил забаваться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Всё это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и усобицы развивали удалство в князьях, но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем.

У Андрея всегда все было в порядке и наготове; его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть настороже и всюду вносить порядок он напоминал своего деда Владимира Мономаха. Несмотря на свою боевую удаль, Андрей не любил войны и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом.

В. О. Ключевский

Мы можем заключить, что Андрей был повелителем и строг с окружающими его; так, он казнил одного из ближайших родственников своих по жене, Кучковича; тогда брат казненного, Яким, вместе с зятем своим Петром и некоторыми другими слугами княжескими решился злодейством освободиться от строгого господина.

Мы знаем также, что русские князья принимали к себе на службу пришельцев из разных стран и народов; Андрей подражал в этом отношении всем князьям, охотно принимал пришельцев из земель христианских и нехристианских, латинов и православных, любил показывать им свою великолепную церковь Богоматери во Владимире, чтобы иноверцы видели истинное христианство и крестились, и многие из них действительно крестились.

В числе этих новокрещенных иноземцев находился один яс, именем Анбал: он пришел к Андрею в самом жалком виде, был принят на княжескую службу, получил место ключника и большую силу во всем доме. В числе приближенных к Андрею находился также какой-то Ефрем Моизич, которого отчество — Моизич, или Моисеевич, указывает на жидовское происхождение. Двое этих-то восточных рабов выставлены летописцем вместе с Кучковичем и зятем его, как зачинщики дела; всех же заговорщиков было двадцать человек; они говорили: «Нынче казнил он Кучковича, а завтра казнит и нас, так промыслим об этом князе!» Кроме злобы и опасения за свою участь, заговорщиков могла побуждать и зависть к любимцу Андрееву, какому-то Прокопию.

28 июня 1174 года, в пятницу, в обеднюю пору, в селе Боголюбове, где обыкновенно жил Андрей, собрались они в доме Кучкова зятя, Петра, и порешили убить князя на другой день, 29-го числа, ночью. В условленный час заговорщики вооружились и пошли к Андреевой спальне, но ужас напал на них, они бросились бежать из сеней, зашли в погреб, напились вина и, ободрившись им, пошли опять на сени. Подойдя к дверям спальни, один из них начал звать князя: «Господин! Господин!», чтобы узнать, тут ли Андрей. Тот, услышав голос, закричал: «Кто там?» Ему отвечали: «Прокопий». — «Мальчик! — сказал тогда Андрей спавшему в его комнате слуге, — ведь это не Прокопий?»

Между тем убийцы, услышав Андреев голос, начали стучать в двери и выломали их. Андрей вскочил, хотел схватить меч, который был всегда при нем (он принадлежал св. Борису), но меча не было: ключник Анбал украл его днем из спальни. В это время, когда Андрей искал меч, двое убийц

вскочили в спальню и бросились на него, но Андрей был силен и уже успел одного повалить, как вбежали остальные и, не различив сперва впотьмах, ранили своего, который лежал на земле, потом бросились на Андрея. Тот долго отбивался, несмотря на то, что со всех сторон секли его мечами, саблями, кололи копьями: «Нечестивцы! — кричал он им, — зачем хотите сделать то же, что Горясер (убийца св. Глеба)? Какое я вам зло сделал? Если прольете кровь мою на земле, то Бог отомстит вам за мой хлеб».

Наконец, Андрей упал под ударами; убийцы, думая, что дело кончено, взяли своего раненого и пошли вон из спальни, дрожа всем телом, но, как скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошел под сени, громко стеноя. Убийцы услышали стоны и возвратились назад; один из них говорил: «Я сам видел, как князь сошел с сеней». — «Ну так пойдите искать его», — отвечали другие. Войдя в спальню и видя, что его тут нет, начали говорить: «Погибли мы теперь! Станем искать поскорее». Зажгли свечи и нашли князя по кровавому следу: Андрей сидел за лестничным столпом. На этот раз борьба не могла быть продолжительна с ослабевшим от ран князем: Петр отсек ему руку, другие прикончили его.

Порешив с князем, заговорщики убили любимца его, Прокопия; потом пошли на сени, вынули золото, дорогие камни, жемчуг, ткани и всякое имение, навьючили на лошадей и до света отослали к себе по домам, а сами разобрали княжье оружие и стали набирать дружину, боясь, чтобы владимирцы не ударили на них; для отнятия у последних возможности к этому они придумали также завести смуту в городе, произвести рознь, вражду между гражданами, для чего послали сказать им: «Не собираетесь ли вы на нас? Так мы готовы принять вас и покончить с вами; ведь не одной нашей думой убит князь, есть и между вами наши сообщники».

Убийцы, впрочем, боялись напрасно. Владимирцы не двинулись на них: без князя в неизвестности о будущей судьбе, не привыкши действовать самостоятельно, они не могли ничего предпринять решительного, дожидались, что начнут старшие города, а между тем безначалие везде произвело волнения, грабежи.

Мы видели, что убийцы начали расхищение казны княжеской; вслед за ними явились на княжий двор жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось от заговорщиков, потом бросились на церковных и палатных строителей, призванных Андреем в Боголюбов, пограбили их. Грабежи и убийства происходили по всей волости; пограбили и побили посадников княжеских, тиунов, детских, мечников; надежда добычи подняла и сельских жителей: они приходили в города и помогали грабить.

Грабежи начались и во Владимире, но прекратились, когда священники с образом Богородицы стали ходить по городу. По словам летописца, народ грабил и бил посадников и тиунов, не зная, что где закон, там и обид много; эти слова показывают, что при Боголюбском, точно, было много обид на севере.

Во время этих смут тело убитого князя оставалось непогребенным. В первый же день после убийства преданный покойному слуга Кузьма Киевлянин пошел на княжий двор и, видя, что тела нет на том месте, где был убит Андрей, стал спрашивать: «Где же господин?» Ему отвечали: «Вон лежит выволочен в огород. Да ты не смей брать его: все хотят выбросить его собакам, а если кто за него примется, тот нам враг, уьем и его».

Когда Кузьма плакался над телом, подошел к нему ключник Анбал. Кузьма, взглянув на него, сказал: «Ан-

бал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь подослать и прикрыть господина нашего». — «Ступай прочь, — отвечал Анбал, — мы хотим бросить его собакам». — «Ах, ты, еретик, — сказал ему на это Кузьма, — собакам выбросить? Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришел ты сюда? Теперь ты стоишь в бархате, а князь нагой лежит, то прошу тебя честью, сбрось мне что-нибудь». Анбал усовестился и сбросил ковер и корзно¹; Кузьма обертел тело и понес его в церковь.

На шестой уже день, когда волнение утихло во Владимире, граждане сказали игумену Феодулу и Луке, певчему Богородичной церкви: «Нарядите носильщиков, поедем, возьмем князя и господина нашего Андрея», а протопопу Микулице сказали: «Собери всех попов, облачитесь в ризы и выходите перед Серебряные ворота со святой Богородицей, тут и дожидайтесь князя». Феодул исполнил их волю: с клирошанами Богородичной церкви и с некоторыми владимирицами поехал в Боголюбов и, взяв тело, привез во Владимир с честью и с плачем великим. Андрея похоронили в построенной им церкви Богородичной (1174 г.).

На юге смерть Андрея дала свободу разыграться прежним усобицам между Мономаховичами и Ольговичами; к этим усобицам присоединились, с одной стороны, враждебные отношения в самом племени Олеговом, а с другой, между Ростиславичами и Изяславичами в племени Мономаховом.

Велико, казалось, в других странах могущество Ярослава Владимировича галицкого — единовластного князя богатой и цветущей волости; вот как описывается это могущество в «Слове о полку Игореве»: «Ярослав Осмосмысл галицкий! Высоко сидишь ты на своем златокованном столе; ты подпер горы Венгерские своими железными полками, заступил путь королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю, отворяешь ворота к Киеву».

Но этот могущественный князь окружен был людьми, которые были сильнее его, могли подчинять его волю своей. Ярослав дурно жил с женой своей, Ольгой, сестрой суздальских Юрьевичей, и держал любовницу, какую-то Настасью; в 1173 году Ольга ушла из Галича в Польшу с сыном Владимиром. Прожив восемь месяцев в Польше, Владимир с матерью пошел на Волынь, где думал поселиться на время, как на дороге встретил его гонец от бояр из Галича: «Ступай домой, велели они сказать ему: “Отца твоего мы схватили, приятелей его перебили, и враг твой Настасья в наших руках”». Галичане сожгли несчастную на костре, сына ее послали в заточение, а с Ярослава взяли клятву, что будет жить с княгиней как следует.

В 1187 году умер Ярослав, князь, по словам летописца, мудрый, красноречивый, богобоязливый, честный во всех землях и славный полками. Когда бывала ему от кого обида, то он сам не ходил с полками, а посылал воевод. Чувствуя приближение смерти, он созвал бояр, белое духовенство, монахов, нищих и говорил им со слезами: «Отцы, братья и сыновья! Вот я отхожу от этого света суетного и иду к Творцу моему, согрешил я больше всех. Отцы и братья! Простите и отдайте». Три дня плакался он перед всеми людьми и велел раздавать имение свое по монастырям и нищим; три дня раздавали по всему Галичу и не могли всего раздать.

Обратясь к боярам, умирающий князь сказал: «Я одной своей худой головой удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему,

а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Этот Олег родился от Настасьи и потому был мил Ярославу, говорит летописец, а Владимир не ходил в его воле: мы видели, что он уезжал от отца вместе с матерью и возвратился вследствие торжества врагов Настасьи. Владимир вместе со всеми боярами должен был присягнуть отцу, что не будет искать под братом Галича. Но можно ли было надеяться на эту клятву, можно ли было думать, что убийцы Настасьи будут спокойно видеть на старшем столе сына ее? И вот, едва только умер Ярослав, как сильный мятеж встал в Галицкой земле: Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича, тот принужден был бежать в Овруч к Рюрику, а Владимир сел на столе отцовском и дедовском.

Но бояре скоро увидели, что ошиблись в своем выборе: Владимир, по словам летописца, любил только пить, а не любил думы думать со своими боярами; отнял у попа жену и стал жить с ней, прижил двоих сыновей; мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно.

В то время ближайшим соседом галицкого князя на столе владимирово-волыньском сидел Роман Мстиславич, получивший в наследство от отца и деда необыкновенную деятельность, предприимчивость, неутомимость; не любил он отставать от раз предпринятого намерения и не разбирая средств при его выполнении. Роман находился в близком свойстве с Владимиром галицким: дочь его была за старшим сыном последнего. Несмотря на то, узнав, что бояре галицкие нехорошо живут со своим князем, Роман стал пересылать с ними, побуждая их выгнать Владимира, на место которого предлагал им себя в князья.

Многие бояре охотно согласились на его предложение, собрали полки, утвердились крестным целованием между собой, но не смели явно восстать на Владимира, схватить или убить его, потому что не все бояре были против князя, были между ними и его приятели; заговорщики придумали другое средство освободиться от Владимира, они послали сказать ему: «Князь, мы не на тебя встали, но не хотим кланяться попадье, хотим ее убить; а ты, где хочешь, там и возьми жену». Они надеялись, что он никак не отпустит попадью и потому грозилась убить ее, чтобы тем скорее прогнать его самого, в чем и не ошиблись: Владимир, опасаясь, чтобы и его любовницу не постигла та же участь, какая постигла Настасью, забрал много золота и серебра, жену, двоих сыновей, дружину и поехал в Венгрию.

Более десяти лет король Бела III спокойно правил Венгрией, как явился к нему галицкий изгнанник Владимир с просьбой о помощи; спокойствие внутри и вне давали Беле полную возможность вмешаться в галицкие дела, и он пошел к Галичу со всеми своими полками. Роман, севший было здесь на столе, не видел средств противиться войскам Бела и, захватив остаток княжеской казны, убежал назад на Волынь, но и Владимир не получил отцовского стола, потому что Бела, устроив галичанам все их дела, счел полезнее для себя и для них дать им в князья сына своего Андрея, а Владимира повел опять в Венгрию неволей, отнял у него все имение и посадил в башню; он взял также с собой в Венгрию сыновей или братьев лучших бояр, чтобы иметь ручательство в верности последних.

Романа звали опять в Галич, следовательно, были там люди, недовольные венгерским королевичем; с другой стороны, Бела не мог думать, чтобы русские князья спокойно стали смотреть на владычество иноземца в старинной Русской волости.

¹ *Корзно* — княжеская мантия, которая обычно накидывалась на кафтан.



Князь Роман Галицкий не принимает королевскую корону.

Рисунок по картине Н. В. Неврева. 1875 г.

Удостоверившись, что галичане хотят русского князя, венгры начали мстить им насилиями: стали отнимать у них жен и дочерей и брать себе в наложницы, начали ставить лошадей своих в церквах и избах. Встужили тогда галичане и сильно раскаялись, что прогнали своего князя Владимира.

И вот пронесся слух, что Владимиру удалось убежать из венгерской неволи (1190 г.). На башне ему поставлен был шатер; он изрезал полотно, свил из него веревку и спустился по ней на землю; двое сторожей были подкуплены, они довели его до Немецкой земли, к императору Фридриху Барбароссе, который, узнав, что Владимир родной племянник по матери князю Всеволоду суздальскому, принял его с любовью и большой честью, и когда Владимир обещал ему давать ежегодно по две тысячи гривен серебра, то Фридрих отправил его при своем после к польскому князю Казимиру с приказом, чтобы тот помог ему получить обратно галицкий стол. Казимир послушался и отправил с Владимиром к Галичу воеводу своего, Николая. Когда галичане узнали о приближении своего дедича с польскими войсками, то с радостью вышли к нему навстречу, провозгласили князем своим, а королевича прогнали из земли.

Но Владимир не считал себя безопасным от соседних князей, иноземных и русских, до тех пор, пока не приобретет покровительства дяди своего, сильного князя суздальского, и потому послал к нему со следующими словами: «Отец и господин! Удержи Галич подо мной, а я Божий и твой со всем Галичем и в твоей воле всегда». Всеволод отправил послов ко всем русским князьям и в Польшу и взял

со всех присягу не искать Галича под его племянником. И с тех пор, говорит летописец, Владимир утвердился в Галиче, и никто не поднимался на него войной.

В 1205 г. погиб Роман, знаменитый внук Изяслава Мстиславича; предприимчивостью, отвагой был он похож на отца и деда.

Мы видели, какой силой пользовались бояре в Галиче, силой, перед которой никло значение князя; легко понять, что князь с таким характером, как Роман, скоро должен был враждебно столкнуться с этой силой. «Не передавши пчел, меду не есть», — говорил он. И вот лучшие бояре погибли от него, как говорит, в страшных муках, другие — разбежались; Роман возвратил их обещанием всяких милостей, но скоро под разными предложениями подверг их той же участи.

Оставив по себе такую кровавую память в Галиче, в остальной Руси Роман слыл грозным бичом окрестных варваров — половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: «Он стремился на поганых, как лев, — говорит народное поэтическое предание, — сердит был, как рысь, губил их, как проходил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал делу своему, Мономаху».

Мы видели, что одной из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным, земледельческим занятиям, и вот

осталась поговорка: «Роман, Роман! Худым живешь, литвой орешь»¹. Как видно, Роман не успел передать всех пчел, и дети его долго не могли спокойно есть меда.

Рассмотрев отношения внутренние, обратимся к внешним, которые в последнее время начинают принимать особый, очень важный характер. Мы знаем, что древние русские владения в прибалтийских областях делились на две части: северную, зависевшую более или менее от Новгорода, и южную, зависевшую от Полоцка. К берегам этой-то южной части русских владений, к устью Двины, в 1158 году прибит был бурей корабль бременских купцов. Негостеприимно встретили их туземцы, но после схватки, в которой победа осталась на стороне немцев, ливы стали стоворчивее и позволили пришельцам производить мену. Выгода этой мены заставила бременцев несколько раз возвращаться с товарами к устью Двины, наконец выпросили они себе у туземцев позволения основать здесь постоянную контору; место было выбрано подле Двины на горе, где построили большой дом и острожек, который получил название Укскуль; скоро потом построена была другая фактория Дален.

Известие о поселениях, заведенных немцами при устье Двины среди языческого народонаселения, обратило на себя внимание бременского архиепископа, который не мог пропустить благоприятного случая для распространения пределов церкви. Он объявил об этом папе Александру III, и тот велел ему отправить в Ливонию искусного миссионера; архиепископ отправил туда Мейнгарда — монаха Августинского ордена.

Мейнгард выпросил позволение у князя полоцкого проповедовать Евангелие между подвластными ему язычниками, построил церковь в Укскуле и успел обратить несколько туземцев. Скоро литовцы напали на окрестности Укскуля, Мейнгард с жителями последнего спрятался в лесах, где имел бой с врагами. По их удалении он начал укорять ливов за то, что они живут оплошно, не имеют крепостей, и обещал им построить крепкие замки, если они за это обяжутся принять христианство. Ливы согласились, и на следующее лето явились из Готланда строители и каменотесы.

Еще прежде, чем начали строить замок Укскуль, часть народа окрестилась, остальные обещали креститься, как скоро весь замок будет готов. Замок выстроили, Мейнгард посвящен был в епископы, но никто не думал креститься; под условием такого же обещания выстроили другой замок — Гольм, и также никто не думал принимать христианство. Мало того, язычники начали явно обнаруживать неприязненные намерения против епископа, грабили его имение, били его домашних, но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже крещенные туземцы стали погружаться в Двину, чтобы, по их словам, смыть с себя крещение и отослать его в Германию.

Но одного города с немецким народонаселением было еще недостаточно: народонаселение это не могло предаваться мирным занятиям, потому что должно было вести постоянную борьбу с туземцами; нужно было, следовательно, военное сословие, которое бы приняло на себя обязан-

ность постоянно бороться с туземцами, обязанность защищать новую колонию. Для этого новый епископ Альберт² сперва начал было вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение, но это средство могло вести к цели только очень медленно, и потому он скоро придумал другое, более верное, именно основание ордена воинствующих братьев по образцу военных орденов в Палестине. Папа Иннокентий III одобрил мысль Альберта, и в 1202 году был основан Орден рыцарей Меча, получивший устав Храмового ордена; новые рыцари носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого после сталишивать звезду: первым магистром их был Винно фон Рорбах.

Таким образом немцы стали твердой ногой при устьях Двины; как же смотрели на это князя полоцкие? Они привыкли ходить войной на чужд и брать с нее дань силой, если она не хотела платить ее добровольно. Точно так же хотели они теперь действовать против немцев: в 1203 году полоцкий князь внезапно явился перед Укскулем и осадил его; неприготовленные к осаде жители предложили ему дань, он взял ее и пошел осаждать другой замок — Гольм, но сюда епископ уже успел послать гарнизон, и русские, потеряв много лошадей от стрельбы осажденных, отступили от замка.

В Ливонии по берегам Двины роду полоцких князей принадлежали две волости — Кукейнос (Кокенгузен) и Герсик; князь последнего с литовцами (которые для полоцких князей служили тем же, чем половцы служили для остальных русских князей) опустошил окрестности Риги, но все эти набеги не могли нанести большого вреда пришельцам.

Наконец, в 1206 году отношения между последними и полоцкими князьями начали, по-видимому, принимать более важный оборот. Епископ Альберт, желая беспрепятственно утвердиться в низовьях Двины, решился на время усыпить внимание полоцкого князя и потому отправил к нему аббата Феодориха с подарками и дружескими предложениями. Прибыв в Полоцк, Феодорих узнал, что там находятся посланцы от ливонских старшин, приехавшие жаловаться князю на насилия немцев и просить его об изгнании ненавистных пришельцев. В присутствии ливонцев князь спросил Феодориха, зачем он пришел к нему, и когда тот отвечал, что за миром и дружбой, то ливонцы закричали, что немцы не хотят и не умеют сохранять мира.

В 1190 году чужд снова пришла ко Пскову на судах по озеру, но и на этот раз псковичи не упустили из нее ни одного живого. Юрьев был снова захвачен чуждью и снова взят новгородцами и псковичами в 1191 году, причем по обычаю земля Чудская была пожжена, полону приведено бесчисленное множество, а в следующем году псковичи снова ходили на чужд и взяли у нее Медвежью Голову (Оденпе).

Потом не слышно о походах на Эстонию до 1212 года — в этом году, по счету нашего летописца, и двумя годами ранее, по счету немецкого, Мстислав Удалой с братом Владимиром вторгнулись в страну чуди-тормы, обитавшей в нынешнем Дерптском уезде, и по обычаю много людей попленили, скота бесчисленное множество домой привели.

Потом на зиму пошел Мстислав с новгородцами на чудской город Медвежью Голову, истребив села вокруг, пришли под город: чужд поклонилась, дала дань, и новгородцы поздорову возвратились домой. Но летописец немецкий

¹ Это известие находится у Стрыйковского, который говорит, что Роман впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпаживать коренья по новым местам. Мы не думаем, впрочем, чтобы должно было, как здесь, принимать эту поговорку буквально. Роман заставлял литовцев и ятвягов заниматься земледелием, от чего современники видели мало проку, и произошла приведенная поговорка, впоследствии же эта поговорка объяснена буквально. (Примеч. автора.)

² Альберт фон Буксгевден (Альберт фон Апельдерн; 1165—1229) — церковный и государственный деятель, рижский епископ в 1199—1229 гг.; в большинстве источников именуется основателем Риги.

Городище эстов под названием Медвежья Голова впервые упоминается в русских летописях под 1116 г. Сто лет спустя на месте городища епископом Германом Буксгевденом был построен деревянный замок; само поселение получило название Оденпе. За десять лет этот замок дважды разрушался славянами и эстами, пока в 1224 г. зять Буксгевдена Энгельберт Тизенгаузен не построил здесь замок из камня (по некоторым данным, это была первая каменная крепость, возведенная в Эстонии).

Некоторое время Оденпе как главный город епископства имел большое значение для региона, однако впоследствии епископская резиденция была перенесена в Тарту, и Оденпе стал приходить в упадок. Некоторые источники утверждают, что замок был разрушен во время столкновения Ливонского

ордена с Дерптским епископством в 1396 г., согласно другим данным, он простоял до конца XV столетия.

В 1862 г. Оденпе был переименован в Нууастаку и получил городские привилегии. В 1876 г. Тартуское эстонское фермерское общество и Эстонское фермерское общество провели первую сельскохозяйственную ярмарку в церковном поместье Нууастаку. 4 июня 1884 г. в церкви Нууастаку был освящен сине-черно-белый флаг Эстонского студенческого общества, который впоследствии стал национальным флагом Эстонии. В 1922 г. Нууастаку был переименован в Отепя. Сейчас Отепя, известный как «зимняя столица» Эстонии, является центром одноименной волости в уезде Вагмаа, его население составляет немногим более 2 тыс. человек.

гораздо подробнее описывает этот поход: князь Новгородский с князем Псковским и со всеми своими русскими пришли с большим войском в Унганию и осадили крепость Оденпе. Восемь дней отбивалась от них чужь; наконец, почувствовавши недостаток в съестных припасах, запросила мира. Русские дали ей мир, окрестили некоторых своим крещением, взяли 400 марок и отступили в свою землю, обещавшись, что пришлют своих священников, чего, однако, потом не сделали из страха перед немцами, прибавляет летописец; должно думать, что не столько из страха перед немцами, сколько по недостатку надлежащего внимания к делам эстонским.

Так новгородцы, пока жил у них Мстислав, ходили сквозь Чудскую землю к самому морю, села жгли, укрепления брали и заставляли чужь кланяться и давать дань, но Мстислав скоро ушел на юг, новгородцы по-прежнему начали ссориться с северными суздальскими князьями, чужь была опять забыта, а немцы между тем соединенными силами действовали постоянно в одном направлении, с одной целью. Чтобы удобнее заняться покорением эстов, леттов и других туземцев и чтобы обогатить Ригу торговлей со странами, лежащими при верхних частях Двины и Днепра, они решились заключить мирный договор с полоцким князем, причем епископ обязался вносить последнему ежегодную дань за ливов, поработанных рижской церкви и ордену.

В то время, когда полоцкий князь, довольный данью, заключил мир с опасными пришельцами, Псков впервые обнаруживает к ним ту сильную неприязнь, какой будет отличаться во всей последующей истории своей: в 1213 году псковичи выгнали князя своего Владимира за то, что он выдал дочь свою за брата епископа Альберта. Изгнанник пошел было сначала в Полоцк, но найдя там не очень приветливый прием, отправился к зятю в Ригу, где принят был с честью, по свидетельству немецкого летописца. Владимир скоро имел случай отблагодарить епископа за это гостеприимство. Полоцкий князь, видя, что орден воспользовался временем мира с русскими для того только, чтобы тем удобнее покорить туземцев и принудить их к принятию христианства, назначил в Герсике съехаться Альберту для переговоров.

Епископ явился на съезд с князем Владимиром, рыцарями, старшинами ливов и леттов и с толпой купцов, которые были все хорошо вооружены. Князь сперва говорил с Альбертом ласково, потом хотел угрозами принудить его к тому, чтобы он перестал насильно крестить туземцев, его подданных. Епископ отвечал, что не отстанет от своего дела, не пренебрежет обязанностью, возложенной на него великим первосвященником Рима. Но кроме насильственного

крещения, из слов летописца можно заметить, что епископ не соблюдал главного условия договора: не платил дани князю под тем предлогом, что туземцы, не желая работать двум господам, и немцам и русским, умоляли его освободить их от ига последних.

Князь, продолжает летописец, не хотел принимать справедливых причин, грозился, что сожжет Ригу и все немецкие замки, и велел войскам своим выйти из стана и выстроиться к бою; провожатые епископа сделали то же самое. В это время Иоанн, пробст¹ рижской Богородичной церкви и псковский изгнанник, князь Владимир подошли к полоцкому князю и начали уговаривать его, чтобы он не начинал войны с христианами, представили, как опасно сражаться с немцами — людьми храбрыми, искусными в бою и жаждущими померить силы свои с русскими. Князь будто бы удивился их отваге, велел войску своему возвратиться в стан, а сам подошел к епископу, называя его духовным отцом; тот, со своей стороны, принял его как сына. Начались мирные переговоры, и князь, как будто под внушением свыше, уступил епископу всю Ливонию безо всякой обязанности платить дань, с условием союза против Литвы и свободного плаванья по Двине.

Избавившись от Владимира, немцы захотели избавиться и от другого русского князя, оставшегося в Ливонии, хотя в качестве подручника епископского — князя Всеволода герсикского. Кокенгаузенские (кукейноские) рыцари начали обвинять его в том, что он не является к епископу, своему отцу и господину, держит совет с литвой, подает ей помощь во всякое время. Несколько раз требовали они его к ответу, Всеволод не являлся; тогда рыцари, по соглашению с епископом, подступили нечаянно к городу, взяли его хитростью, ограбили жителей и ушли назад; это было в 1214 году. В следующем году немцы опять собрали войско и в другой раз овладели Герсиком, в другой раз опустошили его, но Всеволод уже успел послать к литовцам за помощью — те явились, принудили немцев оставить город и нанесли им сильное поражение.

Между тем Владимиру псковскому удалось отомстить за свои обиды: в 1217 году он отправился с новгородцами и псковичами к постоянной цели русских походов — к Оденпе — и стал под городом. Чужь по обычаю начала слать с поклоном, но на этот раз обманывала, потому что послала звать немцев на помощь; новгородцы собрали вече поодаль от стана и начали толковать с псковичами о предложениях чужди; ночные сторожа сошли со своих мест, а днев-

¹ *Пробст* — в описываемые времена титул, означавший настоятеля церкви.

ные еще не пришли к ним на смену, как вдруг нечаянно явились немцы и ворвались в покинутые палатки. Новгородцы побежали с веча в стан, схватили оружие и выбили немцев, которые побежали к городу, потеряв трех воевод, новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились поздорову домой. Немецкий летописец прибавляет, что русские заключили договор с немцами, чтобы последние оставили Оденпе, причем Владимир захватил зятя своего Феодориха, епископского брата, и отвел в Псков.

Вероятно, удачный поход Владимира ободрил эстов, и они решились свергнуть иго пришельцев. С этой целью они отправили послов в Новгород просить помощи; новгородцы обещали прийти к ним с большим войском и не исполнили обещания, потому что у них с 1218 по 1224 год пять раз сменялись князья, происходили постоянные смуты, ссоры князей со знаменитым посадником Твердиславом. Эсты, понадеявшись на новгородские обещания, встали, но не могли одни противиться немцам и принуждены были опять покориться.

Новгородцы явились уже поздно в Ливонию с князем своим Всеволодом, в 1219 году, имели успех в битве с немцами, но понапрасну простояли две недели под Венденом и возвратились домой поздорову. Так же без следствий остались два других похода новгородцев в 1222 году под Венден и в 1223-м под Ревель. В обычных выражениях рассказывает летописец, что они повоевали всю Чудскую землю, полона привели без числа, золота много взяли, но городов не взяли и возвратились все поздорову.

Тут же в летописи видим и причины, почему все эти походы, кроме опустошения страны, не имели других следствий: после первого похода в 1223 году князь Всеволод тайком ушел из Новгорода со всем двором своим и оставил граждан в печали, после второго — князь Ярослав также ушел в свою постоянную волость — Переяславль-Залесский, сколько новгородцы ни упрашивали его остаться.

А между тем немцы действовали: в роковой 1224 год, когда Южная Русь впервые узнала татар, на западе пало перед немцами первое и самое крепкое поселение русское в Чудской земле — Юрьев, или Дерпт. Здесь начальствовал в это время тот самый князь Вячеслав, или Вячко, который принужден был немцами покинуть свою отчину Кукейнос.

Вячко хорошо помнил обиду и был непримиримым врагом своих гонителей: брал он дань со всех окружающих стран, говорит немецкий летописец, а которые не давали дани, на те посылал войско и опустошал, причиняя немцам всякое зло, какое только было в его власти; в нем находили себе защиту все туземцы, восстававшие против пришельцев. Это особенно возбуждало злобу последних к Вячку; наконец решились они собрать все свои силы, чтобы овладеть ненавистным притоном, где, по словам их летописца, собраны были все злодеи, изменники и убийцы, все враги церкви ливонской, под начальством того князя, который исстари был корнем всех зол для Ливонии.

Отправились под Юрьев все рыцари ордена, слуги римской церкви, пришлые крестоносцы, купцы, граждане рижские, крещеные ливы и летты, и 15 августа, в день Успения Богородицы, Юрьев был осажден. Немцы приготовили множество осадных машин, из огромных деревьев выстроили башню в уровень с городскими стенами, и под ее защитой начали вести подкоп; ночь и день трудилась над этим половина войска, одни копали, другие относили землю. На следующее утро большая часть подкопанного рухнула и машина была придвинута ближе к крепости. Несмотря на то,

осаждающие попытались еще завести переговоры с Вячко: они послали к нему несколько духовных особ и рыцарей предложить свободный выход из крепости со всей дружиной, лошадьми, имуществом, если согласится покинуть отступников-туземцев; но Вячко, ожидая прихода новгородцев, не принял никаких предложений.

Тогда осада началась с новой силой и продолжалась уже много дней безо всякого успеха: искусство и мужество с обеих сторон было равное, осаждающие и осажденные равно не знали покоя ни днем, ни ночью: днем сражались, ночью играли и пели. Наконец, немцы собрали совет: двое вождей пришлых крестоносцев, Фридрих и Фредегельм, подали мнение: «Необходимо, — сказали они, — сделать приступ и, взяв город, жестоко наказать жителей в пример другим. До сих пор при взятии крепостей оставляли гражданам жизнь и свободу и оттого остальным не задано никакого страха. Так теперь положим: кто из наших первый взойдет на стену, того превознесем почестями, дадим ему лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая этого вероломного князя, которого мы вознесем выше всех, повесив на самом высоком дереве».

Мнение было принято. На следующее утро осаждающие устремились на приступ и были отбиты. Осажденные сделали в стене большое отверстие и выкатили оттуда раскаленные колеса, чтобы зажечь башню, которая наносила столько вреда крепости; осаждающие должны были сосредоточить все свои силы, чтобы затушить пожар и спасти свою башню.

Между тем брат епископа Иоганн фон Апельдерн, неся огонь в руке, первый начинает взбираться на вал, за ним следует его слуга его, и оба беспрепятственно достигают стены; увидев это, остальные ратники бросаются за ними, каждый спешит, чтобы взойти первому в крепость, но кто взошел первый — осталось неизвестным; одни поднимали друг друга на стены, другие ворвались сквозь отверстие, сделанное недавно самими осажденными для пропуска раскаленных колес. За немцами ворвались летты и ливы и началась резня: никому не было пощады, русские долго еще бились внутри стен, наконец были истреблены; немцы окружили отовсюду крепость и не позволили никому спастись бегством. Из всех мужчин, находившихся в городе, оставили в живых только одного, слугу князя судальского; ему дали лошадь и отправили в Новгород донося своим о судьбе Юрьева, и новгородский летописец записал: «Того же лета убиша князя Вячка немцы в Гюргеве, а город взяша»¹.

На север от Финского залива новгородцы ходили на чудское племя — ямь; походы эти имели такой же характер, как и походы на эстов: так, в 1188 году ходили на ямь новгородские «молодцы» с каким-то Вышатай Васильевичем и пришли домой поздорову, добыв полона. В 1191 году ходили новгородцы вместе с корелой на ямь, землю ее повоевали и пожгли и скот перебили.

В 1227 году князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на ямь, землю всю повоевали, полона привели без числа, но в следующем году ямь захотела отомстить за опустошение своей земли, пришла Ладожским озером на судах и стала опустошать новгородские владения. Новгородцы, услышав о набеге, сели на суда и поплыли Волховом к Ладоге, но ладожане со своим посадником Владиславом не ста-

¹ Немцы взяли Юрьев обманом, заключили перемирие и, воспользовавшись неосторожностью осажденных, надевавшихся на это перемирие, зажгли город. (Примеч. автора.)

ли дожидаться их, погнались на лодках за ямью, настigli и вступили в битву, которую прекратила ночь. Ночью ямь прислала просить мира, но ладожане не согласились; тогда финны, перебив пленников и побросав лодки, побежали в лес, где большая часть их была истреблена корелой.

Что же делали в это время новгородцы? Они стояли на Неве да вече творили, хотели убить одного из своих, какого-то Судимира, но князь скрыл его в своей ладье, потом возвратились домой, ничего не сделал.

В 1193 году новгородцы пошли ратью за Урал, в Югру, с воеводой Ядреем; пришли в Югру, взяли один город, потом осадили другой и стояли под ним пять недель. Осажденные стали подсылать к ним обманом, говорили: «Мы копим серебро, соболей и разное другое добро, зачем же вы хотите погубить своих смердов и свои дани?»

Зимой 1172 года Андрей Боголюбский отправил на болгар сына своего Мстислава, с которым должны были соединиться сыновья муромского и рязанского князей; поход этот, говорит летописец, не нравился всем людям, потому что не время воевать зимой болгар, и полки шли очень медленно и неохотно; при устье Оки соединенные князья две недели дожидались разных людей и решились, наконец, ехать с одной передовой дружиной, в которой всем распоряжался тогда воевода Борис Жидиславич. Русские неожиданно въехали в поганую землю, взяли шесть сел да седьмой город, мужчин перебили, женщин и детей побрали в плен. Болгары, услышав, что князья пришли с небольшой дружиной, собрали шесть тысяч человек рати и погнались за русскими, но, не дойдя до них 20 верст, возвратились. Наши, говорит летописец, прославили Бога, потому что, очевидно, спасла их от неминуемой беды Святая Богородица и христианская молитва.

В 1184 году Всеволод III вздумал пойти на болгар и послал просить помощи у киевского князя Святослава Всеволодовича; тот отправил к нему сына Владимира, велел сказать северному князю: «Дай Бог, брат и сын, повоевать нам в наше время с погаными». С восемью князьями¹ выступил Всеволод в поход водой по Оке и Волге; выйдя на берег, великий князь оставил у лодок белозерский полк с двумя воеводами — Фомой Лясковичем и Дорожаем и пошел с остальным войском на конях к Великому городу «серебряных» болгар, отправив вперед сторожевой отряд. Сторожа увидели в поле войско и подумали сначала, что это болгары, но оказалось, что то были половцы; пять человек из них приехали к Всеволоду, ударили перед ним челом и сказали: «Кланяются тебе, князь, половцы ямяковские, пришли мы также воевать болгар».

Всеволод, подумав с князьями и дружиной, привел половцев к присяге по их обычаю и пошел с ними вместе к Великому городу, приблизившись к которому стал думать с дружиной. В это время племянник его Изяслав Глебович, схватив копье, помчался со своей дружиной к городу, подле которого пешие болгары устроили себе укрепление; Изяслав выбил их отсюда и проскакал к самым городским воротам, но здесь изломал свое копье, получил рану стрелой сквозь броню под самое сердце и полумертвый принесен был в стан.

¹ С племянником своим Изяславом Глебовичем, с Владимиром Святославичем черниговским, Мстиславом Давыдовичем смоленским, с четырьмя Глебовичами рязанскими: Романом, Игорем, Всеволодом и Владимиром, и с муромским Владимиром. (Примеч. автора.)

В 1186 году Всеволод посылал опять воевод своих с городчанами на болгар — русские взяли много сел и возвратились с полоном. После того при Всеволоде не встречаем больше известий о походах на болгар; по смерти его усобица между его сыновьями долго не давала русским возможности обратить внимание на соседние народы. Пользуясь этим, болгары предприняли наступательное движение и взяли в 1217 году Устюг.

Только в 1220 году великий князь Юрий Всеволодович собрался послать сильную рать на болгар: он отправил брата своего Святослава, князя юрьевского, и с ним полки свои под начальством воеводы Еремея Глебовича. Ярослав Всеволодович переяславский послал также свои полки; племяннику Васильку Константиновичу великий князь велел направить полки из Ростова и из Устюга на верх Камы; муромский князь Давыд послал сына своего Святослава, Юрий — Олега, и все снялись на устье Оки, откуда поплыли на лодках вниз по Волге и высадились на берег против города Ошела.

И сам князь Святослав поскакал впереди всех к городу, за ним остальное войско; подсекли тын и оплоты и зажгли их, потом зажгли город со всех сторон, причем встала сильная буря, так что страшно было смотреть, а в городе раздавался громкий вопль; князь болгарский успел убежать на лошадях с малой дружиной, а которые болгары выбежали пешком, тех всех русские перебили, жен и детей в плен побрали, другие болгары сгорели в городе, а иные перебили сперва своих жен и детей, а потом и сами себя лишили жизни; некоторые из русских ратников осмелились войти в город за добычей, но едва убежали от пламени, а иные так и сгорели. Пожегши город, Святослав пошел назад к лодкам; когда он пришел к ним, то поднялась сильная буря с дождем, так что с трудом можно было удержать лодки у берега. Потом буря начала стихать, и Святослав, переночевав тут и пообедав на другой день, поплыл назад вверх по Волге.

Между тем болгары из Великого и других городов, услышав об истреблении Ошела, собрались с князьями своими и пришли к берегу; Святослав знал о приближении врагов и велел своим приготовиться к битве: пошли полк за полком, били в бубны, играли в трубы и сопели, а князь шел сзади всех. Болгары, подойдя к берегу, увидели между русскими своих пленников — кто отца, кто сына и дочь, кто братьев и сестер — и стали вопить, кивая головами и закрывая глаза, но напасть на русских не посмели, и Святослав благополучно достиг устья Камы, где соединился с ростовским и устюжским полками, бывшими под начальством воеводы Воислава Добрынича. Ростовцы и устюжане пришли с большой добычей, потому что воевали вниз по Каме, взяли много городов и сел. С устья Камы пошли все к Городцу, здесь вышли на берег и отправились на конях к Владимиру. Князь Юрий встретил брата у Боголюбова и задал ему и всему войску большой пир: пиروвали три дня, причем Святослав и все войско получили богатые подарки.

Следствием Святослава похода было то, что на ту же зиму болгарские послы явились к великому князю с просьбой о мире, но Юрий сначала не согласился на мир и послал собирать войско, хотел сам теперь идти в поход и действительно выступил к Городцу; на дороге встретили его новые послы от болгар с челобитьем, но он и тех не послушал; наконец, уже в Городец пришли к нему еще послы с дарами и с выгодными условиями, на которые великий князь и согласился: заключен был мир по-прежнему, как было при отце и дяде Юрия. После этого удачного похода на болгар

Юрий решил укрепить за Русью важное место при устье Оки в Волгу, где привыкли собираться суздальские и муромские войска: здесь в 1221 году заложен был Нижний Новгород. Он был основан на земле мордвы, с которой, следовательно, необходимо должна была возникнуть борьба; в 1226 году великий князь посылал братьев своих Святослава и Ивана на мордву, которую они победили и взяли несколько сел.

Вообще, несмотря на всю медленность, недружность наступательного движения Руси на финские племена, последним не было возможности с успехом противиться ей, потому что Русь мимо всех препятствий к государственному развитию все шла вперед по пути этого развития, тогда как финские племена оставались и теперь на той же ступени, на какой славянские племена — дреговичи, северяне, вятичи — находились в середине IX века, жили особными и потому бессильными племенами, которые, раздробляясь, враждовали друг с другом.

Местное предание очень верно указывает на причину подчинения финских племен Руси: на месте Нижнего Новгорода, говорит оно, жил некогда Мордвин Скворец, друг Соловья Разбойника, у него было 18 жен и 70 сыновей. Чародей Дятел предсказал ему, что если дети его будут жить мирно, то останутся владетелями отцовского наследия, а если поссорятся, то будут покорены русскими; потомки Скворца начали враждовать между собой, и Андрей Боголюбский изгнал их с устья Оки.

Не таковы были отношения Руси к западным ее диким соседям — литовцам, которых набеги становятся все сильнее и дружнее; в 1190 году Рюрик Ростиславич, будучи еще князем Белгородским, по родству своему с князьями пинскими, которые должны были особенно терпеть от литвы, предпринял было поход на нее, но не мог дойти до земли литовской, потому что сделалось тепло и снег растаял, а в этой болотистой стране только и можно было воевать в сильные холода.

Счастливей был зять его, знаменитый Роман волынский, о поведении которого относительно пленных литвы и ятвягов уже было упомянуто. В 1196 году, по словам летописи, Роман ходил на ятвягов *отмщиваться*, потому что они воевали его волость; когда Роман вошел в их землю, то они не могли стать против его силы и бежали в свои тверды, а Роман пожег их волость и, *отомстившись*, возвратился домой.

Усобицы, возникшие на Волыни по смерти Романа Великого, дали ятвягам и литве возможность опустошать эту страну: под 1205 годом читаем известие, что литва и ятвяги повоевали землю от Турийского до Червеня, бились у самых ворот Червенских; беда была в земле Владимирской от воеванья литовского и ятвяжского, говорит летописец. В 1215 году литовские князья, числом 21, дали мир вдове Романовой, которая немедленно употребила их против поляков. В 1227 году ятвяги пришли было воевать около Бреста, но потерпели поражение от Даниила Романовича.

На юге и юго-востоке продолжалась прежняя борьба со степняками, или половцами. Летописец упоминает о половецких набегах на пограничные земли по реке Роси, но гораздо замечательнее шла борьба с варварами по ту сторону Днепра, где северский князь Игорь Святославич пошел на половцев в степи за Ворсклу.

Узнав по дороге, что два хана, Кобяк и Кончак, отправились пустошить Переяславскую волость, Игорь погнался за ними, принудил бежать и отнял всю добычу: так счастливо начал борьбу свою с половцами Игорь Святославич,

которому суждено было приобрести такую знаменитость от несчастного похода своего на них.

В 1179 году Кончак много зла наделал христианам у Переяславля, в 1184 году — новое известие о нашествии Кончака. До сих пор усобицы между Мономаховичами и Ольговичами на юге не давали князьям возможности отплачивать половцам походами в степи, но теперь с окончательным утверждением Святослава Всеволодовича в Киеве усобицы прекратились, и начинается ряд степных походов. В 1184 году, после нашествия Кончака, князь Святослав, посоветовавшись со сватом своим Рюриком, пошел на половцев и стал у Ольжич, ожидая Ярослава Всеволодовича из Чернигова; Ярослав приехал и сказал им: «Теперь, братья, не ходите, но лучше назначим срок и пойдем, даст Бог, на лето».

Между тем Игорь Святославич не хотел оставить своего намерения идти на половцев; северским князьям не давали покоя счастливые походы с той стороны Днепра, в которых они не участвовали: «Разве уже мы не князья,— говорили они,— добудем и мы такой же себе чести». И вот 23 апреля Игорь выехал из Новгорода-Северского, велев идти с собой брату Всеволоду из Трубчевска, племяннику Святославу Ольговичу из Рьльска, сыну Владимиру из Путивля, а у Ярослава черниговского выпросил боярина Олстина Алексича с коуями¹ черниговскими; северские князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у них были очень тучны.

Как дошли они до реки Донца, время было уже к вечеру, Игорь взглянул на небо и увидел, что солнце стоит точно месяц. «Посмотрите-ка, что это значит?» — спросил он у бояр и у дружины. Те посмотрели и опустили головы. «Князь! — сказали они потом. — Не на добро это знамение». Игорь отвечал им на это: «Братья и дружина! Тайны Божией никто не знает, а знамению всякому и всему миру своему Бог творец. Увидим, что сотворит нам Бог, на добро или на зло наше». Сказав это, Игорь переправился за Донец и пришел к Осколу, где два дня дождался брата Всеволода, который шел иным путем из Курска, и из Оскола отправились все к реке Сальнице, куда приехали сторожа, посланные ловить языка, и объявили князьям: «Виделись мы с неприятелем, неприятели ваши ездят наготове: так или ступайте скорее, или воровчайтесь домой, потому что не наше теперь время».

Игорь и другие князья сказали на это: «Если мы теперь не бившись возвратимся, то стыд нам будет хуже смерти; поедем на милость Божию» — и ехали всю ночь, а утром, в обеднее время встретили полки половецкие: поганые собрались от мала до велика и стояли по той стороне реки Сююрля.

Русские князья выстроили шесть полков: Игорев полк стоял посередине, по правую сторону — полк брата его Всеволода, по левую — племянника Святослава, а наперед полк сына Владимира с отрядом коуев черниговских, а наперед этого полка стояли стрельцы, выведенные из всех полков. Игорь сказал братьям: «Братья! Мы этого сами искали, так и пойдем» — и пошли. Из половецких полков выехали стрельцы, пустили по стреле на русь и бросились бежать, русь не успела еще переехать реку, как побежали

¹ *Коуи* (ковуи) — тюркское население лесостепной зоны Среднего Приднепровья в XI—XIII вв., откочевавшее на Русь после занятия причерноморских степей половцами. Четвертое по величине и значимости (после печенегов, берендеев и торков) этническое объединение внутри так называемых черных клобуков, находящееся в зависимости от киевских и черниговских князей.

и остальные половцы; передовой русский полк погнался за ними, начал бить их и хватать в плен, а старшие князья, Игорь и Всеволод, шли потихоньку, не распуская своего полка; половцы пробежали мимо своих веж, русские заняли последние и захватили много пленных.

Три дня стояли здесь северские полки и веселились, говоря: «Братья наши с великим князем Святославом ходили на половцев и бились с ними, озираясь на Переяславль, в землю Половецкую не смели войти, а мы теперь в самой земле Половецкой, поганых перебили, жены и дети их у нас в плену, теперь пойдем на них за Дон и до конца истребим их; если там победим их, то пойдем в Лукоморье, куда и деды наши не хаживали, возьмем до конца свою славу и честь».

Но на другой день на рассвете начали вдруг выступать один за другим полки половецкие, русские князья изумились. «Если победим,— говорили они,— то сами спасемся, но черных людей оставим, и будет на нас грех перед Богом, что их выдали; уже лучше умрем ли, живы ли будем,— все на одном месте».

Порешив на этом, все сошли с коней и пошли на битву, хотя уже изнемогли от безводья: бились крепко целый день до вечера, и много было раненых и мертвых в полках русских; бились вечер и ночь, на рассвете замешались коуи и побежали. Игорь еще в начале битвы был ранен в руку и потому сел на лошадь; увидев, что коуи бегут, он поскакал к ним, чтобы удержать беглецов, но тут был захвачен в плен. Окруженный половецами, которые держали его, Игорь увидел брата Всеволода, отбивавшегося от врагов, и стал просить себе смерти, чтобы только не видеть гибели брата своего, но Всеволод не погиб, а был также взят в плен. Из многочисленных полков северских спаслось очень мало: русских ушло человек 15, а коуев еще меньше, потому что как стенами крепкими были они огорожены полками половецкими.

Ведомый в плен, Игорь вспомнил грех свой, как однажды, взяв на щит город Глебов у Переяславля, не пощадил крови христианской: «Недостойн был я жизни,— говорил он,— теперь вижу месть от Господа Бога моего. Где теперь возлюбленный мой брат, где племянник, где сын, где бояре думающие, где мужи *храбротствующие*, где ряд полчный? Где кони и оружие многоценное? Всего я лишился и связанного предал меня Бог в руки беззаконным!»

В это время Святослав киевский был в Корачеве и собирал в верхних землях войско, хотел идти на половцев к Дону на все лето. На возвратном пути из Корачева, будучи у Новгород-Северского, он узнал, что Игорь с братьей пошли на половцев тайком от него, и не понравилось ему это своевольство. Из Новгород-Северского Святослав приплыл по Десне в Чернигов, и тут дали ему знать о беде северских князей. Святослав заплакал и сказал: «Ах любезные мои братья и сыновья и бояре Русской земли! Дал бы мне Бог притомить поганых, но вы не сдержали молодости своей и открыли им ворота в Русскую землю. Воля Господня да будет; как прежде сердит я был на Игоря, так теперь жаль мне его стало».

Святослав, однако, не терял времени в пустых жалобах и отправил сыновей своих Олега и Владимира в Посемье (страну по реке Сейму). Плач поднялся по всем городам посемским, в Новгороде-Северском и во всей волости Черниговской о том, что князья в плену, а из дружины одни схвачены, другие перебиты. Жители метались в отчаянии, по словам летописца, не стало никому мило свое ближнее, но многие отрекались от душ своих из жалости по князьям.

Святослав принимал и другие меры, послал сказать Давыду смоленскому: «Мы было сговорились идти на половцев и летовать на Дону, а теперь вот половцы победили Игоря с братьей, так приезжай, брат, постереги Русскую землю». Давыд приплыл по Днепру, пришли и другие полки на помощь и стали у Треполя, а Ярослав, собрав войска свои, стоял наготове в Чернигове.

Между тем половцы, победив Игоря с братьей, загордились, собрали весь свой народ на Русскую землю, но когда стали думать, в какую сторону идти, то начался спор между их ханами. Кончак говорил: «Пойдем на киевскую сторону, где перебита наша братья и великий князь наш Боняк», а другой хан, Кза, предлагал: «Пойдем на Сейм, где остались одни жены да дети, готов нам там полон собран, возьмем города безо всякой трудности».

И разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, осадил город и бился целый день. В Переяславле был князем известный Владимир Глебович, смелый и крепкий на рати, по словам летописца, он выехал из города и ударил на половцев с очень небольшой дружиной, потому что остальные не осмелились выйти на вылазку. Владимир был окружен множеством половцев и ранен тремя копьями. Тогда оставшая дружина, видя князя в опасности, ринулась из города и высвободила Владимира, который тяжело раненый въехал в свой город и утер мужественный пот за отчину свою.

Он слал и к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду: «Половцы у меня, помогите мне!» Давыд не трогался с места, потому что его смольняне собрали вече и толковали: «Мы шли к Киеву только; если б здесь была рать, то мы и стали б биться, а теперь нам нельзя искать другой рати, мы уже и так устали». Давыд принужден был идти назад с ними в Смоленск. Но Святослав с Рюриком сели на суда и поплыли Днепром вниз против половцев, которые, услышав об этом, отошли от Переяславля, но по дороге осадили город Римов¹. Римовичи затворились и взошли на стены биться, как вдруг две городницы (стенные укрепления) рухнули вместе с людьми прямо к половецам, ужас напал на остальных жителей, и город был взят; спаслись из плена только те из римовичей, которые вышли из города и бились с неприятелем на болоте.

Таким образом половцы, благодаря медленности князей, дождавшихся понапрасну Давыда смоленского, успели взять Римов и с добычей безопасно возвратились в свои степи; князья не преследовали их туда, но с печалью разошлись по волостям своим. Другие половцы с ханом Кзой пошли к Путивлю, пожгли села вокруг, острог у самого Путивля и возвратились с добычей.

Игорь Святославич все жил в плену у половцев, которые, как будто стыдясь воеводства его, по выражению летописца, не делали ему никаких притеснений: приставили к нему 20 сторожей, но давали ему волю ездить на охоту, куда хочет, и брать с собой слуг. Да и сторожа слушались его и оказывали всякую честь: куда кого пошлет, исполняли приказ беспрекословно. Игорь вызвал было уже к себе и священника со всей службой, думая, что долго пробудет в плену.

Но Бог, говорит летописец, избавил его по христианской молитве, потому что многие проливали слезы за него. Нашелся между половецами один человек по имени Лавор; пришла ему добрая мысль и стал он говорить Игорю: «Пойду с тобою в Русь».

¹ Селение Рим на границе уездов Роменского, Лохвицкого и Прилуцкого. (Примеч. автора.)



Монгольский полководец Субэдэй.

Со средневекового китайского изображения

И вот Игорь послал конюшого своего сказать Лавору, чтобы тот переехал на ту сторону реки с поводным конем. Наступило назначенное время, стало темнеть, половцы напились кумыса, пришел конюший и объявил, что Лавор ждет. Игорь встал в ужасе и трепете, поклонился Спасову Образу и Кресту Честному, говоря: «Господи сердцеведче, спаси меня, недостойного», надел на себя крест, икону, поднял стену и вылез вон.

Сторожа играли, веселились, думая, что Игорь спит, а он уже был за рекой и мчался по степи. За одиннадцать дней достиг он города Донца, откуда поехал в свой Новгород-Северский, а из Новгорода сперва поехал к брату Ярославу в Чернигов, а потом к Святославу в Киев просить помощи на половцев. Все князья обрадовались ему и обещались помогать.

Но только через год (1187) Святослав со сватом своим Рюриком собрались на половцев, хотели напасть на них внезапно, получив весть, что половцы у Татинца на днепровском броде. В это время черные клобуки дали знать сватам своим, половцам, что русские князья идут на них, и те убежали, а князьям нельзя было их преследовать, потому что Днепр уже трогался, весна наступала.

По возвращении из этого похода разболелся и умер знаменитый защитник Украины от половцев переяславский князь Владимир Глебович. Плакали по нем все переяславцы, говорит летописец, потому что он любил дружину, золота не собирал, имения не шадил, но раздавал дружине, был князь добрый, мужеством крепким и всякими добродетеля-

ми исполненный. Украина много стонала о нем, и недаром, потому что немедленно половцы начали воевать ее.

Святославу и Рюрику даже во время мира не под силу были наступательные движения на половцев: если они и ходили в степи, то озираясь на Переяславль; удалые северские князья вздумали было пойти подальше, но дорого заплатили за свою отвагу. Сила, которая давала Мономаху и сыну его Мстиславу возможность прогнать поганых за Дон, к морю, эта сила теперь перешла на север, и вот под 1198 годом встречаем известие, что Великий Всеволод с сыном Константином выступил в поход на половцев, каким путем — неизвестно. Половцы, услышав об этом походе, бежали с вежами к морю; великий князь походил по зимовищам их возле Дона и возвратился назад.

Скоро потом на юге явился сильный князь, который мог напомнить половцам времена Мономаховы, — то был Роман волынский и галицкий. В 1202 году зимой он ходил на половцев, взял их вежи, привел много пленных, отполонил множество христианских душ, и была радость большая в земле Русской.

Потом Всеволод и Роман умирили было на время всех князей; южные князья в 1208 году, в жестокую зиму, отправились на половцев, и была поганым большая тягость, говорит летописец, и большая радость всем христианам Русской земли; в то же время рязанские князья ходили также на половцев и взяли их вежи. Но скоро опять встали смуты между князьями, знаменитый Роман умер, половцам некого стало бояться на юге, и в 1210 году они сильно опустошили окрестности Переяславля. В 1215 году половцы опять отправились к Переяславлю; тамошний князь Владимир Всеволодович вышел к ним навстречу с полками, но был разбит и взят в плен.

В то время как Русь, европейская Украина, вела эту бесконечную и однообразную борьбу со степными народами, половцами, в дальних, восточных степях Азии произошло явление, которое должно было дать иной ход этой борьбе.

Истари китайские летописцы в степях на северо-запад от страны своей обозначали два кочевых народа под именем *монкулов* и *тата*; образ жизни этих народов был одинаков с образом жизни других их собратий, являвшихся прежде в истории, — скифов, гуннов, половцев. В первой четверти XIII века среди них обнаружилось сильное движение: один из монгольских ханов, Темучин, известный больше под именем Чингисхан, начал наступательные движения на других ханов, стал покорять их: орда присоединялась к орде под одну власть, и вот образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная от векового сна к кровавой деятельности, бессознательно повинуюсь раз данному толчку, стремится на оседлые народы к востоку, югу и западу, разрушая все на своем пути.

В 1224 году двое полководцев чингисхановых, Джебе и Субут¹, прошли обычные ворота кочевников между Каспийским морем и Уральскими горами, пополнили ясов, обзов и вошли в землю половецкую. Половцы вышли к ним навстречу с сильнейшим ханом своим Юрием Кончаковичем, но были поражены и принуждены бежать к русским границам, к Днепру. Хан их Котян, тесть Мстислава Галицкого, стал умолять зятя своего и других князей русских о помощи, не жалел даров, раздал много коней, верблюдов, буйволов, невольниц. Он говорил князьям: «Нашу землю

¹ *Субут* — в современной историографии этого полководца и соратника Чингисхана принято именовать Субэдэем.

нынче отняли татары, а вашу завтра возьмут. Защитите нас: если же не можете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра».

Князья съехались в Киеве на совет; здесь было трое старших: Мстислав Романович киевский, Мстислав Святославич черниговский, Мстислав Мстиславич галицкий, из младших были Даниил Романович волынский, Всеволод Мстиславич, сын князя киевского, Михаил Всеволодович — племянник черниговского. После долгих совещаний князья наконец согласились идти на татар; они говорили: «Лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей».

Татары, узнав о походе русских князей, прислали сказать им: «Слышали мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили. Пришли мы попушением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда, и добро их себе берите. Слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда бьем». В ответ русские князья велели перебить татарских послов и шли дальше; когда они стояли на Днепре, не доходя Олешья, пришли к ним новые послы от татар и сказали: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и все идете против нас, то ступайте, пусть нас бог рассудит, а мы вас ничем не трогаем». На этот раз князья отпустили послов живыми.

Когда собрались все полки русские и половецкие, то Мстислав Удалой с 1000 человек перешел Днепр, ударил на татарских сторожей и обратил их в бегство; татары хотели скрыться в половецком кургане, но и тут им не было помощи, не удалось им спрятать и воеводу своего Гембека; русские нашли его и выдали половцам на смерть. Все полки русские перешли Днепр; стрельцы русские встретили татар на половецком поле, победили их, гнали далеко в степи, отняли стада, с которыми и возвратились назад к полкам своим. Отсюда восемь дней шло войско до реки Калки, где было новое дело с татарскими сторожами, после которого татары отъехали прочь, а Мстислав галицкий велел Даниилу Романовичу с некоторыми полками перейти реку, за ними перешло и остальное войско и расположилось станом, постав в сторожах Яруна с половецами.

Удалой выехал также из стана, посмотрел на татар, возвратившись, велел поскорее вооружаться своим полкам, тогда как другие два Мстислава сидели спокойно в стане, ничего не зная. Удалой не сказал им ни слова из зависти, потому что, говорит летописец, между ними была большая распря.

Битва началась 16 июня; Даниил Романович выехал наперед, первый схватился с татарами, получил рану в грудь, но не чувствовал ее по молодости и пылу: ему было тогда 18 лет и был он очень силен, смел и храбр, от головы до ног не было на нем порока.

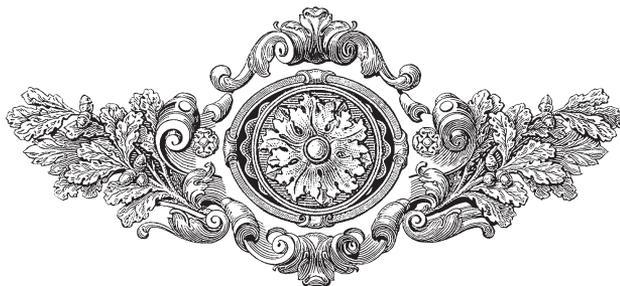
Увидев Даниила в опасности, дядя его Мстислав Немой луцкий бросился к нему на выручку; уже татары обратили тыл перед Даниилом с одной стороны и перед Олегом курским — с другой, когда половцы и здесь, как почти везде, побежали перед врагами и потоптали станы русских князей, которые, по милости Мстислава Удалого, не успели еще ополчиться.

Это решило дело в пользу татар: Даниил, видя, что последние одолевают, оборотил коня, прискакал к реке, стал пить, и тут только почувствовал на себе рану. Между тем русские потерпели повсюду совершенное поражение, какого, по словам летописца, не бывало от начала Русской земли.

Мстислав киевский с зятем своим Андреем и Александром дубровицким, видя беду, не двинулся с места, стоял он на горе над рекой Калкой; место было каменистое, русские огородили его кольем и три дня отбивались из этого укрепления от татар, которых оставалось тут два отряда с воеводами Чегирканом и Ташуканом, потому что другие татары бросились в погоню к Днепру за остальными русскими князьями. С татарами были бродники с воеводой Пლოსкиней; последний поцеловал крест Мстиславу и другим князьям, что если они сдадутся, то татары не убьют их, но отпустят на выкуп; князья поверили, сдались и были задавлены — татары подложили их под доски, на которые сели обедать.

Шестеро других князей погибло в бегстве к Днепру, и среди них князь Мстислав черниговский с сыном; кроме князей, погиб знаменитый богатырь Александр Попович с семидесятью братьями, Василько ростовский, посланный дядей Юрием на помощь к южным князьям, услышал в Чернигове о Калкской битве и возвратился назад. Мстиславу галицкому с остальными князьями удалось переправиться за Днепр, после чего он велел жечь и рубить лодки, отталкивать их от берега, боясь татарской погони; но татары, дойдя до Новгорода Святополчского, возвратились назад к востоку; жители городов и сел русских, лежавших на пути, выходили к ним навстречу со крестами, но были все убиваемы; погибло бесчисленное множество людей, говорит летописец, вопли и вздохи раздавались по всем городам и волостям.

«Не знаем, — продолжает летописец, — откуда приходили на нас эти злые татары Таурмени и куда опять делись? Некоторые толковали, что это, должно быть, те нечистые народы, которых некогда Гедеон загнал в пустыню и которые перед концом мира должны явиться и попленить все страны». С такими-то народами должна иметь постоянное дело Южная Русь, а между тем историческая жизнь отливает от нее к северу, она лишается материальной силы, которая переходит к области Волжской, лишается политического значения, материального благосостояния; честь и краса ее, старший стольный город во всей Руси — Киев — презрен, покинут старейшими и сильнейшими князьями, несколько раз разграблен.





ГЛАВА 15

Значение князя.— Титул.— Быт князей.— Отношения к дружине.— Вооружение.— Образ ведения войны.— Земля и волость.— Вече.— Внешний вид города.— Народонаселение города.— Количество городов в областях.— Торговля.— Монетная система.— Искусство.— Домашний быт.— Борьба язычества с христианством.— Церковное управление.— Деятельность духовенства.— Состояние нравственности.— Грамотность.— Поучение Владимира Мономаха.— Слово о полку Игореве.— Песни.— Летопись.

При обозрении первого периода нашей истории мы видели, как племена соединились под властью одного общего главы, или князя, призванного северными племенами из чужого рода. Члены Рюрикова рода носят исключительно название князей; оно принадлежит всем им по праву происхождения, не отнимается ни у кого ни в каком случае.

Это звание князя, приобретаемое только рождением от Рюриковой крови, неотъемлемое, независимое ни от каких других условий, равняет между собой всех Рюриковичей, они прежде всего братья между собой. По княжескому уговору, князь за преступление не мог быть лишен жизни, как боярин, а наказывался только отнятием волости.

Старший в роде князь назывался великим. Но сначала в летописи мы встречаем очень редко этот титул при имени старшего князя; обыкновенно он дается только важнейшим князьям и то при описании их кончины, где летописец обыкновенно в украшенной речи говорит им похвалы.

Ярослав I называется великим князем русским; здесь слово «русский» однозначительно с «всероссийский», князь всея Руси, потому что Ярослав по смерти брата Мстислава владел, за исключением Полоцка, всеми русскими волостями. После Ярослава названием великого князя величается сын его Всеволод, внук Мономах, правнук Мстислав, сыновья и внуки последнего, но все только при описании кончины.

Рюрик Ростиславич называется великим князем при жизни и тогда, когда он не был еще старше всех на Руси, не сидел еще в Киеве. Из этого можно заключить, что название «великий князь» употреблялось иногда просто из учтивости, от усердия пишущего к известному князю, не имело еще постоянного, определенного смысла. В изустных обращениях к князьям употреблялось слово «господин» или чаще просто «князь», иногда то и другое вместе.

Первым знаком признания князя владеющим в известной волости было посажение его на столе; этот обряд считался необходимым, без него князь не был вполне князем и потому к выражению «вокняжился» прибавляется: «И сел на столе». Это посажение происходило в главной городской церкви, в Киеве и Новгороде у Св. Софии. Для указания того, что князь садился на стол по законному преемству, принадлежит к роду княжескому и не изгой в этом роде, употреблялось выражение: «Сел на столе отца и деда»¹. Признание князя сопровождалось присягой, целованием креста: «Ты наш князь!» — говорили присягавшие.

Князь и в описываемый период времени, как прежде, заботился о строе земском, о ратях и уставе земском. Он сносился с иностранными государями, отправлял и принимал послов, вел войну и заключал мир. Князья обыкновенно сами предводительствовали войском, редко посылали его с воеводами; кроме личной отваги, собственной охоты к бою, мы видели и другую причину тому: без князя полки бились вяло, боярина не все слушались, тогда как значение воеводы тесно соединялось со значением князя.

Для молодых князей считалось почетом ездить с передовым полком, потому что для этого требовалась особенная отвага. Право рядить полки перед битвой принадлежало старшему в войске князю, и сохранялось еще предание, что добрый князь должен первым начинать битву; в старину маленького Святослава первого заставили бросить копьё в древлян, в описываемое время Изяслав Мстиславич и Андрей Боголюбский первыми въезжали в неприятельские полки.

Князю по-прежнему принадлежал суд и расправа; во время болезненной старости Всеволода до людей перестала доходить княжая правда; Мономах между другими занятиями князя помещает *оправливание* людей; летописец, хваля князя Давыда смоленского, говорит, что он «казнил злых, как подобает творить царям».

¹ После увидим, что считалось незаконным вступление князя на стол не по отчине и дедине: это, по нашему мнению, прекращает спор об изгойстве князей. Представлено мнение, что в выражении «аще князь осиротееет» нельзя видеть первоначальное значение сиротства, но производное — именно лишение волости, ибо в некоторых областных наречиях сирота значит нищий. (Примеч. автора.)



Н. С. Самокиш. Владимир Мономах на охоте.

Иллюстрация к книге Н. И. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси». 1896 г.

Для этого оправливания, суда и расправы князь объезжали свою волость, что называлось ездить, *быть на полуды*. Князь из числа приближенных к себе людей и слуг назначал для отправления разных должностей, в посадники, тиуны и т. п.; он налагал подати.

Доходы казны княжеской состояли по-прежнему в даяниях. Другими источниками дохода для казны служили пошлины торговые, судные, для старшего князя дары от младших, наконец, доходы с частной собственности, земель, князьям принадлежавших. Эта частная собственность, вероятно, произошла вследствие первого занятия, населения земель пустых, никому не принадлежавших. Потом средством приобретения была купля; о купленных князьями слободах прямо свидетельствует летопись под 1158 годом. Наконец, источником приобретения могло служить отнятие земель у провинившихся бояр и других людей: когда, например, один князь изгонял из волости другого, то отбирал у бояр последнего их имущество.

Земли, составлявшие частную собственность князей, были населены челядью; здесь-то, на этих землях, князья устраивали себе дворы, где складывалось всякого рода добро. Большие стада составляли одно из главных богатств княжеских: под Новгородом-Северским неприятели взяли у Ольговичей 3000 кобыл и 1000 коней. Значение этих зе-

мель, дворов, запасов для князей показывает их название: *жизнь*. «Братья! — говорит Святослав Ольгович Давыдовичам. — Землю вы мою повоевали, стада мои и братние взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!» Изяслав Мстиславич говорил дружине о черниговских князьях: «Вот мы села их пожгли все и жизнь их всю, а они к нам не выходят; так пойдем к Любечу, там у них вся жизнь».

Взглянем теперь на жизнь князя русского в описываемое время, от дня рождения до смерти. При рождении младенца в семье княжеской давалось ему одно имя славянское или варяжское, которое называлось *княжим именем*, а при святом крещении другое, по греческим святцам; первое употреблялось преимущественно; оба давались в честь кого-нибудь из старших родственников, живых или умерших; этот обычай употреблялся относительно младенцев обоего пола.

Восприемниками при купели бывали князья-родичи. Лет двух, трех, четырех над младенцем мужского пола совершался обряд — *постриги*, то есть первое стрижение волос, сопровождаемое церковным благословением, посадением малютки на коня и пирами в отцовском доме; иногда постриги делались в именины постригаемого, иногда постригали двух князей разом.

Участвовали в походах и рассылались по волостям князья очень рано, иногда в 5—7 лет. Женили князья сыновей

своих также вообще довольно рано, иногда в 11 лет, дочерей иногда выдавали замуж в восемь лет. Браки устраивались родителями брачующихся; видим, что лица, употреблявшиеся для переговоров, посылаемые за невестой от женихова отца и провожавшие невесту со стороны ее отца, назывались *сватами*; отец невесты снабжал ее золотом и серебром, *давал за ней* или *по ней*, что ясно указывает на приданое, тогда как свекор давал снохе дары и город для ее содержания. Что княгини имели города, видно и из других мест летописи; в некоторых небогатых волостях упоминаются у княгинь только села; княжны, не вышедшие замуж, оставшиеся в волостях отцовских или братних, имели также села.

Князья вступали в брак преимущественно в своем роде, в седьмой и даже шестой степени родства, в шестой и пятой степени свойства; вступали в родственные союзы с соседними владетельными домами: скандинавскими, англосаксонским, польским, чешским, венгерским, византийскими, очень часто с ханами половецкими¹; иногда наши князья брали жен из прикавказского народа ясов; наконец, женились на дочерях бояр (новгородских) и даже выдавали дочерей своих за бояр. Мы видели, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава Галицкого были незаконные сыновья, которых отцы ничем не хотели отличать от законных. Встречаем известия о разводах князей по случаю болезни жены и желания постричься в монахи.

Так, жена Всеволода III, будучи 8 лет больна, постриглась от живого мужа в монахи; под 1228 годом встречаем другое известие: «Святослав, отпусти княгиню свою по свету, всхотевши ей в монастырь, и даст ей наделок много; иде в Муром к братии и пострижися». Здесь *по свету* значит: по совету, по взаимному согласию.

Примечание С. М. Соловьева

Охота составляла любимое времяпрепровождение князей; по словам Мономаха, он вязал руками в пущах диких лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медведя, на волка (лютотого зверя); охотились и на зайцев, ловили их тенетами; Мономах говорит, что он сам держал весь наряд в ловчих, сам заботился о соколах и ястребах.

Князья по-прежнему любили пировать с дружиной. Кроме дружины, они угощали иногда священников: так, летописец говорит, что князь Борис Юрьевич угощал в Белгороде на сеннице дружину и священников; Ростислав Мстиславич в великий пост, каждую субботу и воскресенье сажал за обедом у себя 12 чернецов с тринадцатым игуменом, а в Лазареву субботу созывал на обед всех монахов киевских из Печерского и других монастырей; в обыкновенное время угощал печерскую братию по постным дням, средам и пятницам — в летописи называется это утешением.

Большие пиры задавали князья при особенных торжественных случаях: на крестинах, постригах, именинах, свадьбах, по случаю приезда других князей, причем гость и хозяин взаимно угощали и дарили друг друга по случаю восшествия на престол. Так, в Никоновском списке читаем, что Всеволод Ольгович, сев в Киеве, учредил светлый пир, поставил по улицам вино, мед, перевару, всякое кушанье и овощи.

Мы видели, что князья иногда созывали к себе на обед всех граждан, и граждане давали обеды князьям; князья пи-

рвали также у частных людей: так, Юрий Долгорукий перед смертью пил у Осьменика Петрила. Большие пиры задавали князья по случаю духовных торжеств, освящения церквей: так, Святослав Всеволодович по освящении Васильевской церкви в Киеве на Великом дворе созвал на пир духовный митрополита, епископов, игуменов, весь святительский чин, киевлян².

Хоронили князей немедленно после смерти, если не было никаких особенных препятствий; например, Юрий Долгорукий умер 15 мая, в среду на ночь, а похоронили его на другой день, в четверг. Родственники, бояре, слуги умершего князя надевали черное платье и черные шапки; когда везли тело князя, то перед гробом вели коня и несли стяг (знамя); у гроба становили копы. После похорон князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню духовенству и нищим: так, Ростислав Мстиславич по смерти дяди Вячеслава раздал все его движимое имение, себе оставил только один крест на благословенье. Ярослав Галицкий сам перед смертью раздал имение по монастырям и нищим.

Об одежде князей можем иметь понятие из картины, приложенной к известному Святославу сборнику: здесь Святослав и сыновья его, Глеб и Ярослав, представлены в кафтанах немного ниже колена; кафтан у Святослава зеленый и сверх него корзно синее с красным подбоем, застегнутое на правом плече красной запоной с золотыми отводами; у сыновей кафтаны малинового цвета и золотые пояса с четырьмя концами. Воротники, рукава у молодых князей, подол у ярославова кафтана и края святославова корзна наведены золотом; подол святославова и глебова кафтанов красный; у маленького Ярослава от шеи до пояса золотая обшивка с тремя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные, у обоих остроносые.

На молодых князьях высокие синие шапки с красными наушниками и зеленоватым подбоем (если только не принимать этого подбоя за особенную нижнюю шапку); на Святославе шапка не так высокая, желтоватого цвета, с синими наушниками и темно-красной опушкой; на маленьком Ярославе синяя, не очень высокая. Святослав и Роман с усами без бород.

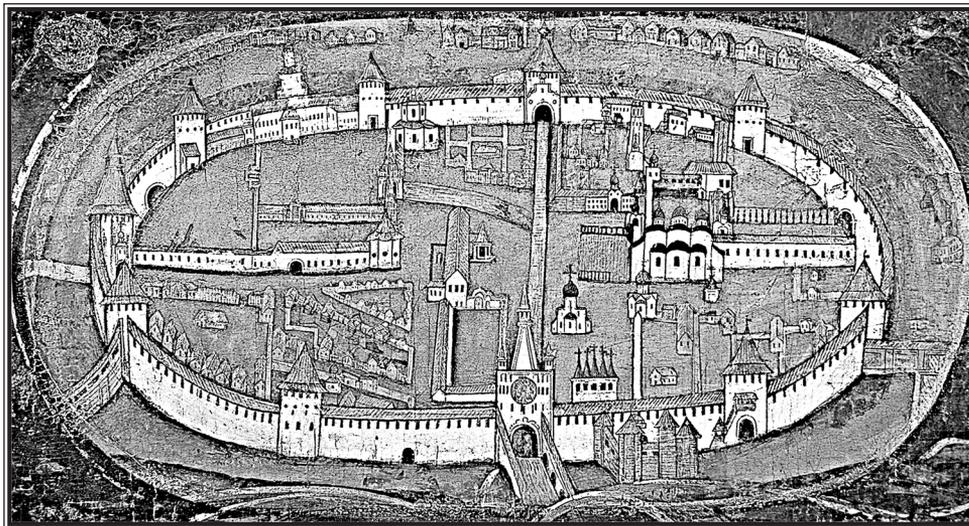
На княгине покрывало, завязанное под подбородком; верхняя одежда красного цвета с широкими рукавами, с широкой желтой полосой на подоле и с золотым поясом, видны рукава нижней одежды с золотыми поручами; башмаки золотые.

Отношения князя к дружине оставались в главных чертах прежними. Дружинники должны были или переезжать вместе с князьями из одной волости в другую, или, оставаясь в прежней, вступая в службу нового князя, ждать, что старая дружина последнего, которая придет с ним из прежней волости, займет первое место: в княжение Всеволода Ярославича и племянника его Святополка мы видим ясные указания летописца на подобные отношения старой и новой дружины при перемене князей.

Таково было неприятное положение дружины и при бесспорных сменах князей; но каково же было ее положение при борьбах, усобицах, когда один князь силой выгонял другого из волости? Тогда дружина побежденного князя по необходимости должна была бежать с ним из прежнего

¹ Не только князья женились на половчанках, но и княгини выходили за половецких ханов. (Примеч. автора.)

² Обыкновенное у летописца выражение «пить» вместо «пировать» показывает, в чем преимущественно состояли пиры. (Примеч. автора.)



Новгородский кремль.

Деталь Михайловской иконы Божией Матери Знамение.
Конец XVII в.

города в другой какой-нибудь, уступая место дружине победителя.

Но если так част и так необходим был переход дружины из одной волости в другую и от одного князя к другому, то легко понять, что не было возможности для точного определения отношений ее к князю; дружинник имел полную свободу переходить из службы одного князя в службу другого: каждый князь принимал его с радостью, ибо каждый нуждался в храбрых дружинниках.

Хороший князь, по современным понятиям, не отделял своих выгод от выгод дружины, ничего не шадил для последней, ничего не откладывал собственно для себя; жил он с ней в братском, душевном кружке, не скрывал от нее имения, не таял дум своих, намерений. «Князь! — говорит дружина Мстиславу Изяславичу. — Тебе без нас нельзя было ничего ни замыслить, ни сделать, а мы все знаем твою истинную любовь ко всей братии». А Владимиру Мстиславичу дружина говорит: «Ты сам собой это, князь, замыслил, так мы не едем за тобой, мы ничего не знали».

По-прежнему встречаем различие между старшей и младшей дружиной. Члены старшей дружины, бояре, были по преимуществу княжескими думцами, советниками; но встречаем известие, что иногда князья созывают на совет бояр и всю дружину свою. В состав дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при нем, в его доме, дворце, это так называемые *отроки*, *детские*, *пасынки*, которые, естественно, разделялись опять на старших и младших, или меньших.

Из бояр князь назначал тысяцких; что же касается посадников, то они могли быть назначаемы и из детских. Тиуны княжеские и боярские имеют прежнее значение. Из должностей служебных в доме, дворе княжеском встречается название *ключников*; на их должность указывает следующее известие: когда Ростислав Мстиславич похоронил дядю своего Вячеслава, то, созвав бояр последнего, тиунов и ключников, велел принести перед себя все имение покойного князя. *Покладник*, по всем вероятностям, соответствовал

позднейшему *спальнику*. Звание *конюший*, *стольник*, *меченоша* объясняются из самих слов. Упоминаются *мечники*; *кощеи*, которых, производя от слова *кош*, можно принять за обозную прислугу; также *седельники*, название которых указывает на их занятие. И кощеи, и седельники находились при войске во время похода; седельники жили, как видно, целыми селениями в известных местах.

По-прежнему находим в летописи ясные указания на различие между дружиной и полками, собираемыми из остального народонаселения, городского и сельского; *дружина* отличается от *полка*. Ополчение состояло из конницы (копейщиков) и пехоты (стрельцов); встречаем названия: кони *поводные*, т. е. употребляемые под верх, и *товарные*, обозные, также кони *сумные*. Стрельцы обыкновенно завязывали дело, когда главная масса войск, копейщики, еще не вступали в битву.

Во время похода оружие везли на возах; оружие состояло из брони, шлемов, щитов, мечей, копий, сабель, стрел, киев, сулиц, ножей-засапожников, рогатин, оскепов и топоров. В «Слове о полку Игореве» щиты называются красными (червлеными); шлемы были с острым верхом и с железным забралом или личиной в виде полумаски. Для защиты щек и затылка к шлему прикреплялась кольчужная железная сетка, застегивавшаяся запоной у шеи. Употреблялись знамена, или стяги, также трубы и бубны.

Князья устраивали войско, говорили речи; войско располагалось по-прежнему тремя отделениями: большой полк, или чело, и два крыла. Но в описываемое время упоминается и передовой полк, или *перед*, упоминается и сторожевой полк, или *сторожье*, который давал знать главному полку о месте пребывания и движения неприятеля.

Походы преимущественно совершались зимой: это будет понятно, если вспомним состояние страны, покрытой множеством рек и болот, через которые зима прокладывала ледяные мосты и таким образом облегчала путь. Князья обычно спешили окончить поход до того времени, как начнут таять снега и разливаться реки.

Упомянуты взятия городов *копьем* (приступом) и взятия *на щит* (сожжение, разграбление, плен, истребление жителей): нет права думать, чтобы там, где упоминается взятие на щит, непременно прежде было взятие приступом. При осадах городов почти никогда не упоминается о машинах, стенобитных орудиях, подкопах; обыкновенно говорится, что город обступали и бились с осажденными у ворот. Осады продолжались от двух дней до десяти недель, более продолжительных осад не видим¹.

И в описываемое время встречаем известие о богатырях; и в этот период человек благодаря физической силе мог выделиться, приобрести особенное значение и давать победу тому или другому князю; к богатырям, как видно, питали особенное уважение, называли их *людьми Божиими*. В рассказах о Калкской битве, например, говорится, что тут пало 80 храбрецов, или богатырей.

Обратимся теперь к народонаселению городскому и сельскому. Русская земля в самом обширном смысле слова, т. е. все русские владения, разделялась на несколько отдельных земель, или волостей: Русская земля (в тесном смысле, т. е. Киевская), Волынская, Смоленская, Суздальская и т. д.; слово *волость*, *власть* означало и княжение (власть), и княжество (владение, область).

Как в других городах, так и в Новгороде вече является с неопределенным характером, неопределенными формами. Слово *вече* означало неопределенно всякое совещание, всякий разговор, всякие переговоры, а не означало именно народное собрание, народную думу. Князья сами созывают вече, имея что-нибудь объявить гражданам, обыкновенно вече созываются князьями для объявления войны, похода гражданам. Созывалось вече обыкновенно по звону колокола, откуда и выражение *сзвонить вече*; собиралось оно на известных местах, удобных для многочисленного стечения народа, например, в Новгороде на дворе Ярославовом, в Киеве на площади у Св. Софии.

Наконец, вече называется всякое собрание недовольных граждан против князя или другого какого-нибудь лица. На такие вече начали смотреть после как на заговоры и восстания, когда в Северо-Восточной Руси точнее определились отношения; новгородцы в глазах северо-восточного народонаселения являются *вечниками-кромольниками*, вече принимает значение кромоль, волнения народного.

Что касается внешнего вида русского города в описываемое время, то он обыкновенно состоял из нескольких частей: первую, главную, существенную часть составлял собственно город, огороженное стенами пространство; впоследствии около города образуются новые поселения, которые также обводятся стенами; отсюда город получает двойные укрепления: город внутренний (днешний) и город наружный (окольный, кромный), внутренний город носил также название *детинца*, внешний — *острога*; поселения, расположенные около главного города, или детинца, назывались *передгородием*.

Стены бывали каменные и деревянные (преимущественно) с дощатыми заборами, башнями (вежами) и воротами, которые носили названия или по положению в известную сторону, например Восточные, или по украшениям, например Золотые, Серебряные, или по тем частям города, к которым прилежали, по их народонаселению, например в Киеве были ворота Жидовские, Лядские, или по церквям,

которые находились в башнях над воротами или, быть может, даже по образам, или наконец по каким-нибудь другим обстоятельствам, например Вояжные в новгородском детинце, выводящие к реке, и т. п. Упомянуты два вала, и место, находящееся между ними, носит название *болонья*. Передгородие разделялось на концы², концы — на улицы.

Городское строение было тогда исключительно деревянное, церкви были каменные и деревянные; что касается количества церквей в городах, то в Новгороде с 1054 года по 1229-го построено было 69 церквей, из которых 15 были, наверно, деревянные, ибо о них или прямо сказано так, или сказано, что они были срублены; из остальных о некоторых прямо написано, что они были каменные, о других же ничего не сказано; в число 69 включены и церкви монастырские. Нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей в Новгороде; это количество церквей во втором по богатству (после Киева) русском городе может дать нам приблизительное понятие о количестве церквей в Киеве.

Из городских построек летописи упоминают о мостах деревянных, которые разбирались; Новгородская летопись упоминает о построении мостов через Волхов; в Киеве Владимир Мономах устроил мост через Днепр в 1115 г. Из общественных зданий в городе памятники упоминают о тюрьмах или погребках. Каждый город имел торговые площади, торги, торговища; из летописи известно, что торги производились по пятницам³.

Современные источники указывают нам в городах людей торговых и ремесленников, людей промышленных разного рода; о купцах не нужно приводить известий, они и так часто встречаются в летописи; ростовцы называют жителей Владимира каменщиками, в Новгороде упоминается серебряник весец; в Вышгороде упоминаются огородники с их старейшиной; очень вероятно, что и в описываемое время, как впоследствии, люди, занимающиеся какой-нибудь одной отраслью промышленности, жили вместе на особых местах, имея своих старост или старейшин: название концов новгородских Плотницкий, Гончарский могут указывать на это. Встречаем известия о смердах в городах: думаем, что здесь должно разуметь под смердами простых людей, черных, чернь или даже вообще всех горожан в противоположность дружине.

Итак, начальствующими лицами в городе были: в стольном — князь, державший подле себя тиуна, в нестольном — посадник, державший также, вероятно, подле себя тиуна; тысяцкий, сотские, десяцкие, старосты концов, улиц, старосты для отдельных промыслов; из лиц, употреблявшихся при управлении и суде, встречаем названия подвойских, биричей, ябедников; биричей и подвойских князь Изяслав Мстиславич посылал в Новгороде кликать народ по улицам, звать к князю на обед.

Кроме туземного народонаселения, в некоторых торговых городах, преимущественно в Киеве и Новгороде, видим иноземное народонаселение, постоянное и временное (населенцы). В Новгороде живут немецкие купцы, имеют свою особую церковь (божницу Варяжскую); в Киеве постоянно или, по крайней мере, в известное время видим жидов, живущих особым кварталом или улицей, отчего и ворота носят название Жидовских; Лядские ворота в Киеве указы-

¹ Самую продолжительную десятидневную осаду выдержали туровцы от Изяслава Давыдовича в 1158 году. (Примеч. автора.)

² На концы разделялся не один Новгород, но также и Киев, в котором летопись упоминает Копырев конец. (Примеч. автора.)

³ Но, вероятно, были и другие торговые дни, очень может быть, что среда и воскресенье, как теперь. (Примеч. автора.)

вают на Польский квартал или улицу; Латина упоминается в числе киевского народонаселения под 1174 годом.

Кроме городов, населенные места в волости носят название *слобод* (свобод) и сел; название слобода носило вновь заведенное поселение, пользующееся поэтому некоторой особенностью, некоторыми льготами, свободой от известных повинностей; из современных источников известно, что слободы, наравне с селами, могли быть в частном владении, могли покупаться.

В Киевском княжестве можно насчитать по летописи более 40 городов, в Волынском столько же, в Галицком — около 40; в Туровском — более 10; в Черниговском с Северским, Курским и землей вятичей — около 70; в Рязанском — около 15; в Переяславском — около 40; в Суздальском — около 20; в Смоленском — 8; в Полоцком — 16; в Новгородском — 15; следовательно, во всех Русских областях упоминается 300 с лишним городов.

Мы знаем, что князья тяготились малочисленностью жителей в волостях и старались населять их, перезывая отовсюду народ; но, разумеется, одним из главных средств к населению было население пленниками и рабами купленными: так, князь Ярополк перевел народонаселение целого города (Друцка) из неприятельской волости в свою; в селах княжеских видим народонаселение из челяди, рабов.

Но подле старания князей умножать народонаселение видим препятствия для этого умножения; препятствия были политические (войны междоусобные и внешние) и физические (голод, мор).

О врачебных пособиях при этих случаях мы не встречаем известий, хотя лекари были в России: в Русской Правде упоминается о плате лекаря; в житии св. Агапита Печерского читаем, что в его время был в Киеве знаменитый врач-армянин, которому стоило только взглянуть на больного, чтобы узнать день и час смерти его. Св. Агапит лечил больных травмами, из которых приготовлял себе кушанье; армянин, взглянув на эти травы, назвал их александрийскими, причем святой посмеялся невежеству его. У князя Святослава (Святоши) Давыдовича черниговского был искусный лекарь, именем Петр, родом из Сирии.

Сосредоточению народонаселения в известных местах способствовала выгода этих мест относительно торговли. Великим торговым путем Северо-Восточной равнины был водный путь из Балтийского моря в Черное, отсюда самыми важными торговыми городами на Руси должны были явиться города, находившиеся на двух концах этого пути — Новгород, складка товаров северных, и Киев, складка товаров южных. Кроме новгородцев и киевлян заграничную торговлю производили также жители Смоленска, Полоцка и Витебска; об их торговле мы узнаем из договора смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом в 1229 году.

С вопросом о торговле тесно связан вопрос о монетной системе. Общим названием, соответствующим теперешнему нашему *денеги*, было *куны*, которое заменило встречавшееся в начальном периоде название *скот*. Высшей монетной единицей была *гривна* — кусок металла в известной форме, равный известному весу, носившему то же самое название — гривны. Кроме гривен существовала еще серебряная монета — *сребреники*; о ее существовании есть ясное свидетельство летописи под 1115 годом: «Повеле Володимир режючи паволокы, орници, бель, разметати народу, овоже сребреники метати».

О существовании кожаных денег имеем ясные свидетельства иностранцев и своих; в одном хронографе прямо

говорится: «*Куны еже есть морд куней*». В доказательство противного, что под кунями и белью разумелись монеты металлические, золотые и серебряные, приводят следующее место из летописи под 1066 годом: «Двор же княж разграбиша безчисленное множество злата и сребра, кунями и белью».

Торговля в описываемое время была главным средством накопления богатств на Руси, ибо не встречаем более известий о выгодных походах в Грецию или на Восток, о разграблении богатых городов и народов. Умножение богатств при столкновении с более образованными народами обнаруживалось в стремлении к украшению жизни, к искусству. Искусство прежде всего служило религии: часто с подробностями рассказывает летописец о построении церквей. Снаружи церкви покрывались оловом, верх или главы золотились; внутри украшались иконами, стеной живописью, серебряными паникадилами; иконы украшались золотом и финифтью, дорогими камнями и жемчугом. Из русских иконописцев упоминается св. Алимпий Печерский, выучившийся своему искусству у греческих мастеров, приходивших для расписывания церквей в Печерском монастыре; как видно, он занимался также и мозаикой.

Касательно одежды встречаем известие о сорочках, метлях и корзнах, о шапках (клобуках), которые не снимались ни в комнате, ни даже в церкви. Из договора с немцами узнаем об употреблении рукавиц перстатых, т. е. перчаток, покупаемых, как видно, у иностранцев; от употребления рукавиц перстатых имеем право заключать и об употреблении простых, русских рукавиц. Из мужских украшений упоминаются золотые цепи; из женских одежд — повои, или повойники, из украшений — ожерелья и серьги серебряные. Из материй, употреблявшихся на одежды, упоминается полотно, или частина, аксамит, говорится об одеждах боярских с шитыми золотом оплечьями.

Таково было материальное состояние русского общества в описываемое время; теперь обратимся к нравственному его состоянию, причем, разумеется, прежде всего должны будем обратиться к состоянию религии и церкви.

Мы видели, что вначале христианство принялось скоро в Киеве, на юге, где было уже и прежде давно знакомо; но медленно, с большими препятствиями распространялось оно на севере и востоке. Язычество на финском севере не довольствовалось оборонительной войной против христианства, но иногда предпринимало и наступательную в лице волхвов своих. Однажды в Ростовской области делался голод, и вот явились два волхва из Ярославля и начали говорить: «Мы знаем, кто хлеб-то держит»; они пошли по Волге и в каждом погосте, куда придут, указывали на лучших женщин, говоря: «Вот эти жито держат, эти мед, эти рыбу, эти меха». Жители приводили к ним сестер своих, матерей, жен; волхвы разрезали у них тело за плечом, показывая вид, что вынимают оттуда либо жито, либо рыбу и таким образом убивали много женщин, забирая именные их себе. Когда они пришли на Белоозеро, то с ними было уже 300 человек народа.

В это время случилось прийти туда от князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатины; белозерцы рассказали ему, что вот два кудесника побили много женщин по Волге и по Шексне, пришли и к ним. Белозерцы схватили волхвов и привели их к Яну, который спросил у них: «За что вы загубили столько душ?» — «За то, — отвечали волхвы, — что они держат всякое добро; если истребим их, то будет во всем обилие. Хочешь, перед твоими глазами выйдем жито, рыбу



Киево-Печерская Лавра.

Гравюра из книги Элизе Реклю «Земля и люди». 1898 г.

или что иное?» Ян сказал им на это: «Все это ложь. Сотворил Бог человека от земли, составлен он из костей, жил и крови; и ничего другого в нем нет, да и ничего другого о себе человек и знать не может, один Бог знает».

Волхвы видели, что дело дурно для них кончится, и потому начали говорить: «Нам должно стать пред Святославом, а ты не можешь нам ничего сделать». Ян в ответ велел их бить и драть им бороды; и когда их били, то Ян спросил: «Что вам боги ваши говорят?» Волхвы отвечали: «Стать нам пред Святославом». Тогда Ян велел положить им деревянный трубок в рот, привязать к лодке и сам отправился за ними вниз по Шексне. Когда приплыли к устью этой реки, то Ян велел остановиться и опять спросил у волхвов: «Что вам ваши боги говорят?» Те отвечали: «Боги говорят, что не быть нам живым от тебя». — «Правду сказали вам ваши боги», — отвечал им Ян; тогда волхвы начали говорить: «Если отпустишь нас, то много тебе добра будет, если же убьешь, то большую печаль примешь и зло». Он сказал им на это: «Если я отпущу вас, то зло мне будет от Бога», и потом, обратившись к лодочникам, сказал им: «У кого из вас они убили родных?» Один отвечал: «У меня убили мать», другой: «У меня сестру», третий: «У меня дочь». — «Ну так мстите за своих», — сказал им Ян. Лодочники схватили волхвов, убили и повесили на дубе, а Ян пошел домой; на другую ночь медведь взлез на дуб и съел трупы волхвов.

Летописец прибавляет при этом любопытное известие, что в его время волхвовали преимущественно женщины чародейством и отравой и другими бесовскими кознями.

Что на юге, в Киеве, христианство было крепче утверждено, чем на севере, доказывает рассказ летописца о волхве, который было явился в Киеве, но не имел здесь такого успеха, как ему подобные на севере; этот волхв проповеде-

вал, что через пять лет Днепр потечет вверх и страны поменяются местами своими: Греческая земля станет на месте Русской, а Русская на месте Греческой. Люди несмысленные, говорит летописец, слушали его, но верные насмеялись над ним говоря: «Бес играет тобой тебе же на пагубу», что и сбилось: в одну ночь пропал волхв без вести.

Касательно управления своего церковь русская по-прежнему зависела от константинопольского патриарха, который поставлял для нее митрополитов, произносил окончательный приговор в делах церковных, и на суд его не было апелляции.

Из шестнадцати митрополитов, бывших в это время, замечательны: 1) Иоанн II (1080—1089), о котором летописец говорит, что был он хитер книгам и учению, милостив к убогим и вдовицам, ласков со всяким, богатым и убогим, смирен и кроток, молчалив и вместе с тем речист, когда нужно было книгами святыми утешать печальных: «Такого не было прежде на Руси, да и не будет», — заключает летописец свою похвалу; 2) Никифор (1107—1121), замечательный своими посланиями к Владимиру Мономаху; 3) Климент Смолятич, книжник и философ, какого не бывало в Русской земле, по выражению летописца.

Мы видели важное значение духовенства в первые времена введения христианской веры в Русь, когда епископы являлись необходимыми советниками князя во всем, касавшемся наряда в стране; в описываемое время это значение несколько не уменьшилось: духовенство принимает сильное участие в событиях, в примирениях князей, в утишении народных восстаний.

В тот век, когда понятия о народном праве были слабы, и не стыдились убивать или задерживать послов, если речи их не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовные лица, потому что за них менее можно было опасаться при всеобщем уважении к их сану.

В людях описываемого времени нетрудно заметить особенное расположение и уважение к монашеству; уважение это приобрели по праву древние русские иноки, особенно иноки Киево-Печерского монастыря своими подвигами. В тогдашнем обществе, грубом, полудузыкальном еще, в котором новые, лучшие понятия, принесенные христианством, встречали могущественное сопротивление, первые монастыри представляли особое, высшее общество, где новый порядок вещей, новая религия проповедовалась не словом только, но делом.

За стенами монастыря грубым страстям давался полный разгул при первом удобном случае; в стенах монастыря — один ест через день просвиру, носит власяницу, никогда не ляжет спать, но вздремнет иногда сидя, не выходят на свет из пещеры; другой не ест целыми неделям, надел вериги и закопался по плечи в землю, чтобы убить в себе похоть плотскую; третий поставил у себя в пещере жернова,

брал из закромов зерновой хлеб и ночью молот его, чтобы заглушить в себе корыстолюбивые помыслы, и достиг наконец того, что стал считать золото и серебро за ничто.

Основаны были и женские монастыри: в 1086 году великий князь Всеволод Ярославич перестроил в Киеве монастырь Андреевский, где постриглась дочь его девица Янка; она собрала около себя много монахинь и жила с ними по монастырскому чину. Предслава, дочь полоцкого князя Георгия Всеславича, в молодости ушла в монастырь, где уже была монахиней тетка ее, жена Романа Всеславича, постриглась здесь под именем Евфросинии, сначала выпросила у епископа позволение жить при соборной Софийской церкви в голубце, где проводила время в списывании книг, продавала их и выручаемые деньги раздавала нищим, потом основала свой монастырь при церкви Св. Спаса, где постригла родную и двоюродную сестру (дочь Бориса Всеславича) и двух племянниц; наконец, захотела видеть Иерусалим, где и скончалась в русском Богородичном монастыре.

Должно думать, что всякий постригавшийся, если имел состояние, приносил какой-нибудь вклад в монастырь движимым или недвижимым имуществом; кроме того, и другие набожные люди давали в монастыри деньги и разные другие ценные вещи; раздавать милостыню по монастырям было в обычае у князей: Глеб Всеславич полоцкий дал Киево-Печерскому монастырю 600 гривен серебра и 50 золота, по его смерти жена его дала 100 гривен серебра и 50 золота.

Относительно управления встречаем известия об игуменах (архимандритах), экономах и келарях. Избрание игуменов зависело от братии, причем иногда происходили восстания и насильственные смены игуменов.

Мы встречаем в летописях и других памятниках громкие жалобы; с описываемого времени, со времени господства родовых княжеских отношений, дружинники или челядинцы княжеские привыкли смотреть на отправление правительственной или судейской должности как на кормление, следовательно, привыкли извлекать из этих должностей всевозможную для себя пользу. Дошло до нас любопытное известие, как однажды полоцкий князь спрашивал священника: какая судьба ожидает тиуна на том свете? Тиун ведь несправедливо судит, взятки берет, людей отягощает, мучит? Название должностного лица *ябедник* приняло также дурное значение. Не умея или не желая объяснить такое дурное состояние правосудия, летописец принужден сказать, что где закон, там и обид много...

Мерилом нравственного состояния общества могут служить также понятия о народном праве. Мы видели, что вести войну значило причинять неприятельской волости как можно больше вреда — жечь, грабить, бить, отводить в плен; если пленные неприятельские ратники отягощали движение войска, были опасны при новых встречах с врагом, то их убивали; иногда князья после войны уговаривались возвратить все взятое с обеих сторон, но есть пример, что князь после войны уводит жителей целого города, им взятого, и селит их в своей волости. В способе ведения войны у себя, в русских областях и в чужих странах, христианских и нехристианских, не видим никакой разницы. При заключении мира употреблялась клятва — крестное целование, утверждение дедовское и отцовское, по словам князей, и грамоты с условиями мира назывались потому *крестными*. Война объявлялась отсылкой крестных грамот.

Повсюду и между князьями, и между простыми людьми видим борьбу новых, лучших, христианских понятий и стремлений со страстями, слабо обуздываемыми в ново-

рожденном обществе, и с прежними языческими обычаями. В жизни многих князей замечаем сильное религиозное направление. Мономах был религиозен не на словах только, не в наставлениях только детям — по словам летописца, он всей душой любил Бога и доказывал это на деле, храня заповеди Божии, имея всегда страх Божий в сердце, будучи милостив неимоверно; «дан был ему от Бога такой дар, — прибавляет летописец, — что когда он входил в церковь и слышал пение, то не мог удерживаться от слез».

Но у некоторых благочестие ограничивалось только внешним исполнением обрядов, и когда дело шло об удовлетворении страстям, то на заповеди религии и на служители ее обращали мало внимания: брат Мономаха, Ростислав, не усомнился умертвить св. инока Григория за обличение; Святополк Изяславич был благочестив, уважал монастырь Киево-Печерский и его иноков, но когда дело шло об удовлетворении корыстолюбия, то мучил этих самых монахов, гнал игумена за обличения; сын его Мстислав умертвил св. Феодора и Василия.

Вооружаясь против уклонений от правил христианской нравственности, церковь должна была вооружаться против старых языческих понятий и обычаев, которые были еще сильны в тогдашнем русском обществе, особенно в низшем его слое.

Особенно трудно было изгнать память о древней религии из народных увеселений, песен, плясок, игр, которые были языческого происхождения. Вот почему церковь изначала так сильно стала вооружаться против этих увеселений: «Всеми этими обычаями дьявол отвлекает нас от Бога, трубами, скоморохами, гуслими, русальями. На игрищах видим множество людей: как начнут бороться друг с другом, то сбегают смотреть на дело, от дьявола замышленное, а церкви стоят пусты, в час молитвы мало найдешь народу в церкви». Из этих слов летописца видно, что любимым народным зрелищем в его время была борьба или кулачные бои.

Относительно важного вопроса о положении женщины в древнем русском обществе мы встречаем очень скудные известия в памятниках, дошедших от описываемого времени. Видим, что княгини имели свое имущество, движимое и недвижимое, распоряжались им, как, например, распорядилась жена князя Глеба Всеславича полоцкого, отдав свои деньги и волости Киево-Печерскому монастырю; жена Святополка Изяславича раздает по смерти его большое богатство по монастырям, церквям и нищим. Важно для нас свидетельство об обычае устраивать в монастырях пиры, куда собирались мужчины и женщины, также вопрос черноризца Иакова митрополиту Иоанну, позволять ли на пирах целоваться с женщинами.

Как христианские понятия содействовали возвышению женщины, показывает вопрос известного Кирика¹ и ответ на него епископа Нифонта. Кирик спрашивает: «Если случится, что женский платок будет шит в платье священническое, то можно ли священнику служить в этом платье?» Нифонт отвечает: «Можно! Разве женщина погана?»

Вместе с христианством принялась на Руси грамотность, и принялась крепко: почва нашлась удобная; в описываемое время мы не видим препятствий к распространению грамотности, напротив, видим обстоятельства благоприятую-

¹ Кирик Новгородец (1110—1158) — древнерусский (новгородский) церковный деятель, философ, мыслитель и летописец, первый известный по имени русский математик, автор «Учения о числах» и «Вопрошания Кирикова».

щие: связь с Византией постоянная; оттуда приходят митрополиты и епископы; греческие царевны выходят замуж за наших князей, наши княжны выходят за греческих царевичей, путешествуют в Константинополь, в Иерусалим, как, например, Янка Всеволодовна, св. Евфросиния Полоцкая; путешествуют в Иерусалим духовные лица, простые люди. Страсть к паломничеству так усилилась, что духовенство начало вооружаться против него, прямо запрещая отправляться в Иерусалим, увещывая вести христианскую жизнь на месте жительства, накладывая даже епитимьи на дающих обеты идти в Иерусалим: эти обеты, говорило духовенство, губят землю нашу. Частые и тесные сношения с Польшей и Венгрией открывали в Русь доступ и латинскому языку.

Не забудем, что просвещение было тесно соединено с религией: кто больше читал, тот, значит, был больше утвержден в вере; отсюда религиозное направление, столь могущественное, необходимо влекло за собой стремление к распространению грамотности, приобретению книг. Сыновья и внуки Ярослава I наследовали его ревность к распространению книжного учения. Сын его Святослав собирал книги, которыми наполнил свои клети; из этих книг дошло до нас два сборника. Другой сын Ярослава I, Всеволод, говорил на пяти иностранных языках, которые он изучил сидя дома, как выражается сын его, Мономах, и этим дает знать, что Всеволод изучил языки не по необходимости во время странствования по чужим землям, но единственно из любознательности; Мономах говорит при этом, что знание языков доставляет почет от иностранцев.

Если при Владимире и Ярославе посылали детей учиться к священникам при церквях, то обычай этот должен был продолжаться и распространяться в описываемое время; имеем полное право принять известие о существовании училищ при церквях, дворах епископских и заводимых князьями за свой счет. Также известно, что в этих училищах учили греческому языку, ибо для утверждения в вере необходимо было распространять переводы духовных книг с греческого языка; училища эти служили и для образования священников, на что прямо указывает приведенное известие о цели училища, устроенного в Смоленске князем Романом Ростиславичем; встречаем также сведения об училищах на Волыни.

Какие же дошли до нас памятники этой образованности? Большая часть их составляет поучения, обращенные к одному какому-нибудь лицу по известному случаю или к целому народу, к целой пастве. Из первых упомянем об ответе св. Феодосия Печерского на вопрос великого князя Изяслава о вере латинской, или варяжской: «Вера их зла и закон их не чист: они икон не целуют, в пост мясо едят, на опресноках служат. Христианам не следует отдавать за них дочерей и брать их дочерей за себя замуж, не должно ни брататься с ними, ни кумиться, ни есть, ни пить из одного сосуда. Но если они попросят у вас есть, то дайте им пищу в их сосудах, если же у них сосудов не будет, то дайте в своих, только потом вымойте эти сосуды и молитву над ними прочтите».

Митрополит приказывает всеми силами направлять на веру правую тех, которые приносят жертвы бесам, болотам и колодезям, которые женятся без благословения церковного, разводятся и берут других жен. Называет «беззаконниками» тех, которые продают рабов-христиан жидам и еретикам; вооружается против тех, которые по своей воле для торговли ходят к поганым и едят с ними вместе нечистое; против тех, которые часто в монастырях пиры устраивают, созывают мужчин и женщин вместе и стараются превзойти друг друга в том, кто лучше устроит пир.

Кроме поучений, принадлежащих духовным лицам, до нас дошло поучение, написанное знаменитейшим из князей описываемого времени, Владимиром Мономахом, для детей своих. Оно обнимает обязанности человека вообще и князя, религиозные, семейные и общественные и представляет первообраз тех домостроев, которые мы увидим в последующих веках. «Страх имейте Божий в сердце и милостыню творите неоскудную, потому что здесь начало всякому добру, — так начинает Мономах свое поучение. — Просите Бога о прощении грехов со слезами, и не только в церкви делайте это, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть поклонов, потому что ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола и получает прощение грехов. Когда и на лошади сидите, да ни с кем не разговариваете, то чем думать бездельцу, повторяйте беспрестанно в уме: «Господи, помилуй!», — если других молитв не умеете, эта молитва лучше всех.

Больше же всего не забывайте убогих, но, сколько можете, по силе кормите, больше других подавайте сироте, сами оправдывайте вдов, а не позволяйте сильным погубить человека. Ни правого, ни виноватого не убивайте, ни приказывайте убивать. В доме своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не надейтесь ни на тиуну, ни на отрока, чтобы гости не посмеялись ни дому, ни обеду вашему. Вышедши на войну, также не ленитесь, не надейтесь на воевод; питью, еде, сном не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись всем, ложитесь, но вставайте рано, и оружия не снимайте с себя: от лени человек внезапно погибает.

Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: в этих пороках и душа и тело погибают. Если случится вам ехать куда по своим землям, то не давайте отрокам обижать жителей, ни своих, ни чужих ни в селах, ни на полях, чтобы после вас не проклинали. На дороге или где остановитесь, напоите, накормите нищего. Особенно же чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простой или знатный человек, или посол; если не можете чем иным обдарить его, то угостите хорошенько: странствуя, они разносят по всем землям хорошую или дурную славу о человеке. Больного навестите и к мертвому ступайте, потому что мы все смертны. Человека не пропустите не поздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Жен своих любите, но не давайте им над собой власти. Что знаете доброго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; не ленитесь ни на что доброе; прежде всего не ленитесь ходить в церковь: да не застанет вас солнце на постели...»

Древнейшие произведения народной фантазии относятся ко временам святого Владимира; содержание их составляет подвиги богатырей, борьба их со степными варварами, с которой был соединен важнейший интерес для народа. В целости дошло до нас поэтическое сказание о несчастном походе северских князей, Игоря Святославича с братьей на половцев, — «Слово о полку Игореве».

Сочинитель «Слова о полку Игореве» не хочет начинать своего рассказа прямо о походе северских князей на половцев, но хочет предпослать ему старые слова, ограничиваясь, однако, былинами позднейшего времени, именно начиная со времен Владимира Мономаха, или, как он называет его, Владимира Старого, в противоположность другим, младшим Владимирам.

Особенно же замечательны для нас слова автора об усобицах княжеских: в сильных выражениях описывает он усобицы, происходившие вследствие лишения волостей Олега Святославича: «Тогда земля селась и росла усобицами, погибла жизнь Дажбогова внука, в княжих крамолах век чело-

В основе сюжета «Слова о полку Игореве», одного из самых известных литературных памятников Древней Руси, лежит неудачный поход соединенной дружины русских князей на половцев, который был организован в 1185 г. по инициативе новгород-северского князя Игоря Святославича. Предполагается, что «Слово» было написано вскоре после этого события.

Текст «Слова о полку Игореве» сохранился в списке, входившем в сборник древнерусских летописей. Этот сборник принадлежал государственному деятелю и одному из самых известных коллекционеров своего времени графу А. И. Мусину-Пушкину. Сам Мусин-Пушкин утверждал, что приобрел рукопись у бывшего настоятеля упраздненного к тому времени Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле архимандрита Иоилия (Быковского) в конце 1780-х гг. Долгое время эта версия считалась общепринятой, однако в конце XX в. появились исследования, аргументированно доказывавшие, что Мусин-Пушкин скорее всего воспользовался

своим служебным положением: будучи обер-прокурором Священного синода, он получил содержавший «Слово» сборник из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря зимой 1791—1792 гг. и попросту присвоил его.

По этой рукописи было подготовлено два текста: первая копия была снята для Екатерины II в 1795 г., а в 1800 г. самим Мусиным-Пушкиным было подготовлено издание под названием «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича». В 1812 г. рукопись, хранившаяся во дворце Мусина-Пушкина, сгорела во время московского пожара в ходе наполеоновского нашествия на Россию.

После этого не прекращались споры о подлинности «Слова о полку Игореве». Некоторые исследователи утверждают, что оно на самом деле является литературной мистификацией XVIII в. Однако большинство экспертов все же склоняются к версии, что «Слово» является подлинным произведением своего времени.

веческий сократился. Тогда по Русской земле редко раздавались крики земледельцев, но часто каркали вороны, деля между собой трупы, часто говорили свою речь галки, собираясь лететь на добычу». В другом месте: «Сказал брат брату: это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу: а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую».

В этом отношении замечательна также жалоба старого Святослава киевского, когда он узнал о беде северских князей: «Все зло мне происходит от княжего неспособия; благоприятное время от него упущено... Великий князь Всеволод (III)! Чтوب тебе перелететь сюда издалека, отцовского золотого стола поблиости! Ведь ты можешь Волгу раскропить, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы у нас половецкая раба по ногате, а раб по резани».

В древних русских стихотворениях из лиц исторических описываемого времени является действующим новгородцем Василий Буслаев. Песня в некоторых чертах верно изображает старину новгородскую, в некоторых старину общую русскую. «В славном великом Новгороде жил Буслай до девяности лет; с Новгородом жил, не перечился, с мужиками новгородскими попереки словечка не говаривал. По смерти Буслая осталась двоякой жена его Амелфа Тимофеевна да сын молодой, Василий Буслаевич».

Этот-то Василий представлен в песне образцом и предводителем новгородской буйной молодежи, славной походами своими на севере, ходившей всюду без новгородского слова, не дававшей покоя ни своим, ни чужим.

Сложились и другая песня о том же Буслаеве, как он ездил молиться. Буслаевич приходит к матери, как вьюн около нее увивается, просит благословение великое идти в Иерусалим-град со всей дружиной храброй. Мать в ответ говорит ему любопытные слова, резко очерчивающие эпоху: «Если ты пойдешь на добрые дела, дам тебе благословение великое; если же ты, дитя, на разбой пойдешь, не дам благословения великого, не носи Василья сыра земля». Буслаевич поплыл с дружиной в Иерусалим, на дороге встретил гостей-корабельщиков и на вопрос их, куда погуливает, отвечал также очень замечательными словами: «Гой еси вы, гости-корабельщики! А мое-то ведь гулянье неохотное: смолоду бито много, граблено, под старость надо душу спасти».

Буслаевичу не суждено было возвратиться домой из этого путешествия: «не веруя ни в сон, ни в чох, веруя только в свой червленый вяз», он пренебрег предостережением не скакать вдоль заколдованного камня и убили под ним.

Таким образом, разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себе память в народе, и предводитель новгородских ушкуйников является в произведениях народной фантазии среди богатырей Владимирово времени.

Летопись новгородская под 1167 годом упоминает о Садко Сытиниче, который построил каменную церковь Св. Бориса и Глеба. Песня знает о богатом госте новгородском Садко, который, принеся от Волги поклон брату ее Ильмену, получил от последнего чудесным образом в подарок несметное сокровище, так что Садко мог выкупить все товары в Новгороде: здесь вместо удалого предводителя вольницы видим богатого купца, который, подвыпив на братовщине, хвастает не силой своей, но богатством. Таким образом, и другая сторона новгородской жизни оставила по себе память в произведениях народной фантазии. Сходство песенного Садко с летописным заключается в том, что и в песни богатый гость — охотник строить церкви. Благочестие Садко не осталось без награды: другая песня говорит, как он, находясь во власти морского царя, спасая от беды советами св. Николая.

Летопись дошла до нас во множестве списков, из которых самый древний не ранее XIV века; из всех этих списков нет ни одного, в котором бы не было заметно явных вставок, следовательно, все списки летописей, древние и позднейшие, представляются нам в виде сборников.

Рассматривая начальную нашу летопись, как по древним спискам, так и позднейшим, более полным, мы прежде всего должны различать известия киевские и новгородские, ибо одновременно с начальной южной, или киевской, летописью мы должны положить и начальную северную, новгородскую; известия обеих соединены в позднейших списках, каковы так называемый Софийский, Никоновский и другие.

Сделав эти предварительные заключения, обратимся к рассмотрению начальной летописи. С первых строк ее виден уже источник и образец — летопись византийская: русский летописец начинает свою повесть точно так же, как и летописец византийский, — исчислением стран, которые достались потомству троих сыновей Ноевых. Включив в число семидесяти двух народов и народ славянский, от племени Афетова, летописец указывает первоначальное жилище славян на Дунае и потом выселение их на север и северо-восток, сперва добровольное, потом вынужденное притеснениями врагов, волхов.

В рассказе о поселении славянских племен в нынешней России, их быте и судьбе тотчас видно, что составитель ле-



Нестор Летописец.

Фрагмент гравюры из Киево-Печерского патерика.
Издание 1802 г.

тописи — житель Киева, принадлежит к племени полян; это племя на первом месте, им особенно занимается летописец, о нем больше всего знает, его нравственность превозносит в ущерб всем остальным племенам.

С какого же времени летописец начинает свою *летопись*? Он начинает ее с 852 г. по Р. Х.: с царствования Михаила, императора греческого, является впервые название Русской земли. «Об этом мы узнали, — продолжает летописец, — потому, что при царе Михаиле приходили русские на Царьград, как пишется в летописце греческом; поэтому-то отсюда начнем и числа положим».

К этому первоначальному сказанию вместе с предисловием о дорюриковском времени и может только относиться заглавие: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити и откуда Русская земля стала есть».

В начале XII века мы встречаем ясное свидетельство об известном Сильвестре Выдубецком, который говорит о себе, что он написал летопись. Возраст этого Сильвестра нисколько не препятствовал бы признать его первым составителем начальной Киевской летописи, отнести к нему известие под 1064 годом; будучи ребенком, лет семи, он мог ходить смотреть уroda, вытасченного рыбаками, и случай этот мог сохраниться живо в его памяти.

Но есть предание, которое приписывает составление древней Киевской летописи иноку Киево-Печерского монастыря, преподобному Нестору; в пользу этого предания свидетельствует самая приписка Сильвестра, ибо на ее основании гораздо естественнее было бы объявить Сильвестра летописцем, а не предполагать другого, Нестора. Известие под 1064 годом может относиться столько же и к Нестору, сколько к Сильвестру, но зато места, встреченные нами в рассказе о Печерском монастыре, — о кончине Феодосия, об открытии мощей его, о нападении половцев на монастырь — прямо свидетельствуют о летописце-иноке Киево-Печерского монастыря. Для соглашения известий о Несторе летописце со свидетельством Сильвестра, написавшего в 1116 году летописец, предполагают, что Сильвестр был переписчиком или продолжателем Несторовой летописи.

«Повесть временных лет», одним из предполагаемых авторов которой считается Нестор Летописец, является наиболее ранней из сохранившихся в полном объеме русских летописей. Она была составлена в Киеве в 1110-х гг. Большинство исследователей полагают, что ее автором был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, однако не все ученые разделяют это мнение. Оригинальный текст летописи не сохранился; текст «Повести временных лет» известен по пяти спискам:

- 1) Лаврентьевскому (1377 г.);
- 2) Радзивилловскому (конец XV в.);
- 3) Ипатьевскому (начало 1420-х гг.);
- 4) Московско-Академическому (конец XV в.);
- 5) Хлебниковскому (конец 1550-х — начало 1560-х гг.).

Исследовав состав наших летописей в том виде, в каком они дошли до нас, скажем несколько слов об общем их характере и о некоторых местных особенностях. Летопись вышла из рук духовенства; это обстоятельство, разумеется, сильнее всего должно было определить ее характер. Летописец — духовное лицо, ищет в описываемых им событиях религиозно-нравственный смысл, предлагает читателям свой труд как религиозно-нравственное поучение; отсюда высокое религиозное значение этого труда в глазах летописца и в глазах всех современников его; Сильвестр в своей приписке говорит, что он написал летописец, надеясь принять милость от Бога, следовательно написание летописи считалось подвигом религиозным, угодным Богу.

До нас от описываемого времени дошли две летописи: северные — Новгородская и Суздальская, и две южные — Киевская, с явными вставками из Черниговской, Полоцкой и, вероятно, других летописей, и Волынская. Новгородская летопись отличается краткостью, сухостью рассказа; такое изложение происходит, во-первых, от бедности содержания: Новгородская летопись есть летопись событий одного города, одной волости; с другой стороны, нельзя не заметить и влияния народного характера, ибо в речах новгородских людей, внесенных в летопись, замечаем также необыкновенную краткость и силу; как видно, новгородцы не любили разглагольствовать, они не любят даже договаривать своей речи и, однако, хорошо понимают друг друга; можно сказать, что дело служит у них окончанием речи.

Рассказ южного летописца, наоборот, отличается обилием подробностей, живостью, образностью, можно сказать, художественностью; преимущественно Волынская летопись отличается особым поэтическим складом речи: нельзя не заметить здесь влияния южной природы, характера южного народонаселения.



ГЛАВА 16

Войны с мордвой, болгарами, немцами и литвой. — Деятельность Даниила Романовича Галицкого. — Тевтонский орден. — Батыево нашествие. — Сведения о татарах.

Великий князь Владимирский продолжал борьбу с мордвой, которая в 1229 году приходила с князем своим Пургасом к Нижнему Новгороду, но жители отбились от нее; варварам удалось только сжечь Богородичный монастырь да загородную церковь. Под 1232 годом летописец говорит о походе на мордву сына великокняжеского Всеволода с князьями рязанскими и муромскими: русские пожгли неприятельские села и перебили мордвы много.

С болгарами после трехлетнего мира в 1224 году началась опять вражда; в чем она обнаружилась, неизвестно, известно только то, что в 1230 г. болгары опять поклонились великому князю Юрию и заключили мир, разменявшись пленными и заложниками.

На северо-западе новгородцы боролись с немцами и литвой. Время было удобное действовать против немцев: Новгород и Псков были в соединении под одним князем, а между тем Ливония лишилась своего великого Альберта, умершего в 1229 году.

Магистр ордена Фолквин, которому тяжка была зависимость от Альберта, решился воспользоваться его смертью, чтобы высвободить себя из-под зависимости от преемника Альберта, которым был назначен Николай из Магдебурга. С этой целью он решился соединить свой орден с Немецким орденом, который процветал тогда под начальством магистра Германа фон Зальца; но Герман отклонил на этот раз предложение Фолквина.

В 1234 году князь Ярослав со своими полками и новгородскими выступил на немцев под Юрьев и стал недалеко от города, отпустив людей своих воевать окрестную страну для сбора съестных припасов, что называлось тогда «воевать в зажитие». Немцы сделали вылазку из Юрьева, другие из Оденпе, но русские побили их; несколько лучших немцев пало в битве, но больше погибло их в реке, когда под ними обломился лед; русские, воспользовавшись победой, опустошили их землю, истребили хлеб; тогда немцы поклонились князю, и Ярослав заключил с ними мир на *всей своей правде*. Последние слова могут вести к тому заключению, что тут-то Ярослав выговорил дань с Юрьева для себя и для всех преемников своих, ту знаменитую дань, которая после послужила Иоанну IV поводом лишить Ливонию независимости.

Этот поход Ярослава был, вероятно, одной из главных причин, почему Фолквин возобновил старание о соединении обоих орденов в один. В 1235 году Герман фон Зальц чтобы разунуть состояние дел в Ливонии отправил туда Эренфрида фон Нойенбурга, командора Альтенбургского, и Арнольда фон Нойендорфа, командора Негельстандского. Они возвратились и привели с собой троих депутатов от ливонских рыцарей. Людвиг фон Оттинген, наместник великого магистра в Пруссии, собрал капитул в Марбурге, где ливонские рыцари обстоятельно были допрашиваемы об их правилах, образе жизни, владениях и притязаниях; потом спрошены были командоры, посланные в Ливонию.

Эренфрид фон Нойенбург представил поведение рыцарей Меча вовсе не в привлекательном свете, описал их людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правилам своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общего блага. «А эти, — прибавил он, указывая пальцем на присутствующих рыцарей ливонских, — да еще четверо мне известных хуже всех там»¹. Арнольд фон Нойендорф подтвердил слова своего товарища, после чего неудивительно было, что когда стали собирать голоса — принимать ли меченосцев в соединение, то сначала воцарилось всеобщее молчание, а потом единогласно решили дожидаться прибытия великого магистра.

Но вскоре медлить стало нельзя: в 1236 году магистр Фолквин сделал опустошительный набег на литву, но затем был окружен многочисленными толпами врагов и погиб со всем своим войском; псковский отряд из 200 человек сопровождал магистра в этом несчастном походе: из десяти один возвратился домой². Тогда остальные меченосцы отправили посла в Рим представить папе беспомощное состояние ордена, церкви ливонской, и настоятельно просить

¹ Что донесения немецких рыцарей относительно поведения меченосцев были справедливы, доказывают послания пап: в 1238 году папа Григорий IX писал епископу Моденскому, своему легату в Ливонии, чтобы обращенные в христианство язычники не подвергались рабству; в том же году он писал, чтобы рабам дали облегчение и позволили ходить в церковь. (*Примеч. автора.*)

² Речь идет о *битве при Сауле* — крупном сражении войск Ордена меченосцев и их союзников против жемайтов и земгалов 22 сентября 1236 г. В сражении, произошедшем в болотистой местности Сауле (отождествляемой с современным городом Шауляй в Литве), меченосцы и крестоносцы потерпели тяжелое поражение.



Данило Романович Галицкий.
Гравюра. XIX в.

о соединении их с Тевтонским орденом. Папа Григорий IX признал необходимость этого соединения, и оно впоследствии в 1237 году; первым провинциальным магистром ливонским был назначен Герман Балк, известный уже своими подвигами в Пруссии.

Подвиги Мстислава торопецкого не принесли никакой существенной пользы для Южной Руси, но по смерти Мстислава судьба дала ей другого князя, характер которого вполне был способен доставить ей прочную и великую будущность, если только будущность Южной Руси могла зависеть от личности одного князя. Этот князь был молодой Даниил, сын Романа Великого. С блестящим мужеством, славолюбием, наследственным в племени Изяславовом, Даниил соединял способность к обширным государственным замыслам и к государственной распорядительности; с твердостью, уменьем неуклонно стремиться к раз предположенной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на прадеда своего, Изяслава, и резко отличался от отца своего, Романа.

Начиная рассказ о подвигах Даниила, летописец имел полное право сказать: «Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, великих трудах, частых войнах, многих крамолах, частых восстаниях, многих мятежах»; имел право утверждать, что сыновьям Романовым измлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всех сторон врагами: в Галиче королевич венгерский и неприязненные бояре; в Пинске — князь Ростислав, злобившийся на Даниила за отнятие Чарторыйска и плен сыновей; в Киеве — Владимир Рюрикович, наследовавший вражду отца своего к Роману Великому и сыновьям последнего; князя черниговские не хотели также забыть притязания племени своего на Галич и злой обиды, полученной там.

Тщетно митрополит Кирилл, которого летописец величает «преблаженным и святым», старался отвратить усобицу: Ростислав пинский не переставал клеветать на Даниила

и подвигать других князей, и вот Владимир киевский собрал войско. «Отец Даниилов постриг отца моего», — говорил он, «и была у него в сердце боязнь великая», прибавляет летописец. Значит, Владимир боялся, что молодой Даниил пойдет по следам отца своего и плохо придется от него соседям. Владимир посадил и половецкого хана Котяна на коня, всех половец и вместе с Михаилом черниговским осадил Каменец; в рати осаждающих были: куряны (жители Курска), пиняне, новгородцы (северские), туровцы.

Даниил видел, что нельзя ему противиться такой рати, тем более что в Галиче королевич и главный советник его, боярин Судислав, были в союзе с киевским князем: он начал мирные переговоры, чтобы выиграть время и разделить союзников, что и удалось ему относительно половецкого хана Котяна. «Батюшка, — послал сказать Даниил половецкому, — расстрой эту войну, прими меня в любовь к себе!» Котян отделился от союзников, опустошил Галицкую землю и ушел назад к себе в степи; остальные союзники, не успев взять Каменец, также отступили в свои владения.

А между тем Даниил спешил в Польшу за помощью и, получив ее, предпринял со своей стороны наступательное движение, пошел к Киеву; но по дороге встретили его послы от киевского и черниговского князей и заключили мир.

В следующем 1229 году успех ждал Даниила на другой стороне, в Галиче; когда он был в Угровске, то преданные ему галичане прислали сказать ему: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел к этому городу, а тысяцкого своего Дамьяна послал на Судислава. На третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу, где успел уже затвориться Судислав, ускользнувший от Дамьяна; волынцам удалось только захватить его двор подле Галича, где они нашли много вина, овощей, корма всякого, копей и стрел.

Даниил стоял против города, на другом берегу Днестра. Галичане и венгры выезжали и бились на льду, но к вечеру лед поднялся, река наводнилась и враждебный Даниилу боярин Семьонко (которого летописец сравнивает с лисицей по красноте лица) зажег мост. В это время явился к Даниилу Дамьян со многими галицкими боярами, принявшими сторону сына Романа, у которого таким образом набралась многочисленная рать. Даниил очень обрадовался ей, жалел только, что мост зажжен и не по чему перейти Днестр, но когда поехал посмотреть на место, то увидел, что конец моста погас и переправа возможна; радость была большая, и на другой же день все войско перешло Днестр и обступило Галич с четырех сторон. Осажденные не могли больше держаться и сдали город, причем королевич достался в плен Даниилу, но тот вспомнил прежнюю любовь к себе отца его Андрея и отпустил его к последнему. Из бояр галицких с королевичем пошел только один Судислав, в которого народ бросал камнями, крича: «Вон из города, мятежник земский!»

Но Судислав спешил отомстить народу новым мятежом, приехав в Венгрию, он не переставал твердить королю и королевичу: «Ступайте на Галич, возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрепятся на вас». Андрей послушался, собрал большое войско и объявил поход. «Не останется в Галиче камня на камне, — говорил он, — никто уже теперь не избавит его от моей руки».

Но как скоро вступил он в Карпаты, то полили сильные дожди, лошади тонули, люди едва могли спастись на высоких местах. Несмотря на это, король шел дальше и осадил

Галич, для защиты которого Даниил оставил известного нам тысяцкого Дамьяна. Этот воевода не испугался высокомерного вызова королевского и не сдал город; Андрею же нельзя было дольше оставаться под Галичем, потому что в войсках его открылась страшная болезнь: кожа падала у венгров с ног, как обувь. Король снял осаду; галичане напали на отставших и много перебили и побрали в плен; еще больше умерло на дороге от болезни.

Даниил избавился от врагов внешних, но летописец опять начинает рассказ свой зловещими словами: «Скажем многий мятеж, великия лъсти, бесчисленныя рати». Бояре галицкие, привыкшие к крамолам, находившие свою выгоду в беспорядке, в возможности переходить от одного князя к другому, не могли сносить спокойно установление наряда, утверждение сына Романова на столе отцовском.

Однажды заговорщики сидели вместе и советовались, как бы зажечь двор княжеский и таким образом погубить Даниила; в это время брат его Василько выходит к ним и в шутку бросается с обнаженным мечом на одного слугу, вырывает щит другого; заговорщики испугались, думая, что Василько поступает так с намерением, открыв их замысел, и бросились бежать.

Даниил с братом никак не могли догадаться, отчего побежали бояре, как один из оставшихся, Филипп, стал звать к себе Даниила на пир. Даниил поехал, но на дороге нагнал его посол от тысяцкого Дамьяна. «Пир затеян злой,— сказал ему посол,— Филипп с Александром бельзским сговорились убить тебя». Даниил возвратился в Галич и послал сказать брату Васильку во Владимир, чтобы шел на Александра; Василько выгнал Александра в Перемышль, взял Бельз, а седельничего своего Ивана Михайловича послал захватить бояр, которых и взято было 28 человек; но Даниил не хотел поступать по примеру отца и простил крамольников.

Великодушие, однако, не помогло, а только еще усилило дерзость бояр: один из этих безбожников, по выражению летописца, залил на пиру князю лицо вином; Даниил стерпел и это оскорбление. Из всей дружины у Даниила осталось только 18 отроков, на которых можно было положиться; он созвал их на вече вместе с Дамьяном-тысяцким и спросил: «Хотите ли оставаться мне верными и идти со мной на врагов моих?» Те отвечали: «Верны мы Богу и тебе, господину нашему, ступай с Божьей помощью», а сотский Микула прибавил при этом: «Господин! Не раздавивши пчел, меду не есть». Старый дядька Даниила, Мирослав, привел к нему на помощь еще немного отроков, и с такой-то небольшой дружиной Даниил выступил к Перемышлю; по дороге, впрочем, присоединились к нему и неверные бояре, показывая только вид верности.

Александр, узнав о приближении Даниила, бросил все свое имение и убежал в Венгрию, где вместе с Судиславом стал опять поднимать короля на Даниила. Король послушался и с двумя сыновьями выступил к Ярославлю, где заперся воевода Даниилов, Давыд Вышатич, который отбивался целый день от венгров и отбил. Но у Давыда была теща, большая приятельница Судиславу, который звал ее не иначе как матерью: она стала страшать зятя и успела напугать его; тщетно товарищ его, Василько Гаврилович, муж крепкий и храбрый, уговаривал не сдаваться, тщетно переметчик, приехавший из полков венгерских, говорил Давыду, что ослабленные венгры не в состоянии взять города,— Давыд сдал Ярославль, только сам вышел цел со всем войском.

Взяв Ярославль, король пошел к Галичу, а между тем отступление от Даниила боярина Климяты, убежавшего

с Голых гор к королю, послужило знаком к измене всех остальных бояр галицких. Отняв Галич у Даниила, король перешел теперь в дедовскую волость его и осадил Владимир-Вольнский. Король Андрей, по словам летописца, удивлен был видом этого города, многочисленностью ратников, которых оружие и щиты блистали как солнце. «Такого города не находил я и в немецких землях»,— сказал он. И начальник в городе был надежный — старый дядька Даниилов, Мирослав. «Бог знает, что с ним случилось,— говорит летописец,— в старину он был храбр, а тут смутился умом и заключил мир с королем, без совета со своими князьями — Даниилом и Васильком, обязался уступить Бельз и Червень Александру».

Как бы то ни было, король достиг своей цели, посадил опять сына в Галиче и ушел было в Венгрию, но скоро опять сын его Андрей поднял рать на Даниила: с королевичем был Александр Бельзский, Глеб Зеремеевич, князя болховские и множество венгров. Соперники — королевич и Даниил — виделись на реке Велье, но не уладились; из слов летописца видно, что виной этого была гордость Даниила, слишком понадеявшегося на свою силу.

На другой день Даниил перешел реку у Шумска и дал кровопролитную битву венграм, причем воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгодным положением на высоких горах, но Даниил отвечал словами Писания: «Медляй на брань страшливу душу имать»,— и спустил полки свои вниз на неприятеля. Оба брата приняли деятельное участие в битве, подвергаясь страшной опасности, но дружина Даниилова не отвечала храбрости князя своего и в конце дела обратилась в бегство. Впрочем, урон, претерпленный венграми, был так велик, что они не смели преследовать неприятеля и отступили в Галич. Даниил с успехом продолжал войну до конца года, мерилом его успеха служит то, что заклятый враг Романовичей, Александр Бельзский, перешел от королевича на их сторону, прислал сказать им: «Не годится мне быть нигде, кроме вас»; и братья приняли его с любовью.

Следующий 1233 год был счастливым для Даниила: Глеб Зеремеевич перешел на его сторону, после чего Даниил и Василько немедленно отправились к Галичу, где были встречены большей частью бояр: ясно, что переход Глеба произошел с согласия целой стороны боярской. Даниил занял всю волость, раздал города боярам и воеводам (как видно, с этим условием они и призвали его, не надеясь получить того же от венгров) и осадил королевича в Галиче. Девять недель стоял Даниил у города, где осажденные изнемогли от недостатка пищи, и дождался только льда на Днестре, чтобы идти на приступ.

В таких обстоятельствах Судислав придумал средство ослабить осаждающих — он послал сказать Александру Бельзскому: «Дам тебе Галич, только отступи от брата»; Александр прельстился обещанием и отступил. Но это вероломство не повредило нисколько Даниилу: скоро королевич умер, и галичане прислали звать Даниила на его место. Судиславу удалось уйти в Венгрию, но Александр Бельзский был схвачен по дороге в Киев.

Даниил утвердился опять в Галиче, но ему суждено было измлада не иметь покоя: вражда встала на востоке между Мономаховичами и Ольговичами, и Даниил вмешался в нее. Мономаховичи — Даниил и Владимир — возвратились в Киев, истомленные продолжительной войной, которую вели от Крещения до Вознесения, и Даниил уже собирался идти домой лесной стороной, как пришла весть, что Изяслав с половцами воюет Русскую землю.



В. П. Верещагин.

Епископ Кирилл находит обезглавленное тело великого князя Юрия на поле битвы у реки Сить.

Иллюстрация из альбома «История Государства Российского в изображениях державных его правителей». 1896 г.

Владимир стал просить Даниила помочь ему и против поганых, старый дядька Мирослав просил за Владимира, и Даниил, несмотря на изнеможение полков своих, отправился в новый поход. У Звенигорода встретились они с варварами: Владимир и Мирослав стали теперь уговаривать Даниила возвратиться, но уже он не захотел.

Сеча была лютая, Даниил погнал половцев, но потерял коня и видя, что все другие бегут, побежал и сам; а Владимир и Мирослав со многими другими боярами были взяты в плен.

Даниил прибежал в Галич и по ложной вести, что Изяслав с половцами у Владимира, отправил все свои полки с братом Васильком на помощь этому городу. Но как скоро бояре галицкие увидели, что князь остался без полков, то подняли крамолу, и Даниил принужден был уехать в Венгрию.

Цель этой поездки состояла, как видно, в том, чтобы убедить нового короля Белу IV не вмешиваться в галицкие дела и дать время Романовичам управиться с врагами единоплеменными.

Даниил появился немедленно перед стенами Галича и стал говорить его жителям: «Люди городские! До каких пор хотите вы терпеть державу иноплеменных князей?» Те закричали в ответ: «Вот наш держатель Богом данный!» — и пустились к Даниилу, «как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждающие воды к источнику», по выражению летописца.

Епископ Артемий и дворский Григорий сперва удерживали жителей от сдачи, но видя, что не могут более удержать, явились к Даниилу со слезами на глазах, с ослабленным лицом, облизывая губы, и поневоле сказали ему: «Приди, князь Данило! Прими город». Даниил вошел в свой город и в знак победы поставил хоругвь свою на Немецких воротах. А на другое утро пришла ему весть, что Ростислав возвратился было к Галичу, но узнав, что город уже взят, бежал в Венгрию. Тогда бояре, лишённые последней надежды,

пришли к Даниилу, упали ему в ноги и стали просить милости, говоря: «Виноваты, что иног князя держали». Даниил отвечал: «Милую вас, только смотрите, вперед этого не делайте, чтобы хуже не было».

Таковы были внутренние дела в Юго-Западной Руси до татарского нашествия; касательно внешних мы видели столкновения с Польшей и Венгрией по поводу Галича. В Польше в это время происходили события, имевшие после важное влияние на судьбы Восточной Европы.

В то время, когда западные русские области терпели от опустошительных набегов литвы, волости польские, преимущественно Мазовия, страдали еще больше от набегов единоплеменных ей пруссов. Конрад Мазовецкий доведен был до отчаяния этими набегами, ибо не имел никаких средств вести не только наступательной, но и оборонительной войны с варварами.

Однажды шайка пруссов пришла к нему требовать лошадей

и платья; Конрад не смел не исполнить требование и между тем не имел средств удовлетворить его. Что же он сделал в таких обстоятельствах? Завал к себе на пир знатнейших панов своих с женами и во время пира велел отобрать их лошадей и верхнее платье и отослать пруссам. Но не всегда же можно было употреблять подобные средства, и поэтому Конрад начал думать о других.

В это время в Ливонии рыцари Меча успешно действовали против туземцев. Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарский орден на границе своих владений для постоянной борьбы с пруссами; орден был учрежден под именем Христова ордена, и Конрад дал ему во владение замок Добрынь.

Пруссы, сведав о новом враге, несколько раз подступали к замку, взять его не могли, но зато нагнали такой страх, что четверо или пятеро язычников спокойно грабили под самыми валами Добрыня и никто не смел остановить их.

Конрад видел, что на подвиги добрыньских рыцарей плохая надежда, и поэтому обратился к другому, более знаменитому своей храбростью ордену. В 1192 году, во время последних попыток христиан удержаться в Палестине, Тевтонский орден рыцарей Богородицы получил окончательное утверждение. Новые рыцари носили черную туннику и белый плащ с черным крестом на левом плече; кроме обыкновенных монашеских обетов они обязывались ухаживать за больными и биться с врагами веры; только немец и член старого дворянского рода имел право на вступление в орден. Устав его был строгим: рыцари жили вместе, спали на твердых ложах, ели скудную пищу на общей трапезе, не могли без позволения начальников выходить из дома, писать и получать письма, не смели ничего держать под замком, чтобы не иметь и мысли об отдельной собственности, не смели разговаривать с женщиной.

К этому-то ордену обратился Конрад Мазовецкий с просьбой о помощи против пруссов. Тевтонские рыцари были славны своими подвигами в Палестине, богаты недвижимым имуществом, которое приобрели в дар от государей в разных странах Европы. Но они хорошо видели, что им нельзя долго держаться в Палестине, и потому не могли не согласиться на предложение Конрада. Оно обещало им новое поприще, новое средство продлить существование ордена, которое обуславливалось возможностью постоянной борьбы с врагами креста Христова.

Первое занятие прусских земель немцами совершилось довольно быстро; городки старшин прусских полегли перед рыцарями, и замки последних строились беспрепятственно: что шаг вперед, то новая твердыня. Но одним построением крепостей в новозанятых странах орден не ограничивался; льготами привлекались немецкие колонисты в новопоставленные города; люди, стекавшиеся из разных стран помогать ордену в священных войнах, получали от него в лен земельные участки, на которых строили новые замки; туземцы, оставшиеся от истребления, принуждены были или бежать в Литву, или принять христианство и подчиниться игу новых господ.

Для утверждения новой веры среди пруссов орден отбирал детей у туземцев и отсылал их учиться в Германию, с тем чтобы эти молодые люди, возвратясь потом на родину, содействовали распространению христианства и немецкой народности среди своих соплеменников. Несмотря, однако, на эти средства, пруссы, озлобленные жестокими притеснениями, тяжкими работами, надменным обхождением победителей, пять раз восставали против последних и против новой веры, принятой неволей. В первое из этих восстаний только две области, прежде всех занятые немцами, остались верны ордену; в других же областях прусские рыцари едва успели удержать за собой несколько замков, и такое состояние дел продолжалось 14 лет.

Казалось, что орден должен был отказаться от надежды вторично покорить Пруссию, но вышло иначе: орден нельзя было окончательно обессилить опустошением его владений, ибо он получал свое питание извне, из всей Германии, из всей Европы. А пруссы? Благодаря побуждению и подкреплению извне, от князей литовских, они умели одновременно восстать против пришельцев; но при самом этом единодушном и одновременном восстании каждая область выбрала особого вождя — дурное предвешание для будущего единства в борьбе! И точно, когда орден начал снова наступательное движение, борьба приняла прежний характер: каждая область снова защищалась отдельно и, разумеется, при такой особенности не могла устоять перед дружным и постоянным напором рыцарей.

Наконец, продолжительное знакомство с христианством, с высшей образованностью пришельцев должно было произвести среди пруссов свое действие: несмотря на упорную привязанность к родной старине, на жестокую ненависть к пришельцам-поработителям, некоторые из пруссов, разумеется лучшие, не могли не заметить превосходства веры и быта последних. И вот иногда случалось, что среди сильного восстания избранный вождь этого восстания, лучший человек в области, вдруг покидал дело соплеменников, переходил на сторону рыцарей и принимал христианство с целым родом своим: так начала обнаруживаться слабость в самой основе сопротивления со стороны пруссов, в религиозном одушевлении.

Ясны были признаки бессилия пруссов, а между тем рыцари не почивали на лаврах, неутомимо и неуклонно преследовали свою цель и после пятидесятидвухлетней кровавой борьбы окончили завоевание Пруссии. Таким образом, благодаря Конраду Мазовецкому Пруссия и даже некоторые из старых славянских земель уступлены были в пользу немецкой народности.

О непосредственном столкновении новых завоевателей с Русью летописец оставил нам неполный и смутный рассказ под 1235 годом. По его словам, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям» — и пошел с братом на них в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир. Даниил хотел было также принять участие в войне императора Фридриха II с австрийским герцогом Фридрихом Воинственным, помогать последнему, но был остановлен в этом намерении королем Венгерским.

Кроме того, летописец упоминает о войнах с литвой и ятвягами: в 1229 году, во время поездки Романовича в Польшу на помощь Конраду, жители Бреста с князем Владимиром пинским истребили толпу литовцев. Над ятвягами Романовичи одержали победу в 1226 году. Половцы по-прежнему участвуют в княжеских усобицах, но о походах на них не слышно.



Сражение с ордеными у стен Козельска.

Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Лицевой летописный свод был создан по указу царя Ивана Грозного, предположительно в 1568—1576 гг., специально для царской библиотеки в единственном экземпляре. Название «Лицевой» произошло от того, что свод был богат иллюстрирован, т. е. история была рассказана «в лицах». В целом Лицевой свод состоит из 10 томов, содержащих около 10 тысяч листов тряпичной бумаги и украшенных более чем 16 тысячами миниатюр.

В таком положении находились дела в Северной и Южной Руси, когда в другой раз услышали о татарах. В 1227 году умер Чингисхан; ему наследовал сын его Угэдэй (Октай); старший сын Чингиса — Джучи, назначенный владельцем страны, лежащей между Яиком и Днепром, Кипчака, прежних кочевьев половецких, умер при жизни отца, и Чингис отдал Кипчак сыну его Батью (Бату). В 1236 году 300 тыс. татар под начальством Батыя вошли в землю Болгарскую, сожгли славный город Великий, истребили всех жителей, опустошили всю землю. Толпы болгар, избежавших истребления и плена, явились в пределах русских и просили князя Юрия дать им здесь место для поселения; Юрий обрадовался и указал развести их по городам поволжским и другим.

В следующем году лесной стороной с востока явились в рязанских пределах и татары; став на одном из притоков Суры¹, Батый послал жену-чародейку и с ней двух мужей к князьям рязанским требовать десятины от всего — князей, простых людей и коней, десятины от коней белых, десятины от вороных, бурых, рыжих, пегих. Князья рязанские, Юрий Игоревич с двумя племянниками Ингваревичами Олегом и Романом, также князья Муромский и Пронский, не подпуская татар к городам, отправились к ним навстречу в Воронеж и объявили им: «Когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше». Между тем они послали во Владимир к князю Юрию объявить о беде и просить помощи, но Юрий не исполнил их просьбы и хотел один оборониться.

Услылав ответ рязанских князей, татары двинулись дальше и 16 декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступом и сожгли, истребив жителей. Князя Юрия им удалось выманить обманом из города; они повели его к Пронску, где была у него жена, выманили и ее обманом, убили обоих, опустошили всю землю Рязанскую.

Татары шли дальше, взяли Москву, где убили воеводу Филиппа Нянку, захватили князя Владимира Юрьевича и отправились с ним ко Владимиру. 3 февраля толпы татарские, бесчисленные как саранча, подступили к Владимиру и, подъехав к Золотым воротам с пленником своим московским князем Владимиром, стали спрашивать у жителей: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы вместо ответа пустили в них стрелы, татары отплатили им тем же, потом закричали: «Не стреляйте!» — и когда стрельба прекратилась, подвели поближе к воротам и показали им Владимира, спрашивая: «Узнаете ли вашего княжича?» Братья, бояре и весь народ заплакали, увидев Владимира, бледного, исхудалого.

Между тем татары, урядив, где стать им около Владимира, пошли сперва к Суздалью, сожгли его и, возвратившись опять ко Владимиру, начали ставить леса и пороки (стенобитные орудия), ставили с утра до вечера и в ночь нагородили тын около всего города. Утром князь Всеволод и владыка Митрофан, увидев эти приготовления, поняли, что города не отстоять, и начали готовиться к смерти. 7 февраля татары приступили к городу, до обеда взяли новый город и запалили его, после чего князья Всеволод и Мстислав и все жители бросились бежать в старый, или Печерный, город. князь Всеволод, думая умиловить

Батыя, вышел к нему из города с малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадил его молодости, велел зарезать перед собою.

Между тем епископ Митрофан, великая княгиня с дочерью, снохами и внучатами, другие княгини со множеством бояр и простых людей заперлись в Богородичной церкви на полатах. Татары отбили двери, ограбили церковь, потом наложили дров около церкви и в саму церковь и зажгли ее: все бывшие на полатах задохнулись от дыма, или сгорели, или были убиты.

Из Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов: одни отправились к Ростову и Ярославлю, другие — на Волгу и на Городец и попленили всю страну поволжскую до самого Галича Мерского; иные пошли к Переяславлю, взяли его, захватили другие города: Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь, где убили сына Ярославова; до самого Торжка не осталось ни одного места, где бы не воевали, в один февраль месяц взяли четырнадцать городов, кроме слобод и погостов.

Великий князь Юрий стоял на Сити, когда пришла к нему весть о сожжении Владимира и гибели семейства. Он послал воеводу Дорожа с трехтысячным отрядом разузнать о неприятеле; Дорож прибежал назад и объявил, что татары уже обошли русское войско кругом. Тогда князь сел на коня и вместе с братом Святославом и тремя племянниками выступил против врагов 4 марта 1238 года. После злой сечи русские полки побежали перед иноплемениками, причем князь Юрий был убит и множество войска его погибло, а Василько Константинович был взят в плен.

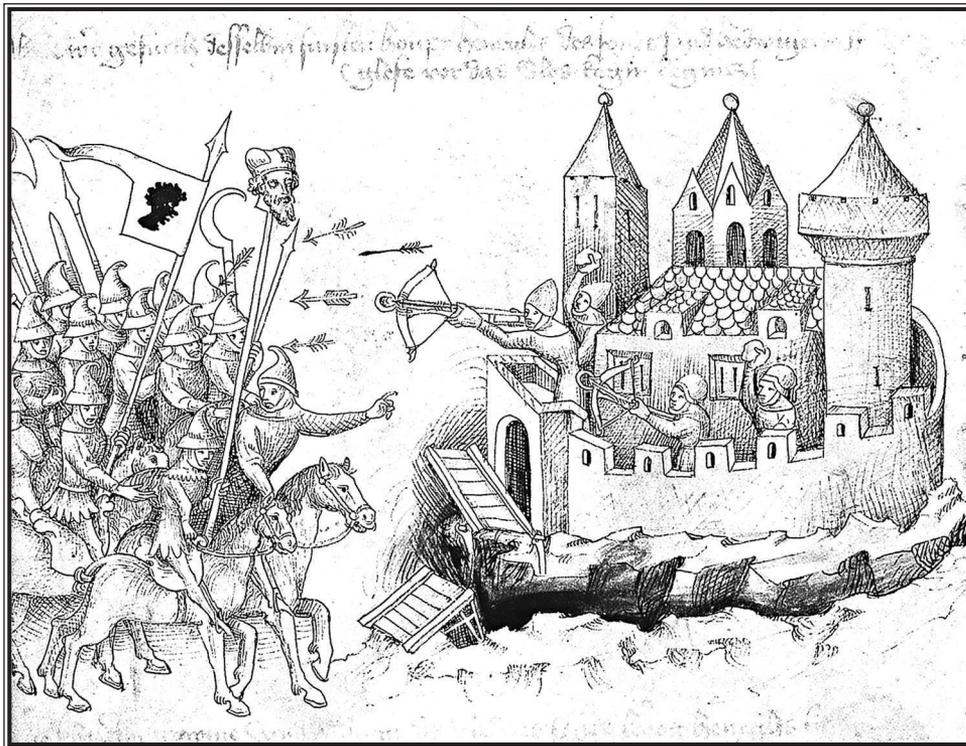
Татарам очень хотелось, чтобы Василько принял их обычай и воевал вместе с ними, но ростовский князь не ел, не пил, чтобы не оскверниться пищей поганых, укоризнами отвечал на их убеждения, и раздосадованные варвары наконец убили его. Летописец очень хвалит этого князя: был он красив лицом, имел ясный и вместе грозный взгляд, был необыкновенно храбр, отважен на охоте, сердцем легок, до бояр ласков; боярин, который ему служил, хлеб его ел, чашу пил и дары брал, тот боярин никак не мог быть у других князей — так Василько любил своих слуг.

От Сити татары пошли к юго-западу, осадили Торжок, били в него пороками две недели и наконец взяли 23 марта, истребили всех жителей. От Торжка пошли Селигерским путем, посекая людей, как траву, но не дойдя ста верст до Новгорода остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь.

На этой дороге Батый был задержан семь недель у города Козельска, где княжил один из Ольговичей, молодой Василий; жители Козельска решились не сдаваться татарам. «Хотя князь наш и молод, — сказали они, — но положим живот свой за него и здесь славу, и там небесные венцы от Христа Бога получим». Татары разбили наконец городские стены и взошли на вал, но и тут встретили упорное сопротивление: горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки и убили 4000 неприятелей, пока сами все не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи. Что случилось с князем Василием, неизвестно: одни говорят, что он утонул в крови, потому что был еще молод. С тех пор, прибавляет летописец, татары не смели называть Козельск настоящим его именем, а называли *злым городом*.

По взятии Козельска Батый отправился в степи, в землю половецкую, и разбил здесь хана Котьяна, который с 40 тыс.

¹ Рязанский князь послал сначала к Батью сына своего Федора, у которого хан стал просить жены-красавицы. Федор отстал и был убит. Жена его, услышав об этом, ринулась вместе с малюткой-сыном с высоких хором и убила до смерти, и проч. (Примеч. автора.)



Монголы атакуют город Лигнице, удерживаемый войском немцев и поляков. 1241 год.

Средневековая миниатюра. 1451 г.

Битва при Легнице (ныне город на западе Польши) 9 апреля 1241 г. стала одним из ключевых сражений западного похода монголов 1236—1242 гг. В этом сражении сошлись войска под командованием монгольского военачальника, внука Чингисхана Байдара и объединенное польско-немецкое войско князя Генриха Благочестивого. Как это практически всегда происходило в средневековых сражениях, силы сторон можно оценить лишь приблизительно: историки полагают, что монголов было от 8—9 до 25—30 тыс., а противостояли им от 12—13 до 35—40 тыс. человек.

Битва закончилась полным разгромом польско-немецкой армии, она понесла огромные потери, был убит в том числе и Генрих Благочестивый.

Нужно отметить, что сведения о якобы имевшей место победе воеводы Ярослава из Штернберка над монголами при Ольмуце (Оломоуце), передаваемые в том числе и С. М. Соловьевым, являются мистификацией XIX в. Ее автором был Вацлав Ганка, чешский филолог и славист, деятель национально-освободительного движения, составивший подложные Краледворскую и Зеленогорскую рукописи.

своего народа удалился в Венгрию, где получил земли для поселения. В следующем, 1239 году татарские толпы снова явились на северо-востоке, взяли землю мордовскую, повоевали по Клязьме, пожгли город Гороховец, принадлежавший владимирской Богородичной церкви. Весть о новом их нашествии нагнала такой ужас, что жители городов и сел бежали, сами не зная куда. На этот раз, впрочем, татары не шли далее Клязьмы на северо-востоке, но зато путем Половецким явились в пределах Южной Руси, взяли и сожгли Переяславль Южный, половину жителей истребили, других повели в плен.

В то же время Батый отправил отряд войска и на Чернигов; на помощь осажденным явился двоюродный брат Михаила Мстислав Глебович, но потерпел поражение и убежал в Венгрию. Чернигов был взят и сожжен, но епископ был пощажён: так уже обозначилось обычное отношение татар — уважать религию каждого народа и ее служителей.

По взятии Чернигова племянник Батыя, сын Угэдэя Менгу приехал к Песочному городку на левый берег Днепра, против Киева, чтобы посмотреть на этот город; по словам

летописца, татарин удивился красоте и величию Киева и отправил послов к князю Михаилу и гражданам склонять их к сдаче; но те не послушались, и послы были убиты.

В 1240 году явился Батый под Киевом; окружила город и «остолпила сила татарская», по выражению летописца: киевлянам нельзя было расслышать друг друга от скрипа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей. Батый поставил пороки подле Лядских ворот, потому что около этого места были дебри; пороки били беспрестанно, день и ночь, и выбили наконец стены, тогда граждане взошли на остаток укреплений и все продолжали защищаться; тысяцкий Димитрий был ранен, татары овладели и последними стенами и расположились провести на них остаток дня и ночь.

Но в ночь граждане выстроили новые деревянные укрепления около Богородичной церкви, и татарам на другой день нужно было брать их опять с кровопролитного боя. Киевляне спешили спастись с именем своим на церкви, но стены церковные рухнули под ними от тяжести, и татары окончательно овладели Киевом 6 декабря; раненого Димитрия Батый не велел убивать за его храбрость.

Весть о гибели Киева послужила знаком к отъезду князей — Михаила в Польшу к Конраду, Даниила в Венгрию. Узнав об этом, Батый двинулся на Волынь; подойдя к городу Ладыжину на Буге он поставил против него 12 пороков и не мог разбить стен; тогда льстивыми словами начал уговаривать граждан к сдаче, те поверили его обещаниям, сдались и были все истреблены. Потом взят был Каменец, Владимир, Галич и много других городов, обойден один Кременец по своей неприступности.

Страх напал на Западную Европу, когда узнали о приближении татар к границам католического мира. Известия об ужасах, испытанных Русью от татар, страшные рассказы об их дикости в соединении с чудесными баснями об их происхождении и прежних судьбах распространялись по Германии и далее на запад. Рассказывали, что татарское войско занимает пространство на 20 дней пути в длину и 15 в ширину, огромные табуны диких лошадей следуют за ними, что татары вышли прямо из ада и потому наружностью не похожи на других людей.

Весной 1241 года Батый перешел Карпаты и поразил венгерского короля на реке Солоной (Сайо); король убежал в Австрию, и владения его были опустошены. Еще прежде другой отряд татар опустошил волость Сандомирскую; потом татары перешли Вислицу, поразили двух польских князей и в конце апреля вторглись в Нижнюю Силезию. Здешний герцог Генрих вышел к ним навстречу у Легницы, пал в битве, и уже татарам открыт был путь через Лузацкие долины к Эльбе во внутренность Германии, как день спустя после Легницкой битвы перед ними явились полки чешского короля Вячеслава. Татары не решились вступить во вторичную битву и пошли назад в Венгрию; на этом пути опустошили Силезию и Моравию, но при осаде Ольмюца потерпели поражение от чешского воеводы Ярослава из Штернберка и удалились поспешно в Венгрию. Отсюда в том же году они попытались вторгнуться в Австрию, но здесь загородило им дорогу большое ополчение под начальством короля чешского Вячеслава, герцогов Австрийского и Коринтийского; татары опять не решились вступить в битву и скоро отхлынули на восток.

Западная Европа была спасена, но соседняя со степями Русь, европейская Украина, надолго подпала влиянию татар. Чтобы впоследствии вернее определить степень этого влияния, мы должны теперь познакомиться с нравами и бытом этих последних азиатских владык восточной европейской равнины. Мы будем пользоваться известиями западных путешественников, сводя их с восточными известиями, нам доступными.

По этим известиям, наружностью своей новые завоеватели нисколько не походили на других людей: большее, чем у других племен, расстояние между глазами и щеками, выдавшиеся скулы, приплюснутый нос, маленькие глаза, небольшой рост, редкие волосы на бороде — вот отличительные черты их наружности. Жен татарин имеет столько, сколько может содержать, женятся не разбирая родства, не берут за себя только мать, дочь и сестру от одной матери; жен покупают дорогой ценой у родителей последних.

Живут они в круглых юртах, сделанных из хвороста и тонких жердей, покрытых войлоком; наверху находится отверстие для освещения и выхода дыма, потому что посередине юрты всегда у них разведен огонь. Некоторые из этих юрт легко разбираются и опять складываются, некоторые же не могут разбираться и возятся на телегах как есть, и куда бы ни пошли татары, на войну или так куда-нибудь, всюду воз-

ят их за собой. Главное богатство их состоит в скоте: верблюдах, быках, овцах, козах и лошадях; у них столько скота, сколько нет во всем остальном мире.

Верят в одного бога, творца всего видимого и невидимого, виновника счастья и бедствий. Но этому богу они не молятся и не чествуют его, а приносят жертвы идолам, сделанным из разных материалов наподобие людей и помещаемым против дверей юрты; под этими идолами кладут изображение соснов, считая их охранителями стад. Боготворят также умерших ханов своих, изображениям которых приносят жертвы, и творят поклоны, смотря на юг; обожают солнце, луну, воду и землю.

Нет ни одного народа в мире, который бы отличался таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары. Бранятся они редко между собой и никогда не дерутся; воров у них нет, и потому юрты и кибитки их не запираются; друг с другом общительны, помогают в нужде; воздержанны и терпеливы: случится день, два не поесть — ничего; поют и играют, как будто бы сытно пообедали, легко переносят также холод и жару; жены их целомудренны на деле, но некоторые невоздержанны на непристойные слова. Любят пить, но и в пьяном виде не бранятся и не дерутся.

Описав добрые качества татар, западный путешественник минорит Иоанн Плато Карпини переходит к дурным; прежде всего поразила его в них непомерная гордость, презрение ко всем другим народам: «Мы видели, — говорит он, — при дворе ханском великого князя русского Ярослава, сына царя грузинского и многих других владетельных особ — и ни одному из них не было воздаваемо должной почести; приставленные к ним татары, люди незначительные, всегда брали перед ними первое место. Татары сколько обходительны друг с другом, столько же раздражительны, гневливы с чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы, свирепы: убить человека им ничего не стоит; наконец, очень неопрятны».

Джованни Плато Карпини (ок. 1182—1252) — французский монах, дипломат и путешественник, первым из европейцев посетивший Монгольскую империю. В 1246 г. он побывал в столице Орды, городе Сарае, где встречался с Батыем, затем посетил кочевую ставку близ Каракорума, где получил аудиенцию у только что избранного великим ханом Гуюка. В 1247 г. Карпини благополучно возвратился в Рим. Описание своего путешествия он оставил в книгах «История монголов, именуемых нами татарами» и «Книга о татарах».

По законам Чингисхана смертная казнь назначалась за 14 преступлений: за супружескую неверность, воровство, убийство и, между прочим, за то, если кто убьет животное не по принятому обычаю, и др.

Между детьми от жены и наложницы нет у них различия; однако наследником престола считался младший сын, которого мать была знатнее по происхождению своему всех других ханш; младший сын считался охранителем домашнего очага, он поддерживал семью в случае, если старшие будут убиты на войне.

Мужчины ничем не занимались, кроме стрельбы, да еще немного заботились о стадах, большую же часть времени проводили на охоте и в стрельбе, потому что все они от мала до велика хорошие стрелки: дети с двух или трех лет начинают ездить верхом и стрелять в цель. Девушки и женщины ездят верхом, как мужчины, носят луки и стрелы; на женщинах ле-

жат все хозяйственные заботы. Вообще женщины пользовались уважением, шадить их по возможности было законом. Ханши имели сильное влияние на дела, им принадлежало регентство; в торжественных случаях подле хана сидела и жена его или жены, даже магометанин Узбек садился по пятницам на золотом троне, окруженный справа и слева женами.

Касательно военного устройства Чингисхан определил, чтобы над каждым десятком человеками был один начальник, десятник; над десятью десятниками начальствовал сотник; над десятью сотниками — тысячник; над десятью тысячами — особый начальник, а число войска, ему подчиненного, называлось *тьмою*; сторожевые отряды назывались *караулами*. Беглецы с поля битвы (если только бегство не было всеобщим) все умерщвлялись; если из десятка один или несколько храбро бились, а остальные не следовали их примеру, то последние умерщвлялись; если из десятка один или несколько были взяты в плен, а товарищи их не освободили, то последние также умерщвлялись.

Каждый татарин должен иметь лук, колчан, наполненный стрелами, топор и веревки, для того чтобы тащить осадные машины. Богатые сверх того имеют кривые сабли, шлемы, брони и лошадей также защищенных; некоторые делают брони для себя и для лошадей из кожи, некоторые вооружаются также копьями; щиты у них хворостяные.

Вступая в неприятельскую землю, татары посылают передовые отряды, которые ничего не опустошают, но стараются только убивать людей или обратить их в бегство; за ними следует целое войско, которое, наоборот, истребляет все на своем пути. Если встретится большая река, то переправляются сидя на кожаных мешках, наполненных пожитками и привязанных к лошадиным хвостам.

Завидев неприятеля, передовой отряд бросает в него по три или четыре стрелы и если замечает, что не может одолеть его в схватке, обращается в бегство, чтобы заманить преследующего неприятеля в засаду. На войне это самый хитрый народ, и не мудрено: больше сорока лет ведут они беспрестанные войны. Вожди не вступают в битву, но стоят далеко от неприятелей, окруженные детьми и женщинами на лошадях. Иногда сажают на лошадей чучела, чтобы казались больше войска.

При осаде крепостей разбивают стены машинами, бросая стрелы в осажденных, и не перестают бить и биться ни днем, ни ночью, чтобы не давать нисколько покоя последним, а сами отдыхают, потому что один отряд сменяет другой; бросают на крыши домов жир убитых людей и потом греческий огонь, который от того лучше горит; отводят реки от городов или, наоборот, наводняют последние, делают подкопы; наконец, огораживают свой стан, чтобы быть безопасными от стрельбы неприятелей, и долгой осадой принуждают последних к сдаче.

При этом они стараются сперва обещаниями уговорить граждан покориться, и когда те согласятся, то говорят им: «Выходите, чтобы, по своему обычаю, мы могли пересчитать вас». И когда все жители выйдут из города, то спра-

шивают, кто между ними знает какое-нибудь искусство, и тех сохраняют, остальных же убивают, кроме тех, которых выбирают в рабы, но при этом лучшие, благодородные люди никогда не дожидаются от них пощады. По приказанию Чингисхана не должно шадить имущества и жизни врагов, потому что плод пощады — сожаление.

Мир заключают они только с теми народами, которые соглашаются признать их господство, потому что Чингисхан завещал им покорить по возможности все народы. Условия, на которых татары принимают к себе в подданство какой-нибудь народ, суть следующие: жители подчиненной страны обязаны ходить с ними на войну по первому востребованию, потом давать десятину от всего, от людей и от вещей, берут они десятого отрока и девицу, которых отводят в свои кочевья и держат в рабстве, остальных жителей перечисляют для сбора подати.

Требуют также, чтобы князья подчиненных стран являлись без замедления в Орду и привозили богатые подарки хану, его женам, тысячникам, сотникам — одним словом, всем, имеющим какое-нибудь значение; некоторые из этих князей лишаются жизни в Орде; некоторые возвращаются, но оставляют в заложниках сыновей или братьев и принимают в свои земли баскаков, которым как сами князья, так и все жители обязаны повиноваться, в противном случае по донесению баскаков является толпа татар, которая истребляет ослушников, опустошает их город или страну. Не только сам хан или наместник его, но всякий татарин, если случится ему приехать в подчиненную страну, ведет себя в ней как господин¹, требует все, чего только захочет, и получает.

Во время пребывания в Орде у великого хана Плано Карпини заметил необыкновенную терпимость последнего относительно чуждых вероисповеданий; терпимость эта была предписана законом: в самом семействе хана были христиане; на собственном иждивении содержал он христианских духовных греческого исповедания, которые открыто отправляли свое богослужение в церкви, помещавшейся перед его большой палаткой.

Другой западный путешественник, минорит Рубрук², сам был свидетелем, как перед ханом Менгу совершали службу сперва христианские несторианские духовные, потом мульты магометанские, наконец языческие жрецы.

Рубрук описывает также любопытный спор, происшедший по ханскому приказанию между проповедниками трех религий — христианской, магометанской и языческой. Рубрук, защищавший христианство против языческого жреца, позван был после того к хану, который сказал ему: «Мы, татары, веруем во единого бога, которым живем и умираем. Но как руке бог дал различные пальцы, так и людям дал различные пути к спасению: вам бог дал Писание, и вы его не соблюдаете; нам дал колдунов, мы делаем то, что они нам говорят, и живем в мире». По уставу Чингисхана и Октая, подтвержденному впоследствии, служители всех религий были освобождены от платежа дани.

¹ До сих пор у нас народ называет татар князьями, но теперь уже больше дразнят их этим именем; мальчишки, сделав из поли свиное ухо, бегут за татаринном и кричат: «Князь! Князь!» (Примеч. автора.)

² Гильом де Рубрук (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник, который в 1253—1255 гг. по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам и описал его в книге «Путешествие в восточные страны».



ГЛАВА 17

Ярослав Всеволодович на севере. — Его поездки к татарам и смерть. — Войны с литвой, шведами и ливонскими рыцарями. — Деятельность Александра Ярославича Невского. — Отношения между сыновьями Ярослава — Александром и Андреем. — Татарская перепись. — Движение против татар. — Смерть Александра Невского. — Внешние войны. — Продолжение борьбы с литвой и немцами. — События в Юго-Западной Руси.

Узнав о гибели великого князя, старший по нем брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, другому, Ивану — Стародуб северный.

Татары¹ оставляли в покое только те народы, которые признавали над собой их власть. Противиться им не было средств у владимирского князя: мы видели, какой ужас напал на жителей при вести о вторичном появлении татар в русских пределах; надобно было покориться, надобно было изъявить эту покорность лично перед ханом — и Ярослав отправился в Орду к Батью, который раскинул свой стан на берегу Волги.

Батый, по словам летописца, принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе». Известный уже нам путешественник, монах Плано Карпини встретился с Ярославом в Орде; невелика была, по его словам, честь, которой пользовался здесь старший князь русский, но все же эта честь была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее место перед всеми другими владельцами.

Тот же путешественник оставил нам некоторые подробности и о смерти великого князя, последовавшей в 1246 году. Ярослава позвали к матери великого хана, которая, как бы желая оказать честь русскому князю, дала ему есть и пить из собственных рук. Но возвратившись от ханши Ярослав заболел и через семь дней умер, причем тело его удивительным образом посинело, почему все и думали, что ханша отравила его, дабы татары могли свободно владеть Русью. Доказательством служит еще и то, прибавляет Плано Карпини, что ханша поспешила отправить посла в Россию к сыну Ярославову Александру с обещанием дать ему отцовское наследство, если придет к ней, но Александр не поехал.

Догадка Плано Карпини о причине отравления Ярослава невероятна, ибо смерть одного Ярослава не переменила дел на севере, следовательно, не могла быть полезна для татар, которым надобно было истребить всех князей, для того чтобы свободно владеть Россией.

Известия наших летописей проливают новый, хотя не ясный свет на событие: по этим известиям виной смерти Ярославовой была крамола его соотечественников, именно какого-то Федора Яруновича, который оклеветал великого князя; но трудно предположить, чтобы Ярунович действовал здесь лично от себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава в Орде была явлением, одинаковым со смертью других князей русских там же, была следствием наговора родичей, следствием родовых княжеских усобиц.

В то время как на востоке русские князья принуждены были ездить с поклоном к ханам степных варваров, на западе шла борьба с сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде татар. Самым сильным ударом с трех сторон Новгород и Псков подверглись с 1240 года; они выдержали их и этим преимущественно обязаны были сыну великого князя Ярослава, Александру, который стал княжить у них один после отца с 1236 года.

В Швеции борьба между готским и шведским владетельными домами, окончившаяся в 1222 году, усилила власть вельмож, между которыми первое место занимал род Фолькунгов, владевший наследственно достоинством *ярла*. Могущественный представитель этой фамилии Биргер, побуждаемый папскими посланиями, предпринял крестовый поход против Руси.

Как скоро пришла в Новгород весть, что шведы явились в устье Ижоры и хотят идти на Ладогу, то Александр не стал дожидаться ни полков отцовских, ни пока соберутся все силы Новгородской волости, и с небольшой дружиной выступил против неприятеля и 15 июля нанес ему поражение, за которое получил славное прозвание Невского.

¹ Быть может, некоторые упрекнул меня за это название, которое ведет к смешению разноплеменных народов, ибо народ, известный теперь у нас под именем татар, принадлежит к турецкому племени. Но, во-первых, смешение безвредно, потому что различие всем известно; во-вторых, нельзя выкинуть из русской истории слова, которыми предки наши исключительно называли своих поработителей; и древние, и настоящие русские люди не знают монголов, а знают только татар. (Примеч. автора.)



Великий князь Александр Ярославич Невский.

Гравюра. XIX в.

Новгородцы любили видеть Александра в челе дружин своих, но недолго могли ужиться с ним как с правителем, ибо Александр шел по следам отцовским и дедовским: в год Невской победы он выехал из Новгорода, рассорившись с жителями. А между тем немцы опять с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск; псковичи вышли к ним навстречу и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича, а немцы по следам бегущих подступили к Пскову, пожгли посады, окрестные села и целую неделю стояли под городом.

Приверженцы противной стороны бежали в Новгород, который остался без князя, а между тем немцы не довольствовались Псковом: вместе с чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей и, намереваясь стать твердой ногой в Новгородской волости, построили крепость в Копорьем погосте; по берегам Луги побрали всех лошадей и скот; по селам нельзя было земли пахать, да и нечем; по дорогам в тридцати верстах от Новгорода неприятель бил купцов.

Тогда новгородцы послали в низовую землю к Ярославу за князем, и тот дал им другого сына своего, Андрея; но надобен был Александр, а не Андрей: новгородцы подумали и отправили опять владыку с боярами за Александром. Приехав в Новгород в 1241 году, Александр немедленно пошел на немцев к Копорью, взял крепость, гарнизон немецкий привел в Новгород, часть его отпустил на волю, только изменников вожан и чудь перевешал. Но нельзя было так скоро освободить Псков; только в следующем 1242 году,

съездив в Орду, Александр выступил к Пскову и взял его, причем погибло семьдесят рыцарей со множеством простых ратников, шесть рыцарей взяты в плен и замучены, как говорит немецкий летописец.

После этого Александр вошел в Чудскую землю, во владения ордена. Войско последнего встретило один из русских отрядов и разбило его наголову. Когда беглецы принесли Александру весть об этом поражении, то он отступил к Псковскому озеру и стал дожидаться неприятеля на его льду, который 5 апреля был еще крепок.

На солнечном восходе началась знаменитая битва, слышавшая в наших летописях под именем Ледового побоища. Немцы и чудь пробилась свиньей (острой колонной) сквозь русские полки и погнала уже бегущих, как Александр обогнал врагов с тыла и решил дело в свою пользу; была злая сеча, говорит летописец, льда на озере стало не видно, все покрылось кровью; русские гнали немцев по льду до берега на расстоянии семи верст, убили у них 500 человек, а чудь бесчисленное множество, взяли в плен 50 рыцарей. «Немцы, — говорит летописец, — хвалились: возьмем князя Александра руками, а теперь их самих Бог предал ему в руки». Когда Александр возвращался в Псков после победы, то пленных рыцарей вели пешком подле коней их; весь Псков вышел навстречу к своему избавителю, игумны и священники со крестами.

Но оставалась еще Литва: в 1245 году толпы литовцев явились около Торжка и Бежецка; в Торжке в это время



В. П. Верещагин. Александр Невский в Орде.

Иллюстрация из альбома «История Государства Российского в изображениях державных его правителей». 1896 г.

сидел возвратившийся, вероятно после мира, из Ливонии князь Ярослав Владимирович; он погнался было с новоторжцами за литвой, но потерпел поражение, потерял всех лошадей, потом новоторжцы и Ярослав погнались опять вместе с тверичами и дмитровцами; на этот раз литовцы были разбиты под Торопцом, и князья их вбежали в город.

Но утром на другой день приспел Александр с новгородцами, взял Торопец, отнял у литовцев весь плен и перебил князей их, больше восьми человек. Новгородские полки возвратились от Торопца, но Александр с одним двором своим погнался опять за литовцами, разбил их снова у озера Жизца, не оставил в живых ни одного человека, побил и остаток князей. После этого он отправился в Витебск, откуда, взяв сына, возвращался назад, как вдруг наткнулся опять на толпу литовцев подле Усвята; Александр ударил на неприятелей и снова разбил их.

Так были отбиты со славою все три врага Северо-Западной Руси. Александр не мог долго оставаться здесь, ибо дела на востоке переменились со смертью отца. Еще в 1242 г. Невский ездил в Орду, потому что Батый прислал сказать ему: «Мне покорил бог многие народы, неужели ты один не хочешь покориться моей державе? Если хочешь сберець землю свою, то приходи поклониться мне и увидишь честь и славу царства моего». Летописец говорит, что хан, увидев Александра, сказал своим вельможам: «Все, что мне ни говорили о нем, все правда: нет подобного этому князю».

По смерти отца Александр отправился к Батюю вместе с братом Андреем; с берегов Волги поехали они, по обычаю, в Татарию.

Но раздел между Ярославичами не был мирен: есть известие, что Александр с Андреем имели в Орде большой спор, кому быть во Владимире, кому — в Киеве, и хан отдал Киев Александру, а Владимир — Андрею, основываясь на завещании покойного великого князя Ярослава.

Но Александр как старший не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство над Киевом относительно старшинства, давно уже киев-

ские князья не могли быть без владимирских; теперь особенно, когда Южная Русь была опустошена, когда Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестно. Вот почему Невский мог считать себя вправе сердиться на младшего брата, видеть в нем хищника прав своих (1249 г.). Как бы то ни было, Андрей два года спокойно сидел во Владимире; Александр, по некоторым известиям, хотел идти в Киев, но был удержан новгородцами, представившими ему опасность от татар на юге.

В 1250 году Андрей вступил в тесную связь с Даниилом Галицким, женившись на его дочери; а в 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этой вести сказал: «Что это, Господи! Покуда нам между собой ссориться и наводить друг на друга татар? Лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им». Собрав войско, он вышел против Неврюя, но был разбит и бежал в Новгород, не был там принят и удалился в Швецию, где был принят с честью.

Татары взяли Переяславль, захватили здесь семейство Ярослава, брата Андреева, убили его воеводу, попленили жителей и пошли назад в Орду. Александр приехал княжить во Владимир; Андрей также возвратился на Русь и помирился с братом, который помирил его с ханом и дал в удел Суздаль. ...

В 1255 году умер Батый¹, ему наследовал сын его Сартак, или Сертак, скоро умерший, и Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге, или Берке. По воцарении этого нового

¹ Ему приписывается основание Сарая, столицы Волжской, Золотой Орды, или Джучиева улуса; основание города полагается между 1242 и 1254 годом; местоположение его в урочище Царевы Воды, около и на месте нынешнего города Царева. (Примеч. автора.)

хана, в 1257 году, по русским известиям, происходила вторая перепись: приехали численники, сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятников, сотников, тысячников и темников; не считали только игуменов, чернецов, священников и клирошан. Подобная же перепись происходила одновременно во всех странах, подвластных татарам, и везде служители всех религий, исключая еврейских раввинов, были освобождены от подати.

В Новгороде после вести о переписи все лето продолжалось смятение; а зимой убили посадника Михалка. Вслед за этим приехал в Новгород великий князь с татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги¹; новгородцы не согласились, дали дары для хана и отпустили послов с миром; сам Василий, сын Невского, был против дани, следовательно, против воли отцовской, и выехал в Псков, как только отец приехал в Новгород; Александр выгнал его оттуда и отправил в Суздальскую область, а советников его наказал жестоко.

Целый следующий год, однако, прошел без слухов о требованиях татарских, но в 1259 г. приехал с Низу (из Суздальской области) Михайла Пинешинич с ложным посольством. «Если не согласитесь на перепись, — говорил он новгородцам, — то уже полки татарские в Низовой земле». Новгородцы испугались и согласились, но когда зимой приехал Александр и с ним «окаянные татары-сыроядцы» с женами, то опять встал сильный мятеж. Татары испугались и начали говорить Александру: «Дай нам сторожей, а то убьют нас», и князь велел их стеречь по ночам сыну посадничью со всеми детьми боярскими. Татарам наскучило дожидаться. «Дайте нам число, или побегим прочь», — говорили они.

Но в Новгороде и в этом случае, как в предыдущем, высказались две враждебные сословные партии: одни граждане никак не хотели дать числа. «Умрем честью за святую Софию и за дома ангельские», — говорили они. Но другие требовали согласия на перепись и наконец осилили, когда Александр с татарами съехал уже с Городища. И начали ездить окаянные татары по улицам, переписывая дома христианские. Взяв число, татары уехали; вслед за ними отправился и князь Александр, оставивший в Новгороде сына Димитрия.

Понятно, что в Орде не могли спокойно снести этого события, и полки татарские уже посланы были пленить христиан. Тогда Александр, чтобы отомстить людям от беды, отправился в четвертый раз в Орду; как видно, он успел в своем деле благодаря, быть может, персидской войне, которая сильно занимала хана Берке.

Но это было уже последним делом Александра: большой поехал он из Орды, проведя там всю зиму, и по дороге, в Городце Волжском, умер 14 ноября 1263 года, «много потрудившись за землю Русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение отдавая живот свой и за правоверную веру». Соблюдение Русской земли от беды на востоке, знаменательные подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории — от Мономаха до Донского.

Знаком этой памяти и славы служит особое сказание о подвигах Александровых, дошедшее до нас вместе с летописями, написанное современником и, как видно, человеком близким к князю. Великий князь Александр Ярославич, говорит автор сказания, побеждал везде, а сам не был

нигде побежден; приходил в Новгород от западных стран знаменитый рыцарь, видел Александра и, возвратясь в свою землю, рассказывал: «Прошел я много стран и народов, но нигде не видал такого ни в царях царя, ни в князьях князя»; такой же отзыв сделал об нем и хан.

Когда Александр после отцовской смерти приехал во Владимир, то был грозен приезд его, промчалась весть о нем до самых устьев Волги, и жены моавитские начали страшить детей своих: «Молчи, великий князь Александр едет!»

Однажды явились к нему послы из великого Рима от папы, который велел сказать Александру: «Слышали мы о тебе, князь, что ты честен и дивен, и велика земля твоя: поэтому прислали мы к тебе от двенадцати кардиналов двоих хитрейших — Галда и Гемонта, да послушаешь учения нашего». Александр, подумав с мудрецами своими, описал папе все случившееся от сотворения мира до Седьмого вселенского собора, прибавив: «Все это мы знаем хорошо, но от вас учения не принимаем».

Идя по следам отцовским, Александр передавал много золота и серебра в Орду на выкуп пленных. Митрополит Кирилл был во Владимире, когда узнал о смерти Александра; он так объявил об этом народу: «Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце земли Русской», и все люди завопили в ответ: «Уже погибаем!»

После мира 1242 года немцы десять лет не поднимались на Русь; только в 1253 году, ободренные удачными войнами с Литвой, они нарушили договор, пришли под Псков и сожгли посад, но самих их много псковичи били, говорит летописец. Видно, впрочем, что осада крепости тянулась до тех пор, пока пришел полк новгородский на выручку; тогда немцы испугались, сняли осаду и ушли. В Новгороде в это время было спокойно, и потому решились не довольствоваться освобождением Пскова, а идти пустошить Ливонию: пошли за Нарову и положили пусту немецкую волость; корелы также ей много зла наделали. Псковичи со своей стороны не хотели оставаться в долгу, пошли в Ливонию и победили немецкий полк, вышедший к ним навстречу. Тогда немцы послали в Псков и Новгород просить мира на всей воле новгородской и псковской и помирились.

В 1262 г. собрались князья идти к старой отчине своей, к Юрьеву. Этот поход замечателен тем, что здесь в первый раз видим русских князей в союзе с литовскими для наступательного движения против немцев. Русские князья — брат Невского Ярослав и сын Дмитрий с Миндовгом литовским, Тройнатом жмудским и Тевтивилом полоцким уговорились ударить вместе на орден. Миндовг явился перед Венденом, но тщетно дожидаясь русских и возвратился назад, удовлетвовавшись одним опустошением страны. Когда ушла литва, явились русские полки и осадили Юрьев; немцы сильно укрепили его. «Был город Юрьев тверд, — говорит летописец, — в три стены, и множество людей в нем всяких, и оборону себе пристроили на городе крепкую». Посад был взят приступом, сожжен; русские набрали много полону и товара всякого, но крепости взять не могли и ушли назад.

Прежний великий князь Андрей Ярославич недолго пережил брата своего: он умер весной 1264 года. Сохранилось известие, что Андрей по смерти Александра снова хотел занять стол владимирский, но что брат его Ярослав перенес дело на решение хана, и тот утвердил Ярослава. Зимой Ярослав отправился во Владимир, а оттуда в Орду, оставя в Новгороде наместником Андрея Вратиславича, а во Пскове князя Айгуста литовского. В 1272 году Ярослав умер на возвратном пути из Орды.

¹ Тамга — налог, взимавшийся монголами с продаваемых товаров.

В 1276 году умер великий князь Василий и был он погребен в своей отчине, Костроме; с ним прекратилось первое поколение потомства Ярослава Всеволодовича, и старшинство со столом владимирским перешло по старине к старшему сыну Невского, Димитрию Александровичу переяславскому.

Касательно ордынских отношений по смерти Невского: в 1266 году кончилось первое, самое тяжелое двадцатипятилетие татарского ига; в этом году, говорят летописи, и умер хан Берке и была ослаба Руси от насилия татарского; Берке был первым ханом, который принял магометанство, и поэтому неудивительно читать в летописях, что какой-то Изосим принял ислам в угодность татарскому баскаку. Берке наследовал Менгу-Тимур, внук Батыея от второго сына его Тутукана. В 1275 году происходила вторичная перепись народа на Руси и в Новгороде.

На западе по-прежнему шла борьба с Литвой и немцами. В Литве в это время произошли усобицы, вследствие которых прибежал во Псков один из литовских князей, именем Довмонт, с дружиной и с целым родом, принял крещение под именем Тимофея и был посажен псковитянами на столе св. Всеволода: здесь в первый раз видим то явление, что русский город призывает к себе в князья литвина вместо Рюриковича, явление любопытное, потому что оно объясняет нам тогдашние понятия и отношения, объясняет древнее призвание самого Рюрика, объясняет ту легкость, с какой и другие западные русские города в это время и после подчинялись династии литовских князей. Псковичи не ошиблись в выборе: Довмонт своими доблестями, своей ревностью по новой вере и новом отечестве напомнил Руси лучших князей ее из рода Рюрикова — Мстиславов, Александра Невского.

Поехал князь Довмонт с псковичами на литву и победил. В следующем, 1267 году новгородцы с Довмонтом и псковичами ходили на Литву и много повоевали; в 1275 году русские князья ходили на Литву вместе с татарами и возвратились с большой добычей. В 1268 году новгородцы собрались было опять на Литву, но по дороге раздумали и пошли за Нарову к Раковору (Везенберг), много земли попустошили, но города не взяли и, потеряв 7 человек, возвратились домой.

Тогда новгородцы сыскали мастеров, умеющих делать стенобитные орудия, и начали чинить пороки на владычнем дворе. Новгородцы выступили в поход под предводительством семи князей, в числе которых был и Довмонт с псковичами. В январе месяце вошли они в немецкую землю и начали опустошать ее, по обычаю. В одном месте русские нашли огромную непроходимую пещеру, куда спрятались множество чуди; три дня стояли полки перед пещерой и никак не могли добраться до чуди; наконец один из мастеров, который был при машинах, догадался пустить в нее воду: этим средством чуди принуждена была покинуть свое убежище и была перебита.

От пещеры русские пошли дальше к Раковору, но когда достигли реки Коголы 18 февраля, то вдруг увидели перед собой немецкие полки, которые стояли как лес дремучий, потому что собралась вся земля немецкая, обманув новгородцев ложной клятвой. Русские, однако, не испугались, пошли к немцам за реку и начали ставить полки: псковичи стали по правую руку; князь Димитрий Александрович с переяславцами и с сыном великого князя Святославом стали по правую же руку повыше; по левую стал другой сын великого князя, Михаил, с тверичами, а новгородцы стали в лице железному полку против великой «свиньи» и в таком порядке схватились с немцами.

Было побоище страшное, говорит летописец, какого не видали ни отцы, ни деды. Русские сломили немцев и гнали их семь верст вплоть до города Раковора. Но дорогою стоила им эта победа: посадник с тринадцатью знаменнейшими гражданами полегли на месте, много пало и других добрых бояр, а черных людей без числа.

В следующем, 1269 году магистр пришел под Псков с силой тяжкой: 10 дней стояли немцы под городом и с уроном принуждены были отступить; между тем явились новгородцы на помощь и погнались за неприятелем, который успел, однако, уйти за реку и оттуда заключить мир на всей воле новгородской.

Оставалось покончить с датчанами ревельскими, и в том же году сам великий князь Ярослав послал сына Святослава в Низовую землю собирать полки; собрались все князья, и бесчисленное множество войска пришло в Новгород; был тут и баскак великий владимирский, именем Амраган, и все вместе хотели выступить на Кольвань. Датчане испугались и прислали просить мира: «Кланяемся на всей вашей воле, Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте». Новгородцы подумали и заключили мир на этих условиях.

Обратимся теперь к Юго-Западной Руси. Плано Карпини, проехавший через древнюю собственную Русь (Киевскую область) в 1245 году, говорит, что он во все продолжение пути находился в беспрестанном страхе перед литовцами, которые начали опустошать теперь и Приднепровье благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита, или взята в плен татарами; Киев после Батыева опустошения сделался ничтожным городком, в котором едва насчитывалось домов с двести, жители находились в страшном рабстве; по окрестностям путешественники находили бесчисленное множество черепов и костей человеческих, разбросанных по полям. Таким образом, Русь находилась между двумя страшными врагами, татарами с востока и Литвой с запада, которые не замедлят вступить в борьбу за нее.

Но у Руси оставался еще знаменитый князь, под знаменем которого она могла с успехом отстаивать свою независимость, хотя и тут, разумеется, собственная Русь не могла играть по-прежнему первенствующей роли: Киев уже потерял свое первенствующее значение, перешедшее теперь к богатой области Прикарпатской, отчине знаменитого правнука Изяслава Мстиславича. Но к этой волости перешло также роковое преимущество Киевского княжества быть предметом усобиц между Мономаховичами и Ольговичами: несмотря на татарское опустошение, за Галич продолжали бороться двое представителей обеих враждебных линий — Даниил Романович Мономахович и Михаил Всеволодович Ольгович.

Даниил еще до взятия Киева Батыем поехал в Венгрию, но был дурно принят королем, который отказался выдать дочь за его сына. Даниил выехал из Венгрии, но, встретив на дороге толпы народа, спасавшегося бегством от татар, должен был возвратиться назад; потом, услышав, что брат, жена и дети спаслись в Польшу, отправился и сам туда же, по дороге соединился с семейством и вместе с ним поехал к Кондратову сыну Болеславу, который дал ему на время Вышгород, где Даниил и пробыл до тех пор, пока узнал, что татары вышли из его волости.

В Галиче ждали Даниила прежние неприятности: когда он подъехал к городу Дрогоичину, то наместник тамошний не позволил ему войти в город; другие города были опусто-

шены; из Бреста нельзя было выйти в поле от смрада гниющих трупов; во Владимире не осталось ни одного живого человека; Богородичный собор и другие церкви были наполнены трупами.

Между тем и Михаил черниговский с сыном Ростиславом возвратились из Польши, где также скрывались от татар, и проехали мимо Владимира к Пинску, не дав знать Романовичам о своем приезде, чем явно выказывали вражду к ним; из Пинска Михаил отправился в Киев и жил под этим городом на острове, а сын его Ростислав поехал княжить в Чернигов. Но Ростислав черниговский не думал отставать от своих враждебных намерений: соединившись с изменником Даниловым, боярином Владиславом, и с рязанским изгнанником, братоубийцей, князем Константином Владимировичем, овладел Галичем, однако был скоро выгнан оттуда Романовичами и спасен от дальнейшего преследования только вестью, что татары вышли из Венгрии и идут на землю Галицкую.

Через три года (в 1245 г.) Ростислав, женившийся между тем на дочери короля Венгерского, пришел с тестевым войском опять на волость Даниила, разбил бояр последнего, но был выгнан самим Даниилом. Через некоторое время Ростислав с полками венгерскими и польскими вошел в последний раз в землю Галицкую и осадил Ярославль. Во время сильных боев перед городом венгры и поляки укрепили свой лагерь, чтобы не терпеть никакого вреда от осажденных до тех пор, пока не будут готовы осадные машины. Ростислав хвастался перед войском своим: «Если бы я знал только, где Даниил и Василько, то поехал бы на них с десятью человеками». Он устроил воинскую игру перед городом и, сражаясь с каким-то Воршем, упал с лошади и вывихнул себе плечо — «примета была не на добро», замечает летописец.

Даниил и Василько, услышав о его приходе, помолились Богу и стали собирать войска. На реке Сане произошла последняя кровопролитная битва между Мономаховичами и Ольговичами; перед сражением, говорит летописец, пролетела над полком стая птиц хищных, орлов и воронов, и стали птицы играть, клектать и плавать по воздуху — это знамение было на добро.

Между тем поляки, подняв страшный крик, двинулись на Васильку; с ними был сам Ростислав, а в заднем полку стоял с хоругвью известный венгерский воевода Филя; он по-прежнему хвастался и укорял Русь. «Русские, — говорил он своим, — горячо наступают, но долго не выдерживают боя, стоит нам только выдержать их первый натиск». Даниил бросился на выручку брату, попался было в плен, вырвался, выехал из полков, но потом возвратился опять, ударил на Филю, смаял полк его, разодрал хоругвь пополам; увидав это, Ростислав побежал, а за ним и все венгры.

Мы оставили Васильку, ожидавшего нападения поляков, которые кричали друг другу: «Погоним длинные бороды!» — «Лжете, — прокричал им в ответ Василько, — Бог помощник нам», и с этими словами, прищпорив коня, двинулся к ним навстречу. Поляки не выдержали натиска и обратились в бегство. Даниил, гоня венгров и русь Ростиславу через дебри, сильно тужил, не зная, что делается с братом, как вдруг увидел хоругвь его и самого князя, гонящего поляков; Даниил остановился на могиле против города и подождал брата, с которым стал советоваться: продолжать ли преследование? Василько отговорил его гнаться дальше.

Поражение неприятелей было полное: множество венгров и поляков было побито и взято в плен, в числе пленных находился гордый Филя, схваченный Андреем дворским,

и знаменитый изменник галицкий, боярин Владислав: оба казнены были в тот же день вместе со многими другими венгерскими пленниками.

Ярославская победа окончательно утверждала Даниила на столе галицком: с этих пор никто из русских князей уже не беспокоил его более своим соперничеством; венгры также оставили свои притязания. Должны были успокоиться и внутренние враги народа, бояре, не имея более возможности крамолить, не находя соперников сыну Романову.

Но сколько славен был для Даниила 1249 год, столько же тяжек следующий, 1250-й. От татар пришло грозное слово: «Дай Галич!» В глубокой грусти оба Романовича стали думать: что делать? В чистом поле не было возможности сопротивляться татарам, городов не успели укрепить; наконец, Даниил сказал: «Не отдам пол-отчины моей, лучше поеду сам к Батюю».

В Переяславле, стольном городе прадеда своего Мономаха, он уже встретил татар. Упомянутые выше западные путешественники рассказывают о тяжком впечатлении, которое произвело на них первое знакомство с татарами, показавшимися им какими-то демонами; такое же тяжелое впечатление произвели татары и на Даниила, по свидетельству летописца: варварские обряды, суеверия внушали глубокое отвращение сыну Романову, с ужасом думал он, что все приходящие к хану подчиненные владельцы должны исполнять эти обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, луне, земле, дьяволу, умершим, находящимся в аде предкам их ханским.

К счастью, Батый не потребовал от него исполнения суеверных обрядов: когда Даниил при входе в вежу поклонился, по татарскому обычаю, то Батый встретил его словами: «Данило! Зачем так долго не приходил? Но все хорошо, что теперь пришел. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?» — «До сих пор не пил, — отвечал Даниил, — но теперь, если велишь, буду пить». — «Ты уже наш татарин, — продолжал Батый, — пей наше питье». Даниил выпил, поклонился, по их обычаю, и, сказав хану, что следовало о делах своих, попросил позволения идти к ханше. Батый сказал: «Иди». Князь пошел поклониться ханше; потом Батый прислал к нему вина, велел сказать: «Не привыкли вы пить молоко, пей вино».

Пробыв 25 дней в Орде, Даниил достиг цели своей поездки: хан оставил за ним все его земли. Приехав в Русь, он был встречен братом и сыновьями, и был плач о его обиде, говорит летописец, но еще больше радовались, что увидели его опять здоровым. Даниил мог немного утешиться немедленным полезным следствием своей поездки к хану: король Венгерский, испуганный не столько Ярославской победой, сколько благосклонностью Батюя к Даниилу, тотчас же прислал к последнему с предложением мира и родственного союза, который прежде отверг. Даниил изъявил сперва сомнение в искренности короля, но митрополит Кирилл съездил в Венгрию и уладил дело: Лев Данилович женился на дочери королевской, и Даниил отдал королю венгерских пленников, взятых при Ярославле.

Но чем спокойнее было княжение Даниила внутри, чем славнее становился он между соседними государями европейскими, тем тягостнее была для него злая честь татарская, и он стал искать средств к свержению ига. С одними средствами Галича и Волыни нельзя было и думать об этом; сломить могущество татар, отбросить их в степи можно было только с помощью новых крестовых походов, с помощью союза всей Европы или по крайней мере всей восточной ее



Коронация Миндовга.

Гравюра из книги Леонарда Ходько «Полония». 1824 г.

половины. Но о крестовом союзе католических государств нельзя было думать без главы Римской церкви, от которого должно было исйти первое, самое сильное побуждение; князь русский мог быть принят в этот союз только в качестве сына Римской церкви. И вот Даниил завязал сношения с папой Иннокентием IV о соединении церквей.

Легко понять, как обрадовался папа предложению галицкого князя; письмо за письмом, распоряжение за распоряжением следовали от его имени по случаю присоединения Галицкой Руси. Но с самого начала обнаружилось, что связь с Римом не будет продолжительна: время крестовых походов прошло, папа не имел уже прежнего значения, не мог своими буллами подвинуть целую Европу против Востока: в 1253 году он писал ко всем христианам Богемии, Моравии, Сербии и Померании об отражении татарских набегов на земли христианские и проповедовании крестового похода, но это послание не произвело никакого действия; то же в следующем году писал он к христианам Ливонии, Эстонии и Пруссии — и так же безуспешно.

Вместо помощи против татар папа предлагал Даниилу королевский титул в награду за соединение с Римской церковью. Но Даниила не мог прельстить королевский титул. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подашь мне помощь?» — приказывал отвечать он папе. На следующий год послы явились опять с короной и обещанием помощи; Даниил, не полагаясь на пустые обещания, не хотел сперва и тут принимать короны, но мать и князя польские уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганых». С другой стороны, папа проклинал тех, которые хулили православную

веру греческую, и обещал созвать собор для рассуждения об общем соединении церквей.

Даниил короновался в Дрогичине, но событие это осталось без последствий. Видя, что от папы не дождаться помощи, Даниил прервал с ним всякие сношения¹, не обращая внимания на укоры Александра IV; впрочем, титул королевский остался навсегда за князем Галицким.

Ближайшим соседом Данииловым в Приднепровье был баскак Куремса, не могущий внушить большого страха галицкому князю, так что в 1257 году последний решился предпринять наступательное движение против татар и побрал все русские города, непосредственно от них зависевшие. В 1259 году войско Куремсы явилось у Владимира, но было отбито жителями, сам Куремса не мог взять Луцка, потому что сильный ветер относил от города камни, бросаемые татарами из машин.

Но в 1260 году вместо Куремсы явился другой баскак, Бурундай, с которым не так легко было управиться. Бурундай прислал сказать Даниилу: «Я иду на Литву. Если ты мирен с нами, то ступай со мной в поход». Опечаленный Даниил сел думать с братом и сыном: они хорошо знали, что если Даниил сам поедет к Бурундаю, то не воротится с добром за явную войну с Куремсой, и потому решили, что Василько поедет за брата. Василько отправился, на дороге встретил отряд литовцев, разбил их и привез *сүйгам* (трофеи) к Бурундаю. Это понравилось татарину, он похвалил Василька,

¹ Основной причиной стало то, что в 1255 г. сменивший Иннокентия IV папа Александр IV разрешил литовскому князю Миндовгу воевать Русскую землю.

поехал с ним вместе воевать Литву и после войны отпустил домой.

Но этим дело не закончилось. В следующем, 1261 году Бурундай опять прислал сказать Романовичам: «Если вы мирны со мной, то встретьте меня, а кто не встретит, тот мне враг». Опять поехал к нему Василько, взяв с собой племянника Льва и владыку холмского Ивана (на Руси узнали уже, что монголы уважают служителей всех религий). Татарин встретил их сильной бранью, так что владыка Иван стоял ни жив ни мертв от страха; наконец Бурундай сказал Васильку: «Если вы со мной мирны, то разметьте все свои города».

Надобно было исполнить приказание: Лев разметал Данилов, Истожек, послал и Львов разметать, а Василько послал разрушить укрепления Кременца и Луцка. Владыка Иван отправлен был ими к Даниилу с вестью о гневе Бурундай; Даниил испугался и уехал сперва в Польшу, потом в Венгрию, а между тем Бурундай вместе с Васильком приехал к Владимиру и приказал разрушить городские укрепления. Василько видел, что такие обширные укрепления нельзя скоро разрушить, и потому велел зажечь их, и горели они целую ночь. Сжегши свой город, Василько на другой день должен был угощать Бурундай в беззащитном Владимире, но татарину и этого было мало: он потребовал, чтобы рвы городские были раскопаны, и это было исполнено.

Из Владимира Бурундай и Василько приехали к Холму, любимому городу короля Даниила; город был затворен, в нем сидели бояре и люди добрые с пороками и самострелами, так что взять его не было никакой надежды у Бурундай и он стал говорить Васильку: «Это город брата твоего, ступай, скажи гражданам, чтобы сдались». Василько поехал, а при нем три татарина и толмач, знавший русский язык, — слушать, о чем Василько будет говорить с холмовцами.

Но Василько догадался, как сделать — набрал в руки камней и, подъехав к стенам, начал кричать главным боярам: «Константин холоп и ты другой холоп, Лука Иваныч! Это город брата моего и мой, сдавайтесь!» — и, сказав это, три раза ударил камнем об землю, давая этим знать, чтобы не сдавались, а бились с татарами. Константин, стоя на забралах, увидел знак, понял его смысл и отвечал Васильку: «Ступай прочь, если не хочешь, чтобы ударили тебя камнем в лицо, ты уже не брат королю, а враг ему». Татары, бывшие с Васильком, рассказали Бурундаю ответ Константина, и тот, не смея приступить к Холму, отправился пустошить Польшу, а оттуда возвратился в степи.

Но если Даниил не имел успеха в борьбе с Востоком, зато он вознагражден был счастливой борьбой со своими европейскими соседями. Здесь первое место занимает его борьба с Литвой, в которой произошли важные перемены, имевшие решительное влияние на судьбы Юго-Западной Руси. До сих пор литовцы, подобно соплеменникам своим пруссам, были разъединены, повиновались многим князьям; такое разъединение, не препятствуя литовцам собираться многочисленными толпами и опустошать соседние страны, препятствовало единству, постоянству в движениях, не могло сообщать этим движениям завоевательного, прочного характера. Для этого нужно было единовластие. И вот в то время, как пруссы гибли от меча немецких рыцарей и теряли свою народность вследствие разъединения, среди литовцев, значительно усиленных, без сомнения, прусскими беглецами, явились князья, которые начали стремиться к единовластии; самым замечательным из них был Миндовг.

Характер Миндовга ручался за успех дела в варварском обществе: этот князь был жесток, хитер, не разбирая средств

для достижения цели, никакое злодейство не могло остановить его. Но где нельзя было действовать силой, там он сыпал золото, употреблял обман¹.

Миндовг крестился, и папа был в восторге: он принял литовского князя, по обычаю, под покровительство святого Петра, писал к ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил епископу Кульмскому венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископа. Но Миндовг принял христианство точно так же, как пруссы принимали его под мечом рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться к отцовской вере. «Крещение его было лъстиво, — говорит летописец, — потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Миндовг ждал случая отвергнуть новую веру и прервать связь с орденом или, лучше сказать, зависимость от него; он долго выказывал себя перед рыцарями ревностным христианином, послушным сыном папы, союзником ордена, уступил последнему значительные земли; мало того, завещал ему всю Литву в случае своей беспотомственной смерти. А между тем толпы литовцев в 1259 году вторглись в Курляндию и пустошили там орденские владения. Отряд тевтонских рыцарей вышел к ним навстречу, и на берегах реки Дурбы произошла битва, которая служила печальным предвестием для ордена: литовцы одержали блистательную победу и отпраздновали ее сожжением пленных рыцарей в жертву богам.

Эта победа Литвы служила знаком к волнению пруссов, подстрекаемых, как говорят, Миндовгом; а в 1260 году, в условленный день, вспыхнуло повсеместное восстание. Миндовг еще медлил, все выжидал, наконец, видя, что час пробил, решился действовать открыто: отрекся от христианства и королевского титула, вступил с войском в Пруссию и страшно опустошил ее.

Такие успехи не могли быть перевешены неудачей, которую литовцы в последнее время потерпели от Василька волынского, и летописец говорит, что Миндовг начал сильно гордиться и не признавал себе никого равным. В 1262 году умерла у него жена, о которой он очень жалел. У покойной была сестра за Довмонтом, князем нальшанским; Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Но когда та приехала, то он стал говорить ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтобы другая детей ее не мучила, — и женился на свояченице. Муж последней, Довмонт, озлобившись за это на Миндовга, стал думать, как бы убить его, но открыто сделать этого не мог, потому что сила его была мала, а Миндовгова велика.

В 1263 году Миндовг послал все свои войска за Днепр, на князя Романа Брянского, и Довмонт находился также в этом ополчении. Усмотря удобное время, он объявил другим вожакам, что волхвы предсказывают ему дурное, и потому не может продолжать поход; возвратившись назад, он немедленно отправился ко двору Миндовга, застал

¹ Подобная характеристика Миндовга со стороны С. М. Соловьева характерна для российской историографии XIX столетия. На самом деле Миндовг в своей борьбе за власть внутри страны и противостоянии с внешними врагами не отличался каким-то особым коварством по сравнению с другими правителями, в том числе и с русскими князьями, и в целом проявлял недюжинные дипломатические способности.

его врасплох и убил вместе с двумя сыновьями. Тогда начал действовать единственный оставшийся в живых сын Миндовга Воишелк: когда он узнал о смерти отца, то с пинским войском отправился в Новогрудек и, взяв здесь другие полки, пошел в Литву, где был принят с радостью отцовскими приверженцами.

Таким образом, отношения литовские при жизни Даниила кончились с явной выгодой для Руси: Миндовга не было больше, а сын его Воишелк, обязанный утверждением своим в Литве русскому войску, признал зависимость свою от брата Даниилова, ибо таково значение слов, что он назвал Василька «отцом и господином».

С таким же успехом шла борьба и с другим соседним варварским народом — ятвягами: в 1248 году ятвяги потерпели сильное поражение от Василька Романовича при Дрогичине, потеряли сорок князьков своих. В 1251 году отправились на ятвягов оба Романовича с поляками и половцами, перешли болота и вошли в страну их, причем поляки не утерпели, зажгли первую весь. Романовичи сильно рассердились на них за это, потому что пожар дал весть варварам о рати.

Ятвяги собрались всей землей и, как видно, зная о гнев Даниила на поляков, прислали сказать ему: «Оставь нам поляков, а сам ступай с миром из земли нашей». Даниил не согласился.

Ятвяги отступили. Даниил также возвратился в свою землю, избавив от плена многих христиан, которые пели победителям славные песни; как видно, эти песни имели влияние и на рассказ летописца.

Так Даниил достиг того, что начал отец его, Роман Великий: тот заставлял дикарей расчищать землю под пашни, Даниил заставил их строить города в земле своей; торжество галицкого князя над ятвягами было торжеством гражданственности над варварством в Восточной Европе, и торжество это тем замечательнее, что в описываемое время цивилизирующее племя само находилось под гнетом азиатских варваров. В 1257 году Даниил послал боярина взять дань с ятвягов черными куницами, белками и серебром; часть дани послана была польскому воеводе: «Пусть узнает вся земля Польская, что ятвяги платят дань королю Даниилу».

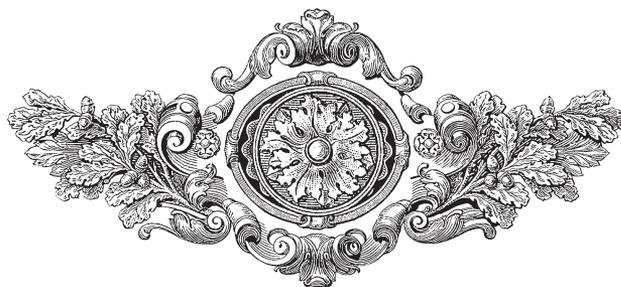
В 1254 году Даниил предпринял поход в землю Опавскую (Троппау), сколько для короля Венгерского, говорит лето-

писец, столько же и для славы, потому что ни один князь русский, ни Святослав Храбрый, ни Владимир Святой, не воевал земли Чешской.

Король Даниил недолго пережил разрушение своих надежд на успешную борьбу с татарами; он умер между 1264—1266 годами¹; таким образом, почти в одно время Восточная Европа лишилась троих знаменитейших своих владетелей: в Руси Северной не стало Александра Невского, в Южной — Даниила, в Литве — Миндовга. Нетрудно заметить сходство в деятельности обоих князей русских — Невского и короля Даниила: оба прославились воинскими подвигами на западе и оба должны были поникнуть перед монголами, причем неудача предприятий Даниила служит самым лучшим объяснением постоянной покорности Александра и выставляет с выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III. Легко заметить, как оба князя, представители — один Северной, другой Южной — Руси, представители двух долго враждебных линий Мономахова племени, остаются верны каждой своей стране и своему племени по личному характеру своему, несмотря на известное сходство в характере их деятельности.

Даниил сделал для Южной Руси все, что можно было ожидать от него при тех тяжелых обстоятельствах, которым мог быть в уровень только князь, талантливый подобно Даниилу и подобно Даниилу испытанный бедствиями, с ранней молодости не знавший покоя. Крепости скрыты по приказанию татарского баскака, но Холм сбережен, и вообще отношения монгольские не так тяжки на юге, гроза Бурундаева прошла как-то мимо. Литва и ятвяги в зависимости, среди соседних христианских государств Русь получила важное место с признанным необходимым влиянием, чему много способствовало то, что главная сцена действия перенесена была с востока, из области днепровской, на запад, в область днестровскую.

Но кроме подвигов внешних, Даниил прославился особенно внутренней распорядительностью: после монгольского опустошения успел привести свою землю в цветущее состояние, населил, обустроил города, усилил промышленность, торговлю. При этом должно заметить, однако, что Даниил, населяя города свои, наполнил их немцами, поляками, армянами, жидами, что не могло не иметь влияние на будущую судьбу страны.



¹ Согласно современным данным, Даниил Галицкий скончался в 1264 г.



ГЛАВА 18

Исчезновение прежних понятий о праве старшинства. — Отношения к татарам, шведам, немцам и Литве. — Дела на юго-западе.

Мы достигли того времени, когда прежние понятия о праве старшинства исчезают; великие князья показывают ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получив область Владимирскую, старается увеличить свою собственность за счет других княжеств. Вот почему мы видим теперь восстания князей на великого с поправлением всех старинных прав, родовых отношений.

Касательно внешних отношений, в описываемое время мы видели, что татары опустошали Северную Русь, помогая враждующим князьям, как прежде половцы пустошили Южную. В 1277 году русские князья Андрей городецкий, Глеб ростовский с сыном и племянником, Федор ярославский, будучи в Орде у хана Менгу-Тимура, должны были вместе с ним отправиться в поход против ясов, взяли их город Деяков и возвратились с честью и дарами от хана.

Деяков (Дедеяков, Тетяков, Тютяков) — средневековый аланский («яский» в летописях) город на Северном Кавказе, упоминаемый в русских летописных источниках. Первое упоминание встречается в Симеоновской летописи в рассказе о походе русских князей в союзе с татарами на Северный Кавказ. Впоследствии историк и публицист М. М. Шербатов и историк В. Н. Татищев в «Истории Российской» утверждали, что Деяков находился на территории Молдавии. Большинство современных исследователей полагают, что Деяков располагался на территории Северного Кавказа, скорее всего в Южном Дагестане или Северной Осетии, однако точное определение пока не увенчалось успехом.

В следующем году Федор ярославский и Михаил, сын Глеба ростовского, ходили опять с татарами на войну. В том же году татары приходили на Рязань и, наделав много зла, возвратились домой. Через десять лет встречаем новое известие о нападении татар на Рязань и Муром. В 1293 году был тяжк для Твери царевич татарский; в Ростове в 1290 г. жители встали вечем на татар и разграбили их.

На западе продолжалась прежняя борьба новгородцев со шведами, новгородцев и псковичей с немцами и Литвой. В 1283 году шведы вошли Невой в Ладожское озеро, перебили новгородцев — обонежских купцов, ладожане вышли к ним навстречу и бились, но счастливы ли, неизвестно; в следующем году такое же новое покушение шведов, хотевших взять дань на кореле, но на этот раз новгородцы и ладожане встретили врагов в устье Невы, побили их и заставили бежать.

Шведы, однако, не отстали от своего намерения и в 1300 году вошли в Неву с большой силой, привели мастеров из своей земли и из Италии и поставили город при устье Охты, утвердили его твердостью несказанной, по словам летописца, поставили в нем пороки и назвали в похвалу *Венцом земли* (Ландскрона). Маршал Торкель Кнутссон¹, правивший Швецией в малолетство короля Биргера, сам присутствовал при постройке Ландскроны и оставил в нем сильный гарнизон с воеводой Стеном.

Против такой опасности нужно было вооружиться всеми силами, и вот в следующем году сам великий князь Андрей с полками низовыми и новгородскими подступил к Ландскроне: город был взят, раскопан, гарнизон частью истреблен, частью отведен в неволю. Шведам не удалось утвердиться в новгородских владениях; также неудачна была и попытка датчан из Ревеля поставить город на русской стороне Наровы в 1294 году: новгородцы пожгли город, и в 1302 году заключен был мир, за которым новгородские послы ездили в Данию.

Псков продолжал бороться с Ливонским орденом. В 1298 году Довмонт в другой раз отбил от него немцев. Это был последний его подвиг, в 1299 году он умер, много пострадав (потрудившись) за св. Софию и за св. Троицу (т. е. за Новгород и за Псков) — лучшая похвала князю от летописца: литовский выходец сравнялся ею с Мономахом. Летописец прибавляет, что Довмонт был милостив безмерно, священников любил, церкви украшал, нищих миловал, все праздники честно проводил, за сирот, вдов и всяких обиженных заступался.

¹ *Торкель (Торгильс Торгильс) Кнутссон* (?—1306) — шведский государственный и военный деятель, маршал в последние годы правления короля Магнуса Ладулоса, после смерти которого управлял государством от имени малолетнего короля Биргера Магнуссона.



Магистр и рыцарь-меченосец Ливонского ордена.

Историческая реконструкция. XIX в.

Ливонский орден (Братство рыцарей Христа Ливонии) являлся отделением (ландмейстерством) Тевтонского ордена в Ливонии (территории современных Латвии и Эстонии). Был создан в 1237 г. и имел широкую автономию. В середине XVI столетия в ходе Ливонской войны, в которой участвовали Ливонская конфедерация, Русское царство, Великое княжество Литовское (с 1569 года — Речь Посполитая), Шведское и Датское королевства, орден потерпел ряд тяжелых поражений и в 1561 г. был ликвидирован.

Неприятельские действия литвы против Новгородской области ограничились в описываемое время одним опустошением берегов Ловати в 1285 году; но в следующем году литовцы напали на Олешню, церковную волость тверского владыки: тверичи, москвичи, волочане, новгородцы, дмитровцы, зубчане, ржевичи соединились, догнали разбойников, побили их, отняли добычу, взяли в плен князя.

Князей Юго-Западной Руси — Льва Даниловича галицкого и двоюродного брата его, Владимира Васильковича вольнского, — занимали преимущественно отношения польские, литовские и татарские. С литовским князем Тройденом Владимир Василькович воевал целый 1274 год мелкой войной; потом Тройден взял город Дрогичин у Льва Даниловича; Лев послал к хану Менгу-Тимуру за помощью, татары пришли, а это значило, что все русские князья должны идти с ними вместе, и пошли на Литву Лев, Мстислав, Владимир, Роман брянский с сыном Олегом, Глеб смоленский, князья пинские и туровские.

В 1276 году толпы пруссов, спасаясь от притеснений ордена, явились к литовскому князю с просьбой о помещении: Тройден одну часть их посадил в Гродне, а другую в Слониме. Владимиру и Льву это соседство показалось опасным; они послали рать свою к Слониму и взяли пруссов. За это Тройден послал воевать около Каменца (Литовского); Владимир отомстил ему взятием Турийска Неманского. Борьба на этот раз кончилась, и летописец говорит, что оба князя — Тройден и Владимир — «начали жить в большой любви».

На этот раз татары не дали русским и литовским князьям пожить в мире. В 1277 году Ногай прислал к русским князьям грамоту: «Вы все мне жалуетесь на Литву, так вот вам войско и с воеводой, ступайте с ним на своих врагов». Зимой пошли русские князья Мстислав, Владимир и Юрий Львович на Литву к Новогрудку, но когда пришли они к Бресту, то получили весть, что татары опередили их. Тогда князья стали думать: «Что нам идти к Новогрудку? Там татары все уже извоевали; пойдем куда-нибудь к целому месту» — и пошли к Гродно.

Минув Волковскийск, они остановились ночевать, и тут Мстислав с Юрием тайком от Владимира послали лучших своих бояр и слуг с воеводой Тьюмой воевать окрестную страну. Те, повоевав, расположились также на ночлег вдалеке от главной рати, сторожей не расставили и доспехи сняли. Тогда один переметчик убежал от них прямо в город и объявил жителям: «Там-то и там-то на селе люди лежат безо всякого порядка». Пруссы и борты выехали из города и ударили на сонных русских: половину избili, другую повели пленными в город, а Тьюму повезли на санях, потому что был тяжело ранен.

На другой день, когда главная рать подошла к городу, прибежал к ней один из посланных с Тьюмой, наг и бос, и объявил о поражении своих. Князья, погоревав, начали промышлять, как бы взять город: перед ним стояла высокая каменная башня, где заперлись пруссы и стрельбой своей никак не давали приблизиться к городу. Русские поэтому приступили сперва к башне и взяли ее, тогда страх напал на горожан; они стояли как мертвые на забралах, потому что вся их надежда была на башню, стали рядиться с осаждающими и порешили на том, что русские не будут брать города, за что осажденные выдали им всех бояр, взятых в плен ночью.

Татары же в 1287 году водили русских князей и на поляков: Телебуга¹ послал звать с собой в поход всех князей вольнских и заднепровских. Князья, каждый на границе своей волости, встречали хана с напитками и дарами; они боялись, что татары перебьют их и города возьмут себе. Этого не случилось, но насилиям татарским в городах и по волости не было конца. Телебуга, отправившись в Польшу, оставил около Владимира отряд татар кормить любимых коней своих; эти татары опустошили всю землю Владимирскую, не давали никому выйти из города за съестными припасами: кто выедет, тот непременно будет или убит, или схвачен, или ограблен, и от того в городе Владимире померло людей бесчисленное множество. Пробыв десять дней в Польше, Телебуга на возвратном пути остановился в Галицком княжестве на две недели и опустошил его точно так же, как татары его опустошили Вольнское.

¹ Имеется в виду *Тула-Буга* (?—1291) — праправнук Джучи-хана, хан Улуса Джучи (Золотой Орды) в 1287—1291 гг.



ГЛАВА 19

Соперничество между Михаилом Ярославичем тверским и Юрием Даниловичем московским. — Вызов Михаила в Орду и убийство его. — Юрий получает ярлык на великое княжение. — Дмитрий Михайлович тверской усиливается против него в Орде. — Дмитрий убивает Юрия и сам убит по ханскому приказу. — Продолжение борьбы у Новгорода со шведами, у Пскова с ливонскими немцами. — Иоанн Данилович Калита княжит в Москве. — Митрополит Петр утверждает свой престол в Москве. — Истребление татар в Твери. — Калита с татарами опустошает Тверское княжество. — Александр спасается сперва в Пскове, а потом в Литве. — Александр вызывается в Орду и умерщвляется там. — Московский князь примыкает к своей волости. — Судьба Ростова и Твери. — Смерть Калиты и его духовные грамоты. — Усиление Литвы на западе.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу тверскому, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий Данилович московский — правнуком, и отец его Даниил не держал старшинства. Но мы уже видели, что место родовых споров между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрий московский был также силен, если еще не сильнее Михаила тверского, и потому считал себя вправе быть ему соперником. Когда Михаил отправился в Орду за ярлыком, то и Юрий поехал туда же.

Между тем в Орде решился спор между князьями другим образом; когда Юрий приехал в Орду, то князья татарские сказали ему: «Если ты дашь *выходу* (дани) больше князя Михаила тверского, то мы дадим тебе великое княжение». Юрий обещал дать больше Михаила, но тот надбавил еще больше; Юрий отказался, и Михаил получил ярлык.

Юрий недаром жил в Орде; он умел сблизиться с семейством хана и женился на сестре его, Кончаке, которую при крещении назвали Агафьей. Ханский зять вернулся в Русь с сильными послами татарскими, из которых главным был Кавгадый.

Войска Юрия пошли в Тверскую волость и сильно опустошили ее; послы Кавгадыя ездили в Тверь, к Михаилу, «с лестью», по выражению летописца, но мира не было, и в 40 верстах от Твери при селе Бортенева произошел сильный бой, в котором Михаил остался победителем; Юрий с небольшой дружиной успел убежать в Новгород, но жена его, брат Борис, многие князья и бояре остались пленными в руках победителя. Жена Юрия не возвратилась в Москву: она умерла в Твери, и пронесся слух, что ее отравили. Этот слух был выгоден Юрию и опасен для Михаила в Орде, и когда тверской князь отправил в Москву посла Александра Марковича с мирными предложениями, то Юрий убил посла и поехал в Орду с Кавгадыем, со многими князьями, боярами и новгородцами.

В августе 1318 года Михаил отправился в Орду, и когда был во Владимире, то явился туда к нему посол из Орды, именем Ахмыл, и сказал ему: «Зовет тебя хан, поезжай скорее, поспевай в месяц. Если же не приедешь к сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадый обнес тебя перед ханом, сказал, что не бывать тебе в Орде».

Сыновья его, Дмитрий и Александр, говорили ему: «Батюшка! Не ездь в Орду сам, но пошли кого-нибудь из нас, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнев его пройдет». Михаил отвечал им: «Хан зовет не вас и никого другого, а моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души».

Дав ряд сыновьям, разделив им отчину свою, написав грамоту, Михаил отправился в Орду, настиг хана на устье Дона, по обычаю, отнес подарки всем князьям ордынским, женам ханским, самому хану и полтора месяца жил спокойно; хан дал ему пристава, чтобы никто не смел обижать его. Наконец Узбек вспомнил о деле и сказал князьям своим: «Вы мне говорили на князя Михаила: так рассудите его с московским князем и скажите мне, кто прав и кто виноват». Начался суд; два раза приводили Михаила в собрание вельмож ордынских, где читали ему грамоты обвинительные: «Ты был горд и непокорлив хану нашему, ты позорил посла ханского Кавгадыя, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к немцам с казной и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил». Михаил защищался, но судьи стояли явно за Юрия и Кавгадыя, причем последний был вместе и обвинителем и судьей.

В другой раз Михаила привели на суд уже связанного; потом отобрали у него платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханом, который ехал на охоту; по ночам руки у Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал Псалтирь, то отрок сидел перед ним и переворачивал листы. На дороге отроки говорили Михаилу: «Князь!

Проводники и лошади готовы, беги в горы, спаси жизнь свою». Михаил отказался. «Если я один спасусь,— говорил он,— а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?»

Прошел еще день, и Михаил велел отпеть заутреню, часы, прочел со слезами правило к причащению, исповедался, призвал сына своего Константина, чтобы объявить ему последнюю свою волю, потом сказал: «Дайте мне Псалтирь, очень тяжело у меня на душе». Когда Михаил перестал читать и согнул книгу, вдруг вскочил отрок в вежу, бледный, и едва мог выговорить: «Господин князь! Идут от хана Кавгадый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже!» Михаил тотчас встал и со вздохом сказал: «Знаю, зачем идут — убить меня», — и послал сына своего Константина к ханше.

Юрий и Кавгадый отрядили к Михаилу в вежу убийц, а сами сошли с лошадей на торге, потому что торг был близко от вежи, на перелет камня. Убийцы вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену так, что вежа проломилась; несмотря на то, Михаил вскочил на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце¹.

Вежу разграбили русь и татары, тело мученика бросили нагое. Когда Юрию и Кавгадыю дали знать, что Михаил уже убит, то они приехали к телу, и Кавгадый с сердцем сказал Юрию: «Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?» Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску. Доску привязали к телеге и перевезли в город Маджары². Здесь гости, знавшие покойника, хотели прикрыть тело его дорогими тканями и поставить в церкви с честью, со свечами, но бояре московские не дали им и поглядеть на покойника и с бранью поставили его в хлеве за сторожами; из Маджар повезли тело в Русь, привезли в Москву и похоронили в Спасском монастыре.

В 1320 году Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение и привел с собой молодого князя тверского Константина и бояр его в виде пленников; мать и братья Константина, узнав о кончине Михаила и погребении его в Москве, прислали просить Юрия, чтобы отпустил тело в Тверь; Юрий исполнил их просьбу не прежде, как сын Михаил Александр явился к нему во Владимир и заключил мир, вероятно на условиях, предписанных московским князем.

В том же году Юрий отправил в Новгород брата своего Афанасия и ходил войной на рязанского князя Ивана, с которым заключил мир, а под следующим годом встречаем известие о сборах Юрия на тверских князей. Но войны не было: князь Дмитрий Михайлович отправил к Юрию в Переяславль послов и заключил мир, по которому заплатил московскому князю 2000 рублей серебра и обязался не искать под ним великого княжения.

Две тысячи рублей взяты были для хана; но Юрий не пошел с ними на встречу к татарскому послу, отправился в Новгород, куда вызвали его для дел ратных. Этим воспользовался Дмитрий тверской, поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык на великое княжение; есть известие, что он объяснил хану

всю неправду Юрия и особенно Кавгадыя и что хан велел казнить последнего, а Дмитрию дал великое княжение, узнав от него, что Юрий собирает дань для хана и удерживает ее у себя.

Как бы то ни было, впрочем, Тверь взяла перевес; Юрий видел необходимость идти опять в Орду и усердно просил новгородцев, чтобы проводили его, но по дороге, на реке Урдоме, он был захвачен врасплох братом Дмитрием Александром, казна его была отнята, сам же он едва спасся в Псков, откуда опять приехал в Новгород, ходил с новгородцами на берега Невы, потом в Заволочье и оттуда уже отправился в Орду по Каме, будучи позван послом ханским, в 1324 году. Дмитрий тверской не хотел пускать соперника одного в Орду и поспешил туда сам.

Мы не знаем подробностей о встрече двух врагов; летописец говорит, что Дмитрий убил Юрия, понадеявшись на благоволение ханское. Узбек, однако, сильно осердился на это самоуправство, долго думал, наконец велел убить Дмитрия (1325 г.), но великое княжение отдал брату его Александру. Таким образом, Тверь не теряла ничего ни от смерти Михаила, ни от смерти Дмитрия — в третий раз первенство и сила перешли к ее князю.

На северо-западе продолжалась старая борьба — у Новгорода со шведами, у Пскова с ливонскими немцами. В 1310 году новгородцы в ладьях вошли в Ладожское озеро, в реку Узерву, и построили на пороге новый город, разрушив старый. В следующем году под начальством князя Дмитрия Романовича смоленского они отправились войной за море, в шведские владения, в Финляндию (емь); переехав море, повоевали сначала берега Купецкой реки, села пожгли, людей побрали в плен, скот побили; потом взяли всю Черную реку, за ней подплыли к городу Ваная, город взяли и сожгли; шведы заперлись во внутренней крепости, или детинце, построенном на высокой неприступной скале, и прислали к новгородцам с поклоном просить мира, но те мира не дали и стояли трое суток под городом, опустошая окрестную страну: села большие пожгли, хлеб весь потравили, а из скота не оставили ни рога; потом пошли, взяли места по рекам Кавгале и Перне, выплыли этими реками в море и возвратились в Новгород все здоровы. Шведы отомстили новгородцам сожжением Ладоги в 1313 году.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; на востоке князья заняты усобицами, там идет важный вопрос о том, какому княжеству пересилить все остальные и собрать землю Русскую; Новгород занят также этими усобицами и борьбой со шведами; притом же у него со Псковом начинаются неприятности, переходящие иногда в открытую вражду, причины которой в летописи не высказаны ясно.

Таковы были отношения Северной Руси к соседним народам в первую половину борьбы между Тверью и Москвой до смерти Дмитрия тверского и Юрия московского. Дмитрию наследовал, как мы видели, брат его Александр Михайлович с ярлыком и на великое княжение, Юрию также брат — Иоанн Данилович Калита, остальные братья которого — Александр, Афанасий, Борис — умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, следовательно, княжил один в Московской волости; как видно, он управлял Москвой гораздо прежде смерти Юрия, когда последний находился то в Орде, то в Новгороде.

Еще в 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и переехал на жительство во Владимир. Последний город был столицей великих, или сильнейших, князей только по имени, ибо каждый из них жил в своем наследственном городе. Однако пре-

¹ 22 ноября, в среду, в седьмом часу дня. (Примеч. автора.)

² Маджар (Маджары) — город на Северном Кавказе, в XIII—XVI вв. находившийся в составе Золотой Орды на месте современного Буденновска (бывший город Святой Крест). В период расцвета Маджар был центром пересечения транзитных торговых путей из Закавказья в Северное Причерноморье и Поволжье.

бывание митрополита во Владимире при тогдашнем значении и деятельности духовенства сообщало этому городу вид столицы более, чем предание и обычай. После этого ясно, как важно было для какого-нибудь города, стремившегося к первенству, чтобы митрополит утвердил в нем свое пребывание; это необходимо давало ему вид столицы вся Руси, ибо единство последней поддерживалось в это время единым митрополитом, мало того, способствовало его возрастанию и обогащению, ибо в него со всех сторон стекались лица, имевшие нужду до митрополита, как в средоточие церковного управления; наконец, митрополит должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого имел пребывание. Калита сумел приобрести расположение митрополита Петра, так что этот святитель жил в Москве больше, чем в других местах, умер и погребен в ней.

Но в то время как московский князь утверждением у себя митрополичьего престола приобретал такие важные выгоды, Александр тверской необдуманно поступком погубил себя и все княжество свое. В 1327 году приехал в Тверь ханский посол, именем Шевкал (Чолхан), или Шелкан, как его называют наши летописи, двоюродный брат Узбека, и по обыкновению всех послов татарских позволял себе и людям своим всякого рода насилия.

Вдруг в народе разнесся слух, что Шевкал хочет сам княжить в Твери, своих князей татарских посадить по другим русским городам, а христиан привести в татарскую веру. Трудно допустить, чтобы этот слух был основателен: татары изначала отличались веротерпимостью и по принятии магометанства не были ревнителями новой религии. Узбек, по приказу которого должен был действовать Шевкал, покровительствовал христианам в Кафе, позволил католическому монаху Ионе Валенсу обращаться в христианство ясов и другие народы по берегу Черного моря; он же, как мы видели, выдал сестру свою за Юрия московского и позволил ей креститься.

Еще страшнее был слух, что Шевкал хочет сам сестра на великом княжении в Твери, а другие города раздать своим татарам. Когда пронеслась молва, что татары хотят исполнить свой замысел в Успенев день, пользуясь большим стечением народа по случаю праздника, то Александр с тверичами захотели предупредить их намерение и рано утром, на солнечном восходе, вступили в бой с татарами, бился целый день и к вечеру одолели. Шевкал бросился в старый дом князя Михаила, но Александр велел зажечь отцовский двор, и татары погибли в пламени; купцы старые, ордынские, и новые, пришедшие с Шевкалом, были истреблены, несмотря на то что не вступали в бой с русскими: одних из них перебили, других перетопили, иных сожгли на кострах.

Узбек очень рассердился, узнав об участии Шевкала, и, по некоторым известиям, послал за московским князем, но, по другим известиям, Калита поехал сам в Орду тотчас после тверских происшествий и возвратился оттуда с 50 тыс. татарского войска. Присоединив к себе еще князя суздальского, Калита вошел в Тверскую волость по ханскому приказу; татары пожгли города и села, людей повели в плен и, просто сказать, «положили пугу всю землю Русскую», по выражению летописца; но спаслась Москва, отчина Калиты, да Новгород, который дал татарским воеводам 2000 серебра и множество даров. Александр, услышав о приближении татар, хотел бежать в Новгород, но новгородцы не захотели подвергать себя опасности из-за сына Михаила и приняли наместников Калиты; тогда Александр бежал в Псков, а братья его нашли убежище в Ладогe.



Восстание против татар в Твери в 1327 году.

Миниатора из Лицевого летописного свода. XVI в.

В следующем, 1328 году Калита и тверской князь Константин Михайлович поехали в Орду; новгородцы отправили туда также своего посла. Узбек предоставил великое княжение Калите, Константину Михайловичу дал Тверь и отпустил их с приказом искать князя Александра. И вот в Псков явились послы от князей московского, тверского, суздальского и от новгородцев уговаривать Александра, чтобы ехал в Орду к Узбеку; послы говорили ему от имени князей: «Царь Узбек всем нам велел искать тебя и прислать к нему в Орду. Ступай к нему, чтобы нам всем не пострадать от него из-за тебя одного; лучше тебе за всех пострадать, чем нам всем из-за тебя одного попустошить всю землю».

Александр хотел ехать в Орду, но псковитяне не пустили его, говоря: «Не езд, господин, в Орду. Что бы с тобой ни случилось, умрем, господин, с тобой на одном месте». Придумали другое средство, и придумал его Калита, по свидетельству псковского летописца: уговорили митрополита Феогноста проклясть и отлучить от церкви князя Александра и весь Псков, если они не исполнят требование князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья мои! Не будь на вас проклятия ради меня. Еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей». Псковичи поцеловали крест и отпустили Александра в Литву, хотя очень горьки были им его проводы: тогда, говорит летописец, была во Пскове туга и печаль и молва многая по князю Александру, который добротой и любовью своей пришелся по сердцу псковичам.

Услышав, что Александр уехал из Пскова, Калита заключил с псковичами мир вечный по старине, по отчине и по де-



Великий князь Литовский Гедимин.
Гравюра из «Описания Европейской
Сарматии». 1578 г.

«Описание Европейской Сарматии» было составлено итальянским издателем Алессандро Гваньини в первой половине 1570-х гг. Оно содержит ценные сведения об истории и быте жителей Московского царства, Польши, Великого княжества Литовского, Ливонии и др. стран.

дине, после чего митрополит Феогност с новгородским властью благословили посадника и весь Псков (1329 г.).

Полтора года пробыл Александр в Литве и, когда гроза приутихла, возвратился к жене в Псков, жители которого приняли его с честью и посадили у себя на княжение. Десять лет спокойно княжил Александр в Пскове, но тосковал по своей родной Твери: Псков по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его; относительно же родной области он знал старый обычай, по которому дети изгнанного князя не могли надеяться на наследство. По словам летописи, Александр рассуждал так: «Если умру здесь, то что будет с детьми моими? Все знают, что я убежал из княжества моего и умер на чужбине: так дети мои будут лишены своего княжества».

В 1336 году Александр послал в Орду сына Феодора попытаться, нельзя ли как-нибудь умиловить хана, и узнав, что есть надежда на успех, в 1337 году отправился сам к Узбеку. «Я сделал много зла тебе, — сказал он хану, — но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что бог возвестит тебе». Узбек сказал на это окружавшим: «Князь Александр смиренной мудростью избавил себя от смерти» — и позволил ему занять тверской стол; князь Константин Михайлович волей или неволей уступил княжество старшему брату.

Но возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвой и Тверью: скоро встречаем в летописи известие, что тверской князь не мог поладить с московским и не заключили они между собой мира. Еще прежде видим, что бояре тверские отъезжают от Александра к московскому князю. Спор мог кончиться только гибелью

одного из соперников, и Калита решился предупредить врага: в 1339 году он отправился с двумя сыновьями в Орду, и вслед за этим Александр получил приказ явиться туда же; зов этот последовал *думой* Калиты, говорит летописец. Александр уже знал, что кто-то оклеветал его перед ханом, который опять очень сердит на него, и потому отправил перед собой сына Феодора, а за ним уже отправился сам по новому зову из Орды. Феодор Александрович встретил отца и объявил ему, что дела идут плохо; прожив месяц в Орде, Александр узнал от татар — приятелей своих, что участь его решена. Узбек определил ему смерть, назначили и день казни.

В этот день, 29 октября, Александр встал рано, помолился и, видя, что время проходит, послал к ханше за вестями, сел и сам на коня и поехал по знакомым разузнавать о своей участи, но везде был один ответ, что она решена, что он должен ждать в этот самый день смерти, дома его ждал его посланный от ханши с той же вестью. Александр стал прощаться с сыном и боярами, сделал распоряжение насчет княжества своего, исповедался, причастился; то же самое сделали и сын его Феодор, и бояре, потому что никто из них не думал остаться в живых. Ждали после того недолго: вошли отроки с плачем и объявили о приближении убийц; Александр вышел сам к ним навстречу — и был рознят по составам вместе с сыном.

Калита еще прежде уехал из Орды с великим пожалованием и с честью; сыновья его возвратились после смерти Александра, приехали в Москву с великой радостью и весельем, по словам летописи. Московский князь, став силен и без соперника, спешил воспользоваться этой силой, чтоб *примыслить* сколько можно больше к своей собственности. Начало княжения Калиты было, по выражению летописца, началом насилия для других княжеств, где московский собственник распоряжался своевольно.

Горькая участь постигла знаменитый Ростов Великий: три раза проиграл он свое дело в борьбе с пригородами, и хотя после перешел как собственность, как *опричнина* в род старшего из сыновей Всеволодовых, однако не помогло ему это старшинство без силы; ни один из Константиновичей ростовских не держал стола великокняжеского, ни один, следовательно, не мог усилить свой наследственный Ростов богатыми примыслами, и скоро старший из городов северных должен был испытать тяжкие насилия от младшего из пригородов: «отнялись от князей ростовских власть и княжение, имущество, честь и слава», говорит летописец.

По смерти Александра и Тверь не избежала насилий московских: Калита велел снять от Св. Спаса колокол и привезти в Москву — насилие очень чувствительное по тогдашним понятиям о колоколе вообще, и особенно о колоколе главной церкви в городе.

Калита скоро показал новгородцам, что переменялось только имя и что значение Твери относительно Новгорода перешло к Москве. Но московским князьям нужны были еще прежде всего деньги, чтобы, с одной стороны, задаривать хана, с другой — закупать как можно больше сел и городов в других княжествах. Вот почему Новгород мог еще на некоторое время сохранить свой прежний быт, удовлетворяя денежным требованиям великих князей, усиливая последние за свой счет.

В 1332 году Калита запросил у новгородцев серебра за камского, старинной дани печерской и за отказ взял Торжок, Бежецкий Верх, а в следующем году пришел в Торжок со всеми князьями низовскими и рязанскими и начал опустошать новгородские волости. Новгородцы отправили послов звать великого князя в Новгород, но он их не послушал и, не дав

мира, поехал прочь. Новгородцы отправили за ним новых послов с владыкой Василием, которые нашли Калиту в Переяславле, давали ему пятьсот рублей, только бы отступился от слободы, которую построил на Новгородской земле; много упрашивал его владыка, чтобы помирился, но Калита не послушался его.

С тех пор, говорит летописец, как московский князь Иоанн Данилович стал великим князем, «наступила тишина великая по всей Русской земле и перестали татары воевать ее». Таково было непосредственное следствие усиления одного княжества, Московского, за счет всех других. В одном древнем памятнике деятельность Калиты обозначена тем, что он избавил Русскую землю от воров (татей) — видно, что предки наши представляли себе Калиту установителем тишины, безопасности, внутреннего наряда, который до тех пор постоянно был нарушаем сперва родовыми усобицами княжескими, потом усобицами князей или, лучше сказать, отдельных княжеств для усиления себя за счет всех других, что вело к единовластию. Калита умел воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу с полным торжеством для своего княжества и дал современникам почувствовать первые добрые следствия этого торжества, дал им предвкусить выгоды единовластия, почему и перешел в потомство с именем первого собирателя Русской земли¹.

Калита умер 31 марта 1341 года, не успев окончить дел своих с Новгородом. До нас дошли две его духовные грамоты: между тремя сыновьями и женой поделил он свое движимое и недвижимое имение; старшему, Семену, отдано 26 городов и селений, в числе которых примыслы Юрия Даниловича — Можайск и Коломна; второму сыну, Ивану, 23 города и селения, из них главные Звенигород и Руза; третьему, Андрею, 21 город и селение, из них известнее Серпухов; княгине с меньшими детьми — опять 26. Таким образом, величина уделов следует старшинству: самый старший и материально сильнее, притом города его значительнее, например, Можайск был особым княжеством; старшему же должно было получить и великокняжескую область Владимирскую с Переяславлем².

В то самое время как на северо-востоке Русская земля собиралась около Москвы, такое же собирание русских волостей в одно целое происходило и на юго-западе. Давно уже можно было ожидать, что дело собрания старой, Юго-Западной Руси предназначено князьям галицко-волинским, потомкам Романа Великого.

Несмотря на все благоприятные обстоятельства, Юго-Западная Русь не собралась в одно государство под знаменем своих родных князей из племени Романа Великого. Мы не знаем никаких подробностей о княжении внуков Данииловых, мы знаем только имена их и титулы, как они сохранились в грамотах их к Немецкому ордену: читаем в этих грамотах имя Юрия, который называет себя «королем русским и князем владимирским»; в другой грамоте находим имена сыновей его, Андрея и Льва; наконец, есть позднейшие грамоты от Андреева сына, Юрия, князя всей Малой России.

¹ Калитой он назван потому, что носил мешок (калиту) с деньгами, которые раздавал нищим. (Примеч. автора.)

² Калита купил Углич, Белоозеро и Галич; но ни в духовной самого Иоанна, ни в духовных сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Дмитрий Донской говорит о них, как о купле деда своего. Дело объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владельных, подчиненных, однако, князю Московскому, а при Дмитрии Донском они были лишены этих прав. (Примеч. автора.)

Но в то время как Юго-Западная Русь не воспользовалась благоприятными обстоятельствами и закончила в старине своей, соседние государства, Литовское и Польское, успели усилиться внутри единовластием и приобрели таким образом возможность действовать наступательно на Русь.

В 1315 г. последовала перемена в династии князей Литовских, произведенная знаменитым Гедимином. В самом начале княжения Гедимины уже упоминается о столкновениях его с князьями русскими, галицкими и волинскими; можем принять известие, что эти князья хотели сообщась с Немецким орденом сдерживать опасные стремления литовского владельца и первые начали против него наступательное движение. ...

В 1321 году Гедимин двинулся к Киеву, которым владел какой-то князь Станислав; на помощь к нему пришел Олег, князь Переяславский, Святослав и Василий, князья Брянские, и вместе с ними бежавший из Волыни князь Лев. Над рекой Ирпень сошлись неприятели — и Гедимин победил; князья Олег и Лев были убиты, Станислав убежал в Брянск с тамошними князьями; Белгород сдался победителю, но Киев выдержал двухмесячную осаду. Наконец граждане, не видя ниоткуда помощи, собрались на вече и решили поддаться литовскому князю, который с триумфом въехал в Золотые ворота.

Другие города русские последовали примеру Киева; Гедимин оставил везде старый порядок, только посажал своих наместников и гарнизоны по городам. Как бы то ни было, переворот, произведенный на севере своими князьями, потомками святого Владимира, был произведен на юге князем Литовским, который тем или другим способом собрал Русскую землю под одну власть.

Гедимин умер в 1339 году, оставив семерых сыновей — Монвида, князя Карачевского и Слонимского, который скоро последовал за отцом в могилу; Нариманта-Глеба, князя Туровского и Пинского, которого мы видели в Новгороде; от второй жены, Ольги, русской родом, Гедимин оставил Ольгерда, который, женившись на дочери князя Витебского, получил это княжество за женой в приданое; кроме Ольгерда от Ольги Гедимин имел другого сына, Кейстута, князя Троцкого.

От третьей жены Еввы, также княжны русской, он оставил Любарта-Владимира, князя Волинского, Кориата-Михаила, князя Новгородского, наконец, Евнутия, князя Виленского. Последний, несмотря на то что был самый младший, получил, однако, стольный город отцовский, быть может по стараниям матери своей; но двое старших Гедиминовичей — Ольгерд и Кейстут — отняли у Евнутия старший стол.

Ольгерд и Кейстут жили между собой очень дружно, говорит летописец Западной Руси, а князь великий Евнутий, державший старшинство, не полюбился им, и сговорились они между собой, как бы Евнутия из Вильно выгнать. Когда Ольгерд пришел, то Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильно, ты старший брат, а я с тобой буду жить заодно». И посадил его на великом княжении в Вильно, а Евнутия дали Изяславль. Потом уговорились оба князя между собой, чтобы всей братья слушаться князя Ольгерда; условились, что добудут, город ли, волость ли, все делить пополам и жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого. Ольгерд и Кейстут поклялись и сдержали клятву.

Но в то время, как единовластие утверждалось в Восточной Руси благодаря князьям московским и в Западной вследствие подчинения ее князьям литовским, в Польше также утвердилось оно после великих смут, происходивших в этой стране в конце XIII и начале XIV века. В истории Юго-Западной Руси Казимир Великий замечателен тем, что ему удалось присоединить к Польше королевство Галицкое.



ГЛАВА 20

Симеон Гордый; подручные отношения князей к нему. — Поход Симеона на Новгород. — Дела татарские и литовские. — Ольгерд и борьба его с Тевтонским орденом. — Войны Пскова с ливонскими немцами, Новгорода со шведами. — Договор великого князя Симеона с братьями. — Черная смерть. — Кончина и завещание Симеона Гордого. — Отношения к Орде и Литве. — Смерть великого князя Иоанна. — Торжество его сына Димитрия над суздальским князем.

По смерти Калиты все русские князья отправились в Орду; но соперничество их с богатым и сильным московским князем было невозможно, и хан объявил старшего сына Калиты, Симеона, великим князем владимирским. Благодаря усилению Москвы это уже не был теперь один только титул. Но чего опасались князья, то исполнилось: они перестали быть родичами равноправными и стали подручниками. «Все князья русские даны были под руки Симеона», — говорят летописи.

Что князья хорошо понимали эту перемену, что сын Калиты заставил их ее почувствовать, доказательством служит прозвание *Гордого*, которое они ему дали. Есть известие, что Симеон, созывая князей для известных целей своих, напоминал им, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья беспрекословно повиновались старшему, и что теперь только таким же беспрекословным повиновением ему, Симеону, они могут освободиться от татарского ига. Но князья знали разницу между прежними и настоящими отношениями, знали, к чему поведет такая покорность.

В то время как Симеон по смерти отца своего находился в Орде, новгородские *молодцы*, как называет их летописец, повоевали и пожгли Устюжну; жители последней нагнали их и отняли добычу, но потом молодцы эти повоевали Белозерскую волость. Калита купил Белозерск; Симеон должен был смотреть на этот город уже как на свою собственность; когда он возвратился из Орды, то первым его делом было послать в Торжок за сбором дани, причем сборщики стали притеснять жителей. Новоторжцы послали просить помощи у новгородцев, и те отправили войско, которое внезапно овладело Торжком, схватило великокняжеских наместников и сборщиков дани, перековало их с женами и детьми, укрепило город, а новгородцы между тем послали в Москву сказать Симеону: «Ты еще не сел у нас на княжение, а уже бояре твои насильничают».

Новоторжцы, боясь мести великого князя, послали сказать новгородцам, чтобы они сядились на коней и спешили к ним на помощь, но чернь новгородская не захотела выступить в поход. Тогда новоторжская чернь, видя, что из Новгорода рать не приходит, встала на бояр, говоря: «Зачем вы призвали новгородцев? Они перехватили княжих людей, и нам теперь приходится за это погибать!» Черные люди вооружились, надели брони, пошли на дворы, где содержались московские пленники, освободили их, а новгородцев выпроводили из города, потом бросились на своих бояр, дома их разграбили, хоромы развезли, села опустошили, одного боярина Семена Внучка убили на вече, остальные убежали в Новгород.

Между тем в Москве был съезд всем князьям русским — Симеон Гордый шел в поход на Новгород; с ним вместе отправился и митрополит Феогност. Новгородцы, узнав, что великий князь в Торжке со всей землей Низовской, начали собирать всю свою волость к себе в город, но сперва попытались кончить дело миром: владыку Василия отправили бить челом к митрополиту, а тысяцкого с боярами — к великому князю.

Симеон согласился на мир по старым грамотам новгородским, но взял за это черный бор¹ по всей волости и 1000 рублей с Торжка, после чего отпустил наместника в Новгород. По некоторым известиям, Симеон кроме денег потребовал еще неслыханного до тех пор унижения от послов новгородских; прозвание Гордый побуждает верить этому свидетельству². Только в 1347 году Симеон по зову владыки Василия, приехавшего затем в Москву, отправился в Новгород, где сел на стол и пробыл три недели.

В Орде в 1340 году умер хан Узбек³; старший сын и преемник его, Тинибек (Инсанбек), был убит в 1342 году младшим братом своим Джанибеком. Пять раз ходил Симеон в Орду и всякий

¹ *Черный бор* — нерегулярный налог, который в XIV—XV вв. великие князья Московские собирали в Новгородской республике в связи с необходимостью платить увеличенный ордынский выход.

² «Князь же великий рече им: аще хочуть милости и мира от меня, да приидуть пред мя посадники и тысяцкий боси, просят при всих князех на коленах». (Примеч. автора.)

³ Согласно современным данным, Узбек-хан скончался в 1341 г.

раз возвращался оттуда со многими честию и пожалованием, по выражению летописца: о татарских опустошениях, насилиях баскаков и послов не слышно и в княжение Симеона, как в княжение отца его. Только раз, под 1347 годом, летописец упоминает о приходе ордынского князя Темира под город Алексин: татары сожгли посад и возвратились в Орду с большой добычей.

С отношениями татарскими при Симеоне соединились литовские. Мы видели, что в то самое время, как на северо-востоке усилились московские князья и стали собирать Русскую землю, на юго-западе то же самое дело совершенно было князьями литовскими. Но как скоро обе половины Руси собрались в два сильных тела, то и вступили в борьбу между собой. Гедимин занят был подчинением себе волостей Юго-Западной Руси; сын его Ольгерд, спокойный с этой стороны, обратил внимание на Северо-Восточную.

Ольгерд, по отзыву нашего летописца, был очень умен, говорил на разных языках, не любил забав и занимался делами правительственными день и ночь; был воздержан, вина, пива, меду и никакого хмельного напитка не пил и от этого приобрел великий разум и смысл, коварством своим многие земли повоевал и увеличил свое княжество.

В 1341 году Ольгерд явился под Можайском, опустошил окрестности, пожег посад, но города взять не смог. Но литовские князья, подобно соперникам своим, князьям московским, отличаются большой осторожностью в своем поведении, не любят решительных средств, открытой борьбы, где в одной битве можно потерять собранное многолетними трудами. Ольгерд, коварству которого удивляется летописец, вздумал погубить Московское княжество посредством татар, для чего в 1349 году отправил брата своего Кориада к Джанибеку просить у него помощи на Симеона. Тот, узнав об этом, немедленно послал сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен; теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатев, вооружится и на тебя самого». Хан был настолько умен, что понял справедливость слов Симеона, задержал Кориада и выдал его московскому князю.

Ольгерд присмирел на время и отправил послов в Москву с дарами и челобитьем, прося освободить брата; Симеон исполнил просьбу. Мало того, оба брата, Ольгерд и Любарт, женатые и прежде на князьях русских и овдовевшие, в один год прислали к Симеону просить за себя двух его родственниц: Любарт — племянницу, княжну ростовскую, а Ольгерд — свояченицу, тверскую княжну. Симеон спросился митрополита, и тот разрешил эти браки, вероятно имея в виду пользу, какая могла произойти от них для православной Юго-Западной Руси, где Любарт волынский боролся с Казимиром польским, угнетавшим православие.

С Новгородом также было у Ольгерда враждебное столкновение в 1346 году: литовский князь вошел в новгородские пределы со всей братьей и со всей литовской землей, стал на реке Шелони, при впадении в нее Пшаги, и послал объявить новгородцам: «Хочу с вами видеться: бранил меня посадник ваш, Евстафий Дворянинец, называл псом», после чего опустошил страну по рекам Шелони и Луге и пошел домой; новгородцы вышли было против него на Лугу, но возвратились к себе в город, собрали вече и убили посадника своего Дворянинца, крича ему: «Из-за тебя опустошили нашу волость».

Но не одна врожденная осторожность заставляла Ольгерда действовать нерешительно против Северо-Восточной Руси — он сдерживался на западе опасной борьбой с Не-



Великий князь Литовский Ольгерд.
Гравюра из книги *Алессандро Гваньини*
«*Описание Европейской Сарматии*». 1578 г.

мецким орденом, влияние которого на судьбы Восточной Европы становится, таким образом, еще важнее.

Последние годы XIII и первые XIV века протекли в опустошительных набегах рыцарей на литовские области и литовцев на владения рыцарей; последним не удалось стать твердой ногой на литовском берегу Немана. Неудачны были речные походы рыцарей по Неману: огромная барка их, сделанная в виде плавучего острожка, села на мель и была сожжена литовцами. Одинаково неудачны были и походы сухопутные, взятие литовских крепостей стоило ордену много трудов и крови.

В таком положении находились дела до 1346 г., когда великим магистром ордена был избран Генрих фон Арфберг. Новый магистр начал действовать решительнее своих предшественников, и борьба началась с обеих сторон с большими усилиями, с большим ожесточением. Арфберг проник до Трок, страшно опустошил их окрестности, потом встретился с литовскими и русскими полками Ольгерда и поразил их в злой сече, какой еще не было до сих пор между рыцарями и Литвой. Следствием победы было новое опустошение литовских областей.

Но Ольгерд недолго заставил ждать мести: он вторгся с братьями в пределы орденских владений и с лихвой отплатил за недавнее опустошение Литвы. Войско Ольгердово возвращалось уже домой, обремененное добычей, как было настигнуто великим магистром: произошла новая злая битва, и опять литовцы потерпели поражение.

Прекращение внутренней борьбы дало возможность Ливонскому ордену возобновить нападения на Псков. В 1341 году без объявления войны немцы убили псковских послов; псковичи отомстили им опустошением ливонских областей и, видя, что скоро должно ожидать сильного на-

падения, начали кланяться новгородцам, чтобы те дали им наместника и помощь. Новгородцы не дали ни того, ни другого, а между тем немцы пришли со всей силой, поставили городок на Псковской земле. Еще при самом начале неприятельских действий псковичи, видя, что ниоткуда нет помощи, послали в Витебск, к литовскому князю Ольгерду, и велели сказать ему: «Братья наши, новгородцы, нас покинули, не помогают нам. Помогите нам ты, господин!»

Ольгерд не оставил псковского слова без внимания и приехал в Псков с братом Кейстутом, полками литовскими и русскими. Воевода Ольгердов, князь Юрий Витовтович, отправился на границу добывать языка и наткнулся на сильную немецкую рать, которая шла к Изборску. Потеряв 60 человек своей дружины, Юрий прибежал в Изборск, и на другой день явились под этим городом немцы, «загордившись, в силе тяжкой, без Бога, с пороками, городами и со многим замышленным, и оступили город Изборск, хотя пленить дом Св. Николы».

Пять дней стояли немцы под Изборском и вдруг отступили, пожегши пороки и города свои, не зная, что в Изборске воды не было и что он потому не мог долго держаться. После этого псковичи приняли много труда, уговаривая князя Ольгерда креститься и сесть у них во Пскове на княжение. Ольгерд отвечал: «Я уже крещен, я уже христианин, в другой раз креститься не хочу и садиться у вас на княжение не хочу». Он согласился только на то, чтобы сын его Андрей крестился и остался княжить в Пскове.

В отношениях Пскова к Новгороду произошла важная перемена вследствие войны шведской. Еще во время малолетства короля Магнуса Ерикссона собрана была в Швеции десятиная для крестового похода на русских — *язычников*, как величались они в папских буллах. В 1348 году Магнус предпринял этот поход. Послы его явились в Новгород и объявили вечу от имени короля: «Пришлите на съезд своих философов, а я пришлю своих, пусть они поговорят о вере. Хочу я узнать, какая вера будет лучше: если ваша будет лучше, то я иду в вашу веру, если же наша лучше, то вы ступайте в нашу веру, и будем все как один человек. Если же не хотите соединиться с нами, то иду на вас со всей моей силой».

Владыка Василий, посадник Федор Данилович, тысяцкий Авраам и все новгородцы, подумав, велели отвечать Магнусу: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, наша или ваша, то пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли от греков православную веру, а с тобой нам нечего спорить о вере; если же тебе есть какая-нибудь от нас обида, то шлем к тебе на съезд», — и послали к нему Авраама тысяцкого с боярами.

Магнус осадил Орешек, стал крестить ижорян в свою веру, а которые не захотели креститься, на тех рать пустил, всем попавшимся в его руки русским велел стричь бороды и потом перекрещивать их в латинство. Но русские скоро показали, что у них бороды опять отросли, говорит шведская хроника. Новгородцы отправили против неприятеля Оницифора Лукича с малой дружиной, которому удалось с потерей только трех человек из своего войска перебить 500 человек шведов, других взять в плен и казнить переветников.

Между тем королю удалось овладеть Орешком, где он захватил и послов новгородских, Авраама тысяцкого с товарищами.

Через год Магнус приплыл опять к русским берегам, переночевал под Копорьем и, узнав о приближении новгородского войска, ушел назад в море, где ждала его буря, истребившая

много шведской рати в устье реки Наровы. А новгородцы пошли к Выборгу, пожгли окрестности, посад и разбили шведов, сделавших вылазку из города, наконец, в Дерпте разменяли пленных с обеих сторон и заключили мир.

Опасная борьба шла на западных границах; внутри разных княжеств происходили волнения, усобицы княжеские, заставлявшие народ выселяться из родной стороны; но Московское княжество было спокойно и при Симеоне, как при отце его; народ не терпел ни от татар, ни от усобиц. Симеон жил мирно с братьями, до нас дошел любопытный договор его с ними.

Договор начинается так: «Я, князь великий Симеон Иоаннович, всея Руси со своими братьями младшими, с князем Иваном и князем Андреем, целовали между собой крест у отцовского гроба. Быть нам заодно до смерти, брата старшего иметь и чтить в отцово место; а тебе, господин князь великий, без нас не доканчивать ни с кем». Все эти выражения с первого раза напоминают старину, но в старину князья не иначе называли друг друга, как *брат, отец, сын*, в договоре же Симеона младшие братья, обещая, что будут держать старшего *в отцово место*, не смеют, однако, или не хотят, или не умеют назвать его *отче*, но постоянно называют: «Господин, князь великий!»

Если в княжение Симеона Русь не испытала ни кровавых усобиц, ни татарских опустошений, зато в 1352 году явилась страшная язва — черная смерть; в 1353 году она поразила в Москве митрополита Феогноста, самого великого князя, двоих сыновей и брата Андрея. Симеон умер еще будучи очень молодым, в 36 лет. Он оставил завещание, в котором отказал удел свой и все движимое и недвижимое имение жене, по смерти которой все это переходило к брату Симеону, великому князю Иоанну.

В Орде хан Джанибек был убит в 1357 году сыном своим Бердибеком; русский летописец говорит об убитом, что он был очень добр к христианству и при нем была большая льгота земле Русской.

В этом же году летописец упоминает о татарском после Кошаке, от которого была большая истомы князьям русским. Бердибек был убит сыном своим Кулпой, Кулпа — Неврусом. В 1358 году сын Бердибека, Мамат-ходжа, прийдя в Рязанскую землю, прислал в Москву к великому князю с предложением установить твердые границы между Московским и Рязанским княжествами, но великий князь не пустил Мамата-ходжу в свою отчину.

Опаснее был враг на западе: под 1356 годом летописец говорит, что литовцы овладели Ржевом, в тот же самый год Ольгерд приходил под Брянск и под Смоленск и пленил сына у князя Василия смоленского. В 1358 году войско тверское и можайское отняло Ржев у литовцев; в 1359 году смольняне воевали Бельчу. Но Ольгерд не любил отдавать назад раз что-нибудь взятое: в том же году он приходил под Смоленск, сын его Андрей взял опять Ржев и в 1360 году сам Ольгерд приезжал смотреть этот город, верно боясь, чтобы русские в другой раз не отняли его у Литвы.

Но к счастью для слабых княжеств, Смоленского и Тверского, Ольгерд постоянно сдерживался на западе Тевтонским орденом. В 1360 году Ольгерд, Кейстут и сын последнего Патрикий сошлись с великим магистром на границах литовских: битва продолжалась целый день и рыцари одержали победу. Напрасно Кейстут старался остановить бегущих и возобновить битву: его свалили с коня, Патрикий ринулся в середину неприятелей для спасения отца, но также был сброшен с лошади, поднялся и отбивался до тех пор,

Современные историки считают, что битва при Синих водах (Синеvodское сражение) произошла в период между 24 сентября и 25 декабря 1362 г. Местом сражения стал берег реки Синюхи близ крепости Торговица (ныне Кировоградская область Украины). Подробное описание этой битвы дал польский хронист и историк XVI столетия, дипломат и церковный Матей Стрыйковский:

«Ольгерд, заключив на два года соглашение о мире с прусскими и ливонскими крестоносцами, отправился в поход в Дикие поля против татар. С ним отправились также четыре его племянника, сыновья новогрудского князя Кориата, княжичи Александр, Константин, Юрий и Федор. И когда они, миновав Канев и Черкассы, дошли до урочища Синие Воды, то увидели в поле большую татарскую орду с тремя царьками, разделенную на три отряда. Один отряд вел султан Кутлубах, второй возглавлял Качибей-Керей, а третьим командовал султан Димейтер.

Ольгерд, увидев, что татары готовы к бою, выстроил своих в шесть изогнутых отрядов, по-разному их по бокам и во главе расставив, так чтобы татары, как задумали, не могли их

окружить в обычных схватках и причинить вред стрелами. Татары с неистовым рвением начали бой, засыпав литву густым железным градом из луков, случились несколько стычек, но нанесли мало потерь из-за правильного ее построения и быстрого маневрирования. А литва с русинами вдруг с саблями и копьями нагрянули на них и в рукопашном бою прорвали лобные части и смешали им танцы полукругом, а другие, особенно новогрудцы с Кориатовичами, с самострелов со стрелами нагрянули по бокам и длинными копьями сбрасывали их с седел, словно ветер снопы в бурю. Не сумев дольше выдержать лобового натиска литвы, татары начали мешаться и испуганные бежать в обширные поля.

На побоище остались убиты три их царька: Кутлубах, Качибей и султан Димейтер, и вместе с ними очень много музр и уланов. Также везде по полям и в реках лежало полно татарских трупов».

Итогом победы Ольгерда на Синих Водах стало окончательное вхождение земель Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств в состав Великого княжества Литовского.

пока подоспел отряд литовцев и выручил его из беды, но отца спасти не мог.

Кейстута отвезли в Мариенбург, столицу ордена, и засадили в тесную тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража и не пускала к пленнику никого, кроме слуги, приносившего пищу. Но этот слуга, приближенный к магистру, отличавшийся своей верностью, был родом литвин, в молодости захваченный в плен и окрещенный.

Ежедневный разговор с Кейстутом на родном языке, злая судьба и знаменитые подвиги литовского богатыря разбудили в нем давно уснувшую любовь к старому отечеству: он дал средство Кейстуту уйти из заточения и достичь двора зятя своего, князя Мазовецкого.

Кейстут не хотел возвращаться на родину, не отомстив рыцарям: он взял у них два замка и с добычей возвращался домой, как по дороге был захвачен орденским отрядом, вторично попался в неволю, вторично ушел из нее и опять начал готовиться к вторжению в Пруссию. К 1362 или 1363 году относят победу Ольгерда над татарами при Синих водах, следствием которой было очищение Подолии от татар.

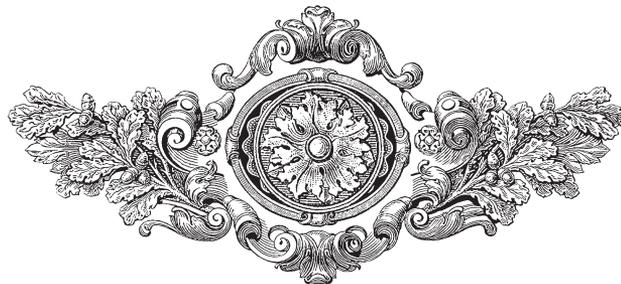
В 1359 году умер Иоанн московский, кроткий, тихий и милостивый князь, по словам летописца. Иоанн умер еще очень молод, 33 лет, оставив двух малолетних сыновей, Дмитрия и Ивана, и малолетнего племянника Владимира Андреевича.

Казалось, что ранняя смерть Иоанна будет гибельна для Москвы, ибо малютка сын его мог ли хлопотать в Орде,

мог ли бороться с притязаниями других князей? И действительно, когда все князья явились в Орде и недоставало одного Московского, то хан отдал великокняжескую Владимирскую область князю Суздальскому, который получил ее «не по отчине и не по дедине», повторяет летописец, следовательно, безо всякого права.

Но Москва не думала уступать. Бояре ее, привыкшие быть боярами сильнейших князей, князей всея Руси, не хотели сойти на низшую степень и начали стараться добыть ярлык своему князю. Малютка Дмитрий отправился в Орду; но там нельзя было ничего добиться при сильной смуте, когда один хан сменял другого: Неврус был свергнут и убит заяицким ханом Хидырем (Хидрбег). Хидырь был убит сыном своим Темир-ходжой; наконец, Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом, именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом. Московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык малолетнему их князю.

Есть известие, что за Дмитрия московского хлопотали в Орде также родственники его, князья ростовские и тверские, вероятно думавшие, что гораздо безопаснее для них иметь на владимирском столе малютку, чем взрослого. Бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих, Дмитрия, Ивана и Владимира, и выступили с ними на Дмитрия Константиновича. Последний не мог противиться московским полкам, и внук Калиты получил великое княжение Владимирское (1362 г.).





ГЛАВА 21

Следствия усиления Москвы для других княжеств.— Вторая борьба Москвы с Тверью.— Война рязанская.— Торжество московского князя над тверским.— События в Литве по смерти Ольгерда.— Борьба Москвы с Ордой.— Поражение русских на реке Пьяне.— Победа их на Воже.— Куликовская битва.— Нашествие Тохтамыша.— Война с Рязанью.— События в Литве.— Смерть великого князя Дмитрия и его завещание.— Значение княжения Дмитрия.

Преждевременная смерть Иоанна и малолетство сына его вместо вреда, какого, по видимому, должно было ожидать от них для Московского княжества, послужили только для того, чтобы показать всю силу последнего: благодаря этой силе, скопленной дедом, дядей и отцом, одиннадцатилетний Дмитрий московский получил первенство между всеми князьями Северо-Восточной Руси.

Между тем моровая язва сильно опустошила Россию, умерло много князей: молодой брат Дмитрия московского, Иван; ростовский князь Константин; тверские — Семен Константинович, Всеволод, Андрей и Владимир Александровичи; Андрей Константинович суздальский. Между оставшимися в живых князьями начались споры за выморочные уделы; древний Суздаль, подобно Ростову, давно уже утратил свое значение; старшие князья жили и погребались не в Суздале и не в Городецке, а в Новгороде Нижнем, уже тогда значительном по своей торговле благодаря выгодному положению. Старший из Константиновичей — Андрей — княжил в Нижнем, предоставив Суздаль младшему — Дмитрию, но по смерти Андрея Нижним овладел третий, самый младший брат Борис Константинович. Дмитрий, не будучи в силах сам отнять у брата Нижний, послал просить помощи в Москву.

Дмитрий московский (четырнадцатилетний) отправил к Константиновичам послов с увещанием помириться и поделиться вотчиной, но Борис не послушался. Тогда Москва употребила другую силу: митрополит Алексей отнял епископию нижегородскую и городецкую у суздальского владыки Алексея, и в то же время послом от московского князя явился в Нижнем преподобный Сергей, игумен Радонежский. Он позвал Бориса Константиновича в Москву, и когда тот не послушался, то Сергей по приказу митрополита и великого князя московского затворил все церкви в Нижнем.

После этого присланы были из Москвы полки на помощь Дмитрию Константиновичу, и когда последний приблизился с ними и своей ратью к Нижнему, то Борис вышел к нему навстречу с поклонами и покорением, уступая ему захваченную волость. Дмитрий помирился с ним, взял себе Нижний, а брату отдал Городец.

Под 1367 годом летописец говорит, что князь Дмитрий Иванович московский заложил у себя каменный кремль и всех князей русских приводил под свою волю, посягнув и на князя Михаила Александровича тверского. Михаил решил на борьбу, но, разумеется, он не мог противиться Москве собственными силами и потому обратился к зятю своему, Ольгерду литовскому, следовательно, на эту вторую борьбу Твери с Москвой мы должны смотреть, собственно, как на борьбу московского князя с литовским по поводу тверского князя.

Михаил ушел в Литву и стал упрашивать со слезами Ольгерда, чтобы тот оборонил его, пошел войной на Москву, отмстил Дмитрию; научил и сестру свою упрашивать мужа, и тот решился исполнить их просьбу, тем более что еще с 1363 года встречаем известия о враждебных столкновениях Литвы с Москвой. У Ольгерда Гедиминовича, говорит летописец, был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход, на что собирает большое войско; этой-то хитростью он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не только силой, сколько мудростью. Так и на этот раз Дмитрий московский узнал о замыслах Ольгерда, когда уже тот стоял на границе с братом Кейстутом, молодым сыном его Витовтом, своими сыновьями, другими князьями литовскими, Михаилом тверским и полками смоленскими.

Узнав здесь, что Дмитрий не успел собрать большого войска и заперся в Москве, Ольгерд быстро пошел к этому городу, где Дмитрий велел пожечь посады, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и людьми затворился в новом кремле. Три дня стоял под ним Ольгерд, взять его не мог, но страшно опустошил окрестности, повел в плен бесчисленное множество народа, погнал с собой и весь скот. Впервые по прошествии сорока лет, то есть начиная от первого года княжения Калиты, Московское княжество испытало теперь неприятельское нашествие.

Москва, отдохнув год, начала наступательное движение; ее войска вместе с влочанами воевали смоленские волости, вероятно, мстя их князю за союз с Ольгердом; потом Димитрий послал рать к Брянску, наконец, в августе 1370 года послал объявить войну Михаилу тверскому, который, по обычаю, спешил уйти в Литву, а московские войска, по обычаю, опустошили Тверскую волость.

Сильно опечалился и оскорбился Михаил, когда пришло к нему в Литву известие о страшном опустошении Тверской волости. Зимой, в рождественский пост, Ольгерд двинулся на Москву с братом Кейстутом, с Михаилом тверским и Святославом смоленским. Они подошли к Волоку-Ламскому, пожгли посад, окрестности, но, простояв три дня под городом, не взяли его и пошли дальше, к Москве, которую осадили 6 декабря. Великий князь Димитрий и на этот раз заперся в московском кремле, но брат его Владимир Андреевич стоял в Перемышле, собирая силу; к нему на помощь пришел князь Владимир Димитриевич пронский и полки Олега Ивановича рязанского. Ольгерд испугался, услышав о сборах в Перемышле, и стал просить мира, предлагая выдать свою дочь за князя Владимира Андреевича; но великий князь Димитрий вместо вечного мира согласился только на перемирие до Петрова дня. Ольгерд двинулся назад и шел с большой осторожностью, озираясь на все стороны, боясь за собой погони.

Михаил тверской возвратился в Тверь, также помирившись с Димитрием; но испуг Ольгерда и желание литовского князя породниться с московским показывали ему, что надобно искать помощи в другой стороне: весной 1371 года он отправился в Орду и возвратился оттуда с ярлыком на великое княжение Владимирское и с послом ханским Сарыхожей.

Но Димитрий московский по всем городам взял присягу с бояр и черных людей не передаваться тверскому князю и не пускать его на Владимирское княжение, а сам с братом Владимиром стал с войсками в Переяславле. Владимирцы, исполнив присягу, не пустили к себе Михаила, и когда Сарыхожа послал звать Димитрия во Владимир к ярлыку, то московский князь велел отвечать ему: «К ярлыку не еду, Михаила на княжение Владимирское не пушу; а тебе, послу, путь чист».

Сарыхожа сначала не хотел ехать к Димитрию, но потом прельстился дарами и, отдав ярлык Михаилу, поехал из Мологи в Москву, а Михаил, недовольный оборотом дела, повоевал Кострому, Мологу, Углич, Бежецкий Верх и, возвратясь в Тверь, отправил в Орду сына своего Ивана.

Между тем Сарыхожа пировал в Москве у Димитрия, набрал у него много даров и, возвратясь в Орду, начал расхваливать московского князя, его добрый нрав и смирение. Вероятно, обнадеженный Сарыхожей в добром приеме, Димитрий сам решился отправиться в Орду, чтобы положить конец проискам Михаила.

В Орде московский князь успел задобрить и Мамаю, и хана, и ханш, и всех князей, пожалован был опять великим княжением Владимирским и отпущен с большой честью, а тверскому князю хан послал сказать: «Мы тебе дали великое княжение, давали и войско, чтобы посадить тебя на нем. Но ты войска нашего не взял, говорил, что сядешь одной своей силой, так сиди теперь с кем хочешь, а от нас помощи не жди».

Молодой тверской князь Иван задолжал в Орде 10 тыс. рублей; Димитрий московский заплатил эти деньги и взял Ивана с собой в Москву, где он сидел на дворе митрополи-

чем до тех пор, пока отец выкупил его. Для нас здесь важно то, что тверской князь принужден был задолжать в Орде 10 тыс. рублей, а московский имел средства выкупить его — борьба была неравная! Таким образом, говорит летописец, великий князь Димитрий твердо укрепил под собой великое княжение, а врагов своих посрамил.

Доброе согласие между Москвой и Рязанью было нарушено неизвестно по каким причинам, и в 1371 году, в декабре, великий князь отправил на Олега рязанского воеводу Димитрия Михайловича Волынского с большим войском; Олег собрал также большое войско и вышел навстречу московским полкам, причем, по словам летописца, рязанцы говорили друг другу: «Не берите с собой ни доспехов, ни щитов, ни коней, ни сабель, ни стрел, берите только ремни да веревки, чем взять боязливых и слабых москвичей». Московский летописец поблагодарил их за такое мнение в следующих выражениях: «Рязанцы, люди суровые, свирепые, высокоумные, гордые, *чаятельные*, вознесшись умом и возгордившись величием, помыслили в высокоумии своем, — продолжает летописец, — в злой сече рязанцы пали как снопы», и сам князь Олег едва спасся бегством с небольшой дружиной¹.

По окончании войны рязанской, в 1372 году, началась опять война тверская. Князю Михаилу Александровичу удалось снова заключить союз с Литвой, и в надежде на него он начал наступательное движение. На этот раз Димитрий приготовился, встретил с сильным войском Ольгерда у Любутска и разбил сторожевой литовский полк. Все войско литовское переполошилось, сам Ольгерд побежал и остановился за крутым и глубоким оврагом, который не допустил неприятелей до битвы; много дней литва и москвичи стояли в бездействии друг против друга, наконец заключили мир и разошлись. Договор заключен от имени Ольгерда, Кейстута и смоленского великого князя Святослава Ивановича; в него включены также: князь Михаил тверской, Димитрий брянский и те князья, которые будут в имени Ольгерда и Святослава смоленского; трое князей рязанских, которые одинаково называются великими², находятся на стороне Димитрия московского.

По словам летописца, все эти князья сильно сердились на Михаила тверского за то, что он прежде несколько раз приводил литву, наделавшую столько зла христианам, а теперь соединился с Мамаем. Но, с другой стороны, заметим, что некоторые из этих князей были *подручниками* Димитрия и не могли ослушаться его приказания, некоторые же были только по имени князьями известных волостей, как, например, князь Стародубский, а Белозерск был куплен еще Калитой. Все эти князья двинулись из Волока к Твери и стали воевать, взяли Микулин, попленили и пожгли окружные места, наконец, осадили Тверь, где заперся князь Михаил. Обнеся весь город тыном, наведя два больших моста на Волге, Димитрий послал за новгородцами; те, желая почтить великого князя и вместе отомстить тверичам за торжокское

¹ Никон: «Рязанцы убо махающесь вземни и ремнем и ужищи, и ничтоже успеша, но падоша мертвии аки снопы, аки свиньи заклани быша». Выходит, как будто рязанцы в самом деле вместо оружия взяли ремни да веревки. Быть может, рязанские ратники в Скорнищевской битве впервые употребили арканы. (Примеч. автора.)

² Олег, Роман и Владимир пронский. (Примеч. автора.)

поражение, собрались за три дня, пришли к Твери и много наделали зла.

Тогда Михаил, потеряв последнюю надежду, отправил владыку Евфимия и больших бояр своих к Димитрию просить мира, отдавая во всю волю московского князя, и тот заключил с ним мир. Михаил обязался не искать ни Москвы, ни великого княжения московского, ни Новгорода, обязался не только за себя, но и за детей своих и племянников; обязался сам не искать великого княжения Владимирского и не принимать его от татар, за что Димитрий со своей стороны обещался не принимать Твери от татар. Михаил отказался от союза с Ольгердом, его братьями, детьми и племянниками, мало того, обязался воевать с Литвой, если она нападет на московского или на смоленского князя. Так счастливо для Москвы окончилась борьба с Тверью, т. е. с Литвой по поводу Твери.

В 1377 году умер Ольгерд, постригшись перед смертью в монахи, причем мирское православное имя Александр переименовал на имя Алексей. Еще прежде умер брат его князь Вольнский Любар, который всю жизнь провел в борьбе с поляками, стремившимися овладеть и Вольнью, как овладели Галичем. Великим князем стал сын Ольгерда Ягайло, в православии Яков, и дядя Кейстут, князь Троцкий, присягнув племяннику.

Ягайло не походил от отца и деда: был ленив, любил удовольствия и не имел твердого характера, вследствие чего подвергался влиянию окружавших его. Самым приближенным из них был Войдылло, о котором вот что говорит летописец: «Был у великого князя Ольгерда паробок, крепостной холоп, звали его Войдылло; сначала был он хлебником, полюбили великому князю, который взял его к себе постелю стлать и пить подавать, а наконец дал ему держать город Лиду».

Силен был Войдылло при Ольгерде; еще сильнее стал при Ягайле, который даже отдал за него родную сестру. Старому князю Кейстуту очень не понравилось, что племяннику его выдали за холопа; стал он попрекать и вдове Ольгерда, и Ягайлу, и самой племяннице, отсюда пошла ненависть между Кейстутом и Войдылло, и последний стал думать, как бы избавиться от старика. С этой целью он начал наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него немецких рыцарей.

В это время старый Кейстут вел войну с племянником Димитрием Ольгердовичем; Ягайло обязан был также выступить в поход, но, вместо того чтоб идти с войском на Русь, он двинулся к Вильно, где Кейстута тогда не было, и овладел городом; та же участь постигла и Троки. Кейстут собрал большое войско и, соединившись с сыном Витовтом, обложил Троки; против него стоял Ягайло со своими союзниками, немцами. Но Ольгердов сын побоялся решить дело оружием и предпочел коварство. Он начал просить Витовта, чтобы тот помирил его с отцом, для чего предложил обоим князьям приехать к нему в стан, и князь Скиригайло именем брата поклялся, что с ними не случится ничего дурного. В надежде на эту клятву Кейстут и Витовт приехали в стан к Ягайлу, чтобы договариваться о мире, но вместо того были схвачены, и Кейстут был отдан в руки самым злым врагам своим, которые сковали его, отвезли в Крево, заперли в тюрьму и на пятую ночь удавили.

Больной Витовт был также отвезен вместе с женой Анной в Крево, где держали его под крепкой стражей. И выздоровев, Витовт все еще притворялся хворым; жена навешала его ежедневно вместе с двумя служанками; наконец она полу-

чила от Ягайла для одной себя позволение ехать в Моравию. В ночь накануне отъезда она пришла проститься с мужем и замешкалась у него, как следовало ожидать, больше обычного: в это время Витовт переодевался в платье одной из жениных служанок, Елены, которая осталась на его месте, а он, выйдя с женой из тюрьмы и спустившись со стены, нашел лошадей, высланных из Волковыйска от тамошнего тиуна, в короткое время достиг Слонима, оттуда отправился в Брест и на пятый день был уже в Плоцке. Елена, не вставая с постели, так хорошо представляла больного князя, что только на третий день узнали о его бегстве. За свое самоотвержение она поплатилась жизнью.

Эти смуты отняли у литовских князей средства враждебно действовать против Москвы и дали последней возможность беспрепятственно управиться с татарами. Московское княжество постоянно усиливалось, его князья еще со времен Калиты привыкли располагать полками подручных князей, убеждались все более и более в своей силе, тогда как Орда видимо ослабевала вследствие внутренних смут и усобиц, и ничтожные ханы, подчиненные могущественным вельможам, свергаемые ими, теряли все более и более свое значение, переставали внушать страх.

Русский народ начал отвыкать от страха перед татарами и потому, что со времен Калиты перестал испытывать их нашествия и опустошения; возмужало целое поколение, которому чужд был трепет отцов перед именем татарским; московский князь, находившийся в цвете лет, в самом полном развитии сил, был представителем этого нового поколения. С малолетства привык Димитрий действовать иначе, нежели действовали дед, дяди и отец его; малюткой с оружием в руках добыл он себе старшинство между русскими князьями, после до тридцатилетнего возраста не выпускал из рук оружия, выдержал опасную борьбу с Литвой, Тверью, Рязанью и вышел из нее победителем с полным сознанием своих сил. Неудивительно, что такой князь решился первым поднять оружие против татар.

Спротивление татарам и даже наступательное движение на них обнаруживалось повсюду: в 1374 году нижегородцы перебили послов Мамаевых и с ними 1500 татар; старшего посла Сарайку с дружиной заперли в крепости. На следующий год князь Димитрий Константинович приказал развести пленников по разным местам, но Сарайку с товарищами своими вырвался, убежал на архиерейский двор, зажег его и начал отбиваться от нижегородцев, многих перебил и переранил; наконец народ одолел татар и перебил их всех. В том же году татары опустошили берега реки Киши, притока Суры, и места за рекой Пьяной.

В 1377 году в Москву пришла весть, что в странах по-сурских явился новый царевич татарский, Арапша, перебежавший за Волгу с берегов Яика и Аральского моря. Димитрий московский тотчас собрал большое войско и пошел на помощь к тестю, Димитрию нижегородскому. Но об Арапше долго не было вести, и великий князь возвратился в Москву, оставив воевод своих с полками владимирскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими, с которыми соединилось и нижегородское войско под начальством молодого князя Ивана. Собралась большая рать и двинулась за реку Пьяну, где воеводы получили весть, что Арапша далеко, на реке Волчи Воды, притоке Дона.

Князья и воеводы русские обрадовались и не обращали уже более внимания на другие приходившие к ним вести. «Кто может стать против нас?» — говорили они, и стали

ездить в простом платье (охабнях и сарафанах), а доспехи свои поклали на телеги и в сумы, рогатины, сулицы и копыя не были приготовлены, иные не были еще насажены, также не были приготовлены шиты и шлемы. Было время в конце июля, стояла сильная жара, и ратники разъезжали, спустив платье с плеч, расстегнув петли, растрепавшись, точно в бане; если случалось где найти пиво и мед, напивались допьяна и хвастались, что один из них выедет на сто татар. Князья, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ездили на охоту и пировали.

В это время мордовские князья подвели тайно Арапшу, который, разделив свою рать на пять полков, 2 августа неожиданно ударил со всех сторон на русское войско; последнее не имело возможности сопротивляться и побежало в ужасе к реке Пьяне. Князь Иван Дмитриевич нижегородский утонул при переправе вместе со множеством бояр, слуг и простых ратников, другие были перебиты татарами.

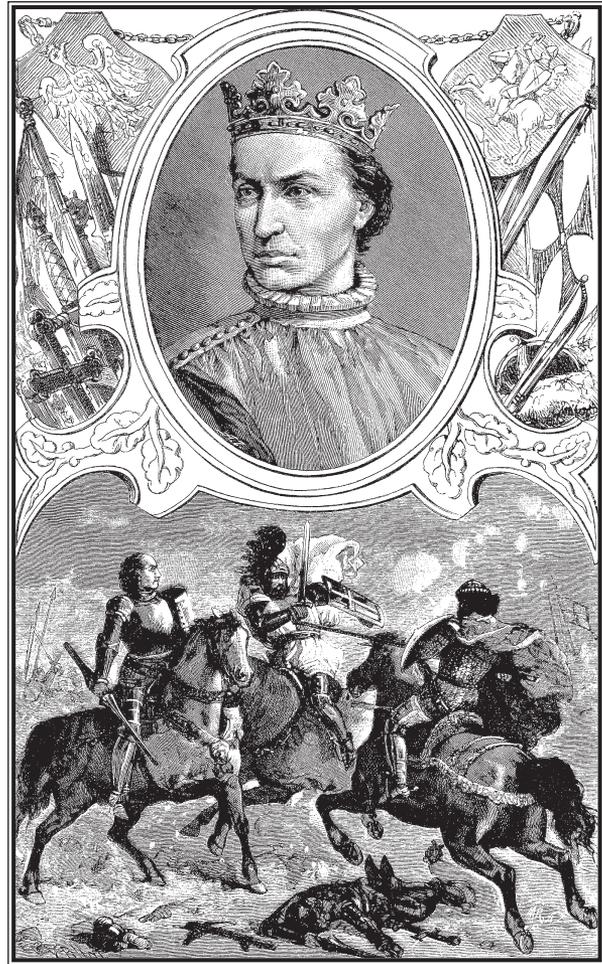
Арапша явился перед Нижним, откуда князь Дмитрий Константинович выбежал в Суздаль, а жители разбежались на судах по Волге к Городцу. Татары перехватили тех, которые не успели спастись, сожгли город, опустошили окрестности и ушли назад; в том же году Арапша пограбил и места за Сурой (Засурье), потом перебил русских гостей; пришел неожиданно на Рязань, взял ее, причем сам князь Олег, истрелянный, едва вырвался из рук татарских.

В следующем, 1378 году татары явились опять перед Нижним; князя не было тогда в городе, а жители разбежались за Волгу. Приехав к Нижнему из Городца, князь Дмитрий Константинович увидел, что нельзя отстоять города от татар, и потому послал к ним окуп; но татары не взяли окупа и сожгли Нижний, потом повоевали весь уезд и Безеровое поле.

Управившись с Дмитрием нижегородским, Мамай отправил князя Бегича с большим войском на Дмитрия московского. Но тот узнал о приближении неприятеля, собрал силу и выступил за Оку в землю Рязанскую, где встретился с Бегичем на берегах реки Вожи. 11 августа к вечеру татары переправились через эту реку и с криком помчались на русские полки, которые храбро их встретили: с одной стороны ударил на них князь пронский Даниил, с другой — московский окольный Тимофей, а сам великий князь Дмитрий ударил на них с фронта. Татары не выдержали, побросали копыя и бросились бежать за реку, причем множество их перетонуло и было перебито. Ночь помешала преследовать врага, а на другое утро был сильный туман, так что только к обеду русские могли двинуться вперед и нашли в степи весь неприятельский обоз.

Говорят, что вожское поражение привело в ярость Мамай, и он не хотел успокоиться до тех пор, пока не отомстит Дмитрию. Есть любопытное известие, будто советники Мамаю говорили ему: «Орда твоя оскудела, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли нанять генуэзцев, черкес, ясов и другие народы». Мамай послушался этого совета, и когда собралось к нему множество войска со всех сторон, то летом 1380 года он перевез за Волгу и стал кочевать при устье реки Воронеж. Ягайло литовский, который имел много причин недоброжелательствовать московскому князю, вступил в союз с Мамаем и обещал соединиться с ним 1 сентября.

Узнав об этом, Дмитрий стал немедленно собирать войска; послал за полками и к князьям подручным — ростовским, ярославским, белозерским; есть известие, что князь Тверской прислал войско с племянником своим Иваном



Ягайло (Владислав II Ягелло).

Гравюра из книги «Изображения польских князей и королей». 1888 г.

Всеволодовичем холмским¹. Не соединился с Москвой один потомок Святослава черниговского, Олег рязанский: более других князей русских он был напуган татарами; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошению от не очень значительного отряда татар, а теперь Мамай стоит на границах с громадным войском, пограничная Рязань будет первой добычей которого в случае сопротивления.

Дмитрий назначил всем полкам собираться в Коломну к 15 августа, отправив наперед сторожей в степь, которые должны были извещать его о движениях Мамаю. Перед выступлением из Москвы великий князь отправился в Троицкий монастырь, недавно основанный св. пустынником Сергием; Сергей благословил Дмитрия на войну, обещая победу, хотя соединенную с сильным кровопролитием, и отпустил с ним в поход двух монахов — Пересвета и Ослябю, из которых первый был прежде боярином в Брянске, и оба отличались в миру своим мужеством.

¹ Известие очень вероятное, ибо мы видели, что Михаил обязался помогать Дмитрию в войне с татарами. Замечательно, что не упоминается о князьях нижегородских. (Примеч. автора.)



Куликовская битва.

Гравюра по рисунку М. В. Васнецова. XIX в.

Оставив в Москве при жене и детях воеводу Федора Андреевича, Дмитрий выехал в Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не выдвали на Руси,— 150 тыс. человек! Весть о сильном вооружении московского князя, должно быть, достигла Мамай, и он попытался было сначала окончить дело миром; послы его явились в Коломну с требованием дани, какую великие князья платили при Узбеке и Джанибеке, но Дмитрий отверг это требование, соглашаясь платить только такую дань, какая была определена между ним и Мамаем в последнее свидание их в Орде.

20 августа великий князь выступил из Коломны и, пройдя границы своего княжества, стал на Оке, при устье Лопастны¹, осведомляясь о неприятельских движениях; здесь соединился с ним двоюродный брат его Владимир Андреевич серпуховской, приехал и большой воевода московский Тимофей Васильевич Вельяминов с остальными полками. Тогда, видя все полки свои в сборе, Дмитрий велел переправляться через Оку; в воскресенье, за неделю до Семенова дня (1 сентября), переправилось войско, в понедельник переехал сам великий князь с двором своим, и 6 сентября достигли Дона. Тут приспела грамота от преподобного игумена Сергия, благословение от святого старца идти на татар: «Чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти Бог и святая Богородица»,— писал Сергей.

Устроили полки, начали думать; одни говорили: «Ступай, князь, за Дон», а другие: «Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва и рязанцы». Дмитрий принял первое мнение и велел мостить мосты и искать броду; в ночь 7 сентября начало переправляться войско за Дон; утром на другой день, 8 сентября, на солнечном восходе был

густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки строились уже за Доном, при устье Непрядвы.

Часу в двенадцатом начали показываться татары: они спускались с холма на широкое Куликово поле; русские также сошли с холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала как скошенное сено и татары начали одолевать.

Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и воеводы московского, Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка. Появление свежих сил на стороне русских решило участь битвы: Мамай, стоявший на холме с пятью знатнейшими князьями и смотревший оттуда на сражение, увидел, что победа склонилась на сторону русских, и обратился в бегство; русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич стал на костях и велел трубить в трубы; все оставшиеся в живых ратники собрались на эти звуки, но не было великого князя Дмитрия. Владимир стал расспрашивать: не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко раненного и потому должно искать его между трупам; другие, что видели, как он отбивался от четырех татар и бежал, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненный, пешком возвращался с боя. Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтобы все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто его найдет.

Войско рассеялось по полю; нашли труп любимца Дмитриева Михаила Андреевича Бренка, которого перед началом битвы великий князь поставил под свое черное знамя, велел надеть свои латы и шлем; остановились над

¹ Как видно, это движение в сторону на запад нарочно было предпринято для соединения с Владимиром Андреевичем серпуховским. (Примеч. автора.)

трупом одного из князей белозерских, похожего на Дмитрия; наконец двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышавшего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получив весть, что Дмитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем; панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны.

Летописцы говорят, что такой битвы, как Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; от подобных битв давно уже отвыкла Европа. Западная Европа была спасена от азиатов. Таково всемирно-историческое значение Куликовской битвы; собственно, в русской истории она служила освящением новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на северо-востоке.

Но Куликовская победа была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением. Когда, говорит предание, великий князь велел счесть, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего 40 тысяч человек, тогда как в битву вступило больше 400 тысяч. Четверо князей (двое белозерских и двое тарусских), тринадцать бояр и троицкий монах Пересвет были в числе убитых. Вот почему в украшенных сказаниях о Мамаевом побоище мы видим, что событие это, представляясь, с одной стороны, как великое торжество, с другой — представляется как событие плачевное, жалость. Была на Руси радость великая, говорит летописец, но была и печаль большая по убитым от Мамаю на Дону; оскудела совершенно вся земля Русская воеводами, и слугами, и всяким воинством, и от этого был страх большой по всей земле Русской. Это оскудение дало татарам еще кратковременное торжество над куликовскими победителями.

Цифры, приводимые С. М. Соловьевым — до 400 тыс. принимавших в Куликовской битве русских войск, из которых в живых осталась десятая часть, — действительно встречались в некоторых средневековых летописях, однако нужно отметить, что они явно преувеличены. В целом определение численности участников Куликовской битвы и потерь сторон очень разнятся. Некоторые исследователи полагают, что в сражении участвовало от 6 до 10 тысяч русских войск и примерно столько же татар, причем в основном это были всадники, так что сама битва представляла по сути своей конное сражение. В. Н. Татищев и другие придерживались мнения, что Дмитрию Донскому удалось собрать под свои знамена порядка 60 тыс. Большинство современных историков склонны считать, что русских войск было около 20 тыс., татар — в полтора-два раза больше. Очень приблизительно оцениваются потери: армия Дмитрия Донского потеряла примерно половину воинов, татары — от 80 до 90 %.

Мамай, возвратившись в Орду, собрал опять большое войско с тем, чтобы идти на московского князя, но был остановлен другим врагом: на него напал хан заяицкий Тохтамыш. На берегах Калки встретился Мамай с Тохтамышем, был разбит и бежал в Кафу к генуэзцам, которые убили его¹.

Тохтамыш, овладев Золотой Ордой, отправил к московскому и другим князьям русским послов известить их о своем воцарении. Князья приняли послов с честью и отправили

своих послов в Орду с дарами для нового хана. Тохтамыш решил разогнать этот страх, который напал на татар после Куликовской битвы; в 1382 году он велел пограбить русских гостей в Болгарии, перехватить их суда, а сам внезапно с большим войском перевезся через Волгу и пошел к Москве, наблюдая большую осторожность, чтобы в Русской земле не узнали о его походе.

Эти скрытность и поспешность Тохтамыша показывают всего лучше перемену в татарских отношениях вследствие Куликовской битвы: хан надеется иметь успех, только нападая врасплох на московского князя, боится встретить его войско в чистом поле, употребляет осторожность, хитрость — орудие слабого — и тем самым обнаруживает слабость Орды перед новым могуществом Руси.

Дмитрий московский, узнав о приближении татар, хотел было выйти к ним навстречу; но область его, страшно оскудевшая народом после Куликовского побоища, не могла выставить вдруг достаточного числа войска, и великий князь уехал сперва в Переяславль, а потом в Костромь собирать полки.

Тохтамыш взял Серпухов и приближался к Москве, где без князя встало сильное волнение: одни жители хотели бежать, а другие хотели запереться в кремле. Начались распри, от распри дошло до разбоя и грабежа: кто хотел бежать вон из города, тех не пускали, били и грабили; не пустили ни митрополита Киприана, ни великую княгиню Евдокию, ни больших бояр; во всех воротах кремлевских стояли с обнаженным оружием, а со стен метали камнями в тех, кто хотел выйти из города, насилу наконец согласились выпустить митрополита и великую княгиню.

Между тем внутри кремля добрые люди молились день и ночь, а другие вытащили из погребов боярских меды и начали пить; хмель ободрил их, и они стали хвастаться: «Нечего нам бояться татар, город у нас каменный, крепкий, ворота железные. Татары долго не простоят под городом, потому что им будет двойной страх: из города будут нас бояться, а с другой стороны — княжеского войска, скоро побегут в степь». Некоторые вошли на стены и начали всячески ругаться над татарами; те грозили им издали саблями.

На другой день, 24-го числа, подошел к кремлю сам Тохтамыш и началась осада. Татары пускали стрелы как дождь, стреляли без промаха, и много падало осажденных в городе и на ственных забралах; неприятель поделал уже лестницы и лез на стены, но граждане лили на него из котлов горячую воду, кидали камнями, стреляли из самострелов, пороков, *тюфяков* (ружей) и пушек, которые здесь в первый раз упоминаются. Три дня уже бились татары под кремлем, и не было надежды взять его силой. Тогда хан вздумал употребить хитрость: на четвертый день подъехали к стенам большие князья ордынские и с ними двое князей нижегородских, Василий и Семен, шурья великого князя Дмитрия; они стали говорить осажденным: «Царь хочет жаловать вас, своих людей и улусников, потому что вы не виноваты: не на вас пришел царь, а на князя Дмитрия, от вас же он требует только, чтобы вы встретили его с князем Остеем и поднесли небольшие дары. Хочется ему поглядеть ваш город и побывать в нем, а вам даст мир и любовь».

Те поверили, отворили кремлевские ворота, и вышли лучшие люди со князем Остеем, с крестами и с дарами. Но татары сперва взяли к себе тайком в стан князя Остея и убили его; потом подошли к воротам и начали без милости рубить духовенство, ворвались в кремль, всех жителей

¹ Согласно современным данным, генуэзцы не пустили Мамай в Кафу (Феодосию), однако убит он был не ими, а в схватке с разрездом Тохтамыша.



Великий князь Дмитрий Иванович Донской.
Гравюра. XIX в.

побили или попленили, церкви разграбили, взяли казну княжескую, имение частных людей, пожгли и книги, которых множество отовсюду было снесено в кремль. Эта беда случилась 26 августа.

Взяв Москву, Тохтамыш распустил рать к Владимиру и Переяславлю; другие отряды взяли Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров; волости и села попленили; Переяславль был сожжен, но многие жители его успели спастись в лодках на озеро. Великий князь Дмитрий с семейством укрылся в Костроме; митрополит Киприан — в Твери. Между тем князь Владимир Андреевич стоял близ Волока с большой силой; один из Тохтамышевых отрядов, не зная об этом, подъехал к нему и был разбит. Испуганные татары прибежали к хану с вестью о большом русском войске — и тогда опять ясно обнаружилась решительная перемена в отношениях Руси к татарам, обнаружилось следствие Куликовской битвы: едва успел узнать Тохтамыш, что великий князь стоит в Костроме, а брат его Владимир у Волока, как тотчас стянул к себе все свои войска и пошел назад, взяв по дороге Коломну и опустошив Рязанскую землю.

По уходе татар великий князь и брат его Владимир возвратились в свою опустошенную отчину, поплакали и велели хоронить убитых: Дмитрий давал за погребение 80 тел по рублю и издержал на это 300 рублей, следовательно, погребено было 24 тыс. человек.

Не одни отношения татарские занимали Дмитрия после Куликовской битвы. Союзник Мамаев, Олег рязанский, знал, что ему нечего ожидать добра от московского князя, и потому, приказав по возможности препятствовать возвра-

щению московских войск через свою землю¹, сам убежал в Литву. Дмитрий послал было в Рязань своих наместников, но увидел, что еще трудно будет удержать ее против Олега, и потому помирился с последним.

Ягайло уже не мог продолжать борьбу с Дмитрием московским, потому что внутренние дела заняли все его внимание. Мы видели, что Витовт освободился из плена, следовательно, Ягайлу начала грозить борьба с опасным врагом. Но изгнанник не мог действовать против двоюродного брата одними собственными средствами и вошел в сношения с Немецким орденом, обязавшись в случае, если рыцари помогут ему возвратить отчину, объявить себя подручником ордена. Для последнего не могло быть ничего лестнее подобной сделки: орден достигал таким образом верховной власти над Литвой, поделенной между враждебными князьями. Великий магистр послал объявить Ягайлу, чтобы он позволил возвратиться в Литву и вступить во владение отчиной Кейстутовичам, находящимся под высокой рукой ордена. Ягайло не послушался, и война открылась.

В такой беде Витовт решился на самые большие жертвования, чтобы получить более деятельную помощь от ордена: он принял католицизм, объявил себя вассалом ордена и уступил последнему в полное владение лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Но к счастью для Литвы, князья ее поспешили вовремя прекратить усобицу: Ягайло предложил Витовту значительные волости и возобновленные прежней братской любви, если он захочет отказаться от союза с общим врагом. Витовт охотно принял предложение, захватил два орденских замка, переменял католицизм на православие, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы с немцами.

Примирение Витовта с двоюродным братом принесло ордену большие потери; но эти потери были только предвестницами страшной опасности, которая начала грозить ему от соединения Литвы с Польшей вследствие брака Ягайла на Ядвига, наследнице польского престола.

В 1386 году совершен был брак Ягайла с Ядвигой, имевший такое великое влияние на судьбы Восточной Европы. Согласно с условиями, Ягайло отрекся от православия, причем прежнее имя Яков переменял на Владислав; ему последовали родные братья, Ольгердовичи, и двоюродный Витовт, приехавший с ним на свадьбу в Краков.

Ягайло спешил исполнить и обещание относительно распространения католицизма в Литве: здесь уже прежде было распространено православие; половина виленских жителей исповедовала его. Но так как православие распространилось само собой, без особенного покровительства и пособий со стороны светской власти, то поэтому оно распространялось медленно. Но если католицизму легко было сладить с язычниками собственной Литвы, то очень трудно было бороться с православием, имевшим здесь издавна многочисленных и верных приверженцев. Наступательные действия латинства против него начались немедленно: постановлено было, что русские, выходявшие замуж за католиков, должны принимать исповедание мужей своих, а мужья православной веры должны принимать исповедание жен; есть даже известие, что православная церковь в Литве имела мучеников при Ягайле.

¹ В договоре Василия Дмитриевича с Олеговым сыном Федором говорится о московских воинах, возвращавшихся с Дона и захваченных в земле Рязанской. (Примеч. автора)

Новый польский король назначил наместником Литвы брата своего Скиргайла. Характер Скиргайла польские историки описывают самыми черными красками: он был дерзок и жесток, не дрожал ни перед каким злодейством, был почти постоянно в нетрезвом виде и потому был нестерпим для окружающих, которые никогда не могли считать себя в безопасности в его присутствии. Иначе отзываются о нем православные летописцы, называя его князем чудным и добрым. Причина такого разноречия ясна: Скиргайло оставался верен православию и потому был любим русским народом.

В таком положении находились дела на востоке и западе, когда в 1389 году умер великий князь московский Дмитрий, еще только 39 лет от рождения. Дед, дядя и отец Дмитрия в тишине приготовили богатые средства к борьбе открытой, решительной. Заслуга Дмитрия состояла в том, что он умел воспользоваться этими средствами, умел развернуть приготовленные силы и дать им вовремя надлежащее употребление.

Наружность Дмитрия описывается таким образом: «Бяше крепок и мужествен, и телом велик, и широк, и плечист, и чреват вельми, и тяжек собой зело, брадой ж и власы черн, взором же дивен зело». В житии прославляется строгая жизнь Дмитрия, отвращение от забав, благочестие, незлобие, целомудрие до брака и после брака; между прочим, говорится: «Аще и книгам неучен беаше добре, но духовныя книги в сердце своем имяше».

Кончина Дмитрия описывается таким образом: «Разболеся и прискорбен бысть вельми, потом же легчае бысть ему; и паки ваде в большую болезнь и стенание прииде к сердцу его, яко торгати внутреним его, и уже приближися к смерти душа».

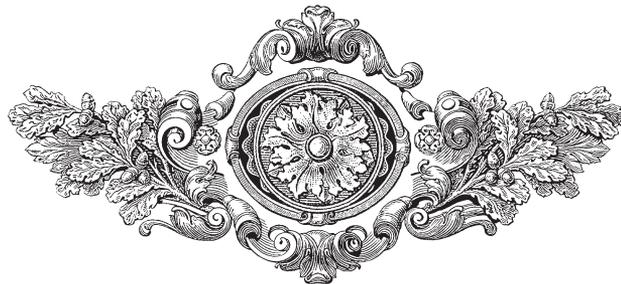
Важные следствия деятельности Дмитрия обнаруживаются в его духовном завещании; в нем встречаем неслыханное прежде распоряжение: московский князь благословляет старшего своего сына Василия великим княжением Владимирским, которое зовет своей отчиной. Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля. Другие города Московского княжества разделены между

четырьмя сыновьями: Коломна — старшему Василию, Звенигород — Юрию, Можайск — Андрею, Дмитров — Петру. Завещание было написано прежде рождения самого младшего сына Константина, и потому на его счет сказано следующее: «А даст Бог сына, и княгиня моя поделит его, взявши по доли у больших его братьев».

Княгине своей Дмитрий завещал несколько волостей из уделов каждого сына с тем, чтобы по смерти ее эти волости отошли к тому князю, к уделу которого принадлежали; но теми волостями, которые *примыслил* сам Дмитрий и дал жене или которые она сама *примыслила*, великая княгиня могла распорядиться по произволу: «Сыну ли которому даст, по душе ли даст». Наконец, завещатель выражает надежду, что сыновья его перестанут давать выход в Орду¹.

Говоря о важном значении княжения Дмитриева в истории Северо-Восточной Руси, мы не должны забывать и деятельности бояр московских: они, пользуясь обстоятельствами, отстаивали права своего малолетнего князя и своего княжества, которым и управляли до возмужалости Дмитрия. Последний не остался неблагодарен людям, которые так сильно хотели ему добра; доказательством служат следующие места жития его, обнаруживающие всю степень влияния бояр на события Дмитриева княжения.

Чувствуя приближение смерти, Дмитрий, по словам сочинителя жития, дал сыновьям следующее наставление: «Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте против их службы, без воли их ничего не делайте». Потом умирающий князь обратился к боярам с такими словами: «Вы знаете, каков мой обычай и нрав, родился я перед вами, при вас вырос, с вами царствовал; воевал вместе с вами на многие страны, противникам был страшен, поганых низложил с Божиею помощию и врагов покорил, великое княжение свое сильно укрепил, мир и тишину дал Русской земле, отчину свою с вами сохранил, вам честь и любовь оказывал, под вами города держал и большие волости, детей ваших любил, никому зла не сделал, не отнял ничего силой, не досадил, не укорил, не ограбил, не обесчестил, но всех любил, в чести держал, веселился с вами, с вами и скорбел, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моей»².



¹ «А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». (Примеч. автора.)

² Пусть эта речь выдумана, изукрашена сочинителем, для нас важны не собственные слова великого князя, но то, как представлялись современникам отношения его к боярам. (Примеч. автора.)



ГЛАВА 22

Присоединение к Москве княжества Нижегородского.— Столкновение великого князя с дядей Владимиром Андреевичем Донским.— Отношения к Новгороду Великому.— Отношения Москвы к Рязани и Твери.— Нашествие Эдигея на Москву.— Отношения литовские.— Отношения Литвы к Польше и Тевтонскому ордену.— Борьба Пскова и Новгорода с Ливонским орденом.— Борьба Новгорода со шведами.— Смерть Василия Димитриевича.

Молодой сын Донского в самом начале княжения своего показал, что останется верен преданию отцовскому и дедовскому. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское, которое незадолго перед тем выпросил себе в Орде же Борис Константинович. Немного спустя приехал в Нижний Василий Димитриевич, посадил здесь своих наместников, а князя Бориса с женой, детьми и доброхотами велел развести в окрестностях по разным городам и держать под крепкой стражей. По тому же ярлыку кроме Нижнего Василий приобрел Городец, Муром, Мещеру, Тарусу.

Утверждение нового порядка вещей не обошлось без сопротивления и в самом роде князей московских: в первый же год княжения Василия встречаем известие о ссоре великого князя с дядей Владимиром Андреевичем, который выехал из Москвы сперва в свой наследственный город Серпухов, а потом в новгородскую область, в Торжок. Но в начале следующего года находим уже известие о мире между дядей и племянником: Василий придал Владимиру к его отчине два города — Волок и Ржев. Договор дошел до нас: великий князь выговаривает себе право посылать дядю в поход, и тот должен садиться на коня без ослушания.

С Новгородом Великим началась у московского князя вражда в 1393 году. Давно уже новгородцы одним из главных условий своих с великими князьями ставили, чтобы не звать их к суду в низовые города; в 1385 году они вздумали приобрести то же право и в отношении к суду церковному. Посадник и тысяцкий созвали вече, где все укрепились крестным целованием не ходить в Москву на суд к митрополиту, а судиться у своих владык по закону греческому; написали об этом и утвержденную грамоту.

Московский князь, хорошо зная, что зависеть от митрополита значило зависеть от Москвы, не хотел позволить новгородцам отложиться от суда митрополичьего: примыслив Нижний Новгород, он послал сказать гражданам Великого, чтобы дали ему черный бор, заплатили все княжеские пошлины (княжчины) и чтобы отослали грамоту о суде к митрополиту, который снимет с них грех клятвоступления. Новгородцы не согласились, и великий князь отправил дядю своего Владимира Андреевича и брата Юрия с войском к Торжку. Новоторжцы побежали с женами и детьми в Новгород и другие места, и много народу из новгородских волостей сбежалось с домочадцами своими в Новгород. Князь Владимир и Юрий сели в Торжке, а рать распустили воевать новгородские волости; взяты были Волок-Ламский и Вологда.

Между тем новгородская охочая рать с двумя князьями (Романом литовским и Константином белозерским) и пятью своими воеводами начала воевать великокняжеские волости, взяла Кличен-городок и Устюжню, а из Заволочья новгородцы с двинянами взяли Устюг. Много было кровопролития с обеих сторон, и новгородцы, по словам их летописца, не желая видеть большего кровопролития между христианами, отправили послов к великому князю с челобитием о старине, а к митрополиту отослали грамоту целовальную; митрополит отвечал: «Я грамоту целовальную беру, грех с вас снимаю и благословляю вас».

Три года прошло мирно. В 1395 году митрополит Киприан приехал в Новгород вместе с послом патриаршим и запросил суда; новгородцы суда ему не дали, и несмотря на то, при отъезде он благословил владыку Ивана и весь Великий Новгород. Но в 1397 году великий князь вдруг послал за Волок на Двину бояр своих, приказав объявить всей Двинской свободе (колонии): «Чтоб вам задаться за великого князя, а от Новгорода бы отняться? Князь великий хочет вас от Новгорода оборонять, хочет стоять за вас».

В дошедших до нас летописях выставлена одна причина такого поступка великокняжеского: Василий Димитриевич вместе с Витовтом литовским отправили послов своих к новгородцам с требованием разорвать мир с немцами; новгородцы не послушались князей и дали такой ответ в Москву: «Князь Василий! С тобой у нас мир, с Витовтом другой, с немцами третий!»

На следующий (1398) год, весной, новгородцы сказали своему господину владыке отцу Иоанну: «Не можем, господин отец, терпеть такого насилия от своего князя великого, Василия Димитриевича, что отнял у нас, у святой Софии и у Великого Новгорода пригороды и волости,

нашу отчину и дедину, хотим поискать их», — и далее: «Или найдем свою отчину, или головы свои положим за святую Софию и за своего господина, за Великий Новгород». Владыка Иоанн благословил своих детей, и новгородцы с тремя воеводами отправились за Волок, на Двину, к городку Орлецу.

Новгородцы захватили и Кубенские волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюг, где оставались четыре недели; отсюда двое воевод с детьми боярскими ходили к Галичу и только одного дня не дошли до него. Добычу взяли новгородцы страшную: пленников отпустили на окуп, потому что уже ладьи не поднимали, и многое принуждены были бросить. С торжеством возвратилось новгородское войско домой, из 3000 человек потеряв только одного.

В 1401 году владыка был позван к митрополиту Киприану в Москву для святительских дел, но был задержан там и пробыл в наказании и смирении три с лишним года. Потом, под 1406 годом, встречаем известие о приезде в Новгород князя Петра, брата великокняжеского; в 1408 году великий князь послал наместником в Новгород брата своего Константина, чего уже давно не бывало.

Не прекратилась вражда Новгорода со Псковом. Угрожаемый немцами и Литвой, оставляемый без помощи Новгородом, Псков необходимо должен был обратиться к сильному князю Московскому, который теперь имел возможность заняться его делами, оборонить отчину св. Ольги. И вот с последнего года XIV века в Пскове происходит важная перемена: он начинает принимать князей от руки великого князя Московского.

Таким образом, сын Донского примыслил богатые волости на берегах Оки и Волги, утвердил свое влияние в Пскове, заставил новгородцев держать свое княжение честно и грозно, потому что грозил постоянно их богатым колониям заволоцким.

Рязань и Тверь, слабые, волнующие усобицами, не могли и думать о борьбе с Москвой, но все более и более подчинялись ее влиянию. В 1402 году великий князь Московский Василий от имени всех родичей — дяди Владимира Андреевича и троих родных братьев — Юрия, Андрея и Петра — заключил договор с великим князем Рязанским Федором Ольговичем. Великий князь Рязанский обязывался держать великого князя московского старшим братом, младших его братьев равными себе братьями, меньших братьев младшими, а также обещал не приставать к татарам; он выговорил себе право отправлять посла (киличея) в Орду с подарками, право принять у себя татарского посла с честью для добра христианского, но при этом обязывался давать знать в Москву, если вздумает послать киличея, равно как передавать в Москву все вести ордынские.

В 1399 году умер тверской князь Михаил, последний опасный соперник московского князя. Мир, господствовавший в Тверских волостях в продолжение 25 лет по окончании борьбы с Москвой, дал Михаилу досуг обратить свою деятельность на устроение внутреннего наряда; и автор сказания о его смерти говорит, что в княжение его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговые злые тамги истребились, о насилиях и грабежах нигде не было слышно. Вообще о Михаиле встречаем в летописях такой отзыв: «Был он крепок, сановит и смышлен, взор имел грозный и дивный».

Между тем летописи говорят о нападениях татар на Рязань: два раза пустошили они это пограничное со степью княжество безнаказанно, в третий были побиты князем

Олегом. В 1391 году Тохтамыш послал какого-то царевича Бектута, которому удалось взять Вятку, перебить и поглотить ее жителей; как видно, этот поход был предпринят с целью отомстить вятчанам за их ушкуйничество¹.

Более важных предприятий нельзя было ожидать со стороны Тохтамыша, потому что к смятением внутренним присоединялась еще борьба с Тамерланом. В конце XIV века для Азии повторились времена Чингисхановы: сын небогатого чагатайского князька, Тимур, или Тамерлан, начал в середине XIV века поприще свое мелким грабежом и разбоями, а в 1371 году владел уже землями от Каспийского моря до Маньчжурии. После разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю; в продолжение 12 лет летописец раза три упоминает только о пограничных шибках хищнических отрядов татарских с рязанцами, причем успех большей частью оставался на стороне последних. Наконец, обращение с татарами переменилось в областях московских: над послами и гостями ордынскими начали смеяться и мстить им за прежнее разными притеснениями.

В это время, как во время Мамаево, всеми делами в Орде заведовал князь Эдигей. Долго терпел он презрительное обращение московского князя с бывшими повелителями; наконец решился напомнить ему о себе. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмелился явно напасть на Москву, встретиться в чистом поле с ее полками; только от хитрости и тайны ждал он успеха: дал знать великому князю, что хан со всей Ордой идет на Витовта, а сам с необыкновенной скоростью устремился к Москве. Василий Димитриевич, застигнутый врасплох, оставил защищать Москву дядю Владимира Андреевича и братьев своих Андрея и Петра Димитриевичей, а сам с княгиней и детьми уехал в Кострому. Жители Москвы смутились, от страха побежали в разные стороны, не заботясь об имении, чем воспользовались разбойники и воры и наполнили руки свои богатством.

Посады были уже выжжены, когда явились татары Эдигея и со всех сторон облегли город. Остановившись у Москвы, Эдигей разослал в разные стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Новгород Нижний, Городец, Клин; много народу погибло от татар, и от жестокого холода и вьюга.

Между тем Эдигей стоял спокойно под Кремлем; сберегая людей и помня неудачу Тохтамышеву, он не делал приступов, а хотел зимовать и принудить к сдаче голодом. Уже месяц стоял Эдигей под Москвой, как вдруг пришла к нему весть из Орды от хана, чтобы шел немедленно домой, потому что какой-то царевич напал на хана. Осажденные ничего не знали об этом, и когда Эдигей прислал к ним с миром, то они с радостью заплатили ему три тысячи рублей за отступление; Эдигей поспешно поднялся и вышел из русских пределов, взяв по дороге Рязань (1408 г.).

Но и после нашествия Эдигеева московский князь три года не ездил в Орду сам и не посылал туда ни родственников своих, ни бояр больших; только в 1412 году, когда новый хан Зелени-Салтан (Джелал ад-Дин), сын Тохтамыша, дал изгнанным нижегородским князьям ярлык на их отчину,

¹ *Ушкуйники* — вооруженная дружина, которая снаряжалась новгородскими купцами и боярами, разезжала на ушкуях (парусно-гребных судах) и занималась как торговым промыслом, так и набегами на Волге и Каме. В более широком смысле термин *ушкуйничество* использовался для обозначения пиратства, разбойничества.

Василий Дмитриевич поехал в Орду с большим богатством и со всеми своими вельможами.

Это последнее известие об отношениях Москвы к Орде в княжение Василия Дмитриевича; после встречаем только известия о нападениях татарских на пограничные со степью русские области: в 1410 году татары напали внезапно на Рязань, но были отбиты и потеряли добычу; в 1414-м они воевали по Задонью, взяли Елец и убили тамошнего князя; в 1422 году они прогнаны были из области Одоевской; в 1424 году хан Куидадат вошел в Одоевскую область, простоял здесь три недели и отправился к Рязани, но здесь встречен был русскими войсками и поражен.

Опаснее была Литва. Сначала орден не давал Витовту досуга обратить свое внимание на восток; великий магистр Конрад фон Юнгинген хотел воспользоваться борьбой между Ягайлом и младшим братом его, Свидригайлом Ольгердовичем витебским (который, по обычаю, отдался под покровительство ордена), и в 1394 году осадил Вильно. Но несмотря на многочисленность осаждавших, их искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерию, осажденные отбивались с таким мужеством, что магистр, потеряв треть войска, множество лошадей и рядов, принужден был снять осаду и заключить мир с Витовтом, чтобы только беспрепятственно выйти из Литвы.

Кроме немцев и Свидригайла, Витовт, став великим князем Литовским, должен был вести войну с Дмитрием Корибутом, князем Северским, и Федором Кориатовичем, князем Подольским.

Во время владычества Рюриковичей над Южной Русью Подолия была мало заселена. После Батые утвердились здесь татары. Ольгерд разбил трех братьев, князей татарских — князя Хочебоя, Кутлубуга и Дмитрия, которые были, по выражению летописца, «отчичи и дедичи Подольской земли». Ольгерд отдал эту землю сыновьям князя Кориата, которые населили страну и построили в ней городов. Три старших Кориатовича умерли без наследников; младший, Федор, остался один господином Подолии и не хотел признавать власти Витовта; тогда последний выгнал Федора из Подолии и взял ее себе; потом продал половину Польше, опять выкупил и держал за собой до самой смерти своей, после чего поляки насильственно отторгнули ее от Литвы.

Примечание С. М. Соловьева

Мир с немцами дал Витовту возможность обратить внимание на восток и примыслить важную волость Смоленскую. В Смоленске происходила в это время сильная усобица между князем Юрием Святославичем и братьями его за уделы и за то, что ни один брат не хотел служить другому. Смоленские князья обрадовались, что нашелся беспристрастный третий судья, который рассудит их по всей справедливости и разделит им вотчину по жребию: все они собрались и поехали к Витовту с дарами, но Витовт, взяв дары, велел перехватить всех князей и отослал их в Литву, потом подступил к городу, пожег посады, взял крепость и посадил здесь своих наместников (1395 г.).

Намерение Витовта овладеть Новгородом обнаруживается в договоре его с орденом в 1398 году: здесь Витовт обещался ордену помогать ему в завоевании Пскова, за что орден со своей стороны обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода.

Но война с последним была отложена, потому что Витовт обратил внимание на дела ордынские, вмешательство

в которые обещало ему выгоды более важные. По удалении Тамерлана на юг Тохтамыш попытался было снова утвердиться в Золотой орде, но был изгнан ханом Темир-Кутлуем и отдался в покровительство Витовту, который обещал ему возратить Кипчак с тем, чтобы Тохтамыш потом помог ему овладеть Москвой.

В 1399 году Витовт собрал огромное войско; кроме руси, литвы, жмуди и татар Тохтамышевых здесь были полки волошские, польские и немецкие, ибо и находившийся тогда в мире с Витовтом великий магистр ордена прислал ему отряд войска; одних князей летописцы насчитывают до пятидесяти.

Перед выступлением в поход к Витовту явились послы от Темира-Кутлуя. «Выдай мне беглого Тохтамыша, — велел сказать ему хан, — он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша: нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг; так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе». Витовт велел отвечать на это: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

На берегах Ворсклы произошло это свидание, в поле чистом, в земле Татарской. Испуганный хан соглашался на все требования Витовта, который, видя такую уступчивость, начал требовать, чтобы на деньгах ордынских чеканилось клеймо литовского князя; хан просил три дня срока подумать. Но в это время пришел к нему Эдигей; старик, узнав об условиях, сказал хану: «Лучше нам умереть, чем согласиться на них», — и послал к Витовту требовать личных переговоров. Литовский князь выехал на берег Ворсклы, и Эдигей стал ему говорить с другого берега: «По праву взял ты наше-го хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод. Но я старше еще тебя, так следует тебе быть моим сыном, дани давать каждый год, клеймо мое чеканить на литовских деньгах».

Витовт рассвирепел и велел немедленно полкам своим сходить на битву. Сначала полки Витовта схватились с полками Эдигея; с обеих сторон стреляли из самострелов и пищалей, но они плохо действовали в чистом поле. Несмотря на то, Витовтова рать крепко боролась, падали стрелы как дождь, и стали полки Витовта перемогать князя Эдигея.

Но в это время обошли кругом полки Темир-Кутлуя, вступили в битву и одолели силу литовскую. Тохтамыш первым обратился в бегство и в этом бегстве много народа побрал и много литовской земли пограбил. Победители взяли весь обоз Витовта, который едва успел убежать с небольшой дружиной; татары гнались за ним 500 верст до самого Киева: став под этим городом, Темир-Кутлуй распустил свою силу воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути. Киев откупился 3 тыс. рублей, причем Печерский монастырь заплатил от себя 30 рублей, и хан ушел в степи, оставив Литовскую землю в плаче и скудости: летописец насчитывает между убитыми 20 с лишним князей¹.

¹ Этим 20 с лишним князей летописец высчитывает по имени; а потом говорит, что всех князей убито 74. Но откуда же взялось 74, когда всех князей было 50? Касательно окупа с Киева в одних летописях находим 3 тыс., в других только 500 рублей. (Примеч. автора.)

Важность битвы при Ворскле для судеб Восточной Европы не подлежит сомнению: конечно, нельзя нисколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша над Тамиром Кутлуме имело бы необходимым следствием подчинение Москвы и остальных княжений Восточной Руси Витовту; но нельзя также не признать, что опасность Москве от этого торжества грозила большая.

Витовт приутих и заключил с новгородцами мир по старине в 1400 году. В 1405 году он, послав объявление войны в Новгород, сам пошел с войском в Псковскую волость, тогда как псковский посол жил еще в Литве, и псковичи, ничего не зная, не могли подготовиться: Витовт взял город Коложе и вывел 11 тыс. пленн, мужчин, женщин и детей, не считая уже убитых; потом стоял два дня под другим городом, Вороначем, где литовцы накидали две лодки мертвых детей: такой гадости, говорит летописец, не бывало с тех пор, как Псков стал.

Между тем псковичи послали в Новгород просить помощи, и новгородцы прислали к ним полки с тремя воеводами, но Витовт уже вышел из русских пределов. Псковичи вздумали отомстить ему походом в его владения и звали с собой новгородцев: «Пойдемте, господа, с нами на Литву мстить за кровь христианскую», но воеводы новгородские боялись затрагивать страшного литовского князя и отвечали псковичам: «Нас владыка не благословил идти на Литву, и Новгород нам не указал, а идем с вами на немцев».

Псковичи рассердились, отправили новгородцев домой, а сами выступили в поход, повоевали Ржев, в Великих Луках взяли стяг Коложский, бывший в плену у Литвы, и возвратились с добычей. Мало того, в 1406 году псковичи подняли всю свою область и пошли к Полоцку, под которым стояли трое суток.

Но ни псковичи, ни новгородцы не надеялись одними собственными силами управиться с Витовтом и потому послали просить защиты у московского князя. Мы не знаем, какие были уговоры у Василия Дмитриевича с Витовтом относительно Смоленска, уже прежде принадлежавшего литовскому князю. Но нападение на псковские волости показывало ясно, что Витовт, ободренный взятием Смоленска, не хочет удовольствоваться этим одним примыслом, и московский князь не хотел ему уступать Псков и Новгород: Василий разорвал мир с тестем за псковскую обиду, отправил брата Петра в Новгород; потом, сложив вместе с тверским князем крестное целование к Витовту, собрал полки и послал их в Литовскую землю: они приступали к Вязьме, Серпейску и Козельску, но безуспешно.

С обеих сторон, и в Москве и в Литве, собирали большое войско, и осенью 1406 года московский князь выступил в поход и остановился на реке Плав, близ Кропивны, куда пришли к нему на помощь полки тверские с четырьмя князьями и татарские от хана Шадибека. Литовский князь также вышел навстречу к зятю с сильным войском, поляками и жмудью, но, по обычаю, битвы между ними не было: князья начали пересылаться, заключили перемирие до следующего года и разошлись, причем татары, уходя, пограбили русские области.

В следующем году отъехал из Литвы в Москву родной брат короля Ягайла, северский князь Свидригайло Ольгердович, постоянный соперник Витовта, и соперник опасный, потому что пользовался привязанностью православного населения в Южной Руси. Свидригайло приехал не один; с ним были владыка черниговский, шесть князей Юго-Западной Руси и множество бояр черниговских и северских. Московский князь не знал, чем изъязвить свое раду-



Битва на Ворскле.

Миниатора из Лицевого летописного свода. XVI в.

шие знаменитому выходцу: он дал Свидригайлу в кормление город Владимир со всеми волостями и пошлинами, селами и хлебами земляными и стоячими, также Переяславль (взятый, следовательно, у князя Нелюба), Юрьев-Польский, Волок-Ламский, Ржев и половину Коломны.

В июле приехал Свидригайло, в сентябре Василий с полками своими и татарскими уже стоял на границах, на берегу Угры, а на другом берегу этой реки расположился Витовт с литовцами, поляками, немцами и жмудью. Но и тут битвы не было: постояв много дней друг против друга, князья заключили мир и разошлись.

Витовт был сдержан: после мира на Угре, во все остальное время княжения Василия, он не обнаруживал больше неприятельских замыслов ни против Москвы, ни против Новгорода и Пскова. Но на северо-востоке не умели понять необходимости войны с литовским князем; видели вооружения сильные, но с первого взгляда бесполезные, видели странную борьбу, окончившуюся как будто ничем; сильно досадовали, что иноплеменику Свидригайлу дано так много богатых волостей; всего больше боялись и ненавидели татар: от них опасались вредных замыслов, и вот действительно Эдигей страшно опустошил московские владения.

Следя за отношениями московского князя к литовскому, мы видели обширные честолюбивые замыслы последнего: примыслив важную волость Смоленскую, Витовт хотел сделать то же с Новгородом и Псковом, хотел посадить своего хана в Кипчаке и с его помощью подчинить себе Москву. Но этот могущественный и честолюбивый князь был ни



Ян Матейко. Великий князь Витовт.
Фрагмент картины «Грюнвальдская битва». 1878 г.

Витовт (ок. 1350—1430) — великий князь Литовский (1392—1430). Сын Кейстута, племянник Ольгерда и двоюродный брат Ягайла. В 1397 г. разорил Великое княжество Рязанское, от чего выиграл великий князь Московский Василий, с почетом принявший Витовта в Коломне. В 1399 г. на Ворскле Витовт (в состав его войска, кроме русско-литовских князей, входили рыцари Тевтонского ордена и татары Тохтамыша, бежавшего к Витовту после поражения от Тамерлана) потерпел поражение от Едигея и Тимур-Кутлуга и потерял Великое княжество Смоленское (вернул в 1404 г.). Трижды (1406—1408) вторглся в пределы Великого княжества Московского. Отнял у татар Южную Подолию и расширил Великое княжество Литовское до Черного моря. В 1410 г. разгромил Тевтонский орден в Грюнвальдской битве. Его дочь Софья стала женой великого князя Московского Василия Дмитриевича, который в завещании (1423) отдавал жену и сыновей под защиту Витовта; после этого в 1427 г. Софья официально передала Великое княжество Московское под руку Витовта. Он к тому же заключил договоры, по которым его вассалами стали великие князья Тверской (1427) и Рязанский (1430) и князь Пронский (1430). Самым крайним восточным владением Витовта была Тульская земля.

кем иным, как вассалом двоюродного брата своего, короля Польского: могли ли Витовт терпеливо сносить такое положение, могли ли терпеливо сносить его Литва и Русь?

В 1398 году королева Ядвига прислала к Витовту письмо, в котором говорилось, что Ягайло отдал ей княжества Литовское и Русское в вено, вследствие чего она имеет право на ежегодную дань от них. Витовт собрал сейм в Вильно и предложил боярам литовским и русским вопрос: «Считают ли они себя подданными короны Польской в такой степени, что обязаны платить дань королеве?» Все единогласно отвечали: «Мы не подданные Польши ни под каким видом; мы всегда были вольны, наши предки никогда полякам дани не платили, не будем и мы платить, останемся при нашей прежней вольности». После этого поляки больше уже не толковали о дани.

Но если князь литовско-русский со своими боярами хотел независимости от Польши, то вельможи польские старались всеми силами соединить неразрывно Литву и Русь со своим государством: в 1401 году на Виленском сейме в присутствии Ягайла и Витовта было определено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова под власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва без Польши не выбирает великого князя, ни Польша без Литвы не выбирает короля: оба народа имеют общих врагов и друзей. В 1413 году связь с Польшей была еще более скреплена на сейме Городельском: дворянство литовское сравнено в правах с дворянством польским, за исключением, однако, православных.

Первым важным следствием для Восточной Европы было сокрушение Немецкого ордена. В конце XIV века Витовт, чтобы заняться делами на востоке, хотел жить в мире с немцами и даже отдал им на жертву Жмудь, упорно державшуюся язычества. Между тем Витовт, управившись на востоке, начал думать, как бы опять овладеть Жмудью, стал поддерживать жителей ее в их восстаниях, следствием чего были новые войны Польши и Литвы с орденом.

В 1410 году Витовт соединился с Ягайлом и встретил орденское войско под Грюнвальдом: у рыцарей было 83 тыс. войска, у Витовта и Ягайла — 163 тыс., между которыми находились русские полки: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский и другие. В начале битвы успех был в стороне рыцарей, но отчаянное мужество русских смоленских полков, выдержавших натиск немцев, дало возможность Витовту поправить дело: рыцари потерпели страшное поражение, потеряли великого магистра Ульриха фон Юнгингена, более 40 тыс. убитыми и 15 тыс. взятыми в плен вместе со всем обозом.

Грюнвальдская битва была одним из тех сражений, которые решают судьбы народов: слава и сила ордена погибли в ней окончательно, покорители разьединенных пруссов встретили громадное ополчение из трех соединенных народов Восточной Европы, перед которым силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имело более ни средств, ни цели для борьбы; силы его поникли перед соединенными силами трех народов христианских, в ополчении врагов ордена не приносилось более языческих жертв, в нем раздавалась христианская молитва: «Богородице, дево, радуйся!»

Орден был предоставлен собственным средствам: потерянные силы не восполнялись более толпами рыцарей из разных краев Европы, потому что орден не вел более войн с неверными, следовательно, существование его становилось уже бессмысленным, ненужным, и существование это после Грюнвальдской битвы представляет только продолжительную агонию.

Грюнвальдская битва (битва при Танненберге), решающее сражение Великой войны 1409—1411 гг., произошло 15 июля 1410 г. Она состоялась на территории Тевтонского (Немецкого) ордена, в местности между тремя деревнями: Грюнвальд, Танненберг и Людвигсдорф (ныне, соответственно, села Грунвальд, Стембарк и Лодвигово Варминьско-Мазурского воеводства Польши). Битва отличалась ожесточением и кровопролитием: среди прочего, было убито практически все руководство Тевтонского ордена; опасность угрожала и командующим польско-литовского войска: так, когда рукопашный бой дошел до польского командования, один из крестоносцев занес меч над польским королем, но благодаря вмешательству его секретаря Збигнева Олесницкого (впоследствии одного из самых влиятельных государственных деятелей Польши, первого кардинала польского происхождения), Ягайло был спасен.

Грюнвальдская битва стала одной из самых масштабных в истории средневековой Европы, хотя основанные

В то время, как Тевтонский орден в Пруссии оканчивал борьбу свою с Литвой, другая половина его, Орден меченосцев в Ливонии, продолжала борьбу со Псковом и Новгородом. В 1406 году, по возвращении псковичей с войны литовской из-под Полоцка, ливонский магистр пришел со всей силой и ходил две недели по их волости: но известно, что значило тогда ходить по чужой волости.

Это было в августе; в октябре псковичи подняли всю свою волость и пошли на Немецкую землю, подстерегли немецкую рать, убили 20 человек и 7 взяли в плен; потом пошли за Новый Городок, встретили другую немецкую рать, ударили и на нее, убили 315 немцев, потеряли своих 34 человека и возвратились домой с большой добычей.

В то же самое время другая рать псковская потерпела неудачу за Наровой, принуждена была бросить свои лодки и бежать от неприятеля.

Наконец, в 1410 году псковские посадники и бояре съехались с рыцарями у Киремпе и заключили мир по старине, на псковской воле; в 1417 в Ригу приехал великокняжеский посол с двумя псковскими сановниками, и заключили договор о свободной торговле и непропуске врагов ордена через псковские, а псковских — через орденские владения; в обидах положено искать управы судом, а не мечом; великий

на данных летописей цифры, приводимые С. М. Соловьевым, как это часто бывает в подобных случаях являются преувеличенными. Современные историки дают разброс численности польско-литовских войск, принимавших участие в Грюнвальдском сражении, от 16 до 40 тыс., Тевтонского ордена — от 12 до 27 тыс.; поляков и литовцев погибло от 2 до 4 тыс., рыцарей — до 8 тыс., от 10 до 14 тыс. попали в плен.

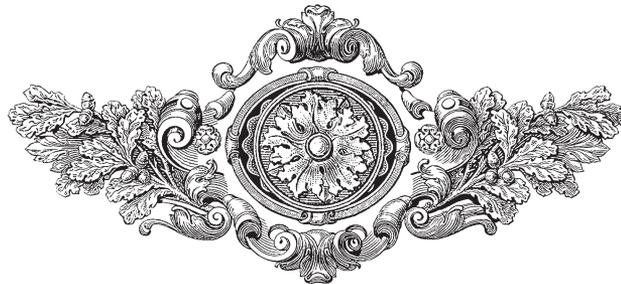
Что же касается итогов, то Великая война завершилась подписанием в Торуне 1 февраля 1411 г. в Торуне мирного договора между Тевтонским орденом и Королевством Польским и Великим княжеством Литовским. С одной стороны, условия договора оказались достаточно мягкими для тевтонцев. Однако в более дальней перспективе это все равно привело к падению влияния и сходу с политической арены Тевтонского ордена, перераспределению баланса сил в Восточной Европе и оформлению литовско-польского союза как доминирующей силы в регионе.

князь Василий в этой грамоте называется «великим королем Московским, императором Русским».

В 1420 году немецкие послы съехались с новгородскими на реке Нарове и заключили вечный мир по старине, как было при Александре Невском.

В 1392 году приходили шведские разбойники в Неву, взяли села по обе стороны реки, не доходя 5 верст до города Орешка; но князь Симеон (Лугвений) Ольгердович нагнал их и разбил. В 1395 году произошло новое безуспешное покушение шведов на город Яму; в следующем году опять нападение шведов на Корельскую землю, где они повоевали два погоста; в 1397 году они взяли семь сел у города Яма. В 1411 году успех шведов был значительнее: они овладели одним пригородом новгородским; тогда новгородцы с князем Симеоном Ольгердовичем пошли сами в Шведскую землю, села повоевали и пожгли, народу много перебили и взяли в плен, а у города Выборга взяли наружные укрепления.

Когда войны стихли на всех концах Северо-Восточной Руси, тогда явилось бедствие физическое, начал свирепствовать страшный мор. В это время умер великий князь московский Василий Димитриевич, 1425 года 27 февраля, после тридцатилетнего правления.





ГЛАВА 23

Малолетство Василия Васильевича. — Новая усобица дяди с племянником. — Спор в Орде между ними. — Хан решает дело в пользу племянника Василия против дяди Юрия Дмитриевича. — Отъезд боярина Всеволожского от великого князя к дяде его Юрию. — Возобновление борьбы между дядей и племянником. — Василий попадает в плен к Юрию. — Продолжение борьбы. — Смерть Юрия. — Василий утверждает в Москве. — Слепление Косого. — Отношения татарские. — Шемяка овладевает Москвой, захватывает великого князя в Троицком монастыре и ослепляет. — Продолжение борьбы Василия с Шемякой. — Смерть Шемяки. — Отношения великого князя к другим удельным князьям. — Отношения к Рязани и Твери. — Отношения к Новгороду и Пскову. — События в Литве, борьба ее с Польшей. — Татарские нашествия. — Борьба Новгорода и Пскова со шведами и немцами. — Смерть великого князя Василия; его духовная грамота.

По смерти Василия Дмитриевича на столе московском и вся Руси явился опять малолетний, десятилетний, князь Василий Васильевич. Теперь, при малолетнем внуке Дмитриевом, никто из князей не осмеливается спорить за Владимир с потомками Калиты: Нижний, Суздаль принадлежат уже Москве, Тверь давно уже отказалась от всякого наступательного движения. Но теперь, когда не может быть более борьбы у московского князя за Владимир ни с князем Нижегородским, ни с Тверским, начинается борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями московскими — за Москву и уже неразрывно соединенный с ней Владимир.

Полноправный по старине наследник старшинства князь Юрий Дмитриевич звенигородский отказывается признать старшинство племянника, не хочет признать законность нового порядка престолонаследия. Юрий не пожелал признавать племянника старшим, боялся принуждения в Москве, боялся даже оставаться поблизости в Звенигороде и уехал в отдаленный Галич, откуда прислал с угрозами к племяннику и с требованием перемирия месяца на четыре. В Москве согласились на перемирие, которое было употреблено с обеих сторон для собрания войска.

Но если для Юрия выгодно было не заключать окончательного мирного договора, в котором он принужден был бы отказаться от своих притязаний, если ему выгодны были только перемирия, которые позволяли ему собирать силы и выжидать удобного времени, то в Москве, наоборот, желали чего-нибудь решительного, и по общему совету — митрополита, матери великокняжеской Софии, дядей и даже деда Витовта литовского — митрополит Фотий отправился в Галич уговаривать Юрия к вечному миру.

Юрий, узнав, что митрополит едет, встретил его с детьми, боярами, лучшими людьми, собрал и чернь всю из городов и деревень и поставил ее по горе так, чтобы Фотий мог видеть большую толпу народа при въезде в город. Но галицкий князь не достиг своей цели, не испугал митрополита, который, взглянув на густые толпы черни, сказал ему: «Сын князь Юрий! Не видывал я никогда столько народа в овечьей шерсти», давая тем знать, что одетые в сермяги люди — плохие ратники.

Начались переговоры: митрополит настаивал на вечном мире, но Юрий не хотел о нем слышать, а требовал только перемирия. Фотий рассердился и выехал из Галича, не благословив ни князя, ни город, и вдруг после его отъезда открылся мор в Галиче. Юрий испугался, поскакал сам за митрополитом, нагнал его за озером и едва успел со слезами умолить его возвратиться.

Фотий приехал опять в Галич, благословил народ, и мор стал прекращаться, а Юрий обещал митрополиту послать и действительно послал двух бояр в Москву, которые заключили мир на том условии, что Юрий не будет искать великого княжения сам собой, но ханом: кому хан даст великое княжение, тот и будет великим князем.

В 1431 году оба соперника решились ехать в Орду к хану Махмету. В челе московского боярства стоял боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, хитрый, ловкий, находчивый, достойный преемник тех московских бояр, которые при отце, деде и прадеде Василия умели удержать за Москвой первенство и дать ей могущество.

Весной 1432 года был суд между дядей и племянником: Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, доказывал летописями и, наконец, ссылаясь на криво толкуемое завещание Донского.

За Василия говорил Иван Дмитриевич, он сказал хану: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей милости; ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу; тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобой, следовательно, княжит по твоей же милости».

Эта лесь, выражавшая совершенное презрение к старине, произвела свое действие: хан дал ярлык Василию и даже хотел заставить Юрия вести коня под племянником, но последний сам не захотел нанести такой позор дяде; Юрию уступлен был также Дмитрий.

Так окончился суд в Орде. Разумеется, он не мог потушить распри: Юрий не мог забыть неудачи, а в Москве не могли не воспользоваться своим торжеством для окончательного низложения соперника. Вот почему в том же году встречаем известие, что Юрий побоялся жить вблизи от Москвы, в новоприобретенном Дмитрове, и уехал опять в Галич, а Василий тотчас же выгнал его наместников из Дмитрова и захватил город; но вдруг дела в Москве неожиданно приняли благоприятный оборот для старого дяди.

Иван Дмитриевич в награду за услуги, оказанные им Василию в Орде, надеялся, что великий князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкой в то время, когда князья часто женились на дочерях боярских и выдавали за бояр дочерей своих. Василий, будучи в Орде, дал Ивану Дмитриевичу обещание жениться на его дочери, но по приезде в Москву дела переменились: мать великого князя Софья Витовтовна никак не согласилась на этот брак и настояла, чтобы сын обручился на княжне Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича. Тогда Иван Дмитриевич, так сильно ратовавший в Орде против старины княжеской, вспомнил старину боярскую и отъехал от московского князя. Боярин решился явиться к Юрию и был радушно принят.

Но между тем как Иван Дмитриевич подговаривал Юрия возобновить старые притязания, в Москве сыновья Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка — пировали на великокняжеской свадьбе. Василий Косой приехал в богатом золотом поясе, усаженном дорогими камнями. Старый боярин Петр Константинович рассказал историю этого пояса матери великокняжеской, Софье Витовтовне, историю любопытную: пояс этот был дан суздальским князем Дмитрием Константиновичем в приданое за дочерью Евдокией, шедшей замуж за Дмитрия Донского; последний тысяцкий Василий Вельяминов, имевший важное значение на княжеской свадьбе, подменил этот пояс другим, меньшей цены, а настоящий отдал сыну своему Николаю, за которым была другая дочь князя Дмитрия суздальского, Марья. Николай Вельяминов отдал пояс также в приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина, Ивана Дмитриевича; Иван отдал его в приданое за дочерью же князю Андрею, сыну Владимира Андреевича, и по смерти Андреевой, обручив его дочь, а свою внучку за Василия Косого, подарил жене его пояс, в котором тот и явился на свадьбу великого князя.

Софья Витовтовна, узнав, что за пояс был на Косом, при всех сняла его с князя как собственность своего семейства, незаконно перешедшую в чужое. Юрьевичи, оскорбленные таким позором, тотчас выехали из Москвы и это послужило предлогом к войне.

В Москве тогда только узнали о движениях Юрия, когда уже он был в Переяславле с большим войском. Московский князь, захваченный врасплох, послал бояр просить мира у дяди, которого они нашли в Троицком монастыре; но Иван Дмитриевич не дал и слова молвить о мире. «И была, — говорит летописец, — между боярами брань великая и слова неподобные». Тогда Василий, собрав наскоро, сколько мог, ратных людей и московских жителей, гостей и других, выступил против дяди, но со своей малочисленной и нестройной толпой был разбит наголову сильными

полками Юрия на Клязьме, за 20 верст от Москвы¹ (в апреле 1433 года), и бежал в Кострому, где был захвачен в плен.

Юрий въехал в Москву и стал великим князем. Он дал прощальный пир племяннику, богато одарил его и отпустил в Коломну со всеми боярами. Но едва прибыл Василий в Коломну, как начал призывать к себе отовсюду людей и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь от Юрия, потому что, говорит летописец, не привыкли они служить галицким князьям; одним словом, около Василия собрались все те, которые пришли бы к нему и в Москву по первому зову, но не успели этого сделать, потому что Юрий напал на племянника врасплох и этому только был обязан своим торжеством.

Сам Василий собирался в Орду, как вдруг узнал о скоростной смерти Юрия² и о том, что старший сын последнего Василий Косой занял стол московский, по новому обычаю. Но братья Косого, два Дмитрия — Шемяка и Красный, — послали сказать ему: «Если Богу не угодно, чтобы княжил отец наш, то тебя сами не хотим», — и в то же время послали к Василию Васильевичу в Нижний звать его на великое княжение в Москву; они знали, что брату их не удержаться в Москве, и спешили добровольным признанием Василия получить расположение последнего и прибавки к своим уделам.

Косой бежал из Москвы в Новгород Великий, но скоро выехал оттуда, пограбив по дороге берега Мсты, Бежецкий Верх и Заволочье. Косой не надеялся одолеть соперника силой и решился употребить коварство: заключил с великим князем перемирие и, когда Василий, понадеявшись на это, распустил свои полки для сбора припасов, вдруг прибежали к нему сторожа с вестью, что неприятель наступает. Великий князь тотчас разослал по всем сторонам приказ собираться, сам схватил трубу и начал трубить; полки московские успели собраться до прихода Косого, который был разбит, взят в плен и отвезен в Москву, и когда союзники его, вятчане, схватили воеводу великокняжеского, князя Александра Брюхотого, взяли с него богатый окуп и, несмотря на это, отвели к себе в плен, то великий князь велел ослепить Косого. Так закончилась первая половина усобицы в княжение Василия Васильевича.

С 1440 года по 1445-й у великого князя не было враждебных столкновений с Шемякой; последний дождался удобного случая для возобновления борьбы, и этот случай наконец представился по поводу дел татарских. В 1437 году татары опустошили границы рязанские; но гораздо важнее были дела с ними в конце года, когда хан Улу-Махмет, изгнанный из Золотой Орды братом, явился на границах русских и засел в Белеве. Великий князь отправил против него сильные полки под начальством обоих Юрьевичей — Шемяки и Красного, которые, по свидетельству летописца, грабили по дороге своих, русских, мучили людей, допытываясь у них имения, били скот и позволяли себе всякого рода неприличные поступки. Когда они пришли к Белеву, то хан испугался, прислал просить мира, отдаваясь на всю волю русских князей, но те не послушали его речей, двинулись к городу и нанесли татарам сильное поражение.

¹ Никон: «А от москвич не бьсь никоея же помощи, мнози бо от них пияни бяху, а и с собою мед везяху, чтоб пити еше». (Примеч. автора.)

² Оставленная Юрием духовная написана прежде, а именно тотчас по приходе из Орды, когда еще он владел Дмитровом. (Примеч. автора.)



В. В. Муйжель. Свидание Дмитрия Юрьевича Шемяки с князем Василием II Темным.
Первая четверть XX в.

На другой день татарские мурзы приехали опять для переговоров с великокняжескими воеводами: хан давал сына и мурз своих в заложники, обязывался, пока жив, стеречь Русскую землю и не требовать никаких выходов. Но воеводы не соглашались и на эти условия; тогда мурзы сказали им: «Не хотите мира, так оглянитесь назад!» — и воеводы увидели, что все русское войско бежит назад перед татарами.

После этой победы Улу-Махмет пошел степью мимо русских границ, переправился через Волгу и засел в опустелой от русских набегов Казани, где поставил себе деревянный город на новом месте, и в июле 1439 года явился внезапно под Москвой. Великий князь не успел собраться с силами и уехал за Волгу, оставив защищать Москву воеводу своего, князя Юрия Патрикеевича; хан стоял 10 дней под городом, взять его не мог, но наделал много зла Русской земле, на обратном пути сжег Коломну и погубил множество людей.

В 1444 году султан Мустафа пришел на Рязань со множеством татар, повоевал волости и села рязанские и остановился в степи для продажи пленников, которых выкупали рязанцы. Когда пленные были все выкуплены, Мустафа пришел опять в Рязань, на этот раз уже с миром; хотелось ему зимовать в городе, потому что в степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорела пожаром, а зима была лютая, с большими снегами и сильными вьюгами; от бескормицы лошади у татар перемерли.

Когда в Москве узнали об этом, то великий князь отправил на Мустафу двоих воевод — князя Василия Оболенского и Андрея Голтыяева — с двором своим да мордву на лыжах. Московские воеводы нашли Мустафу под Переяславлем на речке Листани, потому что рязанцы выслали его из своего города. Несчастные татары, полужамерзшие, бесконные, не могшие владеть луками по причине сильного вихря, должны были выдержать нападение с трех сторон: от воевод московских, от мордвы и от казаков рязанских, которые упоминаются тут в первый раз. Несмотря на беспомощное состояние, татары

«резались крепко», по выражению летописца, живыми в руки не давались и были сломлены только превосходящим числом неприятелей, причем сам Мустафа был убит.

Но иначе окончилось дело при второй встрече Василия с татарами Улу-Махмета. Весной того же года пришла в Москву весть, что двое сыновей Улу-Махмета опять появились в русских границах. Великий князь тотчас же послал с этой вестью по всем станам, сам надел доспехи, поднял знамена и выступил в поле, но войска было у него мало, всего тысячи с полторы, потому что полки союзных князей не успели собраться, не успели прийти и союзные татары, не пришел и Шемяка, несмотря на то что к нему много раз посылали. Подле Евфимиева монастыря, по левую сторону, сошлись русские полки с татарами, и в первой стычке рать великокняжеская обратила в бегство татар, но когда стала гнаться за ними в беспорядке, то неприятель обратился и нанес русским совершенное поражение. Великий князь отбивался храбро, получил множество ран и был наконец взят в плен вместе с двоюродным братом Михаилом Андреевичем. Победители рассыпались по окрестностям для грабежа, а сыновья ханские, остановившись в Евфимиеве монастыре, сняли с великого князя крест-тельник и отослали в Москву к матери и жене пленника.

Когда узнали в Москве об участии великого князя, то «поднялся плач великий и рыдание многое», говорит летописец. Но за этой бедой для москвичей по следам шла другая: ночью 14 июля загорелся их город и выгорел весь; не осталось ни одного дерева, а каменные церкви распались, и стены каменные попадали во многих местах; людей много погорело: по некоторым известиям, 700 человек, по другим — гораздо больше, духовных и мирян, потому что с одной стороны огонь, а с другой — боялись татар; казны и всякого товара сгорело множество, ибо из разных городов собрались тогда жители в Москву и сели в осаде.

Великие княгини Софья и Марья с детьми и боярами уехали в Ростов. Между тем в Москве после отъезда княгини

поднялось волнение: те, которые могли бежать, хотели оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде всего начала строить городовые ворота, хотевших бежать хватали, били, ковали и тем прекратили волнение: все вместе начали укреплять город и готовить лес для постройки домов.

Махмет тем временем вступил в переговоры со своим пленником и согласился отпустить его в Москву. Шемяка сообщил князьям слух, который носился тогда, об условиях Василия с ханом Махметом: шла молва, будто великий князь обещал отдать хану все Московское княжество, а сам удовлетворялся Тверью. Князья тверской и Можайский поверили или сочли полезным для себя поверить и согласились действовать заодно с Шемякой и московскими недовольными.

В 1446 году московские недовольные дали знать союзным князьям, что Василий поехал молиться в Троицкий монастырь; Шемяка и Можайский ночью 12 февраля овладели врасплох Москвой, схватили мать и жену великого князя, казну его разграбили, верных бояр перехватили и пограбили, пограбили также многих граждан. Великого князя привезли в Москву на ночь 14 февраля и посадили на дворе Шемяки, 16-го числа на ночь ослепили и сослали в Углич вместе с женой, а мать, великую княгиню Софью Витовтовну, отослали на Чухлому.

В некоторых летописях приведены причины, побудившие Шемяку ослепить Василия: «Зачем привел татар на Русскую землю,— говорил якобы он,— и города с волостями отдал им в кормление? Татар и речь их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости. Золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам. Наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?»

Из бояр и слуг Васильевых одни присягнули Шемяке, другие убежали в Тверь; всех отважнее поступил Федор Басенок, объявивший, что не хочет служить Шемяке, который за это велел заковать его в железо; но Басенок успел вырваться из них, убежал в Коломну, подговорил там многих людей, разграбил с ними Коломенский уезд и ушел в Литву.

Шемяка решился наконец освободить Василия, дать ему отчину и осенью 1446 года отправился в Углич с епископами, архимандритами, игуменами. Приехав туда, он выпустил Василия и детей его из заключения, каялся и просил у него прощения; Василий также в свою очередь складывал всю вину на одного себя, говорил: «И не так еще мне надобно было пострадать за грехи мои и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и перед всем православным христианством, которое изгубил и еще изгубить хотел. Достоин был я и смертной казни, но ты, государь, показал ко мне милосердие, не погубил меня с моими беззакониями, дал мне время покаяться».

Когда он это говорил, слезы текли у него из глаз как ручьи; все присутствующие дивились такому смирению и умилению и плакали сами, на него глядя. На радости примирения Шемяка дал Василию, жене его и детям большой пир, где были все епископы, многие бояре и дети боярские; Василий получил богатые дары и Вологду в отчину, дав наперед Шемяке «проклятые грамоты не искать великого княжения».

Но приверженцы Василия ждали только его освобождения и толпами кинулись к нему. Затруднение состояло в проклятых грамотах, данных на себя Василием: Трифон, игумен Кириллова Белозерского монастыря, снял их на себя, когда Василий приехал из Вологды в его монастырь под предлогом накормить братью и раздать ей милостыню. С Бела-озера великий князь отправился к Твери, князь ко-

торой Борис Александрович обещал ему помощь с условием, чтобы он обручил своего старшего сына и наследника Ивана на его дочери Марье; жениху было тогда только семь лет. Василий согласился¹ и с тверскими полками пошел на Шемяку к Москве.

Шемяка с Можайским князем Иваном выступил к Волоку, навстречу неприятелю, но в его отсутствие Москва внезапно и легко была захвачена приверженцами Василия Васильевича, как прежде приверженцами Шемяки. После этого Шемяка с Можайским решились просить мира и обратились к посредничеству князей, оставшихся верными Василию,— Михаила Андреевича верейского и Василия Ярославича серпуховского,— заключили с ними перемирие и в перемирном договоре обещались бить челом своему господину, брату старшему, великому князю Василию Васильевичу, чтобы принял их в любовь и мир, пожаловал их прежними их отчинами, за что обязывались возратить всю казну, захваченную ими у великого князя, его матери, жены, женой матери и бояр. Кроме того, Шемяка отступался от пожалования великого князя — Углича, Ржевы и Бежецкой волости, а Можайский отказывался от Козельска, Алексина и Лисина. На основании этих статей заключен был мир между Шемякой, Иваном Можайским и великим князем.

Все князья были довольны; не мог быть доволен один Шемяка. Везде, в Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы, он заводил крамолы, хотел возбудить нерасположение к Василию: он не переставал сноситься с Новгородом, называя себя великим князем и требуя помощи от граждан, повторяя старое обвинение Василию, что по его поблажке Москва в руках татар, не прекратил сношений и с прежним союзником своим, Иваном Можайским. Отказавшись от всякой власти над Вяткой, Шемяка между тем посылал подговаривать ее беспокойное народонаселение на Москву; поклявшись не сноситься с Ордой, он держал у себя казанского посла, и легко было догадаться, какие переговоры вел он с ханом, потому что последний сковал великокняжеского посла.

Поклявшись возратить все захваченное им в Москве через месяц, Шемяка не возвращал и по истечении шести месяцев, особенно не возвращал ярлыков и грамот. Далее, в договоре находилось условие, общее всем княжеским договорам того времени, что бояре, дети боярские и слуги вольные вольны переходить от одного князя к другому, не лишаясь своих отчин, так что боярин одного князя, покинув его службу, перейдя к другому, мог жить, однако, во владениях прежнего князя, и тот обязывался блюсти его, как своих верных бояр. Но Шемяка не мог смотреть равнодушно, что бояре его отъезжают в Москву, и вопреки клятве грабил их, отнимал села, дома, все имущество, находившееся в его владениях.

Великий князь, занятый делами татарскими, не мог действовать против Шемяки в 1451 году и только в начале 1452-го выступил против него к Устюгу; Шемяка испугался и убежал на реку Кокшенгу, где у него были городки, но преследуемый и там великокняжескими полками, убежал опять в Новгород. В 1453 году отправился туда из Москвы дьяк Степан Бородатый; он подговорил боярина Шемякина Ивана Котова, а тот подговорил повара: Юрьевич умер, поев курицы, напитанной ядом. Сын Шемяки Иван ушел

¹ Неволей, как сказано во Львовской летописи. (Примеч. автора.)

в Литву, где, как прежде враги отца его, нашел себе почетный прием и кормление.

Но кроме Шемяки в Московском княжестве оставались еще другие удельные князья, от которых Василию надобно было избавиться; он начал, как и следовало ожидать, с Ивана Можайского: в 1454 году великий князь пошел к Можайску на князя Ивана Андреевича «за его неисправление», говорит летописец. Князь Иван не сопротивлялся; он выбрался из города с женой, детьми, со всеми своими и побегал в Литву; Можайск был присоединен к Москве.

Из остальных удельных князей всех беспокойнее мог быть Василий Ярославич серпуховский, именно потому, что оказал большие услуги великому князю и, следовательно, имел большие притязания на благодарность и уступчивость последнего. В 1456 году серпуховский князь был схвачен в Москве и заточен в Углич, откуда после перевезен в Вологду, где и умер; той же участи подверглись и меньшие его дети, а старший, Иван, вместе с матерью убежал в Литву.

Так закончилась знаменитая усобица между князьями московскими, потомками Калиты.

Но в то время, как в Московском княжестве происходила эта усобица между правнуками Калиты, усобица первая и последняя, ясно показавшая, что Московское княжество основалось на новых началах, не допускающих родовых счетов и родовых усобиц между князьями, — в это время что же делали великие князья, давние соперники московских, — князь Рязанский и Тверской? Этим князьям давно уже оставалось на выбор — подчиниться московским или литовским великим князьям, смотря по тому, которые из них возьмут верх. Рязань и Тверь постоянно колебались между Москвой и Литвой; Новгород Великий хотел быть самостоятельнее, тем более что теперь он был порадован возобновлением усобиц между самими московскими князьями.

Во время этих усобиц новгородцы следовали правилу признавать победителя своим князем, но между тем давать у себя убежище и побежденному; так, в 1434 году нашел в Новгороде убежище Василий Васильевич, и в том же году видим там и противника его, Василия Юрьевича Косого. Шемяка недолго княжил в Москве; в новой войне его с Василием новгородцы, по словам их летописца, не вступились ни за одного и тем самым уже возбуждали неудовольствие победителя; еще более раздражали они его тем, что, по обычаю, приняли к себе Шемяку. Они должны были ждать места из Москвы. И вот, управившись с князем Можайским и татарами, Василий в 1456 году выступил в поход против Новгорода «за его неисправление».

В Волоке собрались к нему все князья и воеводы со множеством войска; из Новгорода также явился туда посадник с челобитьем, чтобы великий князь пожаловал — на Новгород не шел и гнев свой отложил. Но Василий не принял челобитья и продолжал поход, отправив наперед на Русу двоих воевод, князя Ивана Васильевича Оболенского-Стригу и Федора Басенка, а сам остановился в Желбицах. Стрига и Басенок вошли в Русу и захватили здесь много богатства, потому что жители, застигнутые врасплох, не успели убежать и спрятать свое имение.

Московские воеводы отпустили главную рать свою назад с добычей, а сами с немногими детьми боярскими поотстали от нее, как вдруг показалось пятитысячное новгородское войско. Москвичи, которых не было и двухсот, сначала испугались, но потом начали говорить: «Если не пойдем против них биться, то погибнем от своего государя великого князя. Лучше помереть». Схватиться им в рукопашный бой с нов-

городцами было нельзя; мешали плетни и свежие сугробы; тогда воеводы придумали средство: видя на новгородцах крепкие доспехи, они велели стрелять по лошадам, которые начали от ран беситься и сбивать всадников. Новгородцы, никогда и прежде не любившие и не умевшие биться верхом, никак не могли сладить с лошадьми, не умели действовать и длинными копьями и валились под коней своих, точно мертвые. Московские воеводы одержали решительную победу, много перебили неприятелей, взяли в плен посадника Михаила Тучу, но других пленников было мало, потому что некому было брать их.

Когда беглецы принесли в Новгород весть о своем поражении, то поднялся сильный плач, потом зазвонили в вечерней колокол; сошелся весь город на вече, и стали бить челом владыке Евфимию, чтобы ехал вместе с посадниками, тысячами и жителями людьми к великому князю просить о мире.

Владыка приехал в Желбицы, стал бить челом сперва князьям и боярам, а потом уже самому великому князю, который принял челобитье, дал мир, но взял за него 10 тыс. рублей кроме того, что получили князья и бояре. Договор, заключенный в Желбицах, дошел до нас; здесь кроме обычных старинных условий встречаем следующие новые: 1) вечевым грамотам не быть; 2) печати быть князей великих; 3) Великий Новгород не будет принимать к себе князя Можайского и его детей, князя Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей, его матери и зятьев; и после, если какой-нибудь лиходея великим князьям придет в Новгород, то Новгороду его не принимать.

Другим, не насильственным, путем утверждалась власть московского великого князя в Пскове. Несмотря на то что внутренне смуты, происходившие в первую половину княжения Василия, не позволяли московскому князю постоянно наблюдать за Псковом, жители последнего долго не прерывали связи с Москвой, прося утверждения князьям своим от великого князя Московского. Бедствие великого князя Василия и борьба его с Шемякой прервали на время связь Пскова с Москвой; псковичи теснее соединились с новгородцами. Но приведение Новгорода в волю московского князя необходимо утверждало власть его и во Пскове. Великий князь послал туда сына своего, князя Юрия. Посадники и бояре псковские встретили его за рубежом с великой честью, духовенство с крестами встретили его за городом, пели многолетие и посадили на столе отцовском, знаменовавши крестом, а посадники и весь Псков приняли его честно в княжий двор.

Таким образом, в конце княжения Василия обозначилось ясно, куда должны примкнуть эти спорные между Московской и Литвой области — Рязань, Новгород, Псков: все они находились уже почти в воле великого князя Московского. Но как же должны были смотреть на это литовские князья? Что заставило их выпустить из рук добычу без борьбы, что помешало им воспользоваться усобицами московских князей для окончательного усиления себя за счет последних? Они не имели для этого средств, ибо если прежде сдерживались они на западе борьбой с Немецким орденом, то теперь сдерживались они еще более союзом с Польшей и потом окончательною борьбой с тем же орденом.

Мы видели, что если поляки сильно хлопотали о вечном соединении своего государства с Литвой, то в Литве хлопотали также о независимости своего княжества от Польши. На Ленчицком сейме, бывшем в 1426 году, опять толковали о средствах, как бы помешать отделению Литвы от Польши, о котором стал снова замышлять Витовт. Но Витовт, думая

Съезд европейских монархов в Луцке начался в январе 1429 г. в замке Любарта, одном из замков Луцка, сохранившихся до наших дней. Его главным инициатором был великий князь Литовский Витовт, который хотел решить целый ряд политических и экономических вопросов, касавшихся Восточной и Центральной Европы.

Хозяевами съезда стали Витовт и его супруга Барбара, а главными гостями были король Польский Владислав II Ягайло, король Германии и Венгрии (будущий император Священной Римской империи) Сигизмунд, великий князь Московский Василий II Васильевич, король датский и венский Эрик VII, главы Тевтонского и Ливонского орденов и др.

Съезд стал, говоря современным языком, одним из самых значительных светских мероприятий в истории средневековой Европы. Польский историк Ян Длугош так описывал начало переговоров:

«Король Римский и Венгерский Зигмунт прибыл на тот съезд позже. Он однако прислал заранее послов, чтобы это как-то оправдало его запоздалое прибытие. Чтобы не терять времени на остановку в Луцке, король Владислав отправился из Луцка охотиться на уголья между Луцком и Житомиром

и пробыл там несколько дней, пока ему не доложили о прибытии в Луцк короля римского Зигмунта.

Вышли на встречу на расстоянии одной мили князь Витольд со своей свитой панов, а после его приезда король польский Владислав вошел в карету, в которой ехала королева Римская Барбара, и въехал в Луцк. Затем с князем Витольдом спешил на коне король Римский Зигмунт, у которого был епископ краковский Збигнев, а тем временем трубы и другие различные инструменты звучали мощно».

По свидетельству хронистов, гости съезда ежедневно потребляли 700 бочек меда, вина, мальвазии и других напитков, 700 волов, 1400 баранов, сотни лосей, диких кабанов и т. д.

Что же касается дипломатических итогов, то они, по большому счету, были незначительными. Один из главных вопросов, ради которого Витовт затевал столь масштабное мероприятие, — его коронация в качестве короля и, соответственно, избавление от фактически вассальной зависимости от Польши, был заблокирован поляками. Все же коронацию Витовта было решено провести в следующем году, но в октябре 1430 г. великий князь Литовский, которому было уже около 80 лет, скончался и коронация так и не состоялась.

о независимости Литвы от Польши, замыслил также и о зависимости Польши от себя. Мы видели, что в случае смерти Ягайла бездетным престол Польский мог перейти к нему, но Ягайло от второго брака имел уже двоих сыновей, и королева Софья была беременна третьим ребенком. Витовт придумал средство: ославив мать, лишить и сыновей надежды на престол; в 1427 году на сейме в Городне Витовт обвинил молодую королеву в неверности Ягайлу: пыткой вынудили показания у некоторых придворных женщин, перехватили указанных виновников преступления, но королева успела очистить себя присягой, и Ягайло успокоился.

Тогда Витовт стал думать о другом средстве достать независимость для Литвы и королевскую корону для себя: для этого он обратился к императору Сигизмунду¹. Сигизмунд, находясь в затруднительном положении по случаю войны с гуситами и турками, требовал и не мог добиться помощи от слабого Ягайла, который сам признавался, что не может ничего сделать без совета с Витовтом; вот почему императору очень хотелось сблизиться с Витовтом. Начались частые переписки между Сигизмундом и Витовтом, наконец положили свидеться в Луцке, куда должен был приехать и Ягайло. Этот знаменитый съезд трех коронованных лиц вместе со множеством вельмож польских, литовских и русских состоялся в 1429 году.

Между тем поляки действовали против намерений Витовта, они представили папе всю опасность, которую грозит католицизму отделение Литвы и Руси от Польши, потому что тогда издревле господствовавшее в этих странах православие опять возьмет прежнюю силу и подавит только что водворившееся в Литве латинство. Папа, поняв справедливость опасения, немедленно отправил к императору запрет посылать корону в Литву, а Витовту — запрет принимать ее.

Между тем днем коронации Витовта назначен был праздник Успения Богородицы, но так как посланные от Сигизмунда с короной опоздали к этому дню, то назначен был другой праздник — Рождества Богородицы, и приглашены были уже к этому торжеству многие соседние владельцы,

в том числе и внук Витовта, князь Московский. Поляки знали об этих приготовлениях и потому расставили сторожевые отряды по границам, чтобы не пропускать сигизмундовых послов в Литву. Послы, узнав об этом, испугались и возвратились назад, к Сигизмунду.

Весть об этом так поразила Витовта, что сильно расстроила его здоровье. Он умер 27 октября 1430 года; главной причиной смерти полагают тяжкую скорбь о несбывшихся намерениях.

Смерть Витовта обрадовала многих и в Польше, и в Северо-Восточной Руси; ей радовались и в Юго-Западной Руси те, которым дорого было свое и которые видели ясно, что Витовт в своих честолюбивых стремлениях руководился одними личными, корыстными целями. Их надежды давно уже были обращены на брата Ягайла, Свидригайла Ольгердовича, который оказывал явное расположение к православию и явную ненависть к Польше.

По смерти Витовта Ягайло не мог противиться всеобщему желанию: русские и литовские вельможи бросились к Свидригайлу и провозгласили его великим князем. Свидригайло озаменовал свое вступление на отцовский стол тем, что занял литовские замки от своего имени, с исключением Ягайлова, и тем обнаружил намерение отложиться от Польши. Кипя гневом за прежние обиды и гонения, он в резких словах укорял короля и его польских советников, грозя им мстью.

Ягайло находился в самом затруднительном положении; эта затруднительность еще более усилилась при известии, что поляки, услыхав о смерти Витовта, внезапно захватили Подолию, вытеснив оттуда литовских наместников. Свидригайло выходил из себя, грозил королю тюрьмой и даже смертью, если поляки не возвратят Подолию Литве. Тогда советники королевские решились умертвить Свидригайла и, запершись в Вильне, держаться там до прибытия королевского войска.

Но Ягайло никак не соглашался на такую меру и почел за лучшее вернуть брату Подолию. Свидригайло, обрадованный уступчивостью короля, утих и начал ласкаться к брату, но вельможи польские были в отчаянии, что Подолия отходит от них, стали придумывать средства, как бы помешать королевскому намерению, и наконец нашли: тайным образом дали знать польскому коменданту Каменца,

¹ Сигизмунд I Люксембург (1368—1437) — курфюрст Бранденбурга с 1378 по 1388 и с 1411 по 1415 гг., король Венгрии в 1387—1437 гг., король Германии (римский король) в 1410—1437 гг.; король Чехии в 1419—1421 гг.; король Ломбардии 1431—1437 гг., император Священной Римской империи в 1433—1437 гг.

чтобы он не слушался королевского повеления, не сдавал города Литве и заключил бы в оковы и посланных Ягайла и Свидригайла; комендант исполнил их желание.

Ягайло тем временем выступил с войском на Литву, хотя, как выражается польский историк, «горше смерти был ему этот поход против родной земли и родного брата».

В таком положении находились Литва и Юго-Западная Русь, когда в 1434 году умер король Ягайло. Поляки возвели на престол сына его Владислава, не без смут, впрочем, и сопротивления со стороны некоторых вельмож.

Но перемена, совершившаяся в Польше, не изменила положения Литвы и Руси; здесь по-прежнему шла борьба между Сигизмундом и Свидригайлом, по-прежнему последний не хотел отказываться от прав своих на Литву и по-прежнему был несчастлив на войне: войска его потерпели сильное поражение под Вилькомиром. Но Сигизмунд недолго наслаждался своим торжеством: двое братьев, русские князья Иван и Александр Чарторыйские, составили заговор, вследствие которого Сигизмунд лишился жизни. По убийству Сигизмунда литовские вельможи разделились: одни хотели видеть великим князем Владислава Ягайловича, короля Польского; другие, возвеличенные Сигизмундом, держались сына его Михаила; третьи, наконец, хотели Свидригайла.

В 1444 году Владислав, король Польский и Венгерский, пал в битве с турками при Варне, и это событие имело важное значение в судьбах Литвы и Руси; оно снова затягивало связь их с Польшей, потому что бездетному Владиславу должен был наследовать брат его, 18-летний Казимир литовский. Затруднительно было положение Казимира между притязаниями поляков на литовские владения и стремлениями литовцев удержать свою самостоятельность относительно Польши; иногда дело доходило до явного разрыва, и больших усилий стоило Казимиру отворотить кровопролитие.

Литва не мешала московскому князю утверждать единовластие на северо-востоке по смерти Шемяки; мешали тому татары: в 1449 году отряд их внезапно явился на берегах реки Похры и много зла наделал христианам, «сек и в полон вел». Великого князя обвинили в том, что он любит татар, кормит их, принимает в службу; в настоящем случае поведение Василия получило полное оправдание, потому что против грабителей выступил татарский же царевич Касим из Звенигорода, разбил их, отнял добычу, прогнал в степь.

Но в 1451 году дело было значительнее: великому князю дали весть, что идет на него из-за Волги царевич Мазовша. Татары переправились через Оку и без остановки устремились к Москве и подошли к ней 2 июля. В один час зажжены были все посады, время было сухое, и пламя обняло город со всех сторон, церкви загорелись, и от дыма нельзя было ничего видеть; несмотря на то, осажденные отбили приступ у всех ворот.

Когда посады сгорели, то москвичам стало легче от огня и дыма, и они начали выходить из города и биться с татарами; в сумерки неприятель отступил, а граждане стали готовить пушки и всякое другое оружие, чтобы отбивать на другой день приступы. Но при восходе солнца ни одного татарина уже не было под городом: в ночь все убежали, покинув тяжелые товары, медь, железо.

В 1459 году новый приход татар к берегам Оки: на этот раз отбил их старший сын великого князя Иоанн Васильевич. На следующий год хан Большой Орды Ахмат приходил со всей силой под Переяславль-Рязанский в августе, стоял

шесть дней под городом и принужден был отступить с уроном и стыдом. Это было последнее нападение из Большой Орды в княжение Василия; с Казанью был нарушен мир в 1461 году; великий князь собрался идти на нее войной, но во Владимире явились к нему послы казанские и заключили мир.

Новгородцы, или, лучше сказать, новгородские подданные, воевали со шведами и норвежцами не на берегах Невы и Ладожского озера, но в отдаленном Заволочье, на берегах Белого моря: в 1445 году кореляне заволочские напали на норвежские владения, перебили и попленили жителей и возвратились здоровы домой. Как видно, чтобы отомстить за это нападение, в следующем году шведы и норвежцы пришли неожиданно в Двинскую губу, на посад Ненокса, повоевали, пожгли, людей перебили и в плен повели. Услышав об этом, двиняне собрались скоро, напали на неприятеля, убили у него троих воевод, взяли в плен сорок человек и прислали их в Новгород; только немногим удалось поместиться в корабли и уйти в море.

Зимой новгородцы пошли в Немецкую землю, за Нарову, пожгли и попленили все около Ругодива (Нарвы), по берегам Наровы до Чудского озера. За это магистр ордена приходил со всеми своими силами под город Яму, бил его пушками и стоял пять дней, пожег и попленил по Вотской земле, по Ижоре и Неве, но города взять не мог и с уроном должен был возвратиться домой.

Под 1448 годом псковский летописец говорит о походе новгородцев с князем Александром Васильевичем Чарторыйским против ливонских и тевтонских рыцарей и короля Шведского: новгородцы стали на Нарове и бились через реку с немцами; Бог помог новгородцам, они побили много врагов; добычи было взято много русскими. В то же время отряд немецкий потерпел поражение под Ямой от новгородцев, бывших под начальством князя Василия Васильевича суздальского. Это был последний поход на немцев в княжение Василия Темного.

В 1462 году Василий разболелся «сухотною болестию» и велел пользоваться себя обыкновенным тогда в этой болезни лекарством — зажигать на разных частях тела трут по нескольку раз. Но лекарство не помогло, раны загнили и больному стало очень тяжело. Он захотел постричься в монахи, но другие не согласились на это, и 27 марта, в субботу, на четвертой неделе Великого поста, Василий скончался.

Желая узаконить новый порядок престолонаследия и отнять у враждебных князей всякий предлог к смуте, Василий еще при жизни своей назвал старшего сына Иоанна великим князем, объявил его соправителем; все грамоты писались от имени двух великих князей. Василий Темный не только благословил старшего сына отчиной, великим княжением, но считал великое княжение Владимирское неразрывно соединенным с Московским, вследствие чего Владимир и другие города этого княжества смешал с городами московскими.

Старший получил городов гораздо больше, чем все остальные братья вместе, не говоря уже о значении городов и величине областей; замечательно, что все уделы младших братьев назначены на севере и западе, отчасти юге, тогда как весь восток сплошь составляет участок старшего, великого, князя; замечательно также, что в уделы младшим отданы те волости, которые и прежде были уделами, область же великого княжения Владимирского и примыслы — Нижний, Суздаль и Муром — без раздела переходят к старшему брату, которому даны были все материальные средства держать младших под своей рукой.



ГЛАВА 24

Причины усиления Московского княжества. — Перемены в отношениях между старшим и младшими князьями. — Положение женщины в роде княжеском. — Титулы княжеские. — Печати. — Посажение на стол. — Отношение к татарам. — Финансы. — Богатство князей. — Положение дружины. — Войско. — Характер войны. — Города. — Сельское народонаселение. — Казаки. — Бедствия политические и физические. — Торговля. — Деньги. — Искусство, ремесла. — Церковь. — Законодательные памятники. — Обычаи. — Литература. — Летописи. — Общий ход русской истории до образования Московского государства.

Москва восторжествовала и, не имея более соперников, стала собирать Русскую землю. Изложив ход событий, вследствие которого княжество Московское усилилось за счет всех остальных княжеств и собрало около себя Русскую землю на севере, мы должны обратить внимание на некоторые обстоятельства, благоприятствовавшие усилению Москвы.

Здесь, разумеется, прежде всего мы должны обсудить географическое положение Москвы и ее области. Когда Южная Русь потеряла свое значение, княжества обессилели от усобиц, размельчения волостей и особенно от татарского погрома, после которого не было здесь более безопасности, то должно было усилиться переселение народа с юга на север, в места более безопасные. И первым пограничным княжеством было Московское.

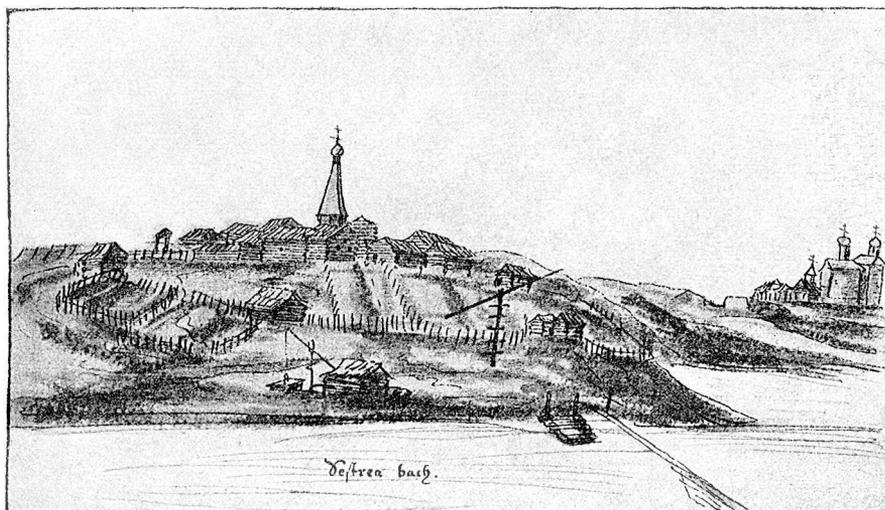
Увеличение народонаселения в княжестве вместе с его продолжительной безопасностью увеличивало княжеские доходы, и отсюда объясняется, почему уже Калита был так богат, что мог покупать целые княжества, как Белоозеро, Углич и Галич. Но что же заставило князей Белозерского и Галицкого продать свои волости Калите? По всей вероятности, невозможность платить ордынские выходы.

Обилие в деньгах не только позволяло московским князьям увеличивать свои владения внутри и удерживать за собой великокняжеское достоинство, задаривая хана и вельмож его; оно давало им еще новое средство увеличивать народонаселение своих волостей, скупая пленных в Орде и поселяя их у себя. Так произошел особенный класс народонаселения — *ордынцы*, о которых часто упоминается в княжеских завещаниях и договорах; не говорим уже о том, что обилие в деньгах позволяло московским князьям давать переселенцам большие льготы, чем какие они могли получить в других областях, от других, менее богатых князей.

Важно было положение Москвы в середине, на границе между Северной и Южной Русью, в политическом отношении; важно было посредничество ее речной области между юго-востоком и северо-западом в отношении торговом; думаем, что срединность положения ее между Северной и Южной Русью имела немалое значение и в отношении церковном. Всероссийские митрополиты, пребывавшие на юге, в Киеве, после того как этот город потерял значение, перешедшее на север, и после погрома татарского должны были обратить особенное внимание на Русь Северо-Восточную, куда, видимо, перенеслась главная сцена действия русского православного мира.

Границы Московского княжества при кончине Иоанна Калиты не совпадали даже с границами нынешней Московской губернии, ибо для этого недоставало ему Дмитрова, Клина, Волока-Ламского; потом захватывали некоторую часть Тульской и Калужской губерний. Но при кончине праправнука Калиты, Василия Темного, московские владения последнего не только обнимают всю нынешнюю Московскую губернию (кроме Клина), но простираются по губерниям Калужской, Тульской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Посмотрим теперь, как определялись обязанности удельных князей к великому в их договорах друг с другом. В договоре сыновей Калиты младшие братья называют старшего «господином князем великим», клянутся быть заодно до смерти, брата старшего иметь и чтить вместо отца. «Кто будет, — говорят они, — брату нашему старшему недруг, тот и нам недруг, а кто будет ему друг, тот и нам друг». Ни старший без младших, ни младшие без старшего не заключают ни с кем договора. Старший обязан не отнимать у младших волостей, полученных ими от отца: «Того под ними блюсти, а не обидети». Когда кто-нибудь из младших умрет, то старший обязан заботиться (печаловаться) об оставшемся после умершего семействе, не обижать его, не отнимать волостей, полученных в наследство от отца; не отнимать также примыслов и прикупов. Если старший сядет на коня (выступит в поход), то и младшие обязаны также садиться на коней; если старший сам не сядет на коня, а пошлет в поход одних младших, то они должны идти без послушания.



Клин.

Рисунок из альбома барона Августина Мейерберга
«Виды и бытовые картины России XVII в.». 1661—1662 гг.

При обзоре распределения волостей княжеских мы видели, какую важную долю из них князь давали обыкновенно своим женам. Этому богатому наделению соответствовало и сильное нравственное и политическое влияние, какое уступалось им по духовным завещаниям мужей. Донской, например, приказывает детей своих княгине: «А вы, дети мои, — говорит он, — живите заодно, а матери своей слушайтесь во всем. Если кто из сыновей моих умрет, то княгиня моя поделит его уделом остальных сыновей моих: кому что даст, то тому и есть, а дети мои из ее воли не выйдут. Даст мне Бог сына, и княгиня моя поделит его, взяв по части у больших его братьев. А приказал я своих детей своей княгине; а вы, дети мои, слушайтесь своей матери во всем, из ее воли не выступайте ни в чем. А который сын мой не станет слушаться своей матери, на том не будет моего благословения».

Договор великого князя Василия Дмитриевича с братьями начинается так: «По слову и благословию матери нашей Авдотьи». В договор с братом Юрием Василий вносит следующее условие: «А мать свою нам держать в матерстве и в чести». Сыну Василий Дмитриевич наказывает держать «мать в чести и матерстве, как Бог рекл»; в другом завещании обязывает сына почитать мать точно так же, как почитал отца. Князь Владимир Андреевич серпуховской дает своей жене право судить окончательно споры между сыновьями, приказывает последним чтить и слушаться матери. То же самое приказывает сыновьям и Василий Темный.

Мы видели, что волости, оставляемые княгиням, разделялись на такие, которыми они не имели права располагать в своих завещаниях, и на такие, которыми могли распорядиться произвольно; последние назывались *опричинами*.

Но кроме того, в Московском княжестве были такие волости, которые постоянно находились во владении княгинь, назначались на их содержание; эти волости назывались *княгининскими пошлыми*. Во всех этих волостях княгиня была полной владельницей.

Мы видели, что и прежде некоторые князья назывались великими князьями всея Руси, как, например, Мономах, Юрий Долгорукий; в описываемое время из официальных

памятников видим, что уже Иоанн Калита именуется великим князем всея Руси и потом все его преемники. Из прежних названий княжеских встречаем *господин*; вновь являются *господарь* и *государь*. Что касается происхождения первого слова, то оно одинаково с происхождением слова князь: *оснода* означает семью, *осподарь* — начальника семьи, отца семейства. Нужно заметить также, что первое название употребительнее на юге, второе — на севере.

Что значение слова *господарь* или *государь* было гораздо важнее значения прежнего *господин*, свидетельствует упорное сопротивление новгородцев ввести его в употребление вместо «господин».

Для великих князей встречаем названия великого государя земского, великого государя Русского, великого господаря, самодержца. Самый полный титул великого князя Московского для внешних сношений встречаем в договорной грамоте его с Казимиром, королем Польским: «По Божьей воли и по нашей любви, Божьей милостью, се яз князь великий Василий Васильевич, московский и новгородский, и ростовский, и пермский, и иных».

При подлинных грамотах княжеских, дошедших до нас от описываемого времени, можно видеть печати князей с различными изображениями и надписями. На печати Иоанна Даниловича Калиты с одной стороны находится изображение Иисуса Христа, на другой — св. Иоанна; вокруг надпись: «Печать великого князя Ивана». У Симеона Гордого на одной стороне печати — изображение святого Симона, на другой — надпись: «Печать князя великого Семеновна всея Руси». У брата его, Иоанна II, на одной стороне печати — изображение святого Иоанна с надписью «Агиос Иоанн», на другой: «Печать князя великого Ивана Ивановича». У Дмитрия Донского на одной стороне печати — изображение св. Дмитрия, на другой надпись: «Печать князя великого Дмитрия»; но на другой печати того же князя встречаем надпись с прибавлением: *всея Руси*. У Василия Дмитриевича несколько печатей: на одной — изображение св. Василия Кесарийского и надпись: «Печать князя великого Васильева Дмитриевича всея Руси»; на другой — изо-

бражение всадника с копьем, обращенным острием книзу; третья печать имеет изображение всадника с поднятым мечом, и разные другие.

Мы видим, что по прошествии известного времени Россия освободилась от татарских численников и сами князья стали собирать дань со своих волостей и доставлять в Орду. После того как поголовное перечисление больше не возобновлялось, то количество *выхода*, разумеется, стало зависеть от соглашений великих князей с ханами. Кроме выхода, или дани, были еще другого рода издержки на татар, ордынские тягости и *проторы*. Таков был *ям* — обязанность доставлять подводы татарским чиновникам, содержание татарского посла и его многочисленной хищной свиты; наконец, поездки князей в Орду, где должно было одарить хана, жен его, вельмож и всех сколько-нибудь значительных людей. Неудивительно, что у князей иногда недоставало денег и они должны были занимать их в Орде, у тамошних *бесерменских* купцов, а чтобы заплатить потом последним, занимать у своих русских купцов; отсюда долги княжеские разделяются в их договорах на долг *бесерменский* и русский.

Дань шла в княжескую казну тогда только, когда не было запросов из Орды, то есть когда считали возможным не удовлетворять этим запросам; постоянные же доходы княжеские состояли по-прежнему в пошлинах торговых, судных и доходов с земельной частной собственности.

Кроме означенных пошлин в источниках упоминаются еще: гостинное, весчее, пудовое, пошлина с серебряного литья, резанка, шестьдесят, побережное, пятно (пошлина с положения клейма на лошадей), пошлины с соляных варниц (противень, плоски), сторожевое, медовое, езовое (пошлина с рыбных промыслов), закось, или закосная пошлина, поватажное, портное. Из судных пошлин встречаются: вина, поличное, безадщина, татин рубль, пересуд и проч. Наконец, упоминается пошлина с браков, или так называемая повоженная куница.

В описываемое время не встречаем упоминания о двух отраслях княжеских доходов, которые под именем *полюдь* и *погородья* можно увидеть в известной грамоте князя Ростислава смоленского. Встречаются известия об *оброче*, который должны были платить поселенные на землях люди два раза в год, весной и осенью, на весенний и осенний Юрьев день.

Одной из важнейших статей дохода было пчеловодство и варка меда; об этой статье князья постоянно говорят в своих договорах и завещаниях. Потом упоминаются княжеские соляные варницы: в области Галицкой, так называемая Соль, в Нерехте, подле Юрьева упоминается Великая Соль, в Ростове — Ростовская Соль; на Городце Волжском князья имели также соляные варницы¹.

Одной из важнейших отраслей звероловства была ловля бобров, для которой у князей был особый разряд служителей (бобровники); что бобры водились тогда даже поблизо-

сти Москвы, свидетельствует завещание князя Владимира Андреевича, который отказывает старшему сыну «бобровников в станах московских».

Князья посылали толпы своих промышленников, *ватаги*, к Белому морю и Северному океану, в страну Терскую и Печерскую за рыбой, зверем и птицей. Например, из грамоты великого князя Андрея Александровича узнаем, что уже тогда три ватаги великокняжеские ходили на море со своим *ватамманом* (ватагаманом, атаманом); Калита дает жалованную грамоту печерским сокольникам.

В завещаниях и договорах княжеских упоминается о *конюшем пути*, о праве ставить и кормить своих коней; Иоанн Калита завещал одно свое *стадце* сыну Семену, другое — Ивану, а остальными приказал поделить сыновьям и жене по ровну. Симеон Гордый завещал своей жене 50 коней ездовых и два стада. Иоанн II отказал своим сыновьям пополам стада свои коневые, жеребцов и кобылиц; Донской разделил стада между сыновьями и женой. Владимир Андреевич серпуховский отказал жене стадо седельное — коней, лошаков и жеребцов, а также кобылье стадо.

Наконец, доходной статьей для князей являются сады, к которым причислено было известное число садовников.

Мы видели, что князья пользовались остатками своих доходов для приобретения недвижимого имущества; о движимости их можно иметь довольно полное понятие из духовных завещаний. Иоанн Калита, например, оставил после себя двенадцать цепей золотых, три пояса золотых, пояс большой с жемчугом и камнями, пояс сердоничный, окованный золотом, пояс золотой фряжский с жемчугом и камнями, пояс золотой с крюком на червчатом шелку, пояс золотой царевский; две чаши золотые с жемчугом, два овкача золотых, две чашки круглые золотые, две чары золотые; блюдце золотое с жемчугом и камнями, десять блюд серебряных, два чума золотых больших, два чумка золотых поменьше, коробочку золотую.

Кроме того, Калита упоминает еще о золоте, которое он *придобыл*, и о серебряных сосудах. Из дорогого платья князь оставил детям: кожух червленый жемчужный, кожух желтый обьяринный с жемчугом, два кожуха с аламами и с жемчугом, коц великую с бармами, бугай соболий с напечками, с жемчугом и камнем, скорлатное портище, саженое с бармами, шапку золотую.

А уже Василий Димитриевич оставил своему сыну: страсти большие, крест патриарха Филофея, икону Парамшина дела, цепь кресчатую, шапку золотую, бармы, три пояса, коробку сердоничную, ковш золотой князя Симеона Гордого, сосуд, окованный золотом, каменный сосуд, присланный в подарок от Витовта, кубок хрустальный, присланный в подарок от польского короля.

А великий князь Василий Васильевич Темный оставил пять крестов золотых: один из них Петра чудотворца, другой Парамшинский, третий патриарха Филофея; икону золотую и на изумруде, шапку, бармы, сердоликовую коробку и два пояса.

Из этого перечисления мы видим, что движимое имущество великих князей Московских вовсе не увеличивается после Калиты, напротив, уменьшается. Такое оскудение мы должны приписать, во-первых, разделению между сыновьями и передаче вещей дочерям; потом желанию князей увеличивать более недвижимую собственность, чем движимую; Тохтамышеву нашествию и большим издержкам в Орде после этого нашествия; большим издержкам в Орде при Василии Димитриевиче для приобретения ярлыков на Нижний

¹ Подробности о солеварении находим в жалованной грамоте великой княгини Марии Ярославовны Чухломскому Покровскому монастырю: «Что их варница монастырская у Соли с Супленскою варницею, и кто у них будет заказчик монастырской, и он в той варнице варит на монастырь, как и на меня, на великую княгиню, варят в моей варнице, без череду и без стоялниц. Да что тут же у них Соли монастырская же их полварницы, на великом колодызе, да и в иных варницах три четвертины, ино не надобе с них ни противень, ни плоскы, ни тамга, ни домытницы, ни иные им никоторые пошлины не надобе, ни явлене, а волости мои Усольские, и их тиуни и доводчики, у игуменовых варниц дров не емлют». (Примеч. автора.)